

ИГОРЬ СИМБИРЦЕВ

СПЕЦСЛУЖБЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СССР

1923–1939

НА ПУТИ
К БОЛЬШОМУ ТЕРРОРУ

ИГОРЬ СИМБИРЦЕВ

**СПЕЦСЛУЖБЫ
ПЕРВЫХ ЛЕТ
СССР
1923–1939**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Симбирцев Игорь

С37 Спецслужбы первых лет СССР. 1923—1939. — М.:
ЗАО Центрполиграф, 2008. — 381 с.

ISBN 978-5-9524-3838-5

В своей книге Игорь Симбирцев прослеживает историю советских спецслужб периода, который уложился между двумя войнами: Гражданской и Великой Отечественной. Автор открывает малоизвестные детали нашедших операций этого времени, обнажая механизм «создания» новых антисоветских организаций: «Синдикат-2», «Трест» и т. д. Описывает репрессии ГПУ против православной церкви и вереницу странных, овеянных слухами смертей — Ленина, Фрунзе, Котовского, Аллилуевой, Крупской и многих других известных людей. Тридцатые годы в истории ГПУ, а затем и НКВД СССР поделили страну на еще относительно «мирные» 1930—1936 годы и наступившее вслед за ними время больших репрессий 1937—1939 годов.

ББК 63.3(2)6-4

© И. Симбирцев, 2008
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2008
© ЗАО «Центрполиграф», 2008

ISBN 978-5-9524-3838-5

**СПЕЦСЛУЖБЫ
ПЕРВЫХ ЛЕТ**

СССР

1923–1939

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ СССР И СИСТЕМА ЕГО СПЕЦСЛУЖБ

В 1923 году в мире появилось новое и невиданное ранее государство под названием СССР — Союз Советских Социалистических Республик, хотя официально о его создании было объявлено уже под Новый год — 30 декабря 1922 года. Он пришел на смену существовавшей в революционное лихолетье Советской России как новый проект Ленина, как временное государство мирного периода, раз уж мировая революция немедленно не случилась, а экспортировать социализм в Европу тоже не удалось.

Мирный период виделся как временный, как некая уступка сложившимся условиям, как отход от многих прежних ленинских принципов, включая военный коммунизм, насильственную продрозверстку и ту же мировую революцию. Это уже затем при полном переходе власти в руки Сталина большевики были вынуждены признать, что им придется пока строить социализм только внутри захваченной их властью России во враждебном окружении. А тех, кто вслед за Троцким не принял этой реальности из уст Сталина и по-прежнему настаивал на продолжении перманентной революции, начали преследовать как крамольников.

Весь период довоенной жизни советских органов разведки и госбезопасности в СССР можно назвать скорее межвоенным, поскольку в 1923—1940 годах он уложился ровно между двумя великими катаклизмами: Первой мировой, перешедшей у нас в России в кровавую Гражданскую войну, и Второй мировой, в самом Советском Союзе получившей название Великой Отечественной.

Весь этот межвоенный период от создания ГПУ до объединения его с НКВД связан с поколением первой чекистской гвардии старых ленинцев и дзержинцев. Кроме продолжения дзержинского поколения первых чекистов в ГПУ—НКВД, кроме того, что это межвоенное время можно назвать эпохой раннего правления Сталина в СССР, этот период в жизни советских спецслужб с 1923 по 1940 год четко отсечен от других и тем, что главным их врагом на тот момент были белые эмигранты и традиционные антисоветские партии, сложившиеся еще в годы революции и продолжавшие бороться с СССР в эмиграции. Это определяющий фактор в направлении работы ГПУ и НКВД в 20—30-х годах — главный враг в лице разномастной собственной эмиграции и антисоветского подполья внутри СССР, борьбе с которым посвящали едва ли не больше времени, чем противостоянию спецслужбам иностранных государств. В свое время такой подход к вопросу госбезопасности и разведки был присущ первым спецслужбам Российской империи при Романовых, особенно на стыке XIX и XX веков в наибольший пик революционного подъема. После 1940 года ситуация для советских спецслужб изменится, и никогда больше антиэмигрантская борьба не будет превалировать над чистым противостоянием в мире шпионажа с иностранными спецслужбами.

Еще один объединяющий штрих — это «коминтерновская» эпоха развития СССР, как раз к 1940 году начавшая сходиться на нет. Формально «жизнь» уникальной структуры с названием «Коммунистический интернационал» датируется от рождения до смерти 1919—1943 годами. Но до создания в 1923 году СССР сам Коминтерн еще переживал период колыбельного детства и не успел встать на ноги, а после 1940 года тянул свою жизнь практически «на инъекциях» и по привычке, затухая, как в агонии, до своей окончательной ликвидации в разгар Второй мировой войны. 20-е и 30-е годы стали периодом наибольшей активности Коминтерна и его штаба в советской Москве, когда он сыграл большую роль в жизни советских спецслужб этого периода и сам временами почти претендовал на статус отдельной разведывательной спецслужбы.

Жизнь и работа этих спецслужб раннего СССР в 1923—1940 годах (ГПУ, НКВД, Разведупра при Генштабе Красной ар-

мии) четко уместилась между двумя большими и кровавыми страницами нашей истории. Она стартовала на излете «красного террора» и Гражданской войны созданием ГПУ в 1922 году и закончилась сталинским Большим террором конца 30-х годов. Большинство деятелей этого чекистского поколения начало свою карьеру именно с отстрела в «красный террор» тех, кого они считали врагами революции и помехой сначала в организации мировой революции вселенского масштаба, а затем в построении нового общества в отдельно взятой Советской России. И большинство этих же людей в Большой террор было отстреляно своими же вчерашними соратниками и теми, кто пришел на их место. Так через двадцать лет для них замкнулся этот кровавый круг от одной бойни до другой, причем вторая для многих стала горьким похмельем и расплатой судьбы за активную пляску на пиру первой.

Само ГПУ (Государственное политическое управление) создано в феврале 1922 года вместо ВЧК, когда ленинским Политбюро утверждено «Положение о ГПУ». Тогда же разработана его структура и утвержден руководящий состав. Во главе ГПУ оставался поначалу первый руководитель советской ВЧК Феликс Дзержинский, хотя он уже совмещал работу во главе госбезопасности с массой других государственных постов, все больше сил и внимания уделяя порученному ему делу руководства советским народным хозяйством на посту председателя ВСНХ. На Лубянке же все больше рычаги власти оказывались в руках его первых заместителей в ГПУ Менжинского и Ягоды. Летом 1926 года он ушел из жизни, окончательно расчистив путь к утверждению во главе ГПУ своего наследника Вячеслава Менжинского, но с ним судьба и здоровье через несколько лет сыграли такую же злую шутку. До 1930 года Менжинский с перерывами на лечение еще отчасти руководил ГПУ, но в последние годы своей жизни, до кончины в 1934 году, уже только номинально числился главой этой структуры, а всем практически руководил его первый заместитель Генрих Ягода, многими уже и во власти воспринимаемый как полноценный начальник на Лубянке.

ГПУ в 1922 году создавали как орган при Наркомате внутренних дел — НКВД, но уже с созданием Советского Союза

опять вывели из подчинения ведомства внутренних дел по примеру прежней ВЧК, снова подчинив напрямую главе государства. С созданием СССР в названии к ГПУ появилось дополнение «Объединенное», в официальных документах конца 20-х годов его часто именуют ОГПУ СССР. Но в целом эту спецслужбу до ее реорганизации продолжали именовать просто ГПУ, а ее сотрудников — по старой памяти «чекистами», поскольку неказистое слово «гэпэушник» в русском языке так и не прижилось.

В первые годы существования ГПУ оно прошло ряд преобразований. Поначалу по сравнению с прежней всесильной ВЧК у него отобрали часть функций и полномочий, по крайней мере на бумаге превратив в подобие обычной спецслужбы большого государства, хотя в реальности особый характер Советского Союза накладывал печать непохожести на коллег из других государств и на его службу госбезопасности. Вот спокойно и без особых реформ просуществовав почти до начала Второй мировой войны под началом одного руководителя Яна Берзина, Разведупр действительно все больше напоминал типичную военную разведку иных государств.

Структура ГПУ, как и кадровый состав, отчасти была заимствована у прошлой ВЧК времен Гражданской войны. Во главе, наряду с председателем этой спецслужбы, стояла коллегия ГПУ, куда входили заместители начальника и руководители самых важных отделов. На местах работали областные отделы ГПУ и республиканские ГПУ в союзных республиках СССР, районных (уездных) отделов ГПУ, как это было в годы Гражданской войны в ЧК, с 1923 года в Советском Союзе уже не было. Отчасти и из-за урезания функций ГПУ, в котором было решено оставить только вопросы внешней разведки, контрразведки, госбезопасности и охраны государственных мужей, тогда как присущие ранее ЧК вопросы работы по части уголовных преступлений или по спекуляции были полностью переданы в Наркомат внутренних дел. Одним из первых приказов начальника ГПУ Дзержинского по новой спецслужбе от 10 марта 1922 года было указание сосредоточить все силы на вопросах государственной безопасности, на работе по ликвидации антибольшевистских партий, по антисоветской эмиграции, на усилении безопасности на

транспорте и контроле за находящимися на территории СССР иностранными гражданами.

В отличие от ВЧК ГПУ уже ближе к облику стандартной спецслужбы. В нем уже своя чекистская форма, знаки различия и четкая иерархия в его рядах, а в снабжении и финансировании сотрудники ГПУ с 1922 года приравнены к командному составу Красной армии. С 1923 года в только что созданном СССР председатель ГПУ в обязательном порядке входил в состав советского правительства — Совнаркома на правах отдельного наркома (министра) с теми же министерскими правами. На самом деле прав и полномочий у главы ГПУ было побольше, чем у иного наркома. Во всяком случае, Дзержинского, Менжинского и Ягоду в стране знают люди даже не самые подкованные в нашей истории, а вот кто в это время возглавлял Наркомат внутренних дел или Наркомат связи — ответить смогут уже явно не все из них.

Главными отделами в ГПУ стали три составляющие с 1922 года. Это Секретно-политическое управление под началом Менжинского (с уходом его на пост председателя ГПУ эту должность занял Агранов), Экономическое управление во главе с Канцнельсоном (позднее его сменил Прокофьев) и управление войск ГПУ под началом Воронцова. Отдельное и изолированное положение в ГПУ занимал Иностранный отдел (ИНО ГПУ) для внешней разведки, которым руководил до конца 20-х годов Трилиссер, а затем Артузов. До перехода на должность главы внешней разведки в ГПУ Артур Артузов руководил другим важнейшим отделом контрразведки — КРО ГПУ. Спецотдел по контролю за чистотой рядов в партии большевиков и по работе с оперативной техникой тоже занимал особое положение внутри ГПУ, им все 20—30-е годы, вплоть до своего ареста в 1937 году, руководил Глеб Бокий. Отделом охраны важнейших руководителей страны поначалу руководил создавший отдел охраны Ленина еще в ВЧК чекист Беленький, но в ГПУ его позднее сменил Шанин, а в начале 30-х годов — Паукер, одновременно бывший начальником Оперативного отдела. Юридическим отделом ГПУ руководил Фельдман, одновременно возглавлявший курсы подготовки кадров при ГПУ. Наконец, важным Особым отделом по военной контрразвед-

ке в рядах Красной армии руководил сам Генрих Ягода, а после его перехода в первые заместители председателя ГПУ в 1924 году на его место назначен Ольский. Транспортным отделом командовал поставленный на этот пост еще Дзержинским в ВЧК Благоданов. Почти все эти руководители ГПУ 20-х годов и члены коллегии ГПУ занимали высокие посты и в ВЧК времен 1918—1922 годов, и почти все они перебиты после 1936 года в Большой террор.

Чуть позднее, в 1929 году, в ГПУ прошла небольшая реорганизация, когда Ягода в роли первого заместителя председателя ГПУ окончательно укрепился в ранге неформального главы этой спецслужбы при уже больном Менжинском, а вторым заместителем назначен переведенный из руководителей Ленинградского ГПУ Станислав Мессинг. Другой заместитель Менжинского и одновременно начальник разведки ИНО ГПУ Трилиссер в это время из-за конфликта с Ягодой и вообще из-за своих непримиримых троцкистских высказываний покинул все чекистские посты и ушел на другую работу, именно вместо него переведен из Ленинграда Мессинг. Тогда же в ГПУ впервые создано отдельное управление исправительно-трудовых лагерей во главе с Эйхмансом, из которого позднее разрастется по стране страшными метастазами ГУЛАГ.

А в 1931 году после большого скандала в верхушке ГПУ вокруг дела царских офицеров в РККА (дело «Весна») и изгнания из рядов ГПУ ряда руководителей из видных дзержинцев эту спецслужбу вновь потрясли перемены. Мессинг в числе главных бунтарей был убран из заместителей председателя, а в компании с Ягодой замами на Лубянке оказались Акулов и Балицкий. Но окончательно утвердившийся в качестве негласного шефа Лубянки Генрих Ягода вскоре «подвинул» обоих назначенцев власти, вытеснив Акулова из ГПУ вообще в прокуратуру, а Балицкого — на его прежнее место главы Украинского ГПУ. Взамен в заместителях оказались близкие к Ягоде чекисты Прокофьев и Агранов. После 1933 года «команда Ягоды» занимала в ГПУ все ключевые посты: Буланов — секретариат коллегии ГПУ, Гай — Особый отдел, Артузов — ИНО ГПУ, Молчанов — Секретно-политический отдел, Миронов — Экономический отдел, Бокий — Спецотдел, Кишкин — Транспорт-

ный отдел, Благодоров — Отдел шоссейных дорог, Берман — управление лагерей, Фриновский — войска ГПУ и пограничные войска, Паукер — Оперативный отдел и правительственную охрану. В таком составе ГПУ встретило переломный для него 1934 год, когда сначала умер Менжинский, а летом того же года ГПУ слито с ведомством внутренних дел в одну большую спецслужбу — Наркомат внутренних дел (НКВД) СССР.

Внутри единого НКВД в 1934—1940 годах непосредственно госбезопасностью и разведкой занималось его Главное управление госбезопасности (ГУГБ НКВД), куда в большей степени уместили за некоторыми исключениями бывшее ГПУ и чей начальник с 1934 года был первым заместителем наркома НКВД. Другие управления НКВД (Рабоче-крестьянской милиции, Пожарное, командования войсками НКВД, ГУЛАГ — управление лагерей и т. д.) занимались в этой спецслужбе своими прежними обязанностями, их сотрудников часто даже не именовали «чекистами», хотя формально все они теперь тоже работали в одной большой спецслужбе с чистыми чекистами из ГУГБ. Из прежнего ГПУ в новом едином НКВД в отдельное управление кроме ГУЛАГа выделили еще и Управление погранвойск и внутренней охраны (ГУПВО). Вся разведка, контрразведка, госбезопасность, Оперативный отдел и охрана первых лиц государства оставались отделами в ГУГБ НКВД. Важность этой части в НКВД была таковой, что нарком Ягода поначалу проигнорировал даже указание ЦК поставить во главе ГУГБ своего заместителя Агранова, сохраняя руководство ГУГБ за собой, пока его не одернули с верхов власти. Сам Ягода всего два года просидел на возделенном посту наркома этого большого НКВД и походил в пошитом лично для него маршальском мундире генерального комиссара госбезопасности, в 1936 году он убран из НКВД, а в следующем году арестован и вместе со многими людьми из своей команды расстрелян. На его место наркома НКВД на Лубянку пришел Николай Ежов, а во главе ГУГБ оказался Фриновский, после короткого и страшного периода ежовщины отстреляли и их команду.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГПУ

Революция — это кто кому первый голову проломит.

Н.И. Бухарин

Двадцатые годы после окончания Гражданской войны и создания Советского Союза являются особым периодом жизни советских спецслужб. Это, в первую очередь, организационная перестройка спецслужбы из ЧК времен Гражданской и военного коммунизма в полноценный аппарат госбезопасности мощного государства. Это же отчасти касалось и смены приоритетов в работе, на смену массовым расстрелам и действиям в тылах белых армий шла долгая работа по прочесыванию политического поля в молодом СССР, по добиванию антибольшевистской оппозиции, за рубежом же — профессиональная работа разведки против антисоветской эмиграции и иностранных государств. Кроме того, весь этот период сейчас, с высоты прожитых страной лет, кажется для ГПУ во многом экспериментальным и подготовительным, когда чекисты понемногу и дозированными порциями пробовали все то, что в 30-х годах разовьется в большое дерево тотальных репрессий и закончится эпохой Большого террора.

При этом необходимость качественной перестройки работы и освоения новых методов понимали и сами ветераны чекистского фронта. В первую очередь речь шла о переходе на условия работы в мирное время, понимаемом Дзержинским со товарищи как столь же безжалостное подавление любого сопротивления советской власти, но при более четкой и отчасти более бюрократичной системе тотального контроля над обществом. В записке Дзержинского в Совнарком от 18 февраля 1922 года,

как раз в дни создания ГПУ, говорилось: «В предположении, что вековая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем возбужденные элементы народного гнева сметут не только врагов, но и друзей, я стремился провести систематизацию карательного аппарата».

После 1922 года систематизировать этот аппарат, который чекисты первого призыва, как видим, совсем не стеснялись прямо именовать карательным, нужно было еще больше, поскольку сметать кровавыми бессистемными эпизодами вместе с врагами друзей без конца было невозможно, понемногу очередную волну «бессистемных эпизодов» и массовое «сметание друзей» отложили на конец 30-х годов.

Начиная с 1922 года внутри ГПУ идет постоянная подгонка новых методов и шлифовка новой системы работы, пригодной для спецслужбы новой социалистической державы. С этого года раз за разом руководство ГПУ рассылало на места в свои отделения директивы, призывающие все больший упор делать на оперативную деятельность и секретное осведомление, в 20-х годах понемногу ГПУ начинало опутывать страну паутиной тайной агентуры, так пригодившейся затем этой службе в годы сталинского террора.

И никак не могли в этой перестройке системы советской госбезопасности обойти вопрос укрепления своих рядов и усиления дисциплины среди чекистов, местами сильно разболтанной в годы хаоса, тотального террора и всевластия чекистов на местах в условиях войны. Тогда, как мы знаем, если за злоупотребления полномочиями для личной выгоды сотрудника ЧК еще могли примерно наказать, вплоть до расстрела, то наказаний за излишнюю жестокость при «красном терроре» практически не было, на эти злоупотребления смотрели лишь как на издержки яростного борца с контрреволюцией. Зато яростно карали тех, кто чекистский мандат решался использовать для откровенного криминала.

Известно, что первым расстрелянным ЧК в упрощенном порядке без судебной процедуры был налетчик Эболи, осмелившийся при своих бандитских налетах использовать поддельный мандат чекиста — такой дискредитации своей моло-

дой спецслужбы люди Дзержинского простить не смогли. Вместе с Эболи 26 января 1918 года жертвами первого расстрела ЧК в особом порядке стали несколько членов его банды, включая любовницу и соратницу главаря по фамилии Бритт.

И в дальнейшем смычка чекиста любого уровня с чистым криминалом и жажда наживы взамен деятельного участия в революционном терроре считались в ЧК серьезным преступлением и карались очень жестоко. Это можно сказать и о знаменитом питерском налетчике Леньке Пантелееве. Рассказывая о ликвидации его после долгого розыска чекистами, в советской литературе и кинематографе «забывали» упоминать, что поначалу лихой налетчик Пантелеев (настоящая фамилия его Пантелкин) был сотрудником ЧК. Молодого красноармейца Леню Пантелкина после боев за красный Питер с Юденичем взяли на службу сначала в Псковскую, а затем и в Петроградскую ЧК, откуда в 1921 году изгнали за связь с криминалом и за то же самое крышевание торговцев краденым. И здесь началась драматичная история налетчика Леньки Пантелеева по кличке Фартовый, со своей бандой наводившего ужас на Петроград начала 20-х годов, грабя и убивая вошедших тогда во вкус красивой жизни нэпманов.

Банда Пантелеева так разгулялась тогда в бывшей столице и приобрела такую известность даже за ее пределами, что ГПУ с 1922 года вынуждено было создать особую оперативную группу по поиску бывшего коллеги по ВЧК. Эта чекистская группа, правда, не только совместно с сотрудниками уголовного розыска искала неуловимого Леньку, но и взялась контролировать работавшую с ней параллельно бригаду Петроградского УГРО. Так допросами в штабе питерского ГПУ на Гороховой терроризировали начальника милицейской бригады по розыску Пантелеева Павла Барзая, который пришел в угрозыск из царской сыскной полиции и уже за одно это подозревался чекистами в покровительстве «контре», хотя в том же году Барзай во время одной из попыток задержать неуловимого Леньку и его поделельников в центре Петрограда был застрелен бандитами.

Только в 1923 году после серии дерзких налетов и побегов прямо из-под носа искавшей его чекистско-милицейской бригады Ленька Пантелеев попал в засаду этой спецгруппы ГПУ на

квартире у одной из своих любовниц. В перестрелке пуля молодого чекиста Брусько прямо в сердце сразила знаменитого налетчика. Чтобы пресечь слухи об очередном воскресении Фартового, чекисты пошли на оригинальный шаг: отрезанную голову Пантелеева выставили в заспиртованной банке в витрине одного из магазинов на Невском проспекте, так жандармы из царских спецслужб иногда поступали для опознания убитых эсеровских террористов прохожими.

Вся эта история, в которой ГПУ тщательно старалось утаить прошлую принадлежность бандита Пантелеева к своему ведомству, и породила в истории оригинальную версию: что изначально Пантелеев был внедрен ЧК в качестве своего секретного агента в воровской мир Питера, а только потом в операции произошел сбой и чекист стал в качестве дерзкого налетчика играть сам за себя. Уж очень подозрительным выглядел дерзкий побег Ленки в 1922 году после первого ареста прямо из питерского изолятора Кресты, откуда до него никто не сумел бежать, как нестандартна и вообще ситуация с созданием ГПУ спецбригады по розыску именно уголовного бандита.

И в исторической литературе о ЧК времен Гражданской войны, и в мемуарах самих чекистов первого призыва есть много примеров, когда проявившего излишнюю жестокость (что было непросто в общем вале жестокости той ВЧК, нужно было быть ультрафанатиком, безумцем или откровенным садистом) нельзя было дольше держать в рядах ЧК, и этого деятеля либо переводили на другую советскую работу, либо отправляли проявлять свой фанатизм в ряды воюющей Красной армии. В одной из советских книг о шефе советского ГПУ Вячеславе Менжинском (*Барышев М.И. Особые полномочия. М., 1976*) мне встретился пример такого «наказания» обезумевшего деятеля в кожанке, выявлявшего врагов советской власти методом собственного изобретения — «через кухню». Он при обыске сразу врывался на кухню к подозреваемому, и если в кастрюле варилось мясо, то объявлял обреченного «контрой» со всеми печальными для того последствиями, поскольку «наши-то люди на осьмушке хлеба сидят». Интеллигентный Менжинский «кухонного теоретика» не одобрил, места в ЧК для него не видел, пожурил за излишнее рвение и отправил из чекистов в Красную ар-

мию командовать конным эскадроном. После чего рассказал о своем мудром решении Дзержинскому, и тот своего ближайшего помощника одобрил — мол, ЧК этот чудаков мог дискредитировать, а в коннице ему самое место рубить врагов социализма. О том, что подчиненный им маньяк уже явно наворотил за собой много трупов невинных обывателей, вожди ВЧК—ГПУ не говорили.

За перебор в репрессиях в той ЧК сурово не наказывали, даже для изгнания из этой службы нужно было «отличиться» чем-то особо диким. Даже если питерский чекист Яков Меклер получил от своих кличку Мясник за методы работы с арестованными, даже если его сами чекисты начали сторониться — перевели тихо из ГПУ на другую работу, и все. Даже если одного из ближайших приближенных Дзержинского Лациса, добровольного взявшего на себя обязанности самодеятельного пресс-секретаря ВЧК и толкователя политики «красного террора» в прессе, сам Ленин вынужден был одернуть публично и письменно за произнесение «кровожадных нелепостей» (когда Лацис написал в редактируемом им журнале «Красный террор», что не нужно чекистам вообще искать доказательств чьей-то вины, а расстреливать нужно только по классовому принципу) — того лишь отправили руководить ЧК на Украину.

В спецслужбе мирного времени такой подход уже был неприменим, пришлось срочно менять меру ответственности. Поначалу объявили кампанию по борьбе с «партизанщиной» в ГПУ по этому поводу, затем решили, что термин бросает тень на партизан Гражданской, и тогда придумали определение «красный бандитизм» — специально для неуправляемых или слишком фанатичных идейно деятелей в кожанках. Многие видные начальники тогдашнего ГПУ посчитали даже такую мягкую чистку ущемлением прав их родной спецслужбы. Тогдашний один из заместителей Дзержинского в ГПУ Ягода писал, что изгнанные чекисты становятся в среде обывателей «отверженными» за свою прошлую службу и власть сама толкает таких людей в «красный бандитизм». Но такие протесты тогда уже не возымели действия — спецслужбу просто необходимо было чистить от откровенных палачей и радикалов ввиду перехода к мирной жизни и политике НЭПа в стране.

После того как за пределы ГПУ вывели часть особо запятнавших себя в 1918—1921 годах в репрессиях или в неподчинении начальству «вольных альбатросов» из ЧК, серьезно взялись и за оставшихся. Первые же приговоры преступившим грань уже советского закона чекистам из ГПУ в начале и середине 20-х годов показали, что карать за самовольные расстрелы или выпуск за взятку арестованных из ЧК двумя-тремя годами условно или лишением звания чекиста, как это случалось в 1918—1919 годах, больше не будут. Например, уже в 1922 году расстрелян сотрудник ГПУ Зайцев, прослуживший в ЧК всю Гражданскую, за получение взятки для прекращения дела о шпионаже. В том же году только за ложный донос (сколько их было в Гражданскую) сотрудник Казанского ГПУ Иванов также расстрелян во внесудебном порядке, а всего за 1922 год расстреляно по стране более 20 кадровых сотрудников ГПУ. Сотрудник особого отдела ГПУ Шланак из особистов 4-й армии РККА продавал чекистские мандаты и пропуска уголовникам и спекулянтам в Крыму, где эта армия была расквартирована, — его показательно расстреляли, изложив его историю в газете «Красный Крым».

По справке начальника Украинского ГПУ Балицкого видно, что за 1922 год по его приказу отданы под суд и расстреляны 9 подчиненных ему чекистов, вина которых колебалась от элементарных взяток (Самойлов, Володин, Брейтман) и изнасилований арестованных (Гончаров) до таких серьезных обвинений, как выявленная работа на контрразведку белых в годы войны (Прусиновский) или раскрытие в пьяном виде конспиративной квартиры ЧК (Котляров). В следующем, 1923 году за тайные связи с контрреволюционерами впервые в молодой внешней разведке ГПУ расстрелян сотрудник ИНО ГПУ Свистунов. В 1924 году за связь с монархистами расстреляны сотрудник ГПУ Котельников и бывший царский офицер Поливанов, служивший в ГПУ Витебска.

Кроме 20 расстрелянных в рядах ГПУ только за первый 1922 год его существования увеличилось количество и осужденных на различные тюремные сроки. Так в особом, так называемом «внесудебном», порядке ГПУ вынесен приговор в отношении бывших сотрудников Анохина и Данилова, вызвав-

ший тогда вопросы даже у главного советского обвинителя Крыленко — тогда еще заместителя наркома юстиции РСФСР. Только за раскрытие конспиративных методов работы Анохин получил от ГПУ три года тюремного заключения, а его коллега Данилов — год. В итоге приговор своим бывшим сотрудникам ГПУ отстояло. Узнав, что дело арестованного сотрудника ГПУ Бородулькина передано вместо особого совещания ГПУ в обычный народный суд, Дзержинский возмутился и добился через Наркомат юстиции возвращения дела для разбирательства в свою службу.

Само руководство ГПУ становится часто более бескомпромиссно к своим преступившим закон сотрудникам, все реже учитывая даже прошлые заслуги в ЧК, молодость или преданность делу революции. В январе 1923 года лично председатель ГПУ Дзержинский обращается во ВЦИК к Сапронову, когда ВЦИК до нового разбирательства приостановлено дело по бывшим сотрудникам ГПУ Гельфману и Свярковскому, уже осужденным в упрощенном порядке ГПУ к смертной казни. Дзержинский пишет во ВЦИК, что дело ему хорошо известно в деталях и никаких причин для отмены смертного приговора чекистам-отступникам он не видит. Что Гельфман и Свярковский запятнали звание чекиста уголовными преступлениями и прямой изменой советской власти, а «оперуполномоченный Петроградского ГПУ Болеслав Свярковский параллельно с кассационной жалобой на приговор во ВЦИК тайно связывался с членами польской делегации о заступничестве за него, как за поляка, и обмене его на пленных». В годы Гражданской войны руководство ВЧК чаще ходатайствовало перед высшей советской властью о смягчении участи низвергнутого из ЧК товарища.

Позднее пошли в основном расстрелы чекистов только за откровенную измену в виде работы на чужую разведку или тайную связь с антисоветским подпольем либо эмиграцией, сюда же добавим и расстрелянных за связи с оппозиционными фракциями в самой большевистской партии. Так в результате довольно темной истории в 1926 году за связь с белой эмиграцией арестован и расстрелян сотрудник Донецкого ГПУ Варшавский.

Не обошла эта кампания наведения порядка среди чекистов и многих деятелей прошлой ЧК, имевших бесспорные за-

слуги перед революцией и защищавших советскую власть в годы Гражданской войны. По такому делу о «красном бандитизме» в 1922 году в Томске осудили тайную организацию бывших партизан, собиравшихся террором бороться за возвращение истинной революции, убивать бывших офицеров царской армии и чиновников, невзирая на их службу Советам, а заодно и «всяких интеллигентов» и «забюрократившихся членов РКП(б)». Организатором этой группы стал действующий сотрудник Томского ГПУ Маслов.

Строже стало отношение и к не политическим шалостям в чекистских рядах, а к коррупции, бытовому разложению или пьянству. На середину 20-х годов приходится приказ заместителя начальника ГПУ Генриха Ягоды о борьбе с пьянством в рядах ГПУ. По словам Ягоды, ситуация с пьянством среди чекистов становилась заметна уже и партийным верхам, особенно досталось за потакание этому пороку сотрудников главному тогдашнему чекисту по Сибири Павлуновскому: «Пьянство вошло в обычное явление, пьянствуют даже с проститутками, о пьянках нашего аппарата известно уже и в Москве. Непьющего товарища начинают избегать. А отдельные товарищи начинают делиться с женами о секретной работе — в результате едут на Соловки». В результате этой первой антиалкогольной кампании в истории спецслужб нашей страны в ГПУ прошли очередные чистки с арестами. В 1926 году начальник Бийского отдела ГПУ в Сибири Вольфрам за систематическое пьянство и финансовые злоупотребления осужден на три года лагерей.

В Одесском ГПУ обнаружили смычку многих руководителей с сильным здесь блатным миром: за взятки блатарей выпускали из тюрьмы и даже выписывали им поддельные ордера ГПУ на обыск, с которыми налетчики грабили под видом чекистов местных нэпманов. Ряд чекистов под началом командира Одесского угрозыска Левитина в те годы вообще создали банду оборотней в кожанках, заманивая на конспиративные квартиры подпольных дельцов, арестовывая их там и затем за крупное вознаграждение выпуская на свободу. Когда все это было раскрыто, а в Одессу ввиду важности дела даже лично выезжал начальник Украинского ГПУ Балицкий — с должности был снят герой подполья Одессы в Гражданскую войну и замести-

тель начальника Одесского ГПУ Александр Эйнгорн, его отправили для перевоспитания с понижением в ГПУ Ташкента. С началом Большого террора бывшего красного подпольщика и чекиста Эйнгорна родные спецслужбы будут «перевоспитывать» еще и пятнадцатью годами лагерей.

В 1923 году бывший знаменитый пермский чекист Гавриил Мясников, имевший перед советской властью такие «заслуги», как убийства священников и тайная ликвидация великого князя Михаила Романова, только за вхождение в «Рабочую оппозицию» в партии будет сначала выслан из СССР. Затем по личному указанию Дзержинского обманом амнистии он вызван вновь в Москву, арестован и брошен в тюрьму (еще позднее все это для Мясникова закончится смертной казнью). Власть ясно давала понять боевому активу своей спецслужбы, что время лихой самодеятельности, закрытых глаз на шалости самих чекистов, время «красного бандитизма», каких-то пусть даже самых «рабочих» оппозиционных групп в партии ушло в историю вслед за Гражданской войной. А кто этого не понял — никакие заслуги и звание почетного чекиста не спасут от суровой кары. Позднее под каток репрессий уже в Большой террор конца 30-х годов попадет и будет расстрелян и видный партизанин из деятелей «Рабочей оппозиции» Генрих Бруно, в Гражданскую войну занимавший высокие должности в ЧК на фронте.

Сам Дзержинский требовал ужесточить эту кампанию чистки рядов во вновь созданном ГПУ. Он с 1922 года выбил у ЦК партии право для своей спецслужбы судить собственными «тройками» преступивших закон сотрудников ГПУ, мотивируя это требованиями конспиративности работы спецслужбы. Верховную «тройку» в коллегии ГПУ составили Уншлихт, Петерс и Ягода. В 1922 году это еще ближайшие для Дзержинского люди из первой коллегии его ВЧК, но очень скоро на Лубянке из них останется только Ягода, а Петерса с Уншлихтом из ГПУ переведут на другую работу.

Разрешение на осуждение в особом «внесудебном» порядке экс-чекистов самим ГПУ было пролоббировано Дзержинским и получено от ВЦИК уже в марте 1922 года, на первом месяце существования самого ГПУ. В печально известном Соловецком концлагере (СЛОН) для осужденных чекистов создали закры-

тый сектор, где они были изолированы от остальной массы «политических». Судя по записям Дзержинского, он собирался на Урале в городке Нижняя Тура отвести под эти цели некую секретную тюрьму ГПУ, на месте сохранившихся казематов николаевских времен. Позднее в СССР именно в этих уральских краях будет специальная зона в Нижнем Тагиле для осужденных работников КГБ и МВД СССР. Столь же радикально Дзержинский предлагал бороться с уличенными в злоупотреблениях советскими служащими, даже если их проступки не тянули на повод для ареста: «Провинившихся чиновников высылать в особом порядке и колонизировать за счет них отдаленные местности на Печоре или в Туруханском крае».

С этого момента право внесудебных расстрелов для ГПУ по разрешению высшей власти в лице ВЦИК СССР только расширялось, включая кроме самих сотрудников ГПУ все новые категории арестованных, что отмечают многие историки спецслужб: «27 апреля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) решило предоставить ГПУ «право непосредственного расстрела на месте» участников вооруженных ограблений, захваченных при совершении преступлений. 10 августа 1922 года коллегия ГПУ под председательством Дзержинского обсудила вопрос «О суде над сотрудниками органов ГПУ»... Но лишь 28 сентября 1922 года Дзержинский писал Ягоде: «Сегодня принято Политбюро постановление о расширении наших прав, в том числе и право ведения нами следствия и вынесения приговора по должностным преступлениям наших сотрудников. Цель этого права — суровость наказания — должна быть нами разъяснена всем губернским отделам, иначе опасения Крыленко могут оправдаться и это может превратиться в безнаказанность... Хорошо будет, если придете ко мне сегодня на доклад с Воронцовым». Постановление Президиума ВЦИК по этому вопросу состоялось только 16 октября 1922 года... 24 мая 1923 года решением Президиума ЦИК СССР право внесудебных репрессий по ходатайствам ГПУ было расширено и на сотрудников Разведывательного управления штаба РККА и его органов. 17 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР предоставил право внесудебных репрессий Особой комиссии по административным высылкам (высылка и заключение в концлагерь на срок более

трех лет). А с 1 апреля 1924 года во внесудебном порядке органы ОГПУ стали рассматривать дела фальшивомонетчиков. 20 ноября 1924 года по предложению Д.И. Курского, В.Р. Менжинского и Г.Я. Сокольникова Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о расширении прав ОГПУ «в отношении лиц, занимающихся подделками денгеков»... Только за десять месяцев 1923 года суды вынесли 971 приговор к ВМН, трибуналы — 296, всего — 1267, из них они утверждены окончательно только в отношении 487 лиц. За это же время ГПУ были осуждены и расстреляны 604 человека. Крыленко писал Дзержинскому 1 февраля 1924 года, что этот показатель должен быть признан чрезмерно высоким»¹.

В закрытый сектор на Соловках потек ручеек осужденных чекистов с 1922 года, постепенно превращаясь в мощный поток к 1937 году. Соловки словно специально были предначертаны к этому судьбой, если вспомнить, что сам первый руководитель Тайной канцелярии (первой официальной спецслужбы России) граф Петр Толстой после своей опалы в 1727 году был заточен в Соловецкую крепость, где и умер в одиночной камере. Теперь этим маршрутом везли других «репрессированных репрессаторов» из рядов ГПУ. Хотя первые осужденные в начале жизни ГПУ чекисты, как правило, совершили реальные, а не выдуманные преступления против своей спецслужбы или советской власти в целом. Так в Соловецкий концлагерь в 1923 году отправлен по этапу Иван Розанов из Оренбургского управления ГПУ, «дававший вымышленные сведения о существовании контрреволюционной организации». Этот чекист пострадал за то, чем активно пользовались в годы Гражданской войны сотрудники ЧК, — за попытку слепить вымышленную антисоветскую группу. Осуждена на три года на Соловках и машинистка Особого отдела ГПУ Нина Попова «за разглашение информации и методов работы ГПУ». В деле другой изгнанной в 1926 году из чекистских рядов машинистки Пятигорского отдела ГПУ Анны Пономаревой, которую за несовершенством ею служебного преступления хотя бы не посадили, записана почти анекдотическая формулировка: «За абсолютную политнеграмотность и мешан-

¹ Плеханов А.М. Дзержинский — первый чекист России. М., 2007. С. 121—122.

ские взгляды на жизнь, выразившиеся в ношении золотых колец на пальцах рук».

Власть явно наводила порядок в своей спецслужбе ее же собственными руками и методами. В новых условиях в ГПУ уже не было места видениям бывших «романтических лет Гражданской», толпам нетрезвых и возбужденных классово-яростно полуграмотных ребят в кожанках и с маузерами на боках. Неудивительно, что в область преданий ушли и сами заезженные пропагандой кожанки первой ЧК, в ГПУ уже была унифицированная особая форма и знаки различия в петлицах. Политнеграмотная машинистка Пятигорского ГПУ Пономарева, любившая золотые украшения, под кампанию попала заодно, но такие случаи наведения порядка внутри ГПУ в середине 20-х весьма показательны.

Дзержинский в эти годы много внимания лично уделял этой чистке ГПУ от подобной случайной публики, людей ультрареволюционного настроя или с уголовными наклонностями. Он лично контролирует самую большую чистку в ГПУ 1922 года, ответственной за которую назначил руководящую кадровую работу в ГПУ Андрееву. В одной из служебных записок от июля 1922 года он буквально кипит от ярости по поводу того, что «проглядели» некоего сотрудника ГПУ Карпова, обвиненного теперь во взятках, личном обогащении на службе, запугивании соседей по коммуналке чекистским мандатом с револьвером в руках, да еще и в явном антисемитизме: «Товарищ Фельдман, каленым железом надо выжигать из ГПУ таких подлецов. Мера наказания должна быть определена при моем участии. Приговор должен навести ужас на подобных лиц — дабы ушли от нас». Председатель ГПУ весной 1924 года даже не поленился собственноручно написать вопросник для очередной чистки своей службы, где есть в анкете такие вопросы для негласной проверки сотрудников: «Болтлив ли, выпивает ли?», «Ходит ли в увеселительные места?», «Берет ли документы на дом?» и даже «Падок ли к бабам?». От этих собственноручно написанных Дзержинским пунктов вопросника его привычный образ начинает выглядеть чуть по-другому.

В те же первые годы работы ГПУ отдельными процессами и невиданными ранее репрессиями против самих чекистов при-

шлось внедрять идею полного подчинения органов госбезопасности государству и партии. Остатки внутрочекистской изоляции и вольности эпохи кожанок искоренялись серьезным уголовным преследованием не понявших нового подхода чекистов. В мае 1926 года почти десяток сотрудников ГПУ по Владимирской области самого разного уровня были отданы под суд за оперативную разработку без санкции из Москвы секретаря местного обкома партии Асаткина. Пытавшийся заступиться за владимирских чекистов на Лубянке начальник секретного отдела ГПУ Терентий Дерибас, предлагавший ограничиться выговорами и увольнениями, был немедленно одернут сверху самим Дзержинским, свято требовавшим соблюдать принцип полного подчинения ГПУ партии (самого Дерибаса родные органы окончательно излечат от иллюзий славных времен Гражданской войны расстрелом в репрессии 1937 года). С тех пор и до самого краха СССР в 1991 году сохранялось четкое правило, по которому чекисты в провинции без особо регламентированной процедуры получения разрешения в центре не имели права вести агентурную или оперативную работу против местной партийной номенклатуры.

Характерно, что в том же 1926 году появилось известное распоряжение заместителя начальника ГПУ Ягоды (Дзержинский как раз в это лето умер, а назначенный вместо него Менжинский в очередной раз был болен) о недопустимости грубого и невежливого отношения к гражданам со стороны сотрудников ГПУ, как и о недопустимости грубости в общении между самими сотрудниками разного уровня в ГПУ. Интересно, что подписал этот приказ о вежливости, в котором были строки о «вызывающем начальственном тоне, резких окриках и просто ругательствах», именно зампред ГПУ Генрих Ягода, которого многие его подчиненные считали самым хамоватым и склонным к площадной ругани из высших руководителей госбезопасности тех лет. Ведь и приказ о борьбе с пьянством в ГПУ написал тот же Ягода, судя по воспоминаниям отнюдь не самый большой трезвенник и аскет в этом плане. Хотя тут дело не в личности Ягоды, этот приказ о вежливости был явно продиктован политикой с верхов власти и предназначен для того же наведения в молодом ГПУ элементарного порядка и дисципли-

лины. В том же самом 1926 году Генрих Ягода подписал и другой приказ, запрещавший сотрудникам ГПУ после их ухода из госбезопасности издавать любое литературное произведение без санкции на бывшей службе, — это правило сохранится до последних дней КГБ в Советском Союзе. А воспоминания бывших сотрудников ГПУ необходимо было сначала в рукописном виде отправлять бывшему начальству, не оставляя у себя машинописных копий.

Одновременно с этим обузданием анархии и излишков романтики революции в ГПУ те же процессы шли во всех отраслях жизни Советской России, переходившей с ура-революционных на мирно-бюрократические рельсы. Так, в том же 1922 году покончено с экспериментами в советской литературе и искусстве, свернута революционная пропаганда свободной любви и введена жесткая цензура созданного Главлита. В 1926 году опять же зампред ГПУ Ягода разослал по областным отделам ГПУ известный циркуляр о своеобразной чекистской цензуре поведения в обществе, в котором был перечень запрещенных к публичному исполнению песен, в основном шансонно-блатного стиля. Именно по этому циркуляру трепали нервы молодому шансонье Леониду Утесову с его «Бубличками» и «Одесскими кичманами», был в этом циркуляре и запрет «буржуазных танцев» (фокстрота, тустепа и т. д.).

Власть меняла многие установки первых лет революции и Гражданской войны, и с этой сменой колес под мирную колею новому Советскому государству требовалась отлаженная и полностью подчиненная партии машина тайного сыска, умеющая работать профессионально. Недаром сам Дзержинский в 1922 году с тревогой докладывал большевистскому ЦК, что вопрос о кадровом составе нового ГПУ представляется ему очень тревожным и болезненным, поскольку «состояние ГПУ внушает опасение, нет наплыва свежих ответственных товарищей, а старые болеют или бегут из ГПУ» — так он написал тогда секретарю ЦК Молотову.

Сам Дзержинский тоже осознавал необходимость такой перестройки внутри ГПУ. Он лично теперь заявлял, часто вразрез со своей доктриной времен ВЧК, что одной чекистской смелости и революционного духа уже для работы в ГПУ недо-

статочно, необходимы выучка и знание своего дела. Уже в декабре 1922 года, выступая перед активом ГПУ на вечере в честь пятой годовщины создания советской спецслужбы, он провозгласил новую установку: «Методы изменились, сейчас вы обязаны идти по тому пути, который начертали советская власть и партия, — по пути революционной законности, придерживаясь декретов, строго следя за их выполнением, согласуя свои действия с прокурорским надзором».

Эти слова любящие Дзержинского исследователи часто цитируют в обоснование тезиса о нем как о жестком поборнике законности, хотя его же речь является доказательством, что до 1922 года в прежней ВЧК на эту законность и прокурорский надзор особого внимания не обращали, а ведь там командовал все тот же Дзержинский.

БОЛЬШИЕ РЕПЕТИЦИИ

Окончание прямой Гражданской войны и даже объявление Лениным некоторой либерализации советской жизни в виде новой политики НЭП не слишком повлияли на жесткий характер советской госбезопасности. Внутри самого ГПУ постоянно звучали призывы к сохранению бдительности во вражеском окружении и о готовности недобитых врагов социализма к новым боям или тайным диверсиям. Отличным эпиграфом к главе о деятельности ГПУ после затихания Гражданской войны в относительно мирных 20-х годах стали бы бесподобные строчки песни большевиков из кинофильма «Собачье сердце» по Михаилу Булгакову: «Суровые годы уходят — борьбы за свободу страны, за ними другие приходят — они будут также трудны!» Действительно, облегчения жизни никто не обещал, особенно советское ГПУ.

Весь период до конца 20-х годов сейчас выглядит массовой тренировкой ГПУ перед началом Большого террора в 30-х годах. И многие кампании чекистской истории до 1930 года выглядят репетициями больших процессов в будущем. Вот знаменитые «философские пароходы», когда по высшему указанию Ленина в начале 20-х годов принудительно высылался за гра-

ницу цвет российской интеллигенции. На этих кораблях Советскую Россию покидали Бердяев, Булгаков, Сорокин, Франк и масса других ученых, философов, писателей, деятелей искусств. Ответственным за эту гигантскую операцию по «выдавлению мозгов» (по аналогии с модным ныне термином о добровольной «утечке мозгов» из России на Запад) Дзержинский в 1922 году назначил главу Секретного отдела ГПУ Якова Агранова, который с тех пор почитал себя среди чекистов главным специалистом по работе с советской интеллигенцией, даже неким негласным куратором деятелей литературы и искусства внутри ГПУ—НКВД, и продолжал считать себя главным чекистом-искусствоведом, вплоть до собственного ареста и расстрела в подвалах НКВД в Большой террор.

В 1922 году Агранов регулярно предоставлял Дзержинскому и Ленину списки приговоренных ГПУ к насильственной высылке из страны, а те вносили в них правки. Кого-то в итоге так и не выпустили, как известного экономиста Кондратьева, против которого Дзержинский приказал ГПУ возбудить дело о соотрудничестве ученого с эсерами, эта ремарка на списке не пустила Кондратьева в эмиграцию и стоила ему позднее жизни.

Запрет выехать за границу для лечения, наложенный еще ранее ВЧК, скорее всего, погубил и поэта Блока. Пока на Лубянке и в Кремле решали дилемму, выпустить за границу Блока или Сологуба, Блок уже успел умереть от болезни в 1921 году, и вопрос решился сам собой. Так что за гибель этого поэта отчасти тоже ответственны советские чекисты, присвоившие затем в качестве своих девизов вырванные из блоковских стихов строки типа «И вечный бой! Покой нам только снится!» или «Шаг держи революционный, близок враг неугомонный!». Их знали наизусть поколения советских людей, а многие даже не догадывались, что автор этих чекистских слоганов поэт Александр Блок косвенно уморен ведомством Дзержинского в полуголодной Советской России 1921 года. Никакие заслуги перед новой большевистской властью поначалу очарованного революцией поэта, никакие публицистические его просоветские вещи типа работы «Интеллигенция и революция» или наполненная революционным пафосом поэма «Двенадцать», где Блок ухитрился даже Иисуса Христа втиснуть в ряды больше-

вистского патруля, не заставили ведомство Дзержинского смириться над тяжелобольным гением русской поэзии. Впрочем, на подсознательном уровне эстетствующий поэт из Серебряного века должен был оставаться для ленинских чекистов духовно чуждым, да и сам Блок к 1921 году после ужасов Гражданской войны и «красного террора» отчасти отошел от своих революционных восторгов 1917 года. Поэтому на Лубянке косвенно обрекли его на гибель, отказав в лечении, которого в Советской России уже не могли оказать. Как косвенно чекисты повинны и в гибели от голода в Сергиевом Посаде философа Розанова, также не дождавшегося своей спасительной высылки.

Блок стал еще одной жертвой чекистского ведомства среди известных литераторов за весь советский период нашей истории. Первым погибшим напрямую от чекистских репрессий в этом ряду считают известного в дореволюционной России писателя и публициста, друга Чехова и Толстого Михаила Меншикова, в 1918 году не принявшего власти большевиков литератора чекисты расстреляли на берегу Валдая. Затем будут и Гумилев, и Мандельштам, и Бабель, и Веселый, и Пильняк, и множество других убитых и уморенных деятелей пера только за 20—30-е годы.

Когда нам в советской школе рассказывали, каким «ужасным» преследованиям и лишениям со стороны царского сыска подвергались литераторы в Российской империи, как баснописец Крылов скрывался в своем имении после ареста его друга книгоиздателя Новикова, как страдал на царской каторге Достоевский (за реальное участие в антиправительственном тайном кружке), как жандармы Третьего отделения третировали Пушкина и гнали Лермонтова под пули горцев на Кавказ, как мыкался в вынужденной эмиграции перед революцией Горький, — какой мелочью все это кажется перед мрачным мартирологом напрямую уничтоженных ВЧК—ГПУ—НКВД деятелей нашей литературы всего за каких-то два десятка лет, несоизмеримых с многовековой историей империи Романовых. Блок тоже должен стоять в этой печальной череде, даже несмотря на естественную с виду его смерть от чахотки, ведь его обрекли на смерть отказом в выезде.

Других, находившихся под вопросом, все же в итоге отпустили из Советского Союза, как историка Рожкова или ректора Казанского университета Овчинникова, решением чьей судьбы занимался лично Ленин, а вопрос об их высылке решался даже в ЦК партии. Дзержинский в этих спорах «выпускать или не выпускать» почти всегда занимал самую жесткую позицию: «Не пущать!» Дзержинский часто указывал, сколько из выпущенных в самой большой группе летом 1922 года деятелей искусства и литературы в эмиграции стали наиболее непримиримыми разоблачителями его ведомства и просто яркими врагами советской власти.

Так у Ленина только лично ходатайство Горького позволило вымолить разрешение выпустить из Советской России еврейского писателя Хаима Бялика и нескольких его друзей, поехавших в Палестину создавать израильскую литературу, да и самого Горького в его длительную творческую командировку в Европу для лечения отпускал тоже лично Ленин. Когда в командировку за границу в начале 20-х отправляли советских работников, в обязательном порядке их семьи оставались в Советской России фактическими заложниками в руках ЧК. Один из заместителей Рыкова в Совете народного хозяйства (ВСНХ) Семен Либерман умолял Дзержинского на аудиенции у того разрешить выехать с ним семье, поскольку в срочном лечении за рубежом нуждался его маленький сын, Дзержинский и ему однозначно и хмуро отказал. Только пробившись лично к Ленину, который специалиста по внешней торговле очень ценил, Либерман добился своего: Владимир Ильич лично позвонил Дзержинскому и приказал отпустить Либермана в командировку вместе с семьей. Уже после смерти Ленина Либермана ведомство Дзержинского задержало своими подозрениями и вызовами «на беседы» в дом на Лубянке, в итоге тот в 1926 году в очередной командировке в Данию все же стал невозвращенцем, покинув СССР навсегда.

Большинству изгнанных с родины пассажиров «философских пароходов» эта кампания ГПУ в итоге спасла жизнь. Очень скоро советская власть и ее спецслужба перестали быть такими травоядными, перейдя от массовых изгнаний к массовым расстрелам. Ленин написал Дзержинскому: «К делу вы-

сылки связанных с контрреволюцией профессоров и писателей нужно бы подойти внимательнее, а то можно нагнупить». Уже к 1923 году разобрались, что изгнанные вливаются в мощную диаспору эмиграции и часто начинают выступать против изгнавшей их советской власти, то есть уже «нагнупили». В тот год уже поток высланных прекратился, в 1923 году отпустили уже последних одиночек, как бывшего секретаря Льва Толстого Булгакова, и замок на границе закрыли более чем на полвека. И эки сталинской «шарашки» 40-х годов из солженицынского «В круге первом» будут хохотать над «страшной карой» ленинского УК о принудительной высылке за пределы Советской России, казавшейся им после ужасов 30-х самым желанным и недостижимым благом.

Репетировали в те же годы и обратный процесс возвращения не без участия советских спецслужб ранее отбывших в эмиграцию граждан России на родину. Как и в случае с высылкой из Советской России, здесь ленинская власть и ее ГПУ еще не вошли в раж откровенных репрессий. Значительная часть таких вернувшихся эмигрантов в 20-х годах сама приняла такое решение, хотя иногда и не без долгих уговоров сотрудников внешней разведки ГПУ или в результате тонких операций советских разведчиков.

Хотя и в историях этих первых «реэмигрантов» уже были странности и темные пятна. Как, например, в нашумевшей в белой эмиграции истории с внезапным и тайным отъездом в Советскую Россию группы офицеров бывшей армии Врангеля из Турции осенью 1921 года на пароходе «Решид-паша». В их числе был и один из самых талантливых на поле боя и жестоких в собственном тылу за всю историю Белого движения генерал Слащев. Почему именно безжалостный к красным пленным садист в погонах Яков Слащев, прототип полубезумного генерала Хлудова в «Беге» Булгакова, даже самим Врангелем отдаваемый за жестокости под суд, поверил этой советской амнистии для деятелей Белого движения (декрету ленинского ВЦИК от 3 ноября 1921 года), почему не побоялся мести за кровь в Гражданскую? В эмиграции было устойчивое мнение: Слащева и тайно отъехавшего вместе с ним в Россию начальника врангелевского конвоя Мезерницкого завербовала ЧК

еще в Турции, и оба получили амнистию с разрешением вновь увидеть родину в обмен на тайную информацию о белых эмигрантах.

И это мнение не лишено оснований, поскольку сейчас известен не один случай такой вербовки белых офицеров для тайной работы на Лубянку с последующей милостью в виде разрешения вернуться на родину (двумя десятками лет позже для доживших эта милость в большинстве своем закончится опять расстрельным приговором). Так это было в случае вернувшегося в СССР офицера Главного штаба армии Врангеля Бориса Базарова, которого чекисты завербовали еще в годы Гражданской войны в Крыму. В эмиграции Базаров поработал тайным агентом ИНО ГПУ среди белых эмигрантов в Сербии, получил за это право вернуться в Москву, работал в ИНО резидентом в странах Европы и США, а в 1938 году отозван в СССР и расстрелян как бывший белый офицер.

Как известно, бывший белый генерал Слащев затем преподавал военную науку красным командирам на курсах «Выстрел», и на этом посту в 1929 году он был застрелен курсантом «Выстрела» Лазарем Коленбергом, явившимся за этим к белому генералу прямо на квартиру. Коленберг на следствии объявил свой поступок местью за казненного Слащевым в годы Гражданской войны родного брата, после чего был признан психически невменяемым и сгинул в психушках, а дело об убийстве Слащева было в связи с этим прекращено. Если Слащева чекисты действительно завербовали в свои агенты еще в эмиграции, а вернуться в Россию ему разрешили в силу договора с ним о тайных услугах и в целях хорошей пропагандистской акции, направленной на рядовых эмигрантов (коль скоро помиловали такого одиозного генерала-кровопийцу из белых, им-то и вовсе бояться нечего и можно ехать домой), то и такое «случайное» убийство сумасшедшим мстителем Коленбергом было бы для ГПУ оптимальным финалом всей операции. Советская власть проявила гуманность к одному из злейших врагов среди белых, примеру Слащева последовали и другие офицеры-эмигранты, месть за кровь товарищей в 1918—1920 годах все же состоялась, а за безумца-убийцу ГПУ не в ответе.

Многие уверены, что Слащева использовали и устранили затем именно по этой схеме, что это с самого 1921 года была растянутая по времени операция чекистов. Хотя никаких твердых доказательств версии ликвидации Слащева ГПУ руками Коленберга нет, мог действительно найтись одержимый идеей возмездия мститель-одиночка. Всего за несколько лет до убийства Слащева при очень схожих обстоятельствах погиб похожий на него жестокий китайский генерал Суй Сучен, занимавшийся на отгремевшей китайской междоусобице похожими на слащевские делами. В 1925 году в его штабной поезд также пробрался сын казненного им человека, разрядив в генерала-садиста по кличке Маленький Суй целую обойму, после чего толпа китайцев отбила мстителя у полицейских и помогла ему скрыться.

Вся эта заседавшая в 1923 году в Новочеркасске (куда из Болгарии и Турции корабли привозили основную массу возвращавшихся добровольно белогвардейцев) под началом чекиста Андреева, уполномоченного ГПУ по Дону и Кубани, без особых последствий пропустила после фильтрации только рядовых солдат и казаков бывшей белой армии. Офицеры сразу попадали под негласный надзор советской госбезопасности. Многим из них, якобы полностью прощенным в 1923—1924 годах этой амнистией и даже направленным служить на командные должности в РККА, первые же политические заморозки и процессы против «врагов народа» стоили ареста и расстрела. Как вернувшемуся в этой волне белому генералу Секретеву, уже в 1930 году ставшему в рамках дела «Весна» обвиняемым в участии в тайном «Казачьем блоке».

Рискнул вернуться из японской эмиграции белый генерал Болдырев, бывший в 1918 году командующим армией Уфимской директории, после небольшой отсидки в советской тюрьме в 1926 году освобожден и полностью амнистирован советской властью только для того, чтобы уже в 1933 году после очередного ареста по обвинению в антисоветской деятельности быть расстрелянным. Офицер Чугунов, из сбежавших к белым в Гражданскую военспецов РККА, вернулся в 1923 году по этой амнистии с чистосердечным раскаянием, — только приняв во внимание «добровольное возвращение» и «классовое происхождение из крестьян», советский суд удовлетворился десятью

годами лагерей для Чугунова. В 1933 году в СССР пожелал вернуться за чем-то другой генерал колчаковской армии Николай Сукин — здесь дождался только до первых арестов 1937 года, когда расстрелян НКВД. Вернулся и получил амнистию служивший в контрразведке Колчака бывший при царе прокурорский работник Пospelов — позднее в Омске тоже арестован и расстрелян, таких советская власть всерьез миловать не собиралась.

Некоторых из вернувшихся белогвардейцев не спасли ни верная служба в РККА, ни активная работа на советские спецслужбы, ни попытки заслужить прощение новой власти написанием заказных пасквилей о Белом движении. Так, бывший офицер Добровольческой армии Венус написал книгу «Зяблики в погонах» с разоблачением зверств белых в прошедшей войне, но все равно в СССР скитался с места на место в промежутках между арестами ГПУ в качестве неблагонадежного. Последний арест в 1939 году застал Венуса работавшим бакенщиком на Волге, во время следствия он скончался в камере НКВД поволжского городка Сызрань.

Многих из них не спасли даже большие заслуги перед советской разведкой в работе против белых эмигрантов за рубежом, как белого офицера Сергея Эфрона, мужа поэтессы Марины Цветаевой, чей непростой жизненный путь с Белым делом, эмиграцией, сотрудничеством с ГПУ и возвращением в СССР в 1941 году точно так же оборвет чекистская пуля. Так много сделавший для советской власти в деле возвращения части эмигрантов идеолог движения «Смена вех» журналист Устрялов, который в эмиграции даже издавал сменовеховский журнал с постоянными призывами возвращаться и примириться с Советами, якобы после 1921 года дрейфующими от военного коммунизма к старому имперскому патриотизму, сам в 1935 году прибыл в СССР — в 1937 году главный певец «Смены вех» и советского патриотизма был отблагодарен НКВД арестом и расстрелом. Поэтому в истории с первыми возвращениями по амнистии от 1921 года, как и в истории с изгнанием интеллигенции из России в 1922 году, в основе все равно был ловкий обман, в итоге обернувшийся большой кровью. И здесь тоже была генеральная репетиция: в 20-х годах назад в СССР чекисты еще

заманивали уговорами и обещанием амнистии, вскоре повезут в мешках, похищенными и усыпленными морфием.

В целом вся эта громкая кампания со «Сменой вех» и «Союзами возвращенцев» не привела к особенно впечатляющим для Советов результатам. Вернулось в обмен на эти несколько амнистий не так много эмигрантов, как ожидалось. Большей частью среди вернувшихся уже в Советский Союз были те, кто уехал сразу после 1917 года, и штатские представители творческих профессий, решившие, что пережили за границей самые опасные годы Гражданской войны и военного коммунизма: журналисты, писатели, актеры, не воевавшие в Гражданскую генералы и прочие. Среди возвращенцев 20-х годов очень много несогласных с Белым делом, уехавших в 1918—1919 годах еще задолго до его поражения, как писатель и «красный граф» Алексей Толстой, отработавший для Советов свое возвращение нелицеприятным для оставшихся в изгнании романом «Эмигранты». Либо случайных в белом лагере людей, тоже рванувшихся после амнистии в Совдепию, как журналист и будущий сталинский любимец Илья Эренбург.

Из сознательных борцов белых армий Врангеля, Юденича или Колчака, отходивших с оружием из России после поражения, возвращались единицы типа Слащева. Из 130 тысяч уплывших с Врангелем осенью 1920 года из Крыма даже после года очень тяжелой жизни в изгнании в лагерях беженцев Галлиполи и острова Лемнос в ответ на все обещания в Советский Союз в 1921—1923 годах вернулось лишь несколько тысяч, в основном рядовых кубанских и донских казаков с Лемноса. Примерно столько же отбыли по найму на работы в Южную Америку, большая же часть стойко перенесла сидение в Галлиполи и на Лемносе, отбыв позднее в страны Европы. Даже в самых благоприятных условиях работы для ГПУ в сочувственно до 1923 года относившейся к СССР Болгарии в местный «Союз возвращения» из многих тысяч находившихся здесь чинов армии Врангеля записалась лишь пара сотен человек. У самих прошедших с честью весь страшный путь Гражданской войны белых отношение к возвращенцам или сменовеховцам всех мастей было презрительно-ненавистное, судя по многим их эмигрантским мемуарам:

«За период Гражданской войны выработался особый тип авантюристов, подобных ландскнехтам Валленштейна, готовых служить кому угодно, но и готовых во всякое время на предательство. «Перелеты», как их называли в смутное время на Руси. Были и офицеры, подобные Слащеву, этому когда-то доблестному защитнику Крыма, а теперь морально деградировавшему человеку. Был и «матрос» Баткин, когда-то по поручению адмирала Колчака объехавший всю Россию для произнесения патриотических речей, а теперь — продавший себя большевикам и служивший их тайным агентом в Константинополе. Был и Секретев, совершенно спившийся и погрязший в разгуле, был и полковник Брагин, продававший впоследствии русских в Бразилию как белых негров плантаторам Сан-Пауло. Все эти люди и им подобные шумной толпой требовали, клеветали, старались захватить что-то и всеми средствами навредить тем, кого они ненавидели в данное время. Генерал Слащев издавал брошюры, требовал суда общества и гласности. Он обвинял генерала Врангеля, что последний не принял его плана защиты Крыма, и уверял, что если бы он, Слащев-Крымский, встал тогда во главе войска, то Крым был бы спасен снова... Какой-то анонимный автор обличал в «Записках строевого офицера» все стратегические ошибки штаба Главнокомандующего, как будто бы это в данное время имело какой-либо смысл, кроме желания обличения и нанесения вреда Русской армии. Вот от какой заразы приходилось оберегать людей»¹.

Даже в тех случаях, когда советская госбезопасность соблюдала предварительные договоренности при возвращении, эпоха Большого террора все это аннулировала. Так, в 1927 году из Львовского авиаотряда в Польшу во время маневровых полетов перелетел самолет ВВС Красной армии, его экипаж попросил поляков о политическом убежище. Командир экипажа получил польский паспорт на новую фамилию и начал новую жизнь в Европе, а его бортмеханик Трушкин затосковал по родине и вступил в контакт с органами ГПУ, пообещавшими ему небольшой тюремный срок при добровольном возвращении в СССР, благо вину за бегство он свалил на командира. Бег-

¹ Даватиц В., Львов Н. Русская армия на чужбине. М., 2003. С. 47—48.

лый авиатор вернулся в Союз и действительно был осужден лишь на шесть лет тюрьмы, дальше его судьба неизвестна, но вряд ли он прожил дольше 1937 года, так что в случаях большинства таких милостей возвращенцам все было относительно. Тот же вернувшийся на пароходе со Слащевым начальник врангелевского конвоя Мезерницкий в 1937 году арестован и расстрелян.

Из наглухо закрытого тогда Советского Союза люди пытались бежать разными методами, включая и такие оригинальные, как угон боевого самолета. Считается, что это в 60—80-х годах пошла волна таких угонов самолетов, что даже целые семейные ансамбли музыкантов захватывали пассажирские лайнеры с заложниками с кровавой развязкой в итоге, а молодой поэт Иосиф Бродский с друзьями в Самарканде планировал угнать самолет в Афганистан. Тогда советские граждане пытались покинуть советское отечество и в багажнике автомобиля, и на самодельном воздушном шаре, и выпрыгнув за борт с круизного лайнера в океане. На самом деле такие подзабытые массовые побегі пошли уже с 20-х годов, сразу после полного опускания железного занавеса по периметру только что созданного СССР.

В 1925 году, за два года до того, как в Польшу по воздуху улизнули советские военлеты Львовского авиаотряда, на Черном море группа бывших офицеров белой армии захватила рейсовый катер вместе с командой и пассажирами и вместо Ялты увела его в Болгарию, получив убежище у болгарских властей. Чуть ранее такая же группа не ушедших в 1920 году за море бывших врангелевских офицеров захватила прогулочное судно и направлялась к берегам Турции, но команда обманом доставила их в порт советского Батуми, где все члены этой группы были арестованы и расстреляны чекистами. Так что у захватывавших в 70-х и 80-х годах уже целыми семьями самолеты Бразинских или Овечкиных были предшественники начиная с 20-х годов, это тоже своего рода репетиции будущих больших событий позднесоветской эпохи.

Репетировали в те же годы и будущие большие процессы над «врагами народа», пик которых у НКВД придется на 1937—1939 годы. В первой половине 20-х годов прошла масса разрозненных процессов над эсерами, меньшевиками, народными

социалистами, кадетами, деятелями еще царского режима (кого не добил «красный террор» 1918 года), даже какими-то выявленными стариками провокаторами, выдававшими царской охранке еще борцов «Народной воли» в конце XIX века. Например, в 1926 году ГПУ разыскало некоего Михайлина, еще при царе осужденного и отсидевшего в тюрьме за убийство видного большевика Николая Баумана. Бывший солдат и рабочий одного из московских заводов, причастный к черносотенному Союзу русского народа, Михайлин осенью 1905 года во время стычки черносотенцев с большевистской манифестацией пытался вырвать у Баумана красное знамя, а когда большевик выстрелил в его сторону из револьвера, проломил любимцу Ленина голову куском железной трубы. В тот же день Михайлин явился с повинной в полицию, был осужден за убийство в состоянии самообороны, отсидел в тюрьме полтора года. А вот в 1926 году ГПУ арестовало его уже по обвинению в том, что Михайлин, как боевик черносотенной группировки и тайный агент царской охраны, умышленно убил большевика Баумана в ходе изощренной операции царских спецслужб, в результате Михайлин был ГПУ расстрелян. Это были процессы реванша по еще дореволюционным счетам.

В 1923 году чекисты разыскивали бывшего морского офицера Ставраки, когда-то в 1906 году командовавшего расстрелом знаменитого лейтенанта Шмидта после подавления восстания на Черноморском флоте. Ставраки скрывался от новой власти с чужими документами, воевал в рядах колчаковцев, стал смотрителем маяка в Батумском порту и даже успел вступить в РКП(б). Но нашедшие его чекисты в 1923 году по приговору суда расстреляли Ставраки в отместку за расправу с героем революции 1905 года, хотя сам Шмидт никогда не был членом партии большевиков. Руководивший подавлением выступления моряков Шмидта царский генерал Карказ еще в 1918 году попал в руки ЧК в Севастополе; когда Красная армия в том же году уходила из города под напором врага, генерала Карказа чекисты вместе с другими узниками Севастопольской тюрьмы по заведенной у них традиции расстреляли.

В январе 1926 года ГПУ победно рапортовало, что найден и арестован бывший белогвардеец, лично убивший легендарного

красного комдива Чапаева. На Лубянку пришла от начальника Пензенского управления ГПУ Тарашкевича телеграмма об опознании и аресте бывшего есаула Уральского казачества Трофимова-Мирского, работавшего в Пензе счетоводом в мельничной конторе. По словам Тарашкевича, бывший есаул в Гражданскую командовал отрядом казаков, разгромивших в Абищенске штаб Чапаева в ходе ночного налета, а кроме того, не раз приказывал своим казакам казнить пленных красноармейцев. Трофимов-Мирский на следствии вообще отрицал свою службу в белой армии и руководство налетом на чапаевский штаб, утверждал, что в это время скитался со своими казаками в казахской степи за рекой Урал, но был уличен следователями ГПУ и осужден к смерти. Хотя, учитывая известные обстоятельства смерти комдива РККА Чапаева, который в попытке переплыть Урал погиб под градом пуль казаков с берега, вряд ли можно было твердо установить непосредственного его убийцу, но ГПУ воспользовалось возможностью громко отрапортовать: убийца красного героя Чапаева найден и наказан.

Эта кампания политических процессов ГПУ еще не была такой размашистой, не задевала все слои советского общества, методы следствия не были еще такими изуверскими, а приговоры еще не были так однозначно predeterminedены в сторону расстрела, как все это пойдет с 1937 года. Но общий стиль этих процессов над «недобитыми врагами» и небольшевистскими политическими партиями тоже наводит на мысль о репетиции перед генеральным сражением. Методика была откатана ГПУ именно на этих процессах против эсеров, энесов, меньшевиков в начале 20-х годов. Все чаще происки «врагов народов» идут и среди тех, кто никоим образом не входил в активисты антисоветских партий. Так, строивший и сдавший в 1927 году знаменитую Шуховскую башню для радиотрансляций на Шаболовке в Москве архитектор Шухов вдруг был обвинен в злоупотреблениях и достраивал свою знаменитую высотку под следствием ГПУ, только удачное окончание строительства спасло его от репрессий в конце 20-х годов.

В это же время ГПУ как вредитель в промышленности арестован видный ученый Александр Шаргей, один из пионеров советской космонавтики, на Западе больше известный под фами-

лией Кондратюк, хотя он тоже никак не боролся против советской власти. И только после ареста Шаргея ГПУ выяснило, что он живет по чужим документам на фамилию Кондратюка, чтобы скрыть свою недолгую службу в 1919 году в белой армии, куда двадцатилетнего парня деникинцы призвали по мобилизации и откуда он сам вскоре дезертировал. Шаргея-Кондратюка арестовали в 1929 году и осудили как вредителя и недобитого белогвардейца, в тюрьме он разработал проект принципиально новой электростанции, после чего был освобожден по личному ходатайству советского наркома промышленности Орджоникидзе. На свободе Шаргей продолжал работать в энергетике и после знакомства с Сергеем Королевым увлекся расчетами для будущих полетов в космос, осенью 1941 года с подходом немецких войск к Москве ученого призвали в народное ополчение, где он погиб в бою.

Вся верхушка партии эсеров, оставшаяся в России, на знаменитом процессе 1922 года (том самом, основанном на признательных показаниях Семенова и Коноплевой о террористической работе эсеров против Советов) получила незначительные сроки заключения или ссылки. Складывается ощущение, что суд 1922 года был нужен ГПУ лишь для окончательного устранения самой партии эсеров с политической арены и клеймения ее лидеров тавром «контрреволюционеров», а также как своеобразная тренировка таких массовых действий в недалеком будущем. Тем же закончились процессы для меньшевиков или народных социалистов: партии осудили и окончательно ликвидировали в 1922—1923 годах, дотянувших до Большого террора самих подсудимых физически ликвидировали в конце 30-х.

В 1924—1925 годах прошли аресты ГПУ бывших анархистов, против них собирались тоже организовать большой процесс по примеру эсеровского, но затем ограничились отдельными посадками, оставшихся видных деятелей дореволюционного анархизма добив опять же в 1937 году. В 1922 году посадили ненадолго только самых непримиримых сынов российской анархии, а еще часть выслали за пределы Советской России. Наиболее авторитетные из анархо-синдикалистов (самого умеренного из тогдашних течений анархии) заявили о разрыве с прошлым и даже вступили в партию большевиков, но 1937 год

не пережили и они: Новомирский, Раевский, Сандомирский, Шатов и др.

Небольшой эмигрантский центр анархистов в Берлине, созданный высланными в 1922 году, тоже не избежал пристального внимания чекистов. В конце 20-х годов после обещаний от ГПУ полного прощения в СССР вернулся его лидер Ярчук, а затем и самый известный тогда из российских анархистов Петр Аршинов, террорист с дореволюционным стажем и крестный отец движения батьки Махно. В годы Большого террора оба также сгинули в топке репрессий. Вообще же, все помеченные процессами начала 20-х были с наступлением 1937 года обречены, оказавшись в особых списках ГПУ и на особом учете, единицы из них самой верной службой режиму выбили себе полное прощение, как бывший меньшевик Вышинский, генеральный прокурор сталинского Советского Союза.

На конец 20-х годов пришлось и знаменитое «Шахтинское дело», первый полноценный процесс над врагами народа из числа технической интеллигенции (инженеров), предтеча всех процессов десятилетием спустя. Если процессы начала 20-х годов считать репетициями перед грядущей эпохой глобального террора, то «Шахтинское дело», пользуясь той же терминологией театра, — генеральный прогон ГПУ перед бойней «врагов народа» с использованием масштабных судебных процессов. Его курировал в Ростовской области тогда главный начальник ГПУ по Северному Кавказу Евдокимов. По этому делу, призванному доказать наличие организаций вредителей из непартийных спецов в советской промышленности (по отдельности различных «вредителей» ЧК арестовывала с 1921 года), вынесено 11 смертных приговоров, хотя позднее шестерым из приговоренных к смерти за сотрудничество со следствием ГПУ расстрел был заменен тюремным заключением.

Вслед за «Шахтинским процессом» уже в 1930 году последует дело первой сфабрикованной антисоветской «Промпартии», открывшее список дутых дел несуществующих антигосударственных тайных групп, суды над членами которых оправдывали затем вал расстрелов. По нему арестована большая группа технических специалистов, ученых и экономистов во главе с профессором Разиным и высокопоставленным сотрудником

советского Госплана Громаном. И здесь уже кроме планов по вредительству и саботажу в народном хозяйстве впервые отретпировано ГПУ добавление на следствии для большего эффекта дутых обвинений в создании антисоветской партии для переворота в стране, связях с антисоветской эмиграцией и работе на иностранные разведки.

Картина уже тогда временами напоминала абсурдностью следственных версий и обвинений будущие большие процессы конца 30-х годов: члены «Промпартии», кроме рядового саботажа и вредительства в промышленности, будто бы планировали в случае нападения на СССР разом всей Европы «выкрутить пробки» и остановить железные дороги, специально планировали постройку важных объектов промышленности в Белоруссии и Украине для их скорого захвата интервентами, а все свои действия согласовывали с разведкой Франции. Те из объявленных лидерами «Промпартии» подсудимых, кто, подобно Разину, активно признавал на следствии и суде эту чушь и обличал других, отделались по ходатайству ГПУ небольшими сроками заключения. Других расстреляли по этому делу, как бывшего члена Временного правительства Пальчинского, или забили насмерть на следствии из-за отказа признаться, как Хренникова.

Нужно четко разграничить, что в пробном варианте такого большого процесса в случае с выявленной «Промпартией», в отличие от основной массы процессов такого же рода 1936—1939 годов, само существование подпольной организации не было с самого начала выдуманно и сфальсифицировано, а только творчески развито и дополнено фальсификацией в части шпионских и террористических планов. На то и черновик, чтобы на относительно правдивом материале существования достаточно безобидной и явно не слишком опасной для власти в СССР группы недовольных технократов и ученых, к тому же частью беспартийных или бывших меньшевиков, набить руку для обшивания дела шокирующими подробностями и превращения его в полноценный заговор врагов строя.

В случае с «Промпартией» к полученным следствием без особого труда (пыточное следствие в ГПУ тогда еще не было легализовано и применялось тайно в исключительных случаях)

показаниям этих членов тайного дискуссионного кружка, действительно скептически относившихся к существующему строю, удалось быстро добавить «для солидности» установление связей с промышленниками-эмигрантами из обосновавшегося в Париже союза «Торгпром». Часть таких сфальсифицированных сведений о связях парижских эмигрантов с подпольной «Промпартией» поставил по своим каналам ИНО ГПУ. И арестованных в Союзе промпартийцев заставили их повторять на следствии и в суде в обмен на улучшение содержания в тюрьме и обещания сохранить жизнь. Правда, вышла неувязка, когда оглашались показания о недавних встречах выезжавших в командировки в Европу тайных членов «Промпартии» с деятелем «Торгпрома» Рябушинским и стало известно, что этот видный российский промышленник умер в Париже еще в 1924 году. Но тогда из материалов дела имя Рябушинского просто убрали.

Это давняя тенденция российских спецслужб упорно искать почти за любым тайным союзом внутри страны руку иностранного центра или зарубежной разведки. И когда при Екатерине II Тайная канцелярия по делу кружка книгоиздателя Новикова долго пыталась увязать его с загадочными масонами-иллюминатами, якобы помогающими французским якобинцам истреблять монархов Европы. И когда позднее в царском Третьем отделении расследовали выстрел полубезумного одиночки Каракозова в царя в 1866 году, когда так уверовали в связи кружка ишутинцев с неким «Центром мировой революции» в Европе (так никогда и не объявившимся затем), что даже к сосланным в Сибирь на каторгу ишутинцам за тысячи километров не лень было посылать тайных агентов для выяснения обстоятельств существования такого единого центра заговорщиков. И в истории спецслужб СССР на одном из процессов против троцкистов обвиняемые под диктовку чекистского следствия в 30-х годах заявят, что тайно встретились с Троцким в номере гостиницы «Бристоль» в Копенгагене. А позднее выяснится, что этот отель в датской столице был, но снесен еще в 1917 году, когда Троцкий вместе с Лениным был главным организатором революции в России, а не изгнанником из СССР.

Здесь и дело «Трудовой крестьянской партии» (ТПК) под началом ученого-экономиста Кондратьева, в 1922 году в последний момент не выпущенного чекистами Дзержинского из Советской России, чтобы «приносил пользу советскому хозяйству». Здесь и дело «Союзного бюро меньшевиков» из бывших меньшевистских деятелей социал-демократии во главе с членом бывшей РСДРП Сухановым. Здесь и «Академическое дело», когда за хранение неразрешенных «антисоветских» исторических документов в октябре 1929 года арестованы академики-историки во главе с Платоновым и Тарле.

Из него позднее выделили «Дело военных» о группе служивших в РККА бывших царских офицеров-военспецов во главе с генералами Снесаревым и Свечиным (генералами царской армии, в РККА тогда генеральских званий не было), якобы мечтавших о реставрации в России монархии и связанных вместе с кружком в Академии наук с белоэмигрантскими центрами. Именно из этого «Военного дела» потянулись первые ниточки к самым верхам руководства РККА из числа бывшего царского офицерства, в частности к красным маршалам Тухачевскому и Егорову, но в 1930 году ГПУ сверху было приказано остановиться на уровне не занимавших в армии столь больших должностей Свечина со Снесаревым.

Полагают, что с верхушкой бывших военспецов из царского офицерства в ходе акции «Весна» в 1930—1931 годах расправились не случайно. Это были годы начала отвердения сталинской диктатуры, а Сталин с Гражданской войны такой публике не доверял, постоянно ждал от бывших царских или белых офицеров в Красной армии либо заговора с умыслом на военный переворот, либо измены в случае новой войны с заграницей, которая все еще оставалась вполне реальной. Уже к середине 20-х годов многочисленные красные командиры из бывшего еще царского офицерства понемногу оправились от шока 1917—1920 годов, опять начав блокироваться и воссоздавать свою касту уже в условиях РККА. Возрождались полковые собрания и посиделки, традиции офицерских судов чести и товарищества однокашников по царским военным училищам, даже мода на дуэли возродилась. В эти традиции по примеру бывших гвардейцев и генштабистов из царской армии уже втя-

гивалось и новое советское офицерство из рядовых слоев общества, взлетевшее на командные должности уже в Красной армии за время Гражданской войны. Кроме того, что советской власти никак это было не нужно с идейных позиций в ее рабоче-крестьянской армии, так еще это было чревато ностальгией по старой России, связями с бывшими белыми офицерами и вечной в России тягой элитной гвардии к дворцовым заговорам.

К тому же дело «Весна» стало в чистом виде репетицией будущих репрессий в Красной армии: здесь ликвидировали только выходцев из российского дореволюционного офицерства, десятки расстреляв и сотни посадив или выслав. Главная зачистка армии в 1937 году вырежет уже гораздо более широкий слой не вызывавших полного доверия Сталина высших офицеров РККА вполне пролетарского происхождения и выдвинутых Красной армии времен Гражданской войны. Пока же в конце 20-х годов выбивали из командного состава РККА только самые подозрительные категории. Это в первую очередь те красные командиры, кто получил должности в РККА после показательного возвращения из эмиграции белого лагеря в начале 20-х годов, как арестованный по делу «Весна» в 1930 году ветеран Добровольческой армии и реэмигрант Гравицкий. А также те кадровые офицеры из военспецов, кто в Гражданскую войну по принуждению или за идею сражался на командных должностях в Красной армии без вступления на путь откровенного большевизма. Таких, кроме Свечина, в деле «Весна» олицетворял Ольдерогге, бывший полковник царской армии и ветеран еще Русско-японской войны, командовавший в Гражданскую Восточным фронтом Красной армии, его по итогам дела «Весна» расстреляли в числе других осужденных.

Дело «Весна» в нашей истории оказалось в тени полузабытья, затертое более поздними и более массовыми репрессиями 1937 года в РККА, хотя и по нему были арестованы сотни и расстреляны десятки командиров РККА с прошлым царских офицеров. Историки к делу «Весна» нечасто возвращались даже в самые разоблачительные 80—90-е годы, как полагают, потому, что они не были в чистом виде безмотивными репрессиями ГПУ для устрашения, а базировались на достоверных агентурных сведениях об антисоветском настрое фигурантов этого

дела. Это действительно так, кое-кто из арестованных в ходе дела «Весна» и вправду далеко заходил в критике новой власти или был замечен в контактах с белым лагерем, в чем был уличен следствием или сознался сам, хотя тогда следственные методы ГПУ еще не были так brutальны, как семью годами позднее. Но даже здесь размах репрессий говорит о продуманной кампании ГПУ для устрашения и ее несоразмерности по масштабам репрессий реальной ситуации. Ведь кроме сознавшихся в планах связаться с белыми эмигрантами по делу «Весна» арестовывали и осуждали и таких, как бывший белый офицер и красный командир курсов «Вымпел» Козерский, признавший свою вину на следствии в распевании после полковой попойки царского гимна «Боже, царя храни!».

Кроме громкого дела «Весна», в конце 20-х годов в разработке ГПУ было и менее известное дело «Генштабисты», когда разрабатывали многочисленных в Генштабе РККА царских или бывших белых офицеров. Тогда больших арестов среди генштабистов не было, но из этого дела тянутся многие ниточки компромата на Тухачевского, Корка, Егорова, Вацетиса и других расстрелянных в конце 30-х высших командиров Красной армии. Параллельно с «Весной» и «Генштабистами» волна арестов прошла и в штабе ВМФ, брали опять офицеров бывшего царского флота. В 1927 году были арестованы и менее заметные командиры РККА среднего звена, которых ГПУ обвинило в связях с английским разведчиком из МИ-6 Чарноком.

В качестве подруг одного из арестованных красных командиров в первый раз под арестом советской госбезопасности оказалась и молодая актриса Зоя Федорова, которой предстоит пережить сталинские лагеря позднее. Тогда еще 20-летняя бухгалтер Госстраха Зоя Федорова оказалась в следственном изоляторе ГПУ из-за своего увлечения фокстротом; посещая полулегальные вечеринки с танцами, она и познакомилась с молодым красным командиром по фамилии Прове, который в 1927 году оказался одним из обвиненных в шпионаже в пользу англичан и связях с Билли Чарноком. В архивном деле остался и ордер на арест Зои Алексеевны Федоровой, проведенный сотрудником ГПУ Тереховым, этот ордер № 7799 лично подписал зампред ГПУ Ягода. Остались и протоколы допросов Федо-

ровой на Лубянке следователем ГПУ Вунштейном, из которых видно, что молоденькую любительницу потанцевать привязать к шпионажу в пользу Англии никак не удавалось, отчего она в ноябре 1927 года была выпущена за недоказанностью ее вины. Хотя этот оперативный материал на Федорову в госбезопасности остался, а в 1946 году был использован при вторичном аресте уже известной киноактрисы Федоровой за антисоветскую деятельность, что уже стоило ей долгого пребывания во Владимирской тюрьме.

Характерно для рубежного в этом плане 1930 года и еще одно громкое дело ГПУ, уже против другого скрытого врага — националистов в республиках СССР. Собственно, таких дел было несколько: по украинским «буржуазным националистам», в Белоруссии, в горских республиках Кавказа. Самым громким в этой череде стало дело группы Султан-Галиева из татарских и башкирских коммунистов, выступивших не подпольно, а открыто с идеей поднять до уровня союзных республик в СССР единую Кавказскую республику, Туранскую республику в Средней Азии, Казахскую республику (они на тот момент еще были автономными республиками в РСФСР) и Волжско-Уральскую республику местных тюркских народов. В ГПУ это так называемое «Татарское дело» рассматривали как явную крамолу и сепаратизм с исламским душком, по этому делу в Казани, Уфе, в Крыму арестованы сотни султан-галиевцев. Сам бывший пламенный большевик и помощник Троцкого по работе с мусульманами в РВС Султан-Галиев по этому делу осужден вместе с 20 своими сторонниками к расстрелу, замененному ему затем десятью годами лагерей, в 1937 году при вторичном аресте его все же расстреляли.

Одновременно шли похожие процессы в союзных республиках. В Белорусской ССР шли аресты по делу «Союза освобождения Белоруссии», в Азербайджане — по делу «Азербайджанского национального центра», на Украине — по делу «Украинского центра», задевшие и местную советскую элиту. По делу украинских националистов из партии как раз и выгнан ветеран коллегии первой ВЧК Скрыпник, на тот момент зампредседателя Совнаркома Украинской ССР, когда он после долгих обвинений и объяснений застрелился в Харькове. Это

опять же не раздутые из пустоты следственные дела, но начатые с реальных оппозиционных групп и доведенные в итоге до размашистых и отчасти превентивных репрессий ГПУ — тоже в чистом виде репетиция грядущей всевыжигающей в любом направлении зачистки 1937 года.

В 1930 году еще одно дело ГПУ зацепило и бывших российских анархистов, к ним по логике пришли сразу после бывших эсеров, кадетов и меньшевиков. К тому времени последние структуры российского анархизма, подобные «Кропоткинскому клубу», были уже в Советском Союзе запрещены. И многие бывшие столпы анархизма от безысходности ударились в средневековую мистику, взявшись тайно возрождать в Советской России союзы франкомасонов или розенкрейцеров с их мистической атрибутикой и специфическими идеями. Почему именно бывшие деятели анархии в Советской России ударились в масонскую и эзотерическую мистику, теперь трудно сказать, но это факт. Еще в 1924 году бывшие анархисты во главе с Солоновичем воссоздали в СССР тайное средневековое общество тамплиеров, к 1930 году ГПУ за счет своего тайного агента среди анархистов Шрейбера членов этого общества выявило и арестовало, лидеры советских тамплиеров получили по несколько лет лагерей.

Еще в 1928 году ГПУ разгромлена родственная тамплиерам по духу тайная группа розенкрейцеров, также созданная бывшими видными анархистами Чеховским и Тегером, увлекшимися оккультными ритуалами средневековых тайных обществ. По этому делу Тегер с Чеховским отправлены в лагерь на Соловки, Чеховский здесь уже в 1929 году расстрелян за попытку побега. Многие члены этого ордена «Розы и креста» в 1929—1930 годах после недолгих арестов были выпущены, следствие ГПУ не нашло в оккультных изысканиях розенкрейцеров XX века умысла на борьбу с советской властью. Так был выпущен и их главный духовный гуру Белюстин, служивший переводчиком в советском Наркомате иностранных дел и распространявший слух, что он является очередным воплощением знаменитого мистика графа Сен-Жермена.

В делах Белюстина, Тегера и прочих розенкрейцеров из бывших анархистов осталась масса мистических документов и свое-

образных признаний. Член этой организации Ракеева под следствием в конце 30-х годов признавала свое авторство письма Сталину от розенкрейцеров с угрозами и предсказаниями будущего советской власти, это письмо осталось в чекистских материалах дела. Там же есть упоминание, что под следствием Ракеева изготовила из хлеба в камере фигурки членов советского Политбюро и производила с ними какие-то таинственные манипуляции. Поскольку колдовство с глиняными фигурками монархов было частым обвинением «ведьмам» во времена средневековой инквизиции, то следствие НКВД в отношении розенкрейцеров служит хорошим аргументом для тех, кто полагает, что сталинские репрессии ввергли нашу страну из XX века буквально во тьму Средневековья.

Но вообще-то в этих делах мистиков из бывших анархистов ГПУ не слишком интересовали их экзотические оккультные взгляды, фигурки из хлеба и ритуалы поклонения Бафомету, чекистам было достаточно факта создания тайного (а значит, явно антисоветского) общества, да еще из бывших убежденных анархистов. Вот нелюбезное анонимное письмо от них Сталину — совсем другое дело, здесь легко провести линию обвинения к антисоветской деятельности и терроризму. И ликвидировали новоявленных розенкрейцеров с тамплиерами именно как тайные группы анархистов в той же волне процессов на рубеже 20-х и 30-х годов, и это тоже была репетиция будущих глобальных процессов против всех «бывших».

И почти везде это не полностью дутые дела. Такие тайные группы в виде дискуссионных клубов недовольных ученых-историков, военспецов из РККА, ударившихся в тоске по свободе в оккультный мистицизм анархистов, старых меньшевиков или поборников прав попавшего в 1929 году под «великий перелом» крестьянства действительно существовали. Только им опять же для показательности процессов 1929—1930 годов приплели обвинения в связи с заграничными меньшевиками — для «Союзного бюро меньшевиков», с эмигрантами-эсерами — для ТПК Кондратьева, с «Торгпромом» — для «Промпартии», с белым офицерством РОВС — для «Дела военных». Одновременно все эти группы попытались увязать между собой, поскольку многие их лидеры были знакомы, так вырисовывалась

картина объемного заговора, охватывающего многие сферы советского общества.

Сталин после известий об этих арестах, а все они произошли в течение года, писал своему соратнику Молотову: необходимо поискать связи всех этих групп между собой, а также с троцкистами и с «правым уклоном» в верхах партии, а «Громана, Кондратьева и пару-другую из этих мерзавцев обязательно нужно расстрелять», — уже к 1930 году власть не скрывала, что на показательных процессах приговоры будет предрешать она, а суд только формально зачитывать их.

Репетиции будущих ударов по интеллигенции, кроме высылки не принявших новой власти писателей и ученых 1922 года, шли все 20-е годы. Начиная со знаменитого ареста и высылки чекистами видных деятелей «Помгола» (Комитета помощи голодающим в Поволжье), посмеявших без высшего одобрения партии и советской власти собраться для попытки помочь голодающему населению целых губерний. Деятели «Помгола» с достаточно известными среди российской интеллигенции именами (Прокопович, Осоргин, Кускова и др.) после арестов и допросов разбросаны чекистами по ссылкам с запретом жить в столице. Между интеллигенцией, даже принявшей поначалу революцию и советскую власть, и самой этой властью уже с начала 20-х годов начинала вырастать идейная пропасть и вставать стена политического сыска в лице ГПУ. Так, арестованному тогда в числе главных помголовцев председателю Союза журналистов Осоргину сотрудник ГПУ на допросе задал стандартный для 20-х годов вопрос: «Ваше отношение к советской власти?» На что получил от Осоргина ответ: «Я к ней отношусь со все большим удивлением, поскольку революционная буря опять вырождается во что-то полицейское в виде ГПУ».

Тот же 1922 год памятен в истории ГПУ еще и тем, что по его инициативе закрыто «Общество помощи политическим заключенным», созданное бывшей супругой писателя Горького Екатериной Пешковой. Взамен с разрешения Дзержинского Пешковой позволили затем открыть эту же общественную организацию под названием «Помполит», которая уже практически лишена была какого-либо веса, и лишь сама Пешкова продолжала досаждать прошениями об очередном политиче-

ском арестанте Дзержинскому, а позднее Ягоде. В 1938 году даже это символическое общественное объединение закрыли наглухо, поскольку политических заключенных СССР вообще перестал за собой признавать, косяками пошли одни «враги народа».

1929 год — так называемый год «великого перелома», когда на излом принудительной коллективизации было взято крестьянство по всему Советскому Союзу, — сопровождался массовыми репрессиями против «кулаков» и любых несогласных с политикой колхозов. И здесь деятельное участие в репрессиях к недовольным и массовым высылкам кулацких семей на смерть в холода приняло ГПУ. От спецслужбы в главной комиссии по раскулачиванию СССР заседали тогда заместители председателя ГПУ Ягода и Евдокимов. Роль спецслужбы здесь была не главной, основную нагрузку возлагали в коллективизации на партийные органы. ГПУ обязывали помогать выявлением явных противников «великого перелома» и их репрессиями.

Одно из таких дел ГПУ в эпоху «великого перелома» сейчас достаточно известно. В 1932 году в уральской глухой деревушке Герасимовка был зарезан юный пионер Павлик Морозов, с подачи лично Сталина вскоре раскрученный советской пропагандой как главный пример детворе, как пострадавший за разоблачение в суде отца-кулака от других несознательных родственников. Сейчас легенда о Павлике Морозове поистерлась и потускнела, только специалисты помнят, что обстоятельства и мотивы его убийства туманны. Что осужденные за него люди, вероятно, просто «назначены» следствием Свердловского ГПУ в убийцы с политическим мотивом, а значит, и сам несчастный подросток ни на кого не доносил, а незаслуженно припечатан в истории каиновым клеймом «предателя родного отца». Материалы следствия ГПУ из 1932 года наводят на мысли, что показания арестованных подгонялись под уже озвученную на всю страну версию «мести кулаков храброму пионеру». Что двое родственников Павла Морозова расстреляны в итоге без особых оснований, а его восьмидесятилетние дед и бабушка еще до приговора умерли в тюрьме под следствием в результате тех же специфических методов расследования. Ведь даже на процессе октября 1932 года по этому делу вместе с расстрель-

ными приговорами суд признал применение следователем ГПУ Титовым в этом расследовании фальсификации доказательств и побоев подследственных, вынеся частное определение о привлечении к суду за это самого чекиста Титова. Хотя на участь расстрелянных «убийц» Павлика — его родственников Арсения Кулаканова и Данилы Морозова — это никак не повлияло. Это громкое дело — один из примеров участия ГПУ в «великом переломе».

А также ГПУ должно было вмешиваться вместе с частями регулярной РККА там, где на этом фоне происходили откровенные крестьянские восстания. Это в 1929—1930 годах случалось на Дону, в Рязанской губернии, в Бурятии. В 1929 году крупное восстание крестьян против коллективизации подавлено в Аджарской автономии, подавлением лично руководили глава Аджарского ГПУ Киладзе и руководивший тогда всем ГПУ по Закавказью Лаврентий Берия, будущий шеф союзного НКВД. В это же время крупное восстание крестьян под началом Ахундова подавлено в Азербайджане, здесь действиями войск ГПУ руководил начальник Азербайджанского ГПУ Фриновский, в будущем правая рука наркома НКВД Ежова в годы ежовщины.

После воспетого советской пропагандистской машиной «великого перелома» российской жизни наступили в ряде областей СССР еще и голодные годы, стоившие нашему крестьянству еще не одного миллиона жизней. Считается, что тогда кроме сбоя в сельском хозяйстве за счет пресловутого «перелома» действительно сказался еще и неурожай 1930—1931 годов. Но сейчас все больше историков главной причиной этого «голодомора» в больших областях Украины, Северного Кавказа, Дона, Поволжья, Северного Казахстана, Урала, Дальнего Востока считают установки власти на изъятие хлеба на экспорт, приравнивая итоги этого большого советского голода к геноциду советской властью собственного населения, когда миллионными жертв голода оплатили сталинскую индустриализацию промышленности. В этой страшной эпопее у ГПУ тоже была своя главная функция, поскольку к размашистым репрессиям, как и при сплошной коллективизации, госбезопасности прибегать не пришлось за отсутствием массовых выступлений против влас-

ти и здесь, народ уже был надломлен и затерроризирован за более чем десять лет советской власти.

На ГПУ кроме ликвидации небольших очагов сопротивления и выявления недовольных в качестве главной задачи возлагалось создание кордонов от проникновения сельского населения из голодных областей в большие города и в не затронутые голодом регионы страны, своеобразная информационная блокада голодных краев. Из Политбюро и с Лубянки начальнику ГПУ Украинской ССР Всеволоду Балицкому прямо приказали изолировать некоторые украинские области, не пропуская в Белоруссию и РСФСР самих голодающих и массовые слухи о жертвах голода. Именно благодаря этой информационной блокаде об ужасах «голодомора» на Украине в мире знали долгое время только часть правды от украинских эмигрантов и свидетельств под немецкой оккупацией Украины 1941—1943 годов, а весь жуткий масштаб голода 1930—1932 годов в российских областях мы узнаем только сейчас. Это тоже стало репетицией для советских спецслужб, кордон для распространения информации в закрытой стране, пусть и относительно условный, совсем пресечь страшную правду и не менее страшные слухи было не под силу даже отоброшенной и отлаженной машине всесоюзного ГПУ. Крестьяне все равно просачивались в города в поисках спасения, да и кордон начали ставить уже после начала такой голодной миграции. Но это тоже мостик для спецслужб от большого голода к Большому террору несколькими годами позднее.

ГПУ ПРОТИВ ЦЕРКВИ

Это тоже была первая репетиция, вернее, начало большой расправы с православной церковью в России, пик которой пришелся опять же на 30-е годы, от этого удара Русская православная церковь не оправилась до сих пор. И первый сильный удар по церкви и ее позициям в России пришелся на середину 20-х годов, когда ГПУ объявило практически официальную кампанию террора против церкви. Да и практически до конца 20-х годов чекисты относились к церкви исключительно

но как к враждебному их власти институту, руководствуясь богоборческими лозунгами большевиков: «Мы свергнем царей небесных, как свергли царей земных».

Старт откровенным репрессиям против церкви был дан еще в ходе Гражданской войны. Когда, например, начальник Секретно-политического отдела ГПУ Тимофей Самсонов, богоборец и бывший анархист, написал на имя Дзержинского докладную в виде проекта окончательно за несколько лет уничтожить в Советской России православную и любую другую религию путем прямого изничтожения духовенства разных конфессий в целом. Затем столь откровенно кровавый план скорректировали по срокам и по методам исполнения, приступив к удушению церковью постепенно.

В середине 20-х годов отношение советской власти к церкви стало непримиримо агрессивным. «Христиане — враги большевиков» — это слова еще не самого ортодоксального и кровавого члена ленинского правительства Луначарского, среди чекистов было множество еще более агрессивно настроенных против церкви людей. Тогда на заметку ГПУ с печальными для него последствиями мог попасть даже не ревностный поборник веры, а тот, кто, например, праздновал Рождество или Новый год и ставил дома рождественскую ель. Еще одна мощная кампания против церкви была проведена уже в 30-х годах, кульминацией которой стало символическое разрушение храма Христа Спасителя в Москве. Православная церковь в России в своем дореволюционном виде была практически добита, да к тому же подорвана не без участия госбезопасности изнутри политикой сергианства по имени соглашавшегося с советской властью и во всем ей послушного патриарха Сергия.

После первых силовых акций чекистов против православной церкви 1918—1919 годов церковное руководство в лице патриарха Тихона практически смирилось и отказалось от борьбы против советской власти даже на уровне проповедей. В сентябре 1919 года Тихон даже выпустил официальное обращение «О прекращении духовенством борьбы с большевиками» и ни разу затем не выступил в поддержку Белого движения (как раз выступавшего в большей части под знаменами православной веры), надеясь хотя бы на встречный нейтралитет со стороны

власти Ленина. В ответ на миролюбивую инициативу Тихона и попытку как-то ужиться с новой властью церковь получила в 20-х годах от Советов массовые гонения и спланированную кампанию террора против нее непосредственно со стороны советской спецслужбы ГПУ.

Православная церковь в России и раньше вступала в непростые отношения с верховной властью в стране и ее системой тайных служб. Был страшный раскол при Никоне, была и отмена Петром I патриаршества, и прямой петровский приказ предавать тайну исповеди в случае дела о политическом преступлении, и вербовки священников в агенты, много чего было в непростой истории церкви в Российской империи. Но никогда романовский тайный сыск не организовывал лобовой атаки на церковь, не громил храмы, сдирая позолоту с куполов для продажи за границу, и ни в какой Тайной канцелярии, Третьем отделении или охранном отделении не додумались бы создать в структуре спецотдел по работе против церкви.

В ГПУ при Дзержинском такое подразделение появилось, оно именовалось 6-м отделением Секретного отдела, и возглавлять его Феликс Эдмундович доверил ветерану ЧК Евгению Тучкову, прошедшему школу «красного террора» на фронтах Гражданской и руководившему кровавым подавлением Мензелинского восстания крестьян на Волге. Собственно, этот отдел Тучкова ведал кроме православия и работой против служителей других культов, поскольку мусульманское, иудейское, буддистское, католическое духовенство в те же годы подверглось столь же безжалостному давлению ГПУ.

Именно этот отдел ведал арестами священников, дискредитацией высшего руководства церкви, разгромом христианских храмов, репрессиями против пытавшихся защитить церковь и священников прихожан. После первых массовых расправ при участии чекистов над верующими в Шуе на Вологодчине в 1921 году, где при разгроме церкви было убито четверо прихожан и десятки ранены или арестованы затем ЧК, в начале 20-х по стране прокатилась волна таких осквернений храмов и убийств противостоящих погромам жителей.

Тучков, помимо постоянных допросов арестованных священников, курировал и проект ГПУ по созданию альтернатив-

ной «обновленческой церкви», союзной большевистской власти, — своего рода коммунистического суррогата православия, это тоже была большая операция чекистов. Патриарх Тихон за свои выступления против обновленцев и гонений на церковь несколько раз арестовывался. Особенно яростно чекисты из отдела Тучкова требовали от Тихона и подконтрольной ему церкви в Советской России открытого разрыва с созданной эмигрировавшим духовенством Русской православной церковью зарубежья, организованной в 1921 году на первом ее соборе в югославском городе Сремски-Карловцы. Биограф патриарха Тихона М.И. Вострышев описал этот арест в мае 1922 года, когда чекисты увезли патриарха из Троицкого подворья, заключив его под арест на территории Донского монастыря, где вскоре они оборудуют места для тайных расстрелов своих заключенных. Именно здесь от Тихона потребовали осуждения собора «заграничников» и полного отказа от связей с ними, причем чекисты держали себя с главой православной церкви очень развязно, а ставший здесь его главным тюремщиком чекист Рыбкин снисходительно похлопывал Тихона по плечу и издевательски называл его «сеньором». В надежде на сохранение хоть каких-то послаблений для своей паствы Тихон и здесь пошел на компромисс, заявив о разрыве Московского патриархата с Зарубежной церковью, после этого его выпустили.

Последний раз Тучков выпустил его из внутренней тюрьмы на Лубянке лишь после подписания очередного покаяния перед советской властью, в котором Тихон сдавался перед обновленцами. Выйдя из тюрьмы, Тихон вновь попытался возвысить свой голос в защиту церкви. И к нему, уже смертельно больному, в палату приезжал Тучков с решением об очередном аресте патриарха, которого Тучков во всех документах принципиально именовал «гражданином Белавиным» без уважения к сану патриарха и его церковному имени. Но в 1925 году Тихон из этой больничной палаты уже не вышел, умерев своей смертью и избежав тем очевидно надвигавшейся расправы с ним ГПУ. Пришедший ему на смену патриарх Сергей полностью стал подконтролен новой власти, вызвав тем уход многих истинных верующих в нелегальную «катакомбную» церковь в России. Наследие сергианства наша православная

церковь переживает до сих пор, и в плане восстановления своих позиций в обществе, и в попытках преодолеть раскол с зарубежниками и катакомбниками, продолжающихся и сегодня, в XXI веке.

На то же время пришлись роковые годы в России для многих иных конфессий. Так, в 1923 году нанесен удар по российским католикам, которых после выхода из России Польши и стран Балтии осталось в стране не так уж много. Уже Новый 1923 год многие католические священники встретили под арестом ГПУ, а их храмы были опечатаны, советская власть тогда объяснила это необходимостью изъятия ценностей из католических храмов в помощь голодающему Поволжью. В том числе был арестован и глава российских католиков архиепископ Иоанн Цепляк, его осудили за контрреволюционную агитацию к десяти годам тюрьмы и лишь после яростных протестов из Европы выслали за пределы Советской России. Менее известные католические священники в 1923 году стали жертвой чекистского террора, как расстрелянный в марте того года во внутренней тюрьме на Лубянке прелат Буткевич. Также в 1927 году после протестов за рубежом ГПУ вынуждено было освободить и выпустить из Союза арестованного главу иудеев-хасидов раввина Шнеерсона, за католиков и иудаистов хотя бы было кому заступаться на Западе, чего не хватало в неравном противостоянии ГПУ оппозиционно настроенной части православного духовенства. В годы больших репрессий Сталина в конце 30-х остатки католической церкви в Советском Союзе были добиты, а священники рассажены по лагерям ГУЛАГа.

После 1925 года православная церковь была в России надломлена, обновленческий проект сыграл свою роль, и в итоге православие было отделено от государства и по полной программе поставлено под контроль советских спецслужб. Очень большую роль в этом сыграло то самое 6-е отделение ГПУ и лично его начальник Тучков, переживший затем и сталинские чистки в НКВД и до своей смерти от рака в конце 50-х годов возглавлявший какой-то комитет атеистов в Советском Союзе.

Считается, что с начала 40-х годов репрессии советских спецслужб против православной церкви и других конфессий в СССР в духе некоего указания Сталина были остановлены, по

крайней мере заметно смягчены. Хотя до конца дней Советского Союза эти отношения были непростыми. Да и удар 20—30-х годов уже так подорвал позиции церкви, так она была ограблена и так было подорвано ее положение в обществе, что особенно давить на нее теперь уже не было необходимости. Все мы помним, что до конца 80-х ни одна из существующих в СССР конфессий серьезной политической опасности для советской власти не представляла.

РЕПЕТИЦИЯ «СТРАННЫХ СМЕРТЕЙ»

Напоследок нельзя не сказать еще об одной репетиции 20-х годов, в которой до сих пор подозревают ГПУ, хотя в каждом конкретном случае по-настоящему доказать что-то довольно сложно. Речь идет о подозрениях в адрес советских чекистов в тайных ликвидациих неугодных власти лиц, замаскированных под несчастные случаи, самоубийства или естественную смерть. В советской истории затем не раз будет повторяться этот рефрен, когда внезапную (часто очень своевременную для верховной власти или, возможно, выгодную ей) смерть известного человека будут объяснять результатом спецоперации органов ЧК—КГБ: Киров, Слуцкий, Камо, Горький, Жданов, Есенин, Галич, Машеров и так далее — здесь список очень большой.

В подобных странных смертях 20-х годов советской эпохи тоже много недоказанных моментов, не позволяющих в каждом случае напрямую обвинять ГПУ. Чтобы не углубляться по каждому такому случаю в детальное и долгое расследование, а им сейчас посвящены многие увесистые книги, отметим лишь, что версии о причастности спецслужб Советского Союза к ним появились тогда не на пустом месте. А потому они так стойки в нашей истории и в народном мнении уже почти век. В отдельных случаях вина ГПУ кажется очень зримой, в других — притянутой слухами и мрачно-таинственным имиджем самих спецслужб. Обижаться здесь ветеранам органов ЧК—КГБ и их адвокатам в истории не на что: такой имидж своей службе они творили сами, а доказанные историей и документами факты

тайных ликвидаций наводят на мысль: «А почему бы здесь не могли?» — это же естественно.

Чекисты разных поколений негодуют по поводу мрачной байки, ходившей в советском обществе, что голову расстрелянного в Екатеринбурге последнего царя из Романовых ЧК тайно доставила в Москву, а Ленин (в другой версии — Свердлов) якобы хранил ее для своего удовольствия в личном сейфе. Эта версия была действительно ложной и довольно нелепой, но за ее появление ЧК может «благодарить» только собственный имидж. Если питерские чекисты так же для устрашения выставляли на обозрение заспиртованную голову убитого ими бандита Леньки Пантелеева, если втайне привезли в Москву череп Гитлера — чему удивляться, что такие версии об отрезанной голове последнего царя ходят в простом народе. Если глава ЧК—ГПУ Дзержинский действительно, а не по легенде не стеснялся развезжать по Москве на автомобиле покойного великого князя Михаила Романова, тайно убитого под видом похищения его же «ребятами в кожанках» в Перми. Если сам Ленин катался в «роллс-ройсе» бывшего императора Николая II — что же удивительного, что молва от приватизированного у своей жертвы чекистами авто перебросила мостик к дикой версии о голове бывшего императора в сейфе нового вождя страны. И в отдельных «странных смертях» 20-х годов подозрения в адрес советских спецслужб вполне оправданны, особенно с высоты нашего сейчас знания о подобных акциях: о тайной лаборатории ядов, о ледорубе в голове Троцкого, об уколе «болгарским зонтиком», об участии шведского дипломата Валленберга в СССР и так далее.

Одной из наиболее известных среди таких историй следует признать странное самоубийство поэта Сергея Есенина, якобы повесившегося в 1925 году в занимаемом им номере ленинградской гостиницы «Англетер» на почве депрессии, творческого кризиса и проблем со спиртным. Споры вокруг смерти Есенина предостаточно и сейчас, как и тех людей, даже среди серьезных историков, кто уверен в организации ГПУ тайной ликвидации давно неугодного советской власти и слишком свободолобивого поэта. Есенин давно раздражал власть, отказывался признать себя большевистским поэтом, утверждал, что

он «левее большевиков» и дружен с эсерами. Само ГПУ Есенин должен был раздражать еще больше своим поведением и творчеством, один образ «Чекистова-Лейбмана» в его поэме «Страна негодяев» чего стоит, да еще и с антисемитским намеком на еврейское происхождение многих руководителей ЧК—ГПУ.

Среди предполагаемых убийц Есенина чаще всего называют небезызвестного чекиста Блюмкина, уже бывшего главным героем запутанной истории с убийством посла Мирбаха в 1918 году. Именно «черного чекиста», как одно время звали Блюмкина в органах госбезопасности, иные исследователи жизни Есенина считают и тем самым аморфным «Черным человеком» из поздних депрессивных стихов Есенина за 1925 год и одноименной поэмы, которого так опасался поэт и который в итоге оказался его убийцей. Подозревают в ликвидации Есенина, кроме Блюмкина, также сотрудников Ленинградского управления ГПУ Князева, Цкирию, Петрова, включая замначальника Ленинградского ГПУ Леонова, а также начальника Ленинградского угрозыска Петржака. Реальную картину произошедшего тогда в гостинице «Англетер» сейчас установить вряд ли удастся. Все перечисленные чекисты в 30-х годах уничтожены своими же товарищами как тайные троцкисты, унеся с собой многие тайны в могилу.

Периодически интерес к загадочной гибели русского поэта дает очередные всплески расследований. Так, еще в конце 80-х годов милицейский полковник из МУРа по фамилии Хлысталов по собственной инициативе проводил отдельное частное расследование обстоятельств смерти Есенина и тоже пришел к выводу, что под самоубийство была инсценирована ликвидация поэта сотрудниками ГПУ. После настойчивых запросов инициативного милиционера Хлысталова Бюро главной судебно-медицинской экспертизы при Минздраве РФ проводило в 1992 году повторную экспертизу по посмертным снимкам и маске с мертвого Есенина, вторично отвергнув версию Хлысталова об убийстве. Вмятину на лбу покойного поэта эксперты назвали следом от термического ожога горячей трубой в момент самоповешения, еще раз подчеркнув однозначно — 28 декабря 1925 года в номере гостиницы «Англетер» Есенин сам покончил с собой.

Сама гостиница «Англетер», переименованная в то время в «Интернационал», в которой обнаружили труп Есенина, действительно была тогда ведомственным учреждением Ленинградского горотдела ГПУ. И вызвавший к трупу милицию ее директор Назаров был ранее кадровым чекистом, к тому же вскоре после этих событий Назаров при не вполне ясных обстоятельствах и мотивах сам покончил с собой, выбросившись из окна. И на фотографиях тела покойного многие замечают следы прижизненного насилия. Чаще всего в качестве заказчика ликвидации Есенина называют Троцкого, имевшего тогда вполне мощное лобби своих сторонников в ГПУ, а особенно в Ленинградском его управлении. Поэтому исполнителями и считают чекистов-троцкистов, как ленинградских, так и якобы прибывших под началом Блюмкина для проведения операции из столицы — Блюмкин был тогда самым надежным соратником Троцкого в центральном аппарате ГПУ. Блюмкин действительно был близок к Есенину, одно время необузданного поэта и столь же непредсказуемого чекиста даже можно было назвать друзьями, по крайней мере до их ссоры в Баку, вылившейся в драку знаменитого поэта со знаменитым по-своему чекистом. Они близко сошлись еще во время вылазки Красной армии в персидский порт Энзели в Гражданскую войну, где Блюмкин руководил действиями ЧК по созданию коммунистического подполья из персов, а Есенин отправился с красными войсками за впечатлениями, как Пушкин когда-то за царской армией в поход на Эрзерум. Здесь Есенин с Блюмкиным подружились, и книжку навешанных этой экспедицией своих стихов «Персидские мотивы» Есенин официально посвятил чекисту Блюмкину, с которым затем в Москве часто встречался и выпивал.

Официально смерть Есенина до сих пор считается самоубийством, прокуратуры и СССР, и позднее РФ отказывали возбуждать новое дело по поводу подзабытых событий почти вековой давности. Тогда же, в 1925 году, дело о смерти Есенина у милиции быстро забрали для расследования в ГПУ, застолбив в итоге на десятилетия вперед эту официальную версию о самоубийстве поэта на почве пьянства, психического расстройства и глубокой депрессии, а опровергнуть этот вердикт теперь будет сложно за давностью лет.

То же и с делом красного полководца Фрунзе, якобы умышленно убитого в том же 1925 году под видом хирургической операции (то ли излишней дозой хлороформа, то ли просто зарезанного на операционном столе), на которую сам герой Гражданской войны согласился только под давлением верховной власти. Здесь, в отличие от примера с Есениным, рука ГПУ проглядывается не так явно, как и мотив такой тайной ликвидации: так ли уж опасен был красный командир Фрунзе в 1925 году для власти Сталина, как это доказывают сторонники версии об убийстве на хирургическом столе? Даже с учетом каких-то неясных слухов о тайных контактах Фрунзе со сторонниками Троцкого в командном составе Красной армии — в те годы половина видных большевиков либо высказывала троцкизму симпатии, либо колебалась и перебегала из лагеря в лагерь. Когда говорят о вероятной ликвидации Фрунзе под видом хирургической операции со стороны ГПУ по приказу Сталина, то часто упоминают в качестве доказательства факт, что за год до этого нарком Фрунзе на ходу вывалился из собственного служебного автомобиля, сильно покалечившись. Хотя никакая связь здесь не прослеживается: наверное, если бы Фрунзе и тогда пытались убить, выталкивая из машины, но не довели замысел до конца, он сам бы об этом знал и утаить такое было бы нереально.

В том же 1925 году, за несколько месяцев до гибели при операции военного наркома Фрунзе, при не проясненных до конца обстоятельствах застрелен легендарный красный комбриг Григорий Котовский. Официально Котовского в ходе бытовой ссоры застрелил его бывший подчиненный и ординарец Меир Зайдер, немедленно арестованный на месте преступления и в нем признавшийся. Но сторонники теории тайных убийств полагают, что сверхпопулярного тогда в Красной армии Котовского, как и его непосредственного начальника в Наркомате обороны Фрунзе, ликвидировали спецоперацией ГПУ по заказу власти Сталина. Эта версия укладывается в готовую схему той реальности, что с 1925 года Сталин отказался от многих ленинских принципов, включая раздувание мировой революции, а в мирном СССР ему якобы мешали особо популярные и малоуправляемые красные командиры партизанской закалки.

Кроме странных и овечьих слухами смертей военного наркома Фрунзе и харизматичного красного полководца Котовского, в эту же теорию ликвидаций неугодных лиц в РККА втискивают иногда еще и гибель в авиакатастрофе близкого к Фрунзе советского военачальника Триандафилова. Царский полковник Владимир Триандафилов добровольно пошел в Красную армию еще в 1918 году и всю Гражданскую войну в штабе РККА был одним из самых главных стратегов, именно он разрабатывал большинство удачных операций Фрунзе на Восточном фронте против Колчака, в Средней Азии и позднее по ликвидации армии Врангеля в Крыму. В начале 20-х годов в СССР ставший военным наркомом Фрунзе приблизил к себе Триандафилова, часто называемого самым талантливым из царских военспецов в рядах РККА штабистом, назначив его в 1924 году начальником Оперативного отдела Генштаба РККА. Поэтому иногда выдвигают версию, что Триандафилова могли ликвидировать руками ГПУ как ближайшего соратника Фрунзе и как социально далекого царского офицера, к тому же с ним вроде бы очень конфликтовал со времен Гражданской войны красный полководец Тухачевский. Но это очень сомнительный довод, сам Тухачевский напрямую с таким поручением к ГПУ обратиться никак не мог, а Сталин таких военных профессионалов ценил, если не было подозрений в их неверности советской власти, как ценил позднее и уберег от репрессий столь же талантливого штабиста из царских военспецов Шапошникова. Да и разбился в самолете Триандафилов уже в 1931 году, намного позже смерти на больничном ложе Фрунзе и убийства Котовского, с ним разбился и очень ценный для РККА другой военачальник Калиновский — основатель первых танковых войск в РККА, такими специалистами советская власть тогда не разбрасывалась.

Как и в массе подобных им «странных смертей» довоенной эпохи Советского Союза: самоубийстве Маяковского, смерти профессора Бехтерева, самоубийстве супруги Сталина Надежды Аллилуевой, гибели в авткатастрофе главного ленинского террориста-экспроприатора Камо, смерти во время операции видного большевика Ногина, самоубийстве наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе или уходе из жизни вдовы Ленина Надежды Крупской, якобы скорострительно скон-

чавшейся в 1939 году, отведав присланного ей от Сталина из Кремля праздничного торта. Это обычное дело, в такие напряженные моменты истории с борьбой во власти любыми методами спецслужбы разных стран начинают подозревать в организации тайного убийства при любой внезапной смерти задействованного в большой политике человека.

Вот бывший заместитель Троцкого по руководству Красной армией и его верный соратник Эфраим Склянский в 1925 году тонет в момент прогулки на лодке по озеру. А это годы разгара кампании сторонников Сталина в партии и правительстве против Троцкого — сразу у многих любителей «конспирологических версий» готово объяснение: ликвидировали чекисты по приказу сталинской власти. И сторонников версии не смущает даже то, что утонул Склянский во время своей командировки по линии внешней торговли в США, тогда как чекистам гораздо легче и безопаснее было бы организовывать этому видному троцкисту «несчастный случай» на своей территории. Да и при изучении обстоятельств гибели Склянского сразу заметно: утонул он на озере около Нью-Йорка, катаясь на лодке не один, с ним вместе ушел на дно и взявшийся лично покатать высокого гостя из Москвы советский торгпред в США Хургин. Да и перевернулась их лодка на глазах множества свидетелей из числа американских граждан и сопровождавших их сотрудников советского посольства.

Но сторонников версии о тайной ликвидации Склянского такими доводами не убедишь. В написанной в подобном духе книге «Тайны Сталина» (М., 2005, под редакцией В.В. Веденеева) даже расписана подробная картина заговора с участием ГПУ по коварному утоплению Склянского. Сначала Сталин направляет опасного ему троцкиста с заданием инспектировать общество «Амторг» в США, затем почему-то не лично, а через своего секретаря Мехлиса намекает на необходимость несчастного случая зампреду ГПУ Ягоде, затем уже в лоб спрашивает Ягоду: «Что думаешь делать со Склянским?» После этого Ягода организует операцию, в США командировывают сотрудника ГПУ Каннера, и тот исполняет ликвидацию Склянского вместе с оказавшимся с ним «не в той лодке не в то время» торгпредом Хургиным. А после возвращения чекиста после задания в Мос-

кву любопытный Мехлис зачем-то прямодушно спрашивает Каннера: «Гриша, это ты утопил Складского?» — получая заговорщицкий ответ: «Есть вещи, которые лучше не знать».

Все это очень интересно читать, и написано столь серьезно, словно составители сборника сенсаций «Тайны Сталина» лично при всех этих странных диалогах присутствовали, хотя абсолютно ничего из этого документально не подкреплено. Один из главных любителей таких версий в нашей истории Суворов (Резун), перебежчик из советских спецслужб, даже угадывает детали ликвидации: «Утащили из-под воды за ноги», — очевидно, диверсанты-водолазы из ГПУ. Сразу вспомнилось, что в конце 70-х годов при подобных обстоятельствах падения с лодки на рыбалке едва не утонул многолетний глава брежневского Совета министров СССР Косыгин. Но чекисты из девятого управления КГБ (охраны руководства страны) не потащили его под воду за ноги, а, напротив, спасли ему жизнь, вытащив из воды. А если бы не успели и Косыгин утонул, что тогда? Какая была бы сразу готова версия у увлекающихся конспирологией исследователей о том, кто ему «помог»? Ведь глава КГБ Андропов Косыгина недолго любил и имел с ним различные взгляды на дальнейшее развитие социализма в стране.

Едва ли за любым из названных случаев из 20—30-х годов нужно углядывать «руку зловещей ЧК». Например, очень сомнительна версия отравления посланным прямо от Сталина тортом не игравшей уже никакой роли (кроме почетной роли ленинской вдовы) в политике СССР Надежды Константиновны Крупской, как бы Сталин первую вдову СССР ни ненавидел и пусть он даже называл ее в сердцах неделикатно «макакой». Сомнительна и ликвидация ГПУ советского профессора Владимира Бехтерева в декабре 1927 года, по устойчивой легенде отравленного чекистами в буфете Большого театра в антракте представления. Здесь не вызывает большого доверия и мотив, по которому ГПУ могло бы понадобиться тайно убирать известного ученого с мировым именем: тот якобы получил доступ к медицинским картам Сталина, выявил у генсека параноидальную шизофрению и собирался то ли разгласить эти сведения, то ли передать их в руки антисталинской оппозиции. Не очень понятно, как столь охраняемые сведения могли уплыть

за стены Кремля на сторону и как в ГПУ узнали бы о решении Бехтерева предать их огласке, если ни с кем до своей кончины он ими поделиться так и не успел.

Так же сомнительно обвинение Сталина или Берии, возглавлявшего в начале 20-х годов ГПУ в Грузии, в гибели в авиакатастрофе заместителя главы Закавказской союзной республики Александра Мясникова. Самолет немецкого производства «юнкерс» рухнул в 1925 году на подлете к аэропорту Дидуби, когда у него загорелся в воздухе двигатель, с Мясниковым погиб и начальник Закавказского ГПУ Могилевский, а также известный в Гражданскую войну руководитель ЧК Атарбеков. Здесь никакие обстоятельства этой обычной катастрофы еще не самой надежной авиатехники не наводят на подозрения в организованной диверсии, но периодически опять вспоминают о руке Сталина или Берии. В том же 1925 году от внезапного инфаркта умирает уехавший лечиться на итальянский курорт под Генуей Юлиан Мархлевский — глава польских коммунистов и один из лидеров Коминтерна, а попутно заместитель Дзержинского в ВСНХ. Если подозревать ГПУ и в этой внезапной смерти советского руководителя, то разве в пределах СССР ее не легче было организовать, чем в зарубежной стране на спокойном курорте Нерви? Хотя нужно признать, что некоторые из таких внезапных смертей и заставляют своими обстоятельствами подозревать спецслужбы в причастности к ним даже в отсутствии твердых доказательств.

Наконец, посмертные слухи вокруг последних дней и даже месяцев жизни самого основателя Советского Союза Владимира Ильича Ленина тоже отчасти касаются деятельности службы Дзержинского. Впрямую наследников уже тяжелобольного вождя революции в его ликвидации почти никто не обвинял, даже с учетом каких-то упоминаний Сталина на Политбюро о просьбе мучающегося Ильича дать ему яд для добровольного ухода из жизни. Сталин тогда, после вынесения этого жуткого вопроса на решение партийного руководства, окруженному врачами и изолированному в Горках Ленину отказал, наиболее подозрительные исследователи намекают: не готовил ли Иосиф Виссарионович себе алиби на случай надобности ускорить уход из жизни своего знаменитого предшественника и побыстрее

прибрать всю власть в СССР к рукам. Впервые на возможность тайного отравления Ленина в Горках ГПУ по указке Сталина или о том, что Владимира Ильича могли просто «залечить» неправильными лекарствами те же завербованные ГПУ врачи, намекал еще Троцкий после своего изгнания из СССР, были и позднее такие версии, хотя и не нашли никаких доказательств.

Гораздо больше всплывает доказательств того, что в последний год жизни Ленина кроме затяжной болезни от участия в руководстве страной почти умышленно изолировали его наследники, ссылаясь при этом на требования врачей и, разумеется, используя специфические ресурсы ГПУ. По крайней мере, эта тема проходила в воспоминаниях и Крупской, и ленинских секретарей. Мучившийся от политической изоляции Ленин будто бы дважды напрямую обращался к Дзержинскому с жалобами на это искусственное ограничение его свободы, но Дзержинский оба раза сообщал об этих просьбах Сталину, и кольцо изоляции вокруг уже обреченного пациента в Горках только еще крепче сжималось.

Исследователь советских спецслужб Юрий Фельштинский в свое время излагал версию, что даже все секретарши Ленина, которым он до последнего дня пытался что-то диктовать (Фотиева, Володичева, Гляссер и др.), были с 1922 года завербованы ГПУ и большую часть ленинских записок передавали через эту службу лично Сталину. Хотя Фельштинский и полагал, что здесь такой приказ Сталина выполнял зампред ГПУ Ягода, уже тогда явно ставший человеком Сталина в спецслужбе, возможно и без ведома колеблющегося еще между старым и новым вождями партии Дзержинского. Есть и более экстравагантные версии, что Дзержинский мог обеспечивать изоляцию Ленина и по просьбе Троцкого, с которым еще не разругался тогда врызг, или вообще по своей инициативе, чтобы избавить действительно больного вождя от возни пауков партийной власти вокруг него в надежде на выздоровление Ильича и возвращение его к полной деятельности. Хотя версии о блокировании Дзержинского с Троцким или о его самостоятельной игре в тот момент все же выглядят совсем натянутыми, слишком уж он потом был антитроцкистом и слишком пытался оградиться хотя бы лично от этой борьбы в партии. Скорее всего, Феликс

Эдмундович все же принял уже тогда сторону Сталина и выполнял при изоляции больного Ленина его указание, ведь Сталин больше всех тогда настаивал на изоляции вчерашнего учителя, он уже был генеральным секретарем партии и становился первым лицом после Ленина почти автоматически.

Здесь речь конечно же не о тайной операции по ускорению смерти вождя Октябрьской революции, а лишь об ускорении его политической кончины, чтобы наследник скорее успел забрать на себя руль машины Советского Союза. Хотя в моральном плане ведомство Дзержинского, созданное именно по инициативе Ленина и всегда клявшееся в верности идеалам ленинизма, в этом случае все равно совершало определенное предательство, по крайней мере в моральном плане. Хотя здесь даже в случае истинности такой версии об искусственно запертом перед смертью в Горках Ленине не все так уж однозначно. И даже здесь нельзя было бы сказать: приспособленец Дзержинский из ГПУ быстро перестроился, выслуживался перед новым хозяином страны Сталиным, наябедничал тому о просьбах Ленина помочь и приказал своим людям удерживать того в Горках под любыми предлогами. Даже в этом случае Дзержинский, как верный солдат партии, мог честно исполнять волю партийного руководства в лице уже ленинских наследников во главе со Сталиным, да мог и верить их уверениям про просьбы кремлевских медиков дать пациенту полный покой для появления шансов на выздоровление.

Глава 3

ДЕЛО «ТРЕСТА» И ДРУГИЕ ВНЕШНИЕ ОПЕРАЦИИ

Главная особенность тайных операций
в том, что они никогда не кончаются.

Мудрость сотрудников разведки

Двадцатые годы стали для советских спецслужб десятилетием активного выхода на мировую арену, где вовсю заработала внешняя разведка чекистов — ИНО ГПУ, а параллельно с ней и Разведывательное управление РККА. Двадцатые надолго станут золотым веком для разведки Советского Союза, как и источником многочисленных легенд и мифов о разведке. Именно в эти годы молодая спецслужба Советского государства совершила свой мощный рывок, сразу войдя в круг самых опытных разведок европейских стран.

В итоге за 20-е годы в плане профессионализма разведка ГПУ и РККА продвинулась очень сильно, это подтверждают все объективные исследователи, даже те, кто ненавидит сам Советский Союз и в этом резком усилении его разведки видит только безусловное зло для всего цивилизованного человечества. Не зря это двадцатилетие так почитается самими чекистами как самый удачный ее период, овеянный романтикой и еще не подорванный бойней в Большой террор кадрового ядра этой разведки. Именно поэтому период 20-х годов во внешней разведке расцвечен легендами самых удачных ее многоходовых операций: «Синдикат», «Трест», ликвидации за пределами Советской России лидеров белой эмиграции, разведывательные гнезда под торговой крышей «Амторга» и «Аркоса», выманивание в СССР английского разведчика Рейли и другие акции, давно ставшие классикой разведывательной работы и разбира-

емые в академиях по подготовке солдат тайной войны всего мира до сего дня.

В 20-х годах в ГПУ разведкой (ИНО) после недолгого руководства ею Соломона Могилевского, переведенного уже в мае 1922 года в начальники ГПУ по всему Закавказскому краю, долго руководил Меир Трилиссер. Оба были не только из первой когорты чекистов Дзержинского в ЧК, но и из большевиков-подпольщиков с дореволюционным стажем. Трилиссер был в РСДРП вообще с 1901 года, прошел каторгу и одиночку в Шлиссельбургской крепости, ссылку в Сибирь на вечное поселение, в Гражданскую войну служил в ЧК и в Дальневосточной республике Советов возглавлял замаскированный другим названием здешний филиал ЧК — так называемую «Госполитохрану». Назначенный в 1922 году, Трилиссер руководил ИНО ГПУ до 1929 года, пока из-за трений с Ягодой и ультралевые взгляды его не отправили работать в Коминтерне, в 1938 году Трилиссер на этой должности арестован, а в 1940 году расстрелян.

В Большой террор уничтожены и работавшие после него в 30-х годах Артузов, Шпигельгласс и Пассов. Из начальников внешней разведки ГПУ этих лет не репрессированы только Могилевский, погибший еще в 1925 году в авиакатастрофе в должности главы ГПУ в Закавказье, и Слуцкий, то ли умерший до ареста в разгар сталинских чисток, то ли принявший яд в страхе перед арестом, то ли тихо отравленный своими сослуживцами. Та же участь расстрела с клеймом врага советской власти постигла и основателя Разведупра РККА Яна Берзина, возглавлявшего военную разведку СССР все 20-е годы, да и сотни рядовых сотрудников разведки ГПУ и Разведупра.

СИЛОВЫЕ АКЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В 20-х годах ИНО ГПУ продолжала успешно начатую еще ВЧК практику силовых расправ с наиболее опасными для Советского Союза эмигрантскими лидерами. В Китае в результате изолированной операции засланными чекистами захвачен атаман Анненков, правнук известного поэта-декабриста, заметная

фигура в казачьей белой эмиграции, по типу очень схожий с атаманом Дутовым, с убийства которого ЧК в китайских пределах стартовала такая кампания.

Операция против Анненкова была вызвана той же ненавистью в ГПУ к атаману сибирских казаков и колчаковскому генералу, отличавшемуся в 1919—1920 годах особой жестокостью к пленным красноармейцам и партизанам, руководившим у Колчака карательными рейдами, а в эмиграции развернувшему активную деятельность по заброске офицерских групп белых террористов в СССР.

Кроме воспоминаний о щедро проливаемой Анненковым крови красных в годы Гражданской войны, особая пристрастность ГПУ к этому атаману объяснялась тем, что в китайской эмиграции Анненков стал главным борцом с течением «возвращенцев», клонувших на советские обещания амнистии. Анненков притворно прощался с пожелавшими вернуться на советскую территорию своими подчиненными, после чего его верные казаки из засады расстреливали двинувшихся к советским границам для острастки других, решивших примириться с большевизмом. На перевале Карагач у китайско-советской границы его люди устроили из пулеметов бойню целого каравана таких «возвращенцев» еще в 1920 году, практически сразу после ухода остатков армии Анненкова в пределы Китая. Наверняка в ГПУ и это учитывали в решении любой ценой обезвредить и захватить атамана Анненкова.

На советском суде Анненков отвергал обвинения в этих расправах в свой адрес, там же он отрицал многие ходившие о нем с Гражданской войны легенды, рисовавшие его облик совсем уж демоническими красками. Что он где-то при карательном рейде изнасиловал гимназистку, что любил носиться по казахским аулам на автомобиле, стараясь обязательно задавить какое-нибудь животное или туземного ребенка. Все это он отмел, заявив: «Я воевал, мне такой ерундой заниматься было некогда». Почему-то для окончательного припечатания Бориса Анненкова клеймом полусумасшедшего выродка на семипалатинском суде ему в вину ставили и привычку играть по ночам на гармошке, и что в своем Семиреченском казачьем войске завел при штабе целый зоопарк во главе с медведицей, словно любовь к музыке

или страсть к животным тоже свидетельствовала в пользу образа «белого зверя».

В 1926 году на китайской территории Анненков с одним из своих приближенных заманен в ловушку чекистов при помощи союзных им местных китайских генералов, захвачен в гостинице китайского города Калган и вывезен в пределы Советского Союза. Операцию курировал лично глава КРО ГПУ Артузов, это была совместная акция чекистской разведки и контрразведки, а саму группу захвата на территории Китая возглавлял Примаков, действовавший здесь под китайским псевдонимом Лин. Сами обстоятельства захвата Анненкова и его заместителя полковника Денисова на китайской территории группой Примакова остаются туманными для историков. То ли их тайно арестовали некие просоветские китайцы и передали Примакову для вывоза через границу, то ли это сделали наемные китайские бандиты хунхузы, то ли сами чекисты выкрали их из номера гостиницы, но в любом случае Анненков и Денисов оказались незаконно похищены и доставлены в Советский Союз. Обычно «сдавшим» Анненкова советской разведке называют местного китайского царька Фэн Юйсяна, к которому Анненков со своими казаками прибыл наниматься на службу и который искал тогда сближения с Москвой, поскольку командовал здесь гоминьдановской Первой народно-революционной армией. Чекистская спецгруппа во главе с сотрудником ГПУ Лихаревым вроде бы вывезла Анненкова через Монголию и Кяхту в советские пределы, откуда его поездом этапировали в Москву. После долгого следствия Анненков предстал за прошлые грехи перед советским судом в Семипалатинске, что не удалось сделать с Дутовым, был приговорен к смертной казни и в 1927 году казнен в Новосибирске.

Историей с похищением атамана Анненкова тщательно занимался Иван Серебренников, ранее эсер и министр снабжения в правительстве Колчака, после своего бегства в Харбин в чехословацком эшелоне с документами чешского солдата ставший в Китае своего рода летописцем белой эмиграции 20—40-х годов в этой стране. В своем известном исследовании «Великий отход» о белой эмиграции на Дальнем Востоке Серебренников пишет, что уже тогда ГПУ распространяло ложь о том,

что Анненков сам предпочел вернуться в Советский Союз в некоем раскаянии за свои злодеяния в годы Гражданской войны. Во что при близком знакомстве с фигурой Анненкова абсолютно невозможно поверить. Как пишет тот же Серебренников, под следствием чекистов Анненков вел себя очень достойно и даже дерзко, а перед расстрелом пожелал палачам из ГПУ «еще встретиться в бою с его солдатами».

Есть и альтернативные версии, что Анненков в эмиграции и после тюремного заключения у китайцев сдал, впал в депрессию и действительно подался к сменовеховцам, ратовавшим за признание Советов, на этом и попался на уговоры, поехал в Советский Союз добровольно, а здесь был обманут ГПУ и за прошлые грехи казнен. Но при близком знакомстве с личностью Анненкова и его роли в Белом движении, в том числе и в эмиграции, в это очень уж сложно поверить. Есть и компромиссные версии, как, например, предположение подробно исследовавшего «Дело Анненкова» омского историка В.А. Шудякова: Анненков попал в ловушку разведчиков ГПУ и был обманом или насильно вывезен в СССР, а здесь уже действительно сломался, написав это нужное Советам покаяние в обмен на приемлемое обращение с ним на Лубянке до самого конца его жизни. Поэтому, как предполагает Шудяков, в заключении в Москве с Анненковым обходились подчеркнуто корректно и не подвергали его пыткам, а одно время вместо камеры внутренней тюрьмы на Лубянке даже держали втайне на конспиративной московской квартире под контролем чекиста Зюка.

В этой операции ГПУ была интересная деталь: поскольку суд состоялся и советская юстиция свой приговор бывшему «белому зверю» Анненкову вынесла, а признавать незаконную по любым международным нормам силовую акцию за пределами СССР не хотелось, то советские учебники и энциклопедии повторяли оригинальную версию. Анненков после 1920 года, по этой версии, был эмигрантом, а в 1926 году «оказался на территории СССР», здесь арестован, и советский суд воздал ему должное. Советские люди, сбитые с ног этой юридически безупречной версией (на территории СССР ведь он и вправду оказался, никакого обмана по форме не было), гадали: то ли случайно атаман забрел через границу, то ли с заданием эмигрантского цен-

тра заброшен нелегально и здесь попался. А правда оказалась прозаичнее, не по своей воле он здесь оказался, а был похищен и затащен в Советский Союз для суда, исход которого был predetermined заранее.

Эта двойственность сохраняется и сейчас в тех изданиях, где деятельность органов всей системы ЧК—КГБ принято в патриотических традициях оправдывать обстановкой «того времени» во всех случаях. В вышедшей уже в 2004 году «Энциклопедии секретных служб России», написанной как раз в такой традиции гордости за чекистскую историю, операция по вывозу в СССР Анненкова описана и вовсе так витиевато, что трудно понять ее смысл: «В приграничных районах органы ОГПУ продолжали борьбу с закордонными бандами. В 1926 году советским агентам удалось уговорить казачьего атамана Анненкова явиться с повинной в советскую военную миссию, где он обратился к белоэмигрантам с призывом возвращаться на Родину. В 1927 году по приговору суда Анненков был расстрелян»¹.

Здесь в желании в очередной раз обелить органы ГПУ и скрыть факт пиратского похищения человека, никогда не имевшего даже советского гражданства, на территории сопредельного государства, авторы энциклопедии явно перегнули палку. Сейчас мы слишком хорошо знаем личность атамана Анненкова и его прошлые «заслуги» перед советской властью, чтобы поверить, что советские агенты его уговорили явиться добровольно. Знаем примерно и каким образом его затащили на советскую территорию, где заставили подписать это обращение к эмигрантам возвращаться в Советскую Россию. К тому же такая странная интерпретация «Энциклопедией секретных служб России» дела о похищении атамана Анненкова мало того что выглядит не слишком логичной (сначала «уговорили», а затем все равно расстреляли, а ведь при уговорах положено давать какие-то гарантии), так еще и защищаемые авторами органы ГПУ рисует в том же неприглядном свете. Ведь, по этой версии, уговорившие Анненкова чекисты коварно его обманули, да и «хорошая» агитация за возвращение эмигрантов получилась: сам

¹ Колпакиди А.И. Энциклопедия секретных служб России. М., 2004. С. 225.

обратившийся к ним с таким призывом человек на родине тут же расстрелян, тут и решившиеся на возвращение задумались бы и повернули обратно.

Ссылки же историков ЧК на какое-то право на подобные действия ввиду репутации Анненкова и его жестокости в годы Гражданской войны вряд ли можно считать состоятельными. Во-первых, ссылка на личность жертвы в таких операциях, противоречащих нормам международного права, не должна приниматься в качестве аргумента изначально. А во-вторых, при всех реальных или приписанных ему советской историей злодействах, при всех его «поездах смерти» Анненков не совершил ничего более ужасного, чем многие деятели ЧК, заманившей его в свои сети через несколько лет после окончания Гражданской войны. Как и Дутов, Семенов, Иванов-Ринов или Унгерн фон Штернберг, которых советская пропаганда считала главными головорезами в белом лагере, чем и оправдывала любые акции ЧК и ее наследников против этих людей.

В Европе в том же 1923 году операцией разведки ИНО ГПУ с мудреным названием «Дело № 39» (операция по разгрому в Европе центра украинской эмиграции сторонников Петлюры) заманен в Советский Союз для продолжения подпольной борьбы лидер украинских эмигрантов-самостийников Тютюнник, здесь он также арестован и расстрелян. Здесь едва ли не впервые разведка ГПУ опробовала свой в дальнейшем фирменный и вполне успешный метод «Треста», когда эмигрантам подсовывали созданную руками чекистов якобы антисоветскую организацию и от ее имени втягивали их в оперативные игры и заманивали для ареста в СССР. Юрко Тютюнник отправился через границу для встречи с представителями как раз такой легендированной ГПУ организации украинских националистов под названием «Высшая войсковая рада».

После рейда петлюровских отрядов Тютюнника в 1921 году через советско-польскую границу и обратно, известного в истории украинской эмиграции как «Зимний поход Тютюнника», он стал главой всей боевой организации петлюровцев в Европе и вступил в конфронтацию с самим Петлюрой, упрекая старого вождя националистов в нерешительности. При этом Тютюнник возглавлял в петлюровской эмиграции специаль-

но созданный для подпольной работы против СССР Партизанско-повстанческий штаб (ППШ), который при содействии польской Дефензивы расположился в польском городе Тарнув, а позднее перебрался во Львов. Там Тютюнник, все меньше советуясь с самим Петлюрой, налаживал связи с оставшимися на советской территории атаманами украинских банд, вел переговоры при содействии поляков с белым центром Савинкова и таким же повстанческим штабом «Зеленого дуба» белорусских националистов Адамовича (атаман Деркач). На этом желании Тютюнника стать новым вождем боевой украинской эмиграции и создать свое подполье на советской части Украины в ГПУ и сыграли.

Чекисты все сделали по классической модели таких своих акций. Сначала арестовали в СССР эмиссара Тютюнника из петлюровцев Заярного, затем заставили его направить Тютюннику заявление о создании мощной «Войсковой рады» под началом атамана Дорошенко в Украинской ССР и о подготовке ей восстания украинцев, а в июне 1923 года переплывшего тайно Днестр Тютюнника взяли на советском берегу. Здесь под видом лидеров «Рады» его встретили чекисты, их лидера играл лично Заковский, будущий заместитель наркома НКВД при Ежове. В СССР Тютюнника включили в тайные игры ГПУ с украинской эмиграцией, затем заставили писать покаянные письма о признании советской власти, но в 1929 году все равно расстреляли, как ставшего ненужным в оперативных схемах. Такие игры по «трестовской» модели сильно ударили по эмиграции украинских сепаратистов. Кроме фиктивной «Высшей войсковой рады», ГПУ создало «Черноморскую повстанческую группу» из своих агентов во главе с пойманным и перевербованным петлюровским атаманом Гамалией. Как и Тютюнник, на этот крючок попался и для связи с ней на территорию СССР прошел другой видный лидер петлюровцев Гуленко (Гулый), арестованный на конспиративной квартире ГПУ в Одессе.

Не признавало ГПУ до последних дней существования системы спецслужб Советского Союза и другие ликвидации своих политических противников за границей. В том же 1926 году в Париже прямо на улице некто Шварцбард застрелил главного украинского эмигранта Симона Петлюру, в войну возглав-

лявшего армию украинской сепаратистской Директории. Сам Шварцбард на суде заявил, что действовал в одиночку и убил Петлюру в отместку за еврейские погромы петлюровцев на Украине и гибель своих родственников. Большинство же исследователей ликвидацию Петлюры считают также акцией внешней разведки ГПУ, полагая ее организатором чекистского разведчика из ГПУ Володина. Сами деятели петлюровского движения УНР не сомневались в том, кто направлял руку убийцы их вождя. Они в отместку планировали тогда убить в зале суда самого Шварцбарда, а в советской Украине организовать покушение на главу Совнаркома Украинской ССР Чубаря — так об этом сообщали сводки ИНО ГПУ со ссылкой на агентуру в петлюровском эмигрантском центре.

Внутри петлюровской эмиграции, как и среди альтернативных ей украинских движений в эмиграции (УВО, ОУН или монархистов-гетманцев), уже с начала 20-х годов активно действовала внедренная агентура ГПУ. Одним из самых ценных агентов чекистов среди украинских эмигрантов был Дмитрий Бузько по кличке Профессор, до революции известный террорист из эсеров, бежавший с царской каторги в эмиграцию, но после ареста ЧК сломленный в 1919 году и завербованный в агенты. Бузько все 20-е годы работал агентом ГПУ в украинской диаспоре в Западной Европе, после отзыва в СССР стал писателем и проживал в Одессе, в 1937 году ликвидирован НКВД в разгар репрессий.

Кроме Европы, тайные силовые акции и ликвидации ГПУ в 20-х годах практиковало и в других регионах мира. Например, на территории Афганистана и Ирана, где укрылись крупные формирования выбитых из пределов СССР басмачей из узбеков, туркменов, таджиков. Здесь лидеры басмаческого движения создавали свои эмигрантские национальные союзы, как, например, «Фаал» в Афганистане или «Комитет счастья Бухары» в английском еще тогда Пешаваре, забрасывая через советскую границу своих эмиссаров и боевые отряды басмачей. В северных провинциях Афганистана прямо у границ СССР обосновался один из самых непримиримых и деятельных лидеров узбекского басмачества Ибрагим-бек, именно против него ГПУ провело точечную операцию на афганской территории. От имени завер-

бованного ГПУ агента Ибрагим-беку назначили встречу недалеко от афганского города Мазари-Шариф, где в горном селении приехавшего с небольшой охраной лидера басмачей сотрудники ГПУ расстреляли на месте из засады, убив его вместе с охранниками в ходе короткой перестрелки.

В 1929 году ГПУ на Дальнем Востоке организована одна из самых кровавых вылазок среди операций против эмигрантов по ту сторону границы — так называемый «Трехреченский рейд». Отборная группа сотрудников ГПУ и поддерживавших их бойцов пограничных войск через границу ворвалась в принадлежавший Китаю район Трехречья (у трех притоков реки Аргунь, местные называют этот район Барга), перебив в нескольких селах более сотни поселившихся здесь казаков Семенова и членов их семей, поскольку из Барги ранее семеновцы тоже совершали вылазки на территорию СССР. При этом границу перешли нагло и в открытую, отойдя после бойни назад, а пытавшийся оказать слабое сопротивление пост китайской пограничной стражи был просто перебит, убито 6 китайских солдат. Командовал этим «Трехреченским рейдом» чекист Моисей Жуч из ГПУ, запомнившийся спасшимся тем, что посреди подожженных сел гарцевал в знаменитой кожаной чекистской куртке и революционных красных штанах, подобно герою культового советского кинофильма «Офицеры». Сейчас эту кровавую акцию ни в каких славящих ЧК—ГПУ энциклопедиях особо не поминают, предпочитая рассказывать только о белоэмигрантских вылазках в СССР. А тогда эмиграция после событий в Трехречье была в шоке, 16 октября 1929 года было объявлено по русской эмиграции днем траура по жертвам акции ГПУ в Трехречье, этот вопрос тогда обсуждался в Лиге Наций в Женеве.

Во Франции же с начала 20-х годов обосновался самый опасный тогда центр активной русской эмиграции, более других тревоживший Лубянку, — Российский общевойсковой союз (РОВС). Это организация эмигрантов из Белого движения из бывших офицеров и рядовых армий Деникина, Врангеля, Миллера, Колчака. Еще в годы нахождения ушедшей в 1920 году из Крыма врангелевской армии в Турции барон Врангель преобразовал свое войско в этот союз, сохраняя боеготовность своих

офицерских кадров на случай новой войны с Советской Россией.

Сам барон Врангель так и не стал жертвой спецоперации ГПУ, хотя такие планы на Лубянке несколько раз разрабатывались. Правда, его внезапную смерть в 1928 году в Бельгии от обострившейся болезни некоторые тоже считают результатом тайного отравления ГПУ, но доказательств этому нет, хотя дочь Врангеля и настаивала на том, что отца отравил ядом в пищу завербованный ГПУ его ординарец. Члены же РОВС, особенно из числа главных руководителей и самых активных деятелей белоэмигрантского террора, несколько раз гибли от рук чекистов-разведчиков. Так, в 1925 году во французском Фонтенбло был тайно похищен и затем убит известный член РОВС Монкевиц, до революции 1917 года руководитель Военной разведки царской армии и в РОВС у Врангеля занимавшийся вопросами разведки. И после смерти Врангеля, когда РОВС возглавил его преемник генерал Кутепов, очень популярный в белой эмиграции и откровенный сторонник террора против Советского Союза, тайные акции советской разведки против этой организации усилились.

К середине 20-х годов активность советской разведки, особенно в странах Европы, заметно усилилась. Эти структуры ГПУ и РККА обросли мускулами и мышечным мясом разведки — резидентурами в большинстве европейских столиц и тайной агентурой из завербованных местных граждан. Силовые акции в иностранных государствах в связи с этим сразу усилились и стали еще изощреннее. Кроме непосредственно силовых ударов в виде похищений и ликвидаций своих противников, чекисты начали проводить и хитроумные комбинации по дискредитации лидеров антисоветской эмиграции, по компрометации их центров в глазах приютивших их правительств, по срабатыванию различных движений антисоветской эмиграции между собой. Это уже значительно более сложная форма работы разведки, она с ростом профессионального мастерства чекистов и ростом их резидентур за границей шла на смену примитивному орудованию револьвером из арсенала «красного террора» времен Гражданской войны, перенесенного теперь и за границу.

Чистых белогвардейцев из РОВС натравливали на ультраправых из «Братства русской правды» или на первых российских фашистов из партий Вонсяцкого, Родзаевского, Сахарова, Светозарова. Умеренных белогвардейцев кадетского склада — на монархистов из обосновавшегося в Париже «Высшего монархического совета» (ВМС) из сторонников уцелевших Романовых. Среди монархистов стравливали сторонников великого князя Николая из ВМС (возглавляемого известным черносотенцем Марковым) и сторонников великого князя Кирилла из Романовых, основавших свой штаб кирилловцев в германском Кобурге. Удалось в эмиграции найти даже очень экстравагантных неомонархистов, бывших противниками реставрации Романовых вообще и грезивших о некоей «советской монархии» на основе союза монархистов с большевиками и эсерами о возвращении идеи Февральской революции с дополнением ее конституционной монархией с новой династией. Эту сектантскую группу разведка ГПУ пыталась поддерживать и использовать против ВМС и кирилловцев. Сторонников единой России натравливали исподволь на центры национальных движений Украины или Грузии, на сепаратистов кавказских народов или сторонников независимого казачьего движения.

Оперативные методы воздействия на непримиримую к Советам часть российской эмиграции параллельно уговорам вернуться применялись тоже очень активно. В 1929 году чекист Крошко, известный в ГПУ под агентурной кличкой Кейт, организовал в Германии провокацию по всем законам жанра царской охраны эпохи Судейкина, представив германскому правительству и его спецслужбам обосновавшихся в их стране лидеров «Братства русской правды» уголовными преступниками, якобы пользующимися поддельными документами и желающими разжечь советско-германский конфликт. В результате немецкая тайная полиция арестовала временно лидера германского филиала «Братства» Орлова и еще ряд членов этой радикальной организации эмигрантов, деятельность этой партии в Германии операцией Крошко была парализована. Крошко для этой операции использовал заведомо поддельные документы о преступной деятельности германского филиала «Братства русской правды».

Когда-то насоливший еще ЧК проникновением в ее ряды с чужими документами в годы Гражданской войны, белый офицер Орлов и в эмиграции пытался обратить против ГПУ оружие чекистской провокации, при помощи перебежавшего на сторону эмигрантов разведчика ИНО ГПУ Якшина (Сумарокова) изготавливая подделки советских документов и пугая ими европейские спецслужбы. А чекистский агент Крошко завернул против «Братства русской правды» очередной виток контрпровокации. Орлова и беглого чекиста Якшина арестовали, как и тайную сотрудницу германской госбезопасности Дриммер, из-за романа с которой ранее немецкие спецслужбы и белоэмигранты Орлова перевербовали Якшина. Сам Крошко тоже был из белоэмигрантов, состоял в эсеровском центре Савинкова, а после перевербовки ГПУ стал доверенным агентом советской разведки в эмиграции с широким охватом: кроме «Братства русской правды» он работал в Германии по РОВС и по центру монархистов кирилловцев в Мюнхене. После ареста Орлова и его соратников над Крошко сгустились тучи подозрения в работе на Лубянку, его вскоре отозвали в Советский Союз, где он дожил до глубокой старости.

В операции по этому разоблачению перед немецкими властями белоэмигрантского центра Орлова задействовали и завербованного в начале 20-х годов разведкой ГПУ владельца частного сыскного агентства в Берлине Ковальчика, немецкого выходца из Польши. Через его частное агентство ГПУ подбрасывало нужную информацию германской политической полиции и задействовало детективов агентства Ковальчика в слежке за русскими эмигрантами. Вербовка ГПУ частного детектива и найм его агентства для оперативной работы на советскую разведку — это уникальный случай в истории спецслужб СССР. Это разведка Российской империи в начале XX века часто практиковала такой метод использования для работы на себя французских, английских, германских частных сыскных агентств и даже сама организовывала их под именем своих зарубежных агентов. Но разведка Советского Союза ни до, ни после работы с «Агентством пана Ковальчика» в Берлине в подобном не была замечена. Работа же с Ковальчиком продолжалась затем и в 30-х годах почти до начала Второй мировой войны.

В 1937 году, после одного из арестов Ковальчика немецким гестапо и выпуска его за недостатком улик, на Лубянке вдруг уверились в его перевербовке и перестали Ковальчику доверять. Советские связники активно стали приглашать его нелегально выехать в СССР, но частный детектив догадался, чем может закончиться там разбирательство по его делу, и ехать в Москву отказался. Тогда с Ковальчиком просто прервали отношения. Хотя после войны из германских архивов гестапо узнали, что Ковальчик не был двойным агентом и на берлинскую резидентуру ГПУ—НКВД работал честно.

В Болгарии после прихода к власти социалистического премьера Стамболийски, решившего наладить болгаро-советские связи, болгарские спецслужбы получили от правительства задание обмениваться информацией с коллегами из ГПУ, чем чекисты тут же воспользовались. Группа чекистов под началом Иванова организовала убийство в Болгарии в 1922 году активиста белой эмиграции Агеева, представив это как результат борьбы между различными течениями русских эмигрантов. Болгарской полиции безопасности ГПУ подбросило сфальсифицированные улики, обвиняющие в убийстве Агеева эмигрантский центр бывшего деникинского генерала Покровского. В результате болгарские «охранники», взяв в сопровождение союзников чекистов, совершили под предлогом обыска настоящий налет на штаб людей Покровского в городке Кюстендил, разгромив его и арестовав многих эмигрантов. Сам Покровский и его сторонники оказали при этом вооруженное сопротивление, в итоге герой Белого движения и командир конного корпуса Виктор Покровский был убит на месте возглавлявшим этот налет офицером болгарской тайной полиции Кюмиджиевым. Сам Кюмиджиев и несколько его «охранников» получили в этой перестрелке ранения, что привело затем к осуждению схваченных по ложному обвинению белоэмигрантов.

Крупный центр РОВС в Болгарии, самый деятельный и одним из первых под началом Покровского начавший заброску в СССР диверсантов, был разгромлен в результате такой на первый взгляд противоестественной совместной операции социалистического ГПУ и охраны царской Болгарии. С советской стороны, кроме резидента ГПУ в Болгарии Иванова, эту акцию

возглавлял чекист Семен Фирин, в 30-х годах ставший одним из печально известных руководителей системы лагерей ГУЛАГ в НКВД, в 1937 году Фирина расстреляют при зачистке в НКВД людей из «команды Ягоды». Супруга Семена Фирина Софья Залесская в тех же 20-х годах тоже работала в Европе против эмигрантов, только как сотрудник военной разведки — Разведупра РККА. В 1922 году в Берлине ее удалось даже внедрить под видом кухарки в дом лидера ЦК партии эсеров в эмиграции Виктора Чернова, и полученные из эсеровского центра Залесской сведения использовали в том году на Московском процессе против партии эсеров. Позднее Залесская работала в резидентурах Разведупра в Германии и Румынии, ее как отличного оперативника отмечал начальник Разведупра Берзин. В 1937 году как жену «изобличенного изменника» Фирина и как человека тоже арестованного Берзина ее арестовал НКВД, и в августе 1937 года Залесская расстреляна.

В том же 1922 году представители РОВС в Болгарии прямо обвинили спецслужбы этой страны в тесной работе с ГПУ на ликвидацию колонии русских эмигрантов. Начальник контрразведки в РОВС генерал Кутепов открыто заявил, что в качестве агентов влияния советских спецслужб против белоэмигрантов действуют софийский градоначальник Трифанов и главный шеф полиции безопасности Мустанов. Доказать факт вербовки столичного мэра и главы тайной службы страны ГПУ ровсовцам не удалось, поэтому их лидеры Кутепов и Самохвалов были решением правительства депортированы из Болгарии. И главный штаб РОВС, поначалу обосновавшийся в Софии, с 1923 года эмигрантами перенесен в Париж. Советская спецслужба праздновала еще одну победу, а этой ее операции, правда заретушировав многие детали, посвящен советский фильм «Берега в тумане». Хотя уже в 1923 году этот роман советских и болгарских спецслужб закончился, переворот правых военных привел в премьерское кресло врага Советского Союза Цанкова.

Но и после свертывания взаимной работы с болгарскими спецслужбами и после сильного удара по подполью полиции при Цанкове ГПУ продолжало в Болгарии свои тайные акции диверсионного характера. Так, уже в 1938 году попытались

убить в Софии известного писателя-эмигранта из России Ивана Солоневича, бежавшего в 1934 году из СССР пешком через финскую границу, бывшего рупором и идеологом белой эмиграции. За несколько лет Солоневич стал кумиром молодого поколения эмиграции, основал независимое от РОВС движение «Штабс-капитанов», а издаваемая им в Софии антисоветская газета «Голос России» особенно раздражала советскую разведку. ГПУ действовало в стиле настоящих террористов, прислав на дом к Солоневичу анонимную посылку с бомбой внутри, при попытке открыть ее погибла жена Солоневича и его секретарь Михайлов, сам писатель не пострадал только благодаря случаю, в момент взрыва он находился в соседней комнате. Не останавливались и перед покушениями на самих болгарских политиков, занимавших антисоветскую позицию, в основном руками местных подпольщиков и болгарских агентов Коминтерна.

Самой дерзкой акцией стало покушение на самого премьер-министра страны Цанкова 16 апреля 1925 года, когда руками болгарских агентов советской разведки была взорвана мощная бомба в одном из православных храмов Софии во время службы. Ненавистный Москве Цанков уцелел, но погибло 150 не причастных впрямую к его политике человек. Исполнители теракта в храме позднее найдены цанковской контрразведкой и уничтожены. Бомбу в Софийской церкви Святого Воскресения боевики из нелегальной группы компартии под началом Янкова заложили по приказу ИНО ГПУ и взорвали в момент отпевания ранее убитого левыми террористами болгарского генерала Георгиева, на котором предполагалось участие Цанкова и многих членов его правительства. Взрыв и ликвидация Цанкова должны были по плану ГПУ и «военки» болгарской БКП стать первыми звеньями в цепи нового левого восстания, для которого боевики Янкова усиленно завозили в Болгарию поставляемое из СССР оружие. Цанков остался жив, восстания не случилось, а сама БКП этим жестоким терактом в церкви была в православной стране здорово дискредитирована. Даже работавший с людьми Янкова в этом деле резидент советского Разведупра Нестерович ужаснулся содеянному собственными спецслужбами. Бывший царский офицер на службе Советов еще не успел про-

калится насквозь пламенной классовой ненавистью, он порвал с советской разведкой и бежал, пришлось его ГПУ отлавливать по Европе и тайно ликвидировать.

В ходе массовых облав цанковской полицией безопасности в Софии и в провинции арестованы и в ускоренном порядке расстреляны кроме самих исполнивших теракт в церкви боевиков и десятки других членов запрещенной Болгарской компартии. В их числе был расстрелян и главный организатор покушения на Цанкова по поручению разведки ГПУ Коста Янков, бывший офицер болгарской армии, возглавлявший нелегальную боевую организацию БКП и бывший в 1923 году одним из вожakov попытки коммунистического восстания в Болгарии. Во время той же массовой облавы охраны покончил с собой, не желая сдаваться в руки врага, и лидер ЦК БКП Иван Манев. При схожих обстоятельствах ранее застрелился при попытке его ареста и известный боевик нелегального крыла БКП Димитр Гичев. Так что неудачное покушение в Софии на Цанкова ГПУ стоило жизни не только совершенно непричастным к этим классовым битвам посетителям церкви, но и самым ценным кадрам компартии Болгарии.

Эта акция 16 апреля 1925 года в Софии очень показательна. Не тем, что ради попытки убить неприятельского политика угробили полторы сотни случайных людей, — такие мелочи, как знаменитые «щепки при рубке леса», чекистов не тревожили. И не тем, что взрыв организовали в Божьем храме, если уж у себя на родине в это время церкви громили сотнями, а священников гнали на погибель на Соловки. И не тем, что рядовые исполнители акции и их командиры из болгар погибли, а главные организаторы спокойно сидели на Лубянке, — это обычная история в таких тайных операциях. А тем, что так легко спецслужбы СССР пошли на попытку тайного убийства главы правительства чужой страны.

Дореволюционная разведка России лишь раз замечена в участии в дворцовом перевороте в Сербии 1903 года с последующим цареубийством там короля Александра Обреновича, да и то там всю грязную работу сделали местные террористы из «Черной руки», а российские разведчики никакой прямой команды на убийство королевской семьи не давали. Разведка

СССР с первых лет своего существования так же легко перешла к тактике физической ликвидации зарубежных политиков и глав государств или правительств, как без колебаний начали уничтожать за границей собственных эмигрантов. Это главная особенность покушения на Цанкова, сколько раз еще в XX веке мир станет свидетелем таких силовых операций советских спецслужб за пределами СССР, а такие акции даже в мире спецслужб считаются самым верхом беззакония в действиях разведки, нарушением последних табу ее негласного кодекса.

Еще одна заметная особенность бросалась в глаза и тоже по-немногу становилась фирменным почерком советских спецслужб — обвинять в провалах собственных сотрудников, многим из которых ошибки даже двадцатилетней давности припомнили в годы сталинских чисток в 1936—1939 годах. Так, бывший резидентом Разведупра в Германии Петр Скобелевский (Вольф) в 1923 году был главным связным этой спецслужбы со штабом готовящегося в Германии всеобщего восстания в КПП. Скобелевский был одним из тех, кто резонно призывал Москву не форсировать восстание, честно сообщая о недостатках в его организации и о недостаточном количестве оружия у создаваемых военным аппаратом КПП «рабочих сотен». Но в советских спецслужбах и Коминтерне в упоении грядущей победой выступление подстегивали, приказ на отмену выступления дали за день до него, а не получившие этого приказа лидеры КПП в Гамбурге начали свое знаменитое выступление, закончившееся провалом и большой кровью.

В архивах ГПУ и Коминтерна осталось множество документов, в которых после провала Гамбургского восстания пытались найти виновных в собственных рядах, и во многом был обвинен офицер Разведупра Скобелевский. В частности, ему поставили в вину создание внутри КПП под своим началом тайной террористической группы для ликвидации выявленных провокаторов и индивидуального террора против врагов КПП, ее членов в 1924 году немцы судили по знаменитому делу «О Германской ЧК». Создание боевой группы Скобелевский не согласовал с Разведупром, да и сама террористическая тактика в преддверии массового восстания Коминтерном и спецслужбами СССР была тогда признана вредной и отвлекающей от генеральной

линии. Скобелевского Разведупр решил в начале 1924 года отозвать из Германии, но в апреле 1924 года его арестовала здесь за эту самую группу «Германской ЧК» немецкая тайная полиция. В 1927 году разведчика обменяли на кого-то из немцев в СССР, но зачислили в неблагонадежные, а при первых же залпах Большого террора в 1937 году расстреляли. Возглавлявшего во время этих бурных событий 1923 года в Германии партийную разведку в КПГ и бывшего главной связью Скобелевского со штабом восстания Феликса Вольфа (настоящая фамилия Кребс) после поражения в Гамбурге советская разведка даже прятала в здании посольства СССР в Берлине. Затем Вольфа негласно вывезли в Советский Союз, а в бойню 1937 года обвинили в гамбургской неудаче вместе со Скобелевским и расстреляли.

В соседней с Германией Польше в 20-х годах советская разведка очень часто прибегала к диверсионным акциям против режима Пилсудского и собственными силами, и руками соратников из нелегальной польской компартии. Особенно до 1924 года, когда на востоке Польши ГПУ и Разведупр практически открыто курировали партизанские отряды коммунистов, когда такой отряд Ваупшаса из советских чекистов и их польских товарищей совершил дерзкий налет на городок Столбцы, отбив в местной тюрьме политзаключенных и разгромив местные полицейские участки.

В это же время под крышей советского дипломатического представительства в Варшаве сидел известный резидент ИНО ГПУ из чекистов-поляков Мечислав Логановский, когда-то лично Дзержинским еще привлеченный в ряды ЧК, хотя до революции был террористом польской националистической ППС. Логановский в начале 20-х годов организовал несколько терактов в самой Варшаве, включая разрушительный взрыв в Варшавской цитадели с десятками погибших поляков, сравнимый по жестокости с акцией в Софийском соборе. Работавший в посольстве СССР в Польше вместе с Логановским и ставший затем невозвращенцем советский дипломат Беседовский, сбежавший в Париже прямо через ограду советского посольства, писал в воспоминаниях, что Мечислав Логановский был одним из самых безжалостных среди встречаемых им многочисленных чекистов,

«человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости, в чьих глазах человеческая жизнь не имела никакой ценности». Этот советский резидент, так закалившийся еще в безжалостном дореволюционном терроре польской ППС, вскоре после подрыва Варшавской цитадели был отозван в Москву, но и сменивший его на посту резидента в Польше еще один выходец из польских чекистов Казимир Кобецкий достаточно известен в советской разведке (там он часто проходит под фамилией Барановский, это один и тот же человек). В отличие от жестокого боевика Логановского он производил обманчивое впечатление тихого интеллигента в очках, а кровавым диверсиям и терактам предпочитал тонкую агентурную работу. В конце 30-х годов и мрачный фанатик Логановский, и интеллектуал-оперативник Кобецкий вместе расстреляны НКВД по делу о польском контрреволюционном заговоре среди чекистов.

После первых же таких громких акций в Европе и Азии против белой эмиграции и иностранных лидеров «антисоветского настроения» активность советской разведки была замечена, и с ней стали считаться. В кругу разведок тогдашних европейских держав к середине 20-х годов советская разведка уже имела репутацию достаточно сильной и умелой, а также безжалостной в плане методов и безразличной к международному праву.

Очень характерна в этом плане паника в парламенте Великобритании после обнародования знаменитого «Меморандума Зиновьева», где от имени этого лидера партии большевиков и Коминтерна предлагалось силами советской разведки организовать восстание индийских и пуштунских племен, покончив тем с властью Великобритании над Индией и Кашмиром. ГПУ и военная разведка РККА через свои сети Коминтерна, безусловно, работала и в этом важнейшем регионе, но все же никаких признаков уже подготовленного восстания в Северной Индии и Кашмире при их участии тогда выявлено не было. Шум был большой, именно тогда глава МИДа Великобритании Остин Чемберлен обратился к СССР с нотой протеста, обстоятельства которого сейчас в основном забылись, а фраза «Наш ответ Чемберлену» осталась крылатой до сих пор, тогда по советским городам ходили манифестации с лозунгами «Пролетарии последний раз предупреждают Чемберлена». Советский

ответ в 1927 году Чемберлену действительно был шумным, нарком иностранных дел Литвинов послал ответную возмущенную ноту в Лондон о «происках и клевете» в типичном советском стиле, а пролетарский поэт Демьян Бедный на страницах советских газет ответил на английскую ноту еще более хлестко: «Мистеру Чемберлену — мед вместо хрену». Такой тогда в Стране Советов ценился политический юмор.

Уже вскоре стало известно, что английские парламентарии стали жертвой именно этой демонизации зарубежного монстра советской разведки и непроверенных сведений собственных разведчиков, поскольку это сотрудники МИ-6, английской внешней разведки, добыли «секретный меморандум Зиновьева». А передали эти документы английскому резиденту разведки в Латвии Николсону русские белоэмигранты. То ли они хотели тем самым еще больше рассорить Лондон с Москвой, то ли английские джеймсы бонды перестарались в желании выслужиться и получить повышение, то ли была ловкая игра по дезинформации — концов этой громкой тогда провокации так и не найдено.

По другой версии, в руки МИ-6 эти изготовленные фальшивки передали члены белоэмигрантского «Братства русской правды», когда глава филиала «Братства» в Германии Орлов наладил производство таких фальшивок с чекистскими печатями для устрашения Запада и обострения его отношений с СССР. Хотя пик скандала пришелся на 1924 год, когда английские разведчики тайно похитили багаж члена компартии Англии Макмануса, найдя в нем документы о подрывной работе ГПУ по исполнению «плана Зиновьева», включая поддержку антибританского движения в Индии и субсидирования самих английских коммунистов для антиправительственной деятельности. Полагают, что джентльмены из английской разведки выдали здесь за улики из чемодана Макмануса те самые изготовленные белоэмигрантами фальшивки, хотя не секрет, что ГПУ и Коминтерн в те годы действительно массово переправляли европейским компартиям деньги на подрывную деятельность и пропагандистскую литературу.

Эта фобия, часто раздуваемая на всякий случай белой эмиграцией в Европе, обострялась в моменты арестов настоящих

агентов советской разведки и разоблачения свитых ими сетей, которые действительно впечатляли. Как это было в той же Франции в конце 20-х годов, когда впервые разоблачена мощная сеть французских агентов советской разведки из компартии и профсоюзов, несколько лет успешно действовавшая на французской земле, тогда же был арестован возглавлявший ее резидент советского Разведупра РККА во Франции Узданский. Или когда выяснилось, что разведчик ИНО ГПУ Григанович сумел внедриться в самое высшее руководство разведывательной службы Генштаба армии Литвы, а после разоблачения благополучно сумел скрыться и бежал назад в СССР. Сам герой этой истории Викентий Григанович, чекист и разведчик с большим стажем, в 1938 году в Советском Союзе расстрелян в чистки НКВД.

В той же Литве советская внешняя разведка добилась еще более внушительного успеха, завербовав белогвардейского генерала Клецинского, пошедшего на службу в армию независимой Литвы и дослужившегося там до поста начальника Генштаба. Автором вербовки Клецинского считают резидента ИНО ГПУ в Каунасе Лебединского. Уже после ухода в отставку с поста начальника Генштаба Клецинский продолжал поддерживать связь с советской разведкой. В 1927 году литовская тайная полиция Жвалгиба вычислила его и арестовала на собственной квартире в момент передачи сведений секретной информации его советскому связнику Соколову. По приговору литовского суда Клецинский был расстрелян, но его случай шокировал и руководство Литвы, и круги белой эмиграции.

Размах тайной работы в западноевропейских странах в 20-х годах был замечен и по такому громкому делу, как история с обществом «Аркос» в Великобритании. Когда после 1923 года Советский Союз начали признавать европейские державы, обмениваясь с ленинской Москвой посольствами, ГПУ и Разведупру стало заметно проще работать, и они тут же развернулись. Еще в 1921 году в Лондон приезжала советская делегация наркома внешней торговли Красина, в ее составе был сотрудник ЧК Клышко, который и стал крестным отцом советского торгового общества «Аркос», под крышей которого ГПУ и штаб Коминтерна очень быстро развернули шпионский центр на Британских островах. Когда в 1924 году британское

правительство Макдональда признало СССР и установило с ним дипотношения, эта работа значительно расширилась.

В 1922—1927 годах шла эта бурная деятельность, когда чекистские и коминтерновские агенты вербовали в Англии осведомителей, строили козни против немногочисленного здесь отделения белоэмигрантского РОВС, подпитывали деньгами и информационными материалами Английскую компартию Гарри Поллита (на эти деньги английские коммунисты устроили уличные массовые беспорядки на 1 мая 1926 года), готовили диверсии на флотах западных государств руками сформированной в недрах «Аркоса» тайной «Интергруппы» моряков разных стран под контролем Коминтерна. Всю эту работу курировал из советского посольства резидент ИНО ГПУ в Лондоне Радомский, а в самом штабе «Аркоса» — чекист Степан Мельников, которого только в 1926 году отозвали в СССР после обострившегося у него психического заболевания вследствие тяжелой контузии на Гражданской войне.

Прикрыть «Аркос» английским спецслужбам удалось только в 1927 году, получив неопровержимые улики шпионской деятельности ГПУ под его прикрытием, тогда был произведен знаменитый «Налет на «Аркос» в мае 1927 года и на время разорваны отношения между Лондоном и Москвой. Этой победы добились спецслужбы Великобритании, разгром «Аркоса» стал финальной точкой в их операции против советской разведки, где британцам удалось переиграть ГПУ, завербовав в «Аркосе» часть советской агентуры в двойные агенты. Главными агентами-двойниками стали латыш Карл Корбс, завербованный Особым отделом Скотленд-Ярда (эта структура тогда наравне с МИ-5 занималась в Британии контрразведкой и госбезопасностью), и его соотечественник из Латвии Петр Мидлер. Затем в «Аркос» был внедрен двойной агент из русских Анатолий Тимохин, завербованный английской военной разведкой еще в 1918 году, во время оккупации британскими войсками Мурманска, а затем переданный на связь в контрразведку МИ-5. Именно через этих двойных агентов в «Аркосе» английская контрразведка сначала подсунула ГПУ дезинформацию о ложных шифрах и поддельных чертежах британских подводных лодок, а в мае 1927 года с их помощью устроила свой знаменитый налет на «Аркос», за-

хватив там уличающие советскую разведку материалы о подрывной деятельности на территории Великобритании.

Разгром «Аркоса» с временным прекращением в Лондоне его деятельности и временным разрывом дипотношений с Лондоном повлек в ГПУ расследование этого дела и расправу с виновными. Завербованный английской Интеллидженс сервис агент Тимохин и после разгрома «Аркоса» в Ленинграде стал тайным сотрудником ГПУ, одновременно в качестве «крота» установив уже в СССР связь с английской разведкой, его выявили в ГПУ и арестовали в 1928 году. Тогда же за рубежом тайными операциями выкрали и доставили для следствия в СССР проваливших «Аркос» агентов-предателей Корбса и Мидлера. Они не горели желанием после разгрома «Аркоса» возвращаться в СССР, зная о подозрениях ГПУ против них, предпочтя остаться в странах Западной Европы, а их коллега и двойной агент в «Аркосе» Кирхенштайн вообще отбыл в США и избежал расправы со стороны чекистов.

Корбса спецгруппа ГПУ похитила в голландском Роттердаме, заманив на борт советского парохода «Онега» и тайно вывезя на нем в Ленинград, спрятав его в тайник в машинном отделении, в июле 1928 года. А в сентябре того же года и по той же схеме в немецком Гамбурге пригласили на борт советского судна «Герцен» и Петра Мидлера, работавшего там в советском представительстве «Совтрансфлота», захватив и доставив морем в Ленинград и его. В изоляторе Ленинградского ГПУ Корбса, Мидлера и Тимохина сделали главными обвиняемыми этого известного «Дела № 569» об измене в «Аркосе» годом ранее. Всех их лично допрашивал начальник Ленинградского ГПУ Мессинг, а Корбса для допросов даже этапировали в Москву во внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке. По этому же делу арестовали еще несколько человек из «Аркоса» рангом поменьше, арестовали и родного брата Петра Мидлера Антона, кадрового чекиста из ГПУ и шифровальщика в былом «Аркосе», обвинив его в разглашении брату-изменнику тайной информации по службе.

Сейчас все материалы этого «Дела № 569» рассекречены и опубликованы писателем Игорем Лосевым в его книге «ОГПУ против Скотленд-Ярда» об этой запутанной истории вокруг «Аркоса». На следствии Корбс, Тимохин и братья Мидлер обо-

юдными обвинениями «утопили» друг друга, все они за измену советской разведке и делу мировой революции по постановлению Особого совещания ГПУ в итоге расстреляны. Так закончился скандал вокруг «Аркоса», второй раз после «плана Зиновьева» так всколыхнувший Англию и показавший масштаб проникновения советской разведки в страны Западной Европы.

Главную нагрузку в деле тайных операций и диверсионной работы за пределами СССР в ИНО ГПУ несло особое подразделение, созданное специально для этого в 20-х годах и засекреченное так, что даже не многие чекисты знали о его существовании. Это знаменитый 5-й спецотдел ГПУ, или «Спецбюро № 5», как его официально именовали с 1928 года. Его возглавлял тогда чекист Яков Серебрянский, в ГПУ известный под ласковым именем Яша, хотя личность и работа этого человека никак не располагала к таким сентиментально-уменьшительным прозвищам. Это был опытный боевик из дореволюционной партии эсеров, совершивший еще до 1917 года ряд громких терактов и лично причастный к убийству начальника Минской тюрьмы. В 1921 году он в качестве эсера арестован советской властью, но затем амнистирован, вступил в партию большевиков и принят на работу в ЧК, где в 20-х годах и стал в ГПУ руководителем специального бюро по диверсиям и ликвидации за границами Советского Союза. В дальнейшем извилистая судьба боевика и чекиста Серебрянского совершит еще не один поворот с арестами своими соратниками, помилованием, очередным арестом и смертью в тюрьме от инфаркта, но в 20-х годах он еще на коне, и его спецотдел обрастает в Европе легендами. Все главные специалисты по тайным акциям и ликвидациям советских спецслужб сталинского периода вышли из этого «отдела Яши», такие как Судоплатов, Зарубин, Эйтингон, Шпигельгласс, Перевозчиков, Сыркин, Григулевич, Зубов и другие.

ПОХОД СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ВОСТОК

Кроме Европы, щупальца советской разведки уже дотягивались и до США, и до Южной Америки, и до Японии, и до самых дальних уголков Южной Азии. Именно на 20-е годы при-

ходится известная эпопея с тайной миссией Якова Блюмкина в горный Тибет, которая сейчас обросла мистическим налетом и цели которой до конца не прояснены. То ли Блюмкин в 1927 году готовил покушение на далай-ламу, то ли по заданию руководства ГПУ искал мистическую страну Шамбалу, которую позднее искала в тех же краях спецгруппа разведки гитлеровского рейха. Операцию эту пропагандировал главный мистик и оккультист Советской России 20—30-х годов профессор Александр Барченко. Этот человек еще в дореволюционной России был увлечен поисками секретов цивилизаций прошлого и тайных обществ Средневековья, а в годы советской власти ему удалось к поискам мифических Шамбалы или Гипербореи привлечь и ГПУ.

К советским органам госбезопасности Барченко еще в 1923 году пробился через своего друга-чекиста Владимирова (позднее расстрелянного по обвинению в троцкизме); увлеченный экзотическими идеями Барченко чекист познакомил профессора с Блюмкиным и Аграновым, а позднее и с самим Дзержинским. Барченко заразил своим увлечением главу Спецотдела ГПУ Глеба Бокия, который в 20-х годах помимо прямых обязанностей по шифровке и организации прослушки (для сбора компромата на советскую элиту) организовывал странные оккультные изыскания чекистов. Так долго разрабатывалась ГПУ экзотическая секта раскольников из так называемых «странников», поскольку в спецотделе Бокия полагали, что они имеют тайные связи с Тибетом. Бокий даже додумался доставить в свой отдел на Лубянке какого-то шамана из северного племени саамов по имени Иван, который брякал своими погремушками и пытался разглядывать будущее в тарелках, пока не умер у чекистов при фактически домашнем заточении. Эту странную акцию тоже санкционировал лично Бокий, на которого идеи профессора Барченко оказали в ГПУ самое большое влияние.

Именно Барченко был инициатором таинственной командировки Блюмкина в Тибет. Кто-то считает Александра Барченко ловким шарлатаном и авантюристом, своего рода Блюмкиным от оккультной науки, игравшим с ГПУ в свою игру, кто-то видит в нем непонятого пророка, в любом случае совет-

ская госбезопасность точку в этих отношениях поставила расстрелом Барченко в 1938 году, в период больших репрессий.

Руководивший тогда тайной работой советской разведки в Китае, Тибете и Монголии Яков Блюмкин заслуживает особого внимания, поскольку именно его деятельность во внешней разведке ГПУ 20-х годов стала наиболее показательной, как и вся судьба этого нестандартного чекиста показательна для этого первого поколения чекистов 20—30-х годов. Этот человек одновременно поражал окружающих своей яркой личностью и отпугивал их своим диковатым характером авантюриста. Он мог заступиться в 1920 году за Сергея Есенина, другом которого являлся, лично дав за него поручение, когда ЧК в очередной раз арестовала вольнодумного поэта за антисоветские высказывания в ресторане «Домино». И он же Есенину предлагал пойти с ним в ЧК и посмотреть, как там в подвале расстреливают контру, да и в причастности к гибели самого поэта подозревают того же Блюмкина.

Блюмкин дружил с множеством деятелей культуры, особенно с поэтами. Маяковский ласково называл его своим другом Блюмочкой, и его же подозревают в вербовках этих поэтов в стукачи ГПУ. Мандельштам через видного большевика Раскольникову жаловался даже Дзержинскому, что его подчиненный в ГПУ своими загулами и пугающими поэтов рассказами о расстрелах на Лубянке порочит звание чекиста, но и эта жалоба закончилась для Блюмкина ничем. Да и в воспоминаниях друзей Блюмкина из литературного лагеря встает образ очень нестандартного чекиста и странного человека. Так, по воспоминаниям поэта Мариенгофа, Блюмкин все время боялся покушения преданных им когда-то эсеров, бегал по московским улицам от милицейских патрулей (имея чекистский мандат в кармане), пьяным в ресторане грозил случайным людям револьвером, а когда Есенин отобрал у него оружие, то с пьяными слезами молил поэта: «Сережа, отдай, я ж без револьвера как без сердца».

Все это совсем не совпадает с образом чекиста дзержинского поколения 20-х годов. Хотя и рассказы о Блюмкине как о явном шизофренике и трусе тоже вызывают сомнения, все же он за время работы в ЧК и ГПУ выполнял ответственные задания и только огнестрельных и ножевых ранений на теле имел

семь штук. Да и покушений бывших друзей эсеров Блюмкин опасался не из-за своей мании преследования, а по причине их полной реальности, боевики из уже запрещенной партии эсеров на своего известного отступника покушались как минимум дважды. Причем второе неудачное покушение организовала бывшая жена Блюмкина эсерка Лидия Сорокина, позднее сами эсеры обвинят ее в измене партии и тоже тайно ликвидируют.

В случае же с известным скандалом в ресторане «Домино» на Тверской улице в центре Москвы, где поэт Есенин отобрал у пьяного Блюмкина пистолет, тот вроде бы поссорился с молодым театральным актером, оскорбившим Блюмкина своим вольным поведением и тем, что ресторанной шторой протер свои ботинки. Именно в него задетый за живое неудержимый чекист и собирался разрядить барабан своего револьвера. Актера этого звали Игорь Ильинский, намного позднее он станет знаменит у советского зрителя в роли милого бюрократа Огурцова из «Карнавальная ночь», а если бы Есенин не обезоружил вовремя буйного чекиста, такой актерской карьеры у Ильинского могло бы уже и не быть. В любом случае фигура Блюмкина очень ярка и выделяется в том дзержинском поколении в ГПУ 20-х годов.

Молодой боевик партии эсеров Яков Блюмкин в 1918 году по квоте левых эсеров направлен на работу в ВЧК, где оказался в отделе контрразведки и получил задание сформировать группу по работе против иностранных шпионов в Советской России, и это всего в восемнадцать лет. Затем он по заданию партии эсеров участвовал в убийстве германского посла Мирбаха, в ходе которого был ранен охраной немецкого посольства. А после подавления восстания левых эсеров скрывался в эсеровском подполье, участвовал на Украине в подготовке покушений эсеров на гетмана Скоропадского и германского фельдмаршала Эйхгорна, в 1919 году арестован ЧК и амнистирован советской властью. После чего вступил в партию большевиков и вновь принят в ВЧК, в годы Гражданской войны он был типичным представителем первого дзержинского поколения в ЧК, сочетавшего жестокость со своеобразным романтизмом и авантюризмом, еще не зажатым в жесткие рамки партийной дисциплины.

Блюмкин выполнял задания ЧК на Украине, где попал в плен к петлюровцам и чудом выжил после их пыток. После чего переведен в ИНО ВЧК и направлен в Иран, где курировал помощь ЧК местным просоветским повстанцам Кучук-хана, создавал по приказу ЧК Иранскую компартию на основе левого движения «Адолат» и левосоциалистической группировки Энсаулы. А затем несостоявшийся начальник Персидской ЧК Яков Блюмкин уже отбыл под новой легендой к другим странам экспортировать социализм разведывательными методами. Впереди у него была работа в Китае советником ГПУ при армии гоминьдановского генерала Фэн Юйсяна, затем Монголия.

Здесь с начала 20-х годов существовал левый режим, дружественный Советскому Союзу, вскоре полностью преобразованный в социалистический и понемногу превратившийся в его верного сателлита. При режиме Чойбалсана Комитет безопасности, созданный в 1921 году не без помощи ЧК, Разведотдел монгольской Народной армии и называемая тогда в Монголии Государственной внутренней охраной (ГВО) служба тайной полиции — в 20—30-х годах единственные верные союзники и младшие братья ЧК—ГПУ—НКВД вместе с Разведупром в мире спецслужб.

Здесь впервые отработана советскими спецслужбами практика, с конца 40-х годов перенесенная на весь социалистический лагерь союзников, — советники из ГПУ при Комитете безопасности, Разведотделе и Госохране, помогавшие в борьбе с внутренним врагом в Монголии и в разведывательных операциях за границей. Так это было предусмотрено еще первым международным соглашением в истории ВЧК такого рода, подписанным в 1921 году Дзержинским и главой монгольского Комитета безопасности Хаяном Хирвом. Государственную охрану, выполнявшую кроме тайно-полицейских еще и функции контрразведки, возглавлял прошедший специальную стажировку в Москве в нашей ВЧК монгольский большевик Баторун. Затем его сменил также большой друг Москвы Балдандорж. Военной разведкой в Монголии занимался Разведотдел при штабе Народно-революционной армии, созданный военным министром Максаржавом, бывшим героем антики-

тайской партизанской войны за независимость и имевшим громкий псевдоним Хатан-Батор.

Здесь стоит сделать такое отступление об истории сотрудничества советских спецслужб с их союзниками в Монголии именно в силу необычности такой картины. Ведь Монголия до Второй мировой войны оказалась единственным сателлитом СССР в этом маленьком «лагере социализма» всего из двух государств: огромного Советского Союза и маленькой степной Монголии под жесткой диктатурой маршала Чойбалсана. Сам приход к власти в 1921 году монгольских большевиков Сухэ-Батора и его созданной при участии молодого Коминтерна Монгольской народно-революционной партии (МНРП) осуществлялся с активным участием разведки ВЧК, финансированием и организационной работой штаба Коминтерна в Москве и при поддержке сил Красной армии. Если выплеснуть свою Гражданскую войну в поход мировой революции за рубеж не удалось ни на западе (провал наступления на Польшу в 1920 году), ни на юге (отступление от англичан в ходе Энзелийской операции в Персии), то единственный успех чекистов и Коминтерна был отпразднован лишь на востоке прорывом в только что получившую независимость от китайцев Монголию.

Именно здесь ВЧК—ГПУ, Разведупру и помогавшему им Коминтерну удалось посадить в Урге (ныне Улан-Батор) промосковское левое правительство Сухэ-Батора, получившего благословение в Москве от Коминтерна и ленинского Совнаркома. Это был первый для советских спецслужб опыт удачного захвата власти в чужой стране руками своих подготовленных союзников. Ведь ЦК МНРП Сухэ-Батора создавался на советской территории в городке Троицкосавске (сейчас это российская пограничная станция Кяхта), сюда же по требованию коминтерновских инструкторов включили молодого монгольского большевика Чойбалсана, вскоре сменившего неустойчивого идейно Сухэ-Батора и ставшего маршалом Монголии и самым преданным зарубежным правителем из союзников Сталина. И в поход на монгольскую землю созданная здесь же Сухэ-Батором его Народно-революционная армия пошла отсюда, в итоге войдя летом 1921 года с триумфом в Ургу, а шла эта небольшая армия при активной поддержке красной кон-

ницы РККА под началом молодого красного командира Константина Рокоссовского и красной партизанской вольницы известного полубандита Щетинкина. И здесь же специально посланный от Монгольской секции Коминтерна эмиссар коминтерновцев Борисов раздавал под расписки советские деньги штабу Сухэ-Батора. Не обошлось, естественно, и без сотрудников ЧК и Разведупра в этом походе Сухэ-Батора к власти. Советниками ВЧК при ставке Сухэ-Батора были латыши-чекисты Некунде и Озолс, а также знавший местный язык чекист бурятского происхождения Нацов.

В итоге белые барона Унгерна, семеновские казаки, китайцы и немногочисленная гвардия монгольского монарха богдо-гэгэна были разгромлены и вытеснены из Монголии, а Сухэ-Батор при номинальной власти популярного среди кочевников старика богдо-гэгэна создал свое левое правительство и объявил Ургу главным союзником большевистской Москвы. В 1924 году тихо умер оттертый от власти богдо-гэгэн, Чжебцундамба-хутухта, годом раньше внезапно скончался и сам Сухэ-Батор (как подозревают, отравленный в восточном стиле нетерпеливым преемником), а у власти в Улан-Баторе на долгие годы оказался глава коммунистического режима маршал Чойбалсан.

Советские инструкторы помогали монгольским коллегам в таких операциях, как ликвидация в 1923 году заманенного в ловушку предложением о переговорах лидера повстанцев пустыни Гоби по имени Дамбижанцан (он же Джа-лама). Госохрана Дамбижанцана убила, а его отрезанную голову привезли в Улан-Батор, а до того возили по монгольским кочевым улусам в доказательство могущества новой спецслужбы. Этот легендарный тогда в монгольской степи деятель объявил себя воплощением кровавого ламаистского божества Махакалы и отказался подчиняться власти Сухэ-Батора в Урге, Джа-лама был восточным воплощением нашего крестьянского вожака типа Антонова или Махно, только еще более кровавого и овеянного мистическими легендами. К тому же Джа-лама еще похож на степного Робин Гуда и даже на Пугачева. Поскольку он был в чистом виде самозванцем, объявив себя правнуком легендарного монгольского хана Амуурсаны, умершего в изгнании в России в XVIII веке. Говорят, что этот мятежник и авантю-

рист вообще был выходцем из России, то ли бурятом, то ли калмыком. Он еще в годы Российской империи дважды являлся под именем правнука Амурсаны в Монголию, его оба раза выдавали России и ссылали в Якутск, а со смуты 1918 года в России и Монголии одновременно он разгулялся со своим войском по степи Западной Монголии, угрожая центральному правительству Сухэ-Батора.

Госохране в долгой операции по ликвидации Дамбижанцана с конца 1922 года тоже помогали инструкторы ГПУ и Разведупра, саму операцию разработал главный представитель советского Разведупра в Монголии Харти Кануков, советский военный разведчик калмыцкого происхождения. Именно он предложил главе ГВО Балдандоржу не штурмовать укрепленный лагерь Джа-ламы, а ликвидировать его чекистским методом внезапного «изъятия», отработанным на нашей Гражданской войне.

Балдандорж лично в сопровождении советского разведчика и советника Канукова выезжал из Урги для руководства ликвидацией Джа-ламы. И в феврале 1923 года прибывшие якобы для переговоров с Джа-ламой сотрудники Госохраны (их называли здесь «цыриками» от монгольского слова «цэрэг» — охранник или стражник) Дугэр и Нанзад предательски застрелили Джа-ламу в затылок во время его молитвы в юрте. После этого ГВО для популяризации имени своего руководителя Балдандоржа распространяла по стране слухи, что именно он лично застрелил из револьвера могущественного Джа-ламу, а затем в древних монгольских традициях освятил свое знамя кровью убитого врага и съел его сердце. Только когда Гражданская война в Монголии схлынула и нравы чуть смягчились, эту жуткую людоедскую байку власть Чойбалсана в Улан-Баторе опровергла, признав, что разбойника Джа-ламу «казнили по заочному приговору народного суда» разведчики ГВО, завербованные из числа его же бывших приближенных. Голову же Джа-ламы действительно сотрудники ГВО по приказу Балдандоржа долго возили на пике по кочевьям, окончательно смиряя страхом западные племена к подчинению власти в Урге.

Затем с этой головой авантюриста Дамбижанцана произошла странная история: монгольские «цырики» зачем-то пода-

рили ее советским собратьям, те вывезли в Ленинград, где ученые поместили заспиртованную в банке голову Джа-ламы в запасы Эрмитажа, где она и сейчас пребывает как экспонат с незатейливым названием «Голова монгола» без объяснения следа спецслужб в его появлении на невских берегах.

Известный чекист и один из конструкторов пресловутой операции «Трест» Кияковский был в те годы главным представителем ГПУ при монгольской Государственной внутренней охране, и при выезде на подавление крестьянского восстания с группой ГВО он был убит в перестрелке с повстанцами. Советская разведка и оперативными методами активно помогала монгольским союзникам. Когда работавший среди монгольской диаспоры в Китае и ламаистской эмиграции разведчик монгольской ГВО Мерсэ, создавший здесь подпольную коммунистическую группу «Молодых монголов», изменил и перешел на сторону эмигрантов, его розысками на китайской территории по просьбе ГВО занимались советские разведчики. В итоге выслеженный ГПУ Мерсэ похищен советской разведкой в Маньчжурии и вывезен на территорию СССР, а здесь расстрелян за измену делу социализма даже без передачи его для суда монгольским союзникам. Так что на Дальнем Востоке крылья молодой советской разведки ГПУ и Разведупра расправлялись не хуже, чем в Европе.

В 20-х годах именно Яков Блюмкин был главным представителем ГПУ при спецслужбах единственного верного союзника СССР Монголии, как Харти Кануков был главным представителем Разведупра при военной разведке Монголии. Здесь, не отошедший еще от революционного угара, сохранивший повадки лихого террориста, Блюмкин пугал монгольских товарищей своими запоями, беспричинной стрельбой из револьвера и стоянием перед портретом Ленина с пьяной исповедью: «Это не я, Ильич, так себя веду, это мое несознательное нутро!» Так этот один из самых оригинальных резидентов советской разведки за всю ее историю чудил в Монголии до тех пор, пока у товарищей из местной госбезопасности не лопнуло последнее терпение.

Причем в Москве вопрос с отзывом из Монголии официального представителя ГПУ Блюмкина решался из-за нестандарт-

ности ситуации на самом высшем уровне, по своим каналам об этом же начальник Разведупра Берзин просил наркома обороны Ворошилова. Берзин писал о пьяных выходках Блюмкина, о его интригах среди представителей советских спецслужб в Монголии и даже о прямом оскорблении распоясавшимся чекистом Блюмкиным начальника Генштаба монгольской армии Кангелари, которого Блюмкин просто терроризировал своими нападениями.

«Деятельность Блюмкина в Монголии вызывала серьезные нарекания начальника Разведупра Берзина, который докладывал наркому Ворошилову: «Поведение Блюмкина весьма разлагающим образом действует на всех инструкторов и в дальнейшем может отразиться на боеспособности Монгольской армии. Считаю, что в ближайшее время его нужно отозвать из Монгольской армии». По-видимому, предложение Берзина было принято, и в ноябре 1927 года Блюмкин прибывает из Монголии в Москву»¹.

Именно после этого и состоялась знаменитая поездка Блюмкина в Тибет под чужим именем и под легендой бродячего деревнища, вокруг которой и сейчас столько тайн. Хотя в советское время, отвергая экзотическую версию поисков Шамбалы, рейд Блюмкина по Тибету и Северной Индии объясняли сугубо разведывательными целями поисков путей возможного наступления конницы Буденного на Пенджаб и Индию в случае вооруженного конфликта СССР с Великобританией. Скорее всего, он налаживал там контакты ГПУ с подпольем индийской компартии, с левым профсоюзом «Красное знамя» в Бомбее и с левыми боевиками «Красных рубашек» на севере Индии и в Кашмире.

Тогда действительно казалось, что массовое восстание левых сил в Индии не только выгонит отсюда англичан, но и встряхнет застопорившуюся мировую революцию, дав СССР верного соратника в Южной Азии в лице социалистической Индии. Такие мысли проносились и по московским коридорам. На одном из конгрессов Коминтерна посланец «Мусульманской коммунистической организации» из района нынешнего Пакистана по имени Баранотулла торжественно пообещал, что у

¹ *Сто великих авантюристов*. М., 2001. С. 493.

местных коммунистов все готово к восстанию и отделению от Британской империи вместе со всей Индией, правда, к этому прилагались надежды на поддерживающий рейд в район реки Инд корпусов Красной армии. По некоторым сведениям, Блюмкин даже хвалился в своем стиле, что после победы революции в Индии он попросит для себя место начальника Индийской ЧК. Но этим утопическим проектам сбыться в конце 20-х годов было не суждено, конница Буденного по Гималаям не помчалась, и массового восстания индусов также не удалось поднять, как не нашли и мистического входа в страну Шамбалу, а Блюмкина отозвали в СССР навстречу скорому концу его чекистской карьеры.

После тибетской экспедиции Блюмкин еще успел поработать по линии разведки ГПУ на Ближнем Востоке, где разъезжал по многим странам с паспортом на имя турецкого купца Якуба Султан-заде, этот регион тоже заинтересовал чекистскую разведку. В 1929 году, возвращаясь с Ближнего Востока в СССР, Блюмкин в Стамбуле тайно встретился с уже изгнанным из Союза Троцким и после беседы с ним бросился в свою последнюю и губительную авантюру. Объявил себя троцкистом и пообещал коммунистическому изгнаннику организовать в Москве троцкистское подполье из сторонников Троцкого в ГПУ. Здесь в искренность Блюмкина вполне верится, он все время считал себя троцкистом и был близок ко Льву Давидовичу Троцкому до его изгнания из СССР, хотя, вероятно, авантюризм Блюмкина и здесь опережал его политические устремления.

После приезда в Москву Блюмкин в своем стиле легкомысленно доверил эту тайну очередной своей подруге и тоже чекистке Елизавете Горской, а та выдала его начальству. Кроме того, одно из писем Троцкого Блюмкин принес на квартиру известному оппозиционеру в партии Радеку, также бывшему тогда в немилости у Сталина. Радек на этот визит чекиста с посланием от Троцкого отреагировал так же, как в XVIII веке опальный екатерининский вельможа Иван Шувалов на визит к нему домой авантюриста Федора Аша с предложением совершить дворцовый переворот и занять место царицы. Радек, как и Шувалов за два века до него, немедленно донес о визите к нему Блюмкина прямо на Лубянку зампреду ГПУ Ягоде. Радек по-

звонил Ягоде по телефону сразу, как ушел Блюмкин (у Шувалова телефона не было, тому пришлось бежать в Тайную канцелярию бегом — прогресс доноса налицо), и туда же Радек затем передал письмо изгнанника Троцкого. Узнав о близком аресте, неутомимый авантюрист Блюмкин, как и в 1918 году после убийства Мирбаха, попытался податься в бега, скрывался на квартирах знакомых и даже в стиле шпионских боевиков постригся наголо и сбрил усы для конспирации. Но той же Горской заманен в ловушку, договорившись встретиться с ней на вокзале перед бегством из Москвы, а здесь попав в засаду бывших коллег.

Можно лишь добавить, что сыгравшая столь неблагоприятную роль в этой истории и выдавшая ГПУ доверившегося ей и любившего ее Блюмкина (невзирая на все особенности личности этого человека), Елизавета Горская позднее сделала большую карьеру во внешней разведке чекистов, выйдя замуж за известного разведчика Василия Зарубина, и долго работала в паре с мужем в европейских резидентурах, где имела разведывательный псевдоним Эрна. В большинстве мемуаров советских разведчиков и официальных летописцев советской разведки в героических страницах биографии Горской-Зарубиной этот «блюмкинский» эпизод 1929 года предпочитали попросту не упоминать, очевидно понимая его своеобразный моральный подтекст. Иногда из симпатий к Горской-Зарубиной даже пытаются оспорить сам факт ее предательства в отношении Блюмкина. Так, в посвященной ее фигуре книге «Таинственная Эрна» авторы В. Денисов и П. Матвеев в подтверждение ссылаются даже на решение Политбюро ЦК ВКП(б) 1929 года по делу Блюмкина, где после резолюции «Блюмкина расстрелять, ГПУ поставить на вид» записано отдельным пунктом: «Поручить ГПУ установить точно характер поведения Горской в этом деле». Хотя вряд ли это можно считать аргументом против утверждения о предательстве Елизаветой Горской влюбленного в нее человека, тем более что ГПУ наверняка с ее ролью здесь тщательно разбиралось, а она все же затем пошла на повышение в ИНО ГПУ. В различных «Легендах советской разведки» или «Очерках из истории советской разведки» о резиденте Горской-Зарубиной пишут в восторженных интонациях, историю

же с выдачей загнанного бывшего любовника Блюмкина либо умалчивая, либо стыдливо упоминая вскользь и без деталей. Не раз встречалась мне в подобных изданиях и такая дипломатичная фраза о Горской: «В дальнейшем с Блюмкиным по идеологическим причинам порвала» — это о выдаче бывшего друга и любившего ее человека на верный расстрел.

В материалах дела Блюмкина № 86411 от октября 1929 года осталась эта докладная Елизаветы Горской на имя начальника Секретного отдела ГПУ Агранова об участии Блюмкина в троцкистском заговоре в спецслужбе СССР. И здесь же четко записано, что на встречу с Блюмкиным на вокзале Горская шла уже под контролем чекистов, сообщив время randevу со скрывающимся другом начальнику ИНО ГПУ Трилиссеру. А также зафиксированы последние слова Блюмкина Горской в момент, когда подошедшие «товарищи» его арестовали и сажали в машину на Мясницкой улице: «Прощай, Лиза, я знаю — ты меня предала». Все эти подробности рассказывал друзьям-чекистам лично сажавший арестованного Блюмкина в машину сотрудник ГПУ Иван Ключарев, а от бежавшего вскоре на Запад друга Блюмкина и сотрудника ГПУ Агабекова подробности ареста известного авантюриста из ЧК стали известны и в Европе, дойдя в итоге и до нас.

После допросов на Лубянке в судьбе этого необычного человека была поставлена точка, за тайную связь с Троцким и предательство советской власти Блюмкин был расстрелян как экс-чекист по решению Особого совещания ГПУ, и никакие заслуги времен Гражданской войны и зарубежной разведки его не спасли теперь от чекистской пули. Смертный приговор Блюмкину приведен в исполнение на Лубянке 3 ноября 1929 года, расстрелом командовал лично начальник Секретного отдела ГПУ Яков Агранов — возможно, потому, что и сам, как Блюмкин, в свое время был боевиком партии левых эсеров. Не знаю, правда это или легенда, что перед расстрелом Блюмкин громко славил Троцкого и мировую революцию, пел «Интернационал» и с вызовом спрашивал Агранова: «А о моей казни напечатают в «Правде» что-нибудь?» — но такой финал был бы вполне в духе этого человека.

Так в жизни Якова Григорьевича Блюмкина уместился стандартный путь среднего чекиста дзержинского призыва 1918 го-

да: приход в ВЧК (часто из бывших боевиков и даже эсеров либо анархистов), романтические иллюзии первого года революции, бойня времен Гражданской, славные годы советской разведки в 20-х, арест своими, обвинение в измене, расстрел в подвале Лубянки. Путь был стандартным, только сам Блюмкин был нестандартным чекистом, поэтому, в отличие от многих, у кого этот путь растянулся с 1918 по 1937 год, он проделал его всего за десятилетку и с более эффектно выкинутыми коленцами по пути. Именно этот романтический ореол, оставшийся еще с первых лет революции вокруг первого поколения чекистов, подобных Блюмкину, Артузову, Делафару, Петерсу и другим, создавал вокруг советской разведки еще больше мифов, заставив западный мир даже преувеличивать к концу 20-х годов ее и без того заметное могущество.

ОПЕРАЦИЯ «СИНДИКАТ»

Эта акция в 20-х годах тоже была показательной и вошла в летопись советской разведки. В отличие от развивавшейся в те же годы более длительной и сложной операции «Трест», бывшей по мощному белоэмигрантскому союзу РОВС, «Синдикат» был направлен против боевой организации бывших эсеров во главе с неутомимым Савинковым. Знаменитый террорист, с которым за долгие годы так и не смогла справиться царская охранка, с 1917 года теми же методами продолжил борьбу и против непризнанной им советской власти. После участия в Белом движении и в эсеровских восстаниях 1918 года на Волге, оказавшись в эмиграции в Европе, Борис Савинков воссоздал из бывших эсеровских боевиков «Союз защиты Родины и свободы», действовавший методом террористических актов против диппредставительств СССР и забрасывавший свою агентуру на территорию Советского Союза.

Сама операция «Синдикат» сейчас достаточно подробно описана в специальной и даже художественной литературе, этим событиям посвящены фильмы. В техническом плане действия ГПУ по заманиванию Савинкова на территорию СССР и аресту здесь выглядят безупречными, и до сих пор техниче-

ская изнанка этой операции разведки ГПУ разбирается в школах подготовки разведчиков различных стран мира. В основе лежал тот же принцип, что и у «Треста», — создание самим ГПУ фиктивной антисоветской организации внутри СССР, от имени руководства которой чекисты-разведчики вели в Европе долгую игру с лидерами эмигрантских центров.

Сначала от организации Савинкова в СССР в 1922 году тайно выехал белый офицер Шешеня, адъютант Савинкова в его организации, здесь его захватило ГПУ и заставило играть на своей стороне, подтверждая наличие подполья и заманивая Савинкова в Советский Союз. Шешеня при аресте выдал адрес главного савинковского резидента в Москве Зекунова, которого тоже удалось завербовать и включить в гигантскую игру ГПУ, направленную на поимку самого Бориса Савинкова. В 1923 году от Савинкова в СССР на разведку послан полковник Павловский, он тоже сразу был арестован ГПУ, а от его имени Савинкова вновь известили о наличии внутри Союза крупной подпольной организации, хотя сам Павловский вскоре при попытке бежать от конвоя погиб в коридоре внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке.

Очередной вояж на территорию Советского Союза в мае 1924 года предпринял и сам Савинков, которого сопровождал представитель этого липового подпольного центра Мухин (под этим именем скрывался сотрудник ГПУ Федоров) и сотрудники савинковской организации Дикгоф и Фомичев. В Минске Савинков и сопровождавшие его члены «Союза защиты Родины и свободы» были немедленно арестованы и доставлены для допросов на Лубянку. В итоге операция «Синдикат» закончилась победой советской разведки, Савинков был обезврежен и в итоге ликвидирован, а его эмигрантский союз без лидера быстро зачах и перестал быть для советской власти проблемой.

Другая сторона этой профессионально задуманной и исполненной операции в советские годы не разбиралась. В тени молчания оставался вопрос морального права советской спецслужбы расправиться с человеком, имевшим к революционному движению России и к борьбе против царского режима гораздо больше отношения, чем многие лидеры советского режима и сотрудники их ГПУ. Ведь речь шла о легендарном деятеле

эсеровского движения, самом неуловимом революционном террористе дореволюционной России, отказавшемся по идеологическим соображениям принять советскую власть, увидев в ней такое же деспотическое орудие подавления народной свободы, как царский режим, с которым он столько лет боролся.

И так же двусмысленно выглядят действия ГПУ в ликвидации самого Савинкова, фактически убитого безо всякого смертного приговора суда. Здесь чекисты просто пошли на фальсификацию и тайную ликвидацию в своих целях. Советская власть якобы помиловала Савинкова за старые заслуги в борьбе с царизмом после знаменитого его покаяния на тему «Почему я признал советскую власть», написанного по требованию чекистов в сентябре 1924 года в камере внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке. Этот памфлет Савинкова с призывом ко всем эмигрантам и антисоветчикам принять советскую власть как единственного гаранта восстановления величия России, прекратить с ней борьбу использовался ГПУ в качестве идеологического оружия, хотя особого успеха в эмигрантской среде и не имел — мало кто поверил в искренность стойкого борца с Советами, так легко перечеркивавшего всю свою борьбу 1918—1924 годов. Сам же Савинков, написавший это в надежде сохранить жизнь, пославший и письмо Дзержинскому из тюрьмы с мольбой: «Вчера я был против вас, а сегодня я с вами», был чекистами попросту обманут. Смертную казнь ему заменили на бумаге десятилетним заключением, официально огласив это решение, и тут же тайно ликвидировали 7 мая 1925 года.

Официально объявили о самоубийстве Савинкова во внутренней тюрьме Лубянки, якобы бросившегося во время прогулки в пролет между этажами и насмерть разбившегося при падении с пятого этажа. Хотя мало кто даже тогда поверил в этот акт суицида закаленного террориста, сумевшего когда-то бежать из царской тюрьмы до исполнения смертного приговора, да и зачем бы тогда он писал своё знаменитое отречение. Сейчас факт умышленного убийства Савинкова на Лубянке, закамуфлированного под самостоятельный уход из жизни, доказан многими свидетельствами. Даже в конце 30-х годов бывший чекист Артур Шрюбель, умиравший в сталинском лагере, рассказывал перед смертью товарищам по несчастью политэз-

кам о том, как он лично с еще тремя сотрудниками ГПУ бросал упирившегося Савинкова в тот самый злополучный лестничный пролет Лубянской следственной тюрьмы. Очевидно, для этого же Савинкова в день убийства вывозили для какого-то следственного эксперимента в подмосковное Царицыно, где поили вином, чтобы облегчить задачу ликвидации с инсценировкой самоубийства при возвращении в тюрьму. В последнее время с этим не спорят даже самые стойкие адвокаты «славной истории» советских органов госбезопасности, предпочитая опять же заострять внимание на более безупречной профессиональной стороне исполнения операции «Синдикат», чем на тайной расправе с ее главной жертвой.

ДЕЛО СИДНЕЯ РЕЙЛИ

С операцией против одного из самых известных разведчиков начала XX века, сотрудника британской разведки МИ-6 Сиднея Рейли, наблюдается та же двойственная оценка, своего рода вилка между восхитительным планом операции с его изящным исполнением и рядом вопросов морального характера, дозволенного спецслужбам вообще и советским в частности. Хотя бы потому, что, в отличие от Савинкова или жертв операции «Трест» из числа генералов РОВС, Сидней Рейли был не просто иностранцем, но и сотрудником спецслужбы иностранной державы, своего рода коллегой советских чекистов. Сейчас по многим негласным кодексам физическая ликвидация оппонента из числа кадровых сотрудников иностранной спецслужбы просто запрещена, такой акт считается в мировом сообществе спецслужб особенно дерзким вызовом. После Второй мировой войны в годы холодного противостояния Запада и советского блока спецслужбы противников этой долгой тайной войны даже в самые тяжелые годы взаимоотношений старались воздерживаться от таких акций.

Но у ГПУ 20-х годов таких сдержек еще не было. Оно не раз шло на силовые операции по ликвидации сотрудников западных спецслужб, особенно если те работали по долгу службы или уже в годы отставки с российской эмиграцией, помогая ей в

борьбе против СССР. Так было с застреленным чекистами в Петрограде в 1918 году сотрудником британской военной разведки Кроми, ключевым участником «заговора Локкарта». Так было, как подозревают многие исследователи истории спецслужб, с английским разведчиком из МИ-6 Личем, работавшим в контакте с РОВС и перевербовавшим советского разведчика Навашина, — в загадочном похищении и убийстве Лича в 1937 году в Монако тоже видят «руку Москвы». Так это произошло и с попавшим в руки чекистов Рейли, авторство в ликвидации которого после операции по выманиванию на территорию СССР советское ГПУ с самого начала и не думало отрицать, запутывая только в оперативных планах картину всей операции.

Рейли был заманен к границе Советского Союза и здесь захвачен в 1925 году, чуть позднее Савинкова, и это было частью операции «Трест». От основной массы жертв «Треста» из числа русских эмигрантов Рейли отличался именно своим иностранным происхождением и принадлежностью к британской спецслужбе. Рейли также поверил в существование внутри СССР подпольной организации, также ринулся сюда, и уже после прохода «окна» на советско-финской границе, специально открытого ГПУ, оказался в руках чекистов, от которых в 1918 году сумел ускользнуть после охоты на него по делу Локкарта. Этот уникальный человек был просто легендой в мире разведки начала XX века, многие до сих пор считают его непревзойденным мастером шпионской интриги, а его имя по-прежнему окутано множеством тайн. Уроженец Одессы, Георгий Розенблюм в юности эмигрировал из России и скитался по миру в качестве странствующего авантюриста, пока не стал сотрудником британской внешней разведки МИ-6, приняв с католичеством и британским паспортом имя Сидней и взяв у очередной супруги ее ирландскую фамилию Рейли. Он выполнял секретные задания британской разведки в Китае, Южной Африке, Индии, Латинской Америке, в тылу германской армии в годы Первой мировой войны.

Но настоящую славу обрел в годы своей разведывательной работы в Советской России. Он был в 1918 году сердцем «заговора Локкарта», который хотя и был затем раздут до невероятных размеров за счет чекистской провокации с «изменивши-

ми Ленину латышами», но существовал в реальности. Вместе с консулом Локкартом, резидентом МИ-6 в Советской России Бойсом, разведчиком Хиллом, резидентом французской разведки Вертамоном и его коллегой из разведки США Каламатиано Рейли метался тогда между Москвой и Петроградом с поддельным чекистским мандатом на фамилию Релинский, сколачивая боевые группы из белых офицеров и эсеров, сумев затем тайно бежать из России.

После этой эпопеи Рейли, как и другие участники российских событий из английской разведки, стал главным специалистом по Советской России в МИ-6. Он вместе с Хиллом стал главным куратором российской белой эмиграции в британских спецслужбах, а Бойс возглавил в МИ-6 весь «российский отдел». Рейли был связным между организацией Савинкова и МИ-6, часто поддерживая савинковцев даже из личных средств. И он же был главным инициатором создания мощного союза разных движений русских эмигрантов, от крайних монархистов до эсеров. Поэтому и на ловушку «Треста» Рейли клюнул так быстро, что она давала возможность объединить усилия эмиграции с мощным подпольем внутри Советского Союза, хотя его руководство в МИ-6 в Лондоне все время операции «Трест» с подозрением относилось к этим внутрисоветским заговорщикам, оказавшимися в итоге провокаторами ГПУ. Даже в свою последнюю поездку к советско-финской границе он отправился с совещания в Париже лидера боевой организации монархистов РОВС Кутепова, эсеровского деятеля Бурцева и английских разведчиков, налаженная связь с центром «Треста» в Москве казалась путем к объединению всех сил для подготовки антисоветского восстания в России.

Дальнейший ход событий теперь нам примерно известен. Рейли вместе с представителями РОВС в Финляндии Радковичем и Бунаковым встретился в Хельсинки с «представителем антисоветского подполья» Якушевым, затем встретился с ним уже ближе к границе в Выборге (тогда финском Виппури), а позднее и решился с Якушевым перейти границу для встречи в Москве со штабом подполья. Узнав, что заклятый враг из английской разведки удачно заманен на территорию СССР, в ГПУ долго совещались, арестовать его или позволить уйти на-

зад за границу для поддержания легенды «Треста» о мощном подполье. Главный конструктор «Треста» и начальник КРО ГПУ Артузов через Дзержинского даже обращался по этому вопросу в ЦК партии.

Чекисты заявили тогда, что Рейли был убит в перестрелке прямо на границе уже после встречи в Москве с людьми «Треста», так сохраняли легенду о существовании в СССР тайной антисоветской организации. Организовавший для Рейли этот переход начальник заставы Тойво Вяха, также изображавший сторонника этой несуществующей группы, был тоже объявлен убитым и назван изменником, тогда как ГПУ под другим именем просто перевело его на другую должность. Вся перестрелка у села Аллекюль была инсценирована, а эмигрантам по своим каналам ГПУ подбросило версию о том, что гибель Рейли стала результатом случайного столкновения с пограничным патрулем, а сам он был смертельно ранен и умер не приходя в сознание. Поэтому иностранные разведки и деятели эмигрантского союза РОВС долгое время считали Рейли погибшим в результате досадной неприятности, оставаясь в уверенности в наличии в тылу Советов крупного подпольного центра.

В реальности Сидней Рейли был схвачен в Москве и подробно допрошен на Лубянке. По-видимому, его арестовали все же не сразу после перехода советской границы, а дали в Москве встретиться с лидерами тайной организации в исполнении агентуры ГПУ. После перехода границы его встречал лидер «подпольных монархистов» Щукин, который вместе с Якушевым сопровождал Рейли в Москву (под именем Щукина скрывался сотрудник КРО ГПУ Пузицкий), всю же операцию по встрече Рейли на границе возглавлял один из ближайших заместителей Дзержинского в ГПУ Станислав Мессинг, первый начальник Московской ЧК в 1918 году, а теперь глава Ленинградского управления ГПУ.

Рейли, видимо, и в Москве еще некоторое время был уверен, что встречается с настоящими заговорщиками-монархистами. Ведь он даже послал из Москвы в МИ-6 одно письмо, хотя это могла быть и подделка чекистов. Скорее всего, верна версия английского писателя и экс-разведчика Робина Локкарта (сына знаменитого консула и друга Рейли Роберта Локкарта) из его

книги о Рейли «Ас шпионажа» о том, что Рейли был арестован чекистами на подмосковной даче или по дороге с нее в Москву, в крайнем случае — уже в Москве сразу после отправки этого письма начальству. И сбежавший затем на Запад разоблачитель «Треста» чекист Опперпут тоже показывал, что Рейли арестовали после совещания с верхушкой «Треста» на даче в Малаховке. На допросах в Лубянке из него вытянули всю необходимую информацию, скорее всего не церемонясь особенно в методах. При этом Рейли был спрятан там без имени под титулом «заключенного № 73» в стиле «Железной маски» Дюма. Даже охранникам его представляли изменившим сотрудником ГПУ из провинции, для чего Рейли даже переодели в чекистскую форму со споротыми знаками отличия. Этой мерой предосторожности ГПУ оберегало свою версию о гибели Рейли при переходе финской границы, а самому секретному узнику отрезали пути к отступлению: для всего мира он уже был покойником, и с ним могли делать все, что заблагорассудится.

А затем, как и Савинков, Рейли был ликвидирован за ненадобностью, убит безо всякой судебной процедуры. Чекисты просто вывезли его за город и выстрелили в затылок безо всякого почтения к захваченному на фронте этой тайной войны противнику, да еще с такой легендарной в мире разведки биографией. Опперпут после своего бегства на Запад, первым рассказавший эту версию последних часов жизни Рейли, даже заявлял, что Рейли был заколот внезапным ударом в спину, именно такую версию коварного его убийства со слов Опперпута белоэмигранты сообщили тогда вдове Рейли Пепите Бобадилье. Потом эта версия была скорректирована в сторону выстрела в спину Рейли во время вывоза из тюрьмы в Подмосковье. В архивах чекистов эту версию подтверждают рапорты непосредственно ликвидировавших Рейли чекистов, из которых следует, что во время этой смертельной прогулки из тюрьмы его сопровождали четверо чекистов (Сыроежкин, Абисалов, Федулов и начальник внутренней тюрьмы ГПУ Дукус) и что пуля чекиста Сыроежкина, сделавшего контрольный выстрел в голову, оборвала жизнь легендарного английского суперагента. Захоронили же Рейли в безымянной могиле на территории тюремного двора.

Неудивительно, что легенда Рейли при столь запутанных обстоятельствах его кончины продолжала жить еще долго. Ходили упорные слухи, что он заточен ГПУ в Орловском центральном, что сошел с ума и спрятан в психиатрическую клинику, что сумел бежать и скрывается на Ближнем Востоке, что он сам предал и служит в ГПУ консультантом. Последняя версия выглядит совсем уж невероятной и давно опровергнута временем. Из лубянских архивных протоколов допросов Рейли от 1925 года видно, как мало он сказал ГПУ правды о своей работе с российской эмиграцией и об операциях МИ-6, даже свое одесское происхождение и первоначальную фамилию скрыл, отрекомендовавшись чекистам «ирландцем Рейли родом из города Коннемар». Запутанная судьба легендарного разведчика и неизвестность на Западе о его последних днях породили даже экстравагантную версию, что в судьбу Рейли уместили судьбы нескольких разных людей. Что эмигрант из Одессы Розенблюм, английский разведчик Рейли, торговец оружием Масино, эсер-террорист Железный, чекист-изменник Релинский и человек, погибший в 1925 году на советско-финской границе (или уже в заточении ГПУ в Москве) с паспортом на фамилию Штейнберг, — это разные персонажи одной запутанной шпионской саги.

Эти тайные убийства Савинкова и Рейли висят камнями грехов на репутации спецслужб Советского Союза. СССР только в 1927 году, два года спустя после ликвидации Рейли, официально в своих газетах признал арест этого человека с паспортом на имя Штейнберга на своей территории. Но о расстреле Рейли не сообщали и тогда, хотя уже признавался факт дезинформации с гибелью Рейли в перестрелке на границе у села Аллекюль.

Да никакого расстрела, судя по всему, и не было — было убийство ставшего ненужным секретного узника Лубянской тюрьмы, и никакой советский приговор Рейли к смертной казни от 1918 года не может в таких условиях быть оправданием тайного убийства выстрелом в спину, ведь Рейли не объявляли о предстоящей казни и не давали ему права опротестовать приговор. После этого ни на какие запросы британского МИДа и вдовы разведчика Пепиты Бобадильи Советский Союз ни разу о судьбе Рейли ответа не дал. Хотя эти запросы шли до

конца 50-х годов, когда у власти в Москве уже был Хрущев, даже тогда советская разведка утаила факт бессудного убийства своего английского оппонента, очевидно понимая не самую приглядную для нее правду в этой истории.

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»

Даже сейчас, когда об уникальной и многолетней комбинации советской разведки под названием «Трест» известно почти все, когда рассекречены архивы, названы имена ее участников, разобраны механизмы, не покидает ощущение какой-то недосказанности. Эта самая размахистая операция советских спецслужб по расколу и обескровливанию белой эмиграции уже давно стала легендой, передаваемой чекистами от поколения к поколению, фирменным знаком работы довоенной разведки в СССР. Для антисоветской эмиграции и западных спецслужб операция «Трест», напротив, надолго стала жупелом, которым они пугали сами себя. Уже когда операция «Трест» давно была лишь экспонатом истории разведки и советский КГБ давно был занят другими делами, оставив «Трест» лишь воспоминанием о мастерстве своих предшественников, в американском ЦРУ очень опасались повторения массовой ловушки по шаблонам старого «Треста».

Сейчас детали длительной оперативной игры «Трест» ГПУ против эмиграции достаточно широко освещены, а для подробного описания всего механизма этой операции потребовалась бы отдельная пухлая книга, возможно, и в нескольких томах. Поэтому остановимся лишь кратко на самой модели «Треста», ставшей в истории спецслужб России уникальной по своей идее и масштабам, не имевшей аналогов ни в прошлом, ни в будущем. В основе была та же идея подбросить эмигрантским центрам и их союзникам из западных разведок мысль о существовании внутри Советского Союза тайной подпольной организации, направленной на свержение советской власти. А дальше под видом членов этого придуманного в ГПУ подполья выступали сотрудники советской разведки и ее завербованные агенты, укрепляя противника в идее существования этой орга-

низации, а одновременно давая врагу дезинформацию, ссоря эмигрантские группы друг с другом, выманивая в СССР наиболее деятельных борцов эмиграции и здесь их ликвидируя. И все это продолжалось несколько лет, практически до окончания 20-х годов.

Зародыши «Треста» в истории спецслужб найти легко. Еще французская тайная полиция в XIX веке от имени фальшивых групп оппозиционеров заманивала из Англии деятелей левой, или роялистской, эмиграции, арестовывая их на собственной территории. Затем этот метод усовершенствовал легендарный шеф германской тайной полиции Штибер, подбрасывая такие организации-невидимки, как рыболовные крючки, для выманивания в германские земли своих эмигрантов. От Штибера этому методу в 80-х годах XIX столетия научились российские отцы метода полицейской и разведывательной провокации Судейкин и Рачковский. Но такого размаха, как длящаяся несколько лет операция от имени фиктивной антиправительственной группы, развалившая часть эмигрантских союзов, а другие ослабившая, в деле «Треста» в нашей истории осуществлена впервые.

Отцом-основателем «Треста» по праву считается начальник контрразведывательного отдела (КРО) ГПУ в 20-х годах Артур Христианович Артузов — культовая фигура в истории всей советской довоенной разведки. В 30-х годах за удачу в деле «Треста» он назначен главой внешней разведки (ИНО ГПУ), успел побывать и начальником военной разведки РККА. По национальности он был швейцарцем, его отец был эмигрантом из итальянского кантона Швейцарии, мать латышкой, настоящая фамилия его Фраучи, псевдоним Артузов он взял производным от своего имени Артур. Себя он считал русским, в известной переписи национального состава ВЧК от 1921 года при всем многообразии национальностей чекистов-интернационалистов ни одного швейцарца не упомянуто. А Артур Фраучи (Артузов) в то время был в этой спецслужбе уже не на последних ролях, его еще в 1919 году привел в ЧК родной дядя, Михаил Кедров, возглавлявший тогда важнейший Особый отдел ВЧК, что способствовало быстрой чекистской карьере Артузова. Уже в 1922 году в тридцатилетнем возрасте он стал в только что

созданном ГПУ начальником контрразведывательного отдела этой службы. А после личного руководства «Синдикатом», «Трестом», ликвидацией Рейли и прочими удачными акциями 20-х годов переведен начальником ИНО ГПУ, в 1937 году он репрессирован и расстрелян одним из первых среди видных чекистов дзержинского поколения. После реабилитации и рассекречивания его имени Артузов долгие годы считался в спецслужбах СССР самым выдающимся начальником их внешней разведки, а миллионам советских граждан он представлялся в облике актера Армена Джигарханяна, сыгравшего Артузова в советском фильме «Операция «Трест» режиссера Сергея Колосова, снятом к полувековому юбилею Октябрьской революции в 1967 году.

Именно Артузов и его ближайшие соратники по контрразведывательному отделу ГПУ (Сыроежкин, Федоров, Кияковский, Стырне, Глинский и др.), а также сотрудники ИНО ГПУ под началом возглавлявшего его тогда Трилиссера разработали столь хитроумную сеть, заброшенную для развала российской эмиграции. Хотя на самом верху ГПУ всю операцию курировал лично Дзержинский, а после его смерти в 1926 году сменивший его на посту начальника ГПУ Менжинский, все оперативное управление «Трестом» было сосредоточено в руках Артузова и его оперативников. Именно они нашли на роль представителя мифической антисоветской организации старого царского чиновника Якушева, сыгравшего в запуске «Треста» ключевую роль, он с 1922 года разъезжал по заграничным центрам эмиграции, выдавая себя за полпреда подпольщиков в СССР и знакомя с новыми «сторонниками» из числа уже кадровых чекистов. Со встречи Якушева в Берлине с представителями РОВС Артамоновым и Араповым в 1922 году и началась долгая дезинформационно-провокационная игра ГПУ с белой эмиграцией, затянувшаяся на пять лет. Затем были подобраны и запущены в колесо «Треста» и другие деятели бывшего режима, которые должны были придать «Тресту» достоверности, как царский генерал Потапов, бывший до революции российским военным разведчиком в Черногории.

Этот прием подсовывания эмигрантам в качестве лидеров мифической группы монархистов внутри СССР настоящих и

достаточно известных царских чиновников и генералов стал главной удачей операции Артузова и его людей, тем самым крючком, на который эмигрантские центры насадили и таскали на своей леске целых пять лет. Сами пострадавшие от «Треста» участники тех событий с белоэмигрантской стороны признавали действенность такого иезуитского приема ГПУ против них, как написавший подробное исследование о «Тресте» член РОВС и представитель генерала Кутепова в Варшаве Сергей Войцеховский, сказавший: «Как же мы могли не доверять бывшим царским генералам, мы сами были выходцами из той офицерской среды с ее понятиями о чести и не сразу поняли, насколько изменился мир в России при Советах в этом плане».

Для этой цели чекистами специально подбирались лица с антибольшевистской биографией, наличие которых в «Тресте» должно было убедить эмигрантских посланцев в истинности существования в СССР монархической тайной организации. Как, например, бывший сотрудник царской охраны Баскаков или сотрудник царского же Департамента полиции Подушкин, часть из них чекисты вообще втянули в «Трест» втемную, а после закрытия операции сами же и арестовали за участие в антисоветском подполье. Хотя в советских книгах, подобных «Мертвой зыби» Льва Никулина, и в прославляющих чекистский «Трест» фильмах Якушев со товарищи и рисовались патриотами России, пошедшими на контакт с не любимой ими в душе советской властью ради высших интересов Родины. На самом деле достаточно почитать эмигрантские воспоминания ключевого участника операции «Трест» чекиста Опперпута о том, какими методами многие из них были вовлечены ГПУ в эту игру. Когда для убеждения их выводили «по ошибке» на расстрел, отменяя его лишь в последний момент и поднимая своего будущего агента с горы трупов расстрелянных ранее сокамерников. Так до Якушева, по свидетельствам Опперпута, на роль главного представителя «Треста» перед эмигрантами подобрали полковника царской армии Флейшера, ранее арестованного ВЧК по делу «Национального центра». Но в ходе такой специфической подготовки в ГПУ Флейшер после возвращения с имитированного расстрела сошел с ума и на роль главы тайных монархистов уже не годился.

Все это было абсолютно в стиле тогдашнего ГПУ, вербовавшего своих агентов для подобных «Тресту» оперативных игр и вообще работы в эмиграции отнюдь не патриотическими сказками о судьбах России и не из прозревших враз до большевизма белых офицеров, а по большей части запугиванием и оставлением в заложники в Советской России семей. В шеститомных «Очерках истории российской внешней разведки», где нынешние разведчики всю историю операции «Трест» и руководителей тогдашнего ГПУ описывают исключительно в восторженно-благоговейных тонах (как практически и все действия разведки СССР, даже удивительно видеть, что у выпуска этой книги 1996 год), где пошедших на службу к чекистам царских чиновников и генералов искренне считают патриотами, даже здесь сквозь зубы иногда признается: «Методы вербовки в те времена были не самые хитроумные и даже суровые, могли намекнуть, что в случае отказа от сотрудничества могут пострадать живущие в России родные». И здесь же опять приводится в этих «Очерках» восторженный рассказ, как завербованный такими методами в эмиграции белый офицер Филиппов стал работать на ГПУ и помог в 1925 году разгромить подпольный центр РОВС в Сибири, так называемый «Таетский штаб».

Та же картина и с вербовкой в 20-х годах (по линии «Треста» и помимо нее) агентуры ГПУ среди белоэмигрантов. Далеко не всем из них было достаточно посулить возвращение в Россию и заверить, что советская власть продолжает дело укрепления российской государственности под новым флагом, не на всех действовала такая патриотическая риторика — прошедшие ужасы Гражданской войны и видевшие «красный террор» эмигранты не были такими легковерными. У некоторых завербованных на ностальгии удавалось сыграть. Так был завербован бывший лидер мятежных матросов Кронштадта и председатель их Военно-революционного комитета в 1921 году Степан Петриченко. Он после разгрома восстания бежал по льду в Финляндию, где возглавлял «кронштадтцев» в эмиграции и сблизил их центр с эсерами и РОВС. Но тоска по России и не изжитые до конца революционные иллюзии в 1927 году привели Петриченко к походу в советское консульство в Риге, где он оставил письмо на имя главы ВЦИК Калинина о желании

вернуться в Россию, и к последующей вербовке его разведчиками ГПУ. Он периодически давал ИНО ГПУ информацию по эмигрантам, в конце 30-х годов из-за сталинских чисток вновь порывал с советской разведкой (даже собирался лично убить свою связную от ИНО Зою Рыбкину-Вознесенскую), во Вторую мировую войну опять работал на Лубянку. Долгожданное для Петриченко возвращение на Русскую землю состоялось только в 1945 году, а закончилось арестом госбезопасностью и осуждением на десять лет за кронштадтские события двадцатипятилетней давности и первоначальную активность в эмиграции (и это еще с учетом заслуг перед советской разведкой). Обманутый советскими вербовщиками, сыгравшими на его ностальгии по родине, глава кронштадтских мятежных матросов Степан Петриченко в 1947 году умер в Соликамском лагере.

И в других случаях ностальгию использовали для вербовки ценных агентов в эмиграции. Так были завербованы и муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, и ставший затем ценным агентом ИНО ГПУ Дмитрий Быстролетов, тогда молодой студент из эмигрантов в Праге. Так в той же Праге ГПУ завербовало мечтавшего вернуться на родину кубанского казака Андрея Ильина, внедрив его в сильный в Чехословакии эмигрантский центр эсеров. В пражских кругах эсеров (центр Чернова, «Трудовая крестьянская партия», «Крестьянская Россия» Маслова и др.) Ильин работал осведомителем ГПУ на связи с резидентом советской разведки в Чехословакии Павлом Журавлевым. Ильин вошел в доверие к эсеровским лидерам «Крестьянской России» Маслову и Аргунову настолько, что его засылали на территорию СССР, где он под контролем ГПУ вскрывал ячейки оставшихся здесь в подполье эсеров, — материалы этой операции использованы ГПУ на процессе по делу «Трудовой крестьянской партии» в Советском Союзе в 1930 году. Вслед за ним от эсеровского центра Маслова в СССР был направлен белый офицер Акимов, также еще в Европе завербованный ГПУ. Ильин даже собирались использовать в 1930 году для попытки похищения или ликвидации главы эсеров в эмиграции Маслова, но эта операция ГПУ в Праге так и не осуществлена. Ильин затем остался в СССР, работал уже кадровым сотрудником ГПУ—НКВД в контрразведке и лагерной системе ГУЛАГ, а в

«большую чистку» его без колебаний «зачистили» арестом и расстрелом в 1939 году.

Но гораздо чаще игр на ностальгически-патриотических нотках речь шла о шантаже и об угрозах расправы с оставленными при эмиграции в Советской России родственниками. Так, в 1922 году в Бельгии к бывшему начальнику бронепоезда в Белой армии капитану Петрову подошел чекистский вербовщик и прямо заявил, что ГПУ знает об оставленной в России жене Петрова и настоятельно рекомендует тому стать тайным агентом среди белоэмигрантов в обмен на возможный в будущем выезд супруги к нему на Запад. Здесь вербовщиком Петрова выступал еще ранее завербованный ЧК белый генерал Доставалов, ставший затем одним из лидеров движения возвращения эмигрантов в СССР и сам в этой волне уехавший в Москву. Такие заслуги Евгения Доставалова перед ЧК были оценены этим ведомством позднее, в 1938 году он арестован в СССР и расстрелян НКВД за контрреволюционную деятельность. Тогда же, в начале 20-х, припертый к стене шантажом Петров дал согласие на вербовку и долго был агентом ГПУ среди эмигрантов под кличкой Кавказец, по заданию ГПУ он освещал деятельность кружка монархистов кирилловцев, куда вступил по приказу советской разведки. Позднее за эти заслуги Петрова ГПУ выпустило к нему в Бельгию жену и сына, в 1928 году Петров порвал с советской разведкой, явился в бельгийскую тайную полицию Сюрте женераль с повинной и честно во всем признался. Из его показаний бельгийской полиции видно, что все ура-патриотические заверения Доставалова о том, что белоэмигранты — наймиты Англии и Франции, а Советы — российские патриоты, на Петрова совершенно не действовали, и ГПУ постоянно подстегивало его угрозами жизни жены и сына в Советском Союзе. Бельгийцы не стали преследовать раскаявшегося советского агента по принуждению, а гуманно укрыли его в своей африканской колонии в Конго от гнева ГПУ или возмущенных белоэмигрантов.

И в истории многих самых известных агентов ГПУ, завербованных среди белоэмигрантов (Завадский, Эфрон, Клопенин, Ковальский, Кондратьев, Доставалов, Скоблин и др.) такие мотивы повторялись: патриотические заклинания, обещание дать

умереть на родине плюс к тому шантаж и угроза расправы с близкими. И для многих из этих завербованных разными путями ИНО ГПУ белых эмигрантов вся работа на советскую разведку все равно на финише окончилась кровавой точкой, поставленной обманувшей их ожидания советской спецслужбой. Так, завербованный еще в начале 20-х годов в эмиграции полковник Белой армии Алексей Хомутов долго снабжал ГПУ информацией по центру кирилловцев в Германии, по их связям с разведкой Германии, затем его по затее ГПУ перевели в Прагу, и он работал по здешней эмиграции. В конце более чем десятилетней эпопеи тайного сотрудника советской разведки Хомутова ему разрешили в качестве награды вернуться в Советскую Россию, арестовали в 1937 году практически сразу по приезде в Москву и как врага советской власти расстреляли.

Главной мишенью «Треста» за пределами СССР был союз белых эмигрантов РОВС, военная организация бывших офицеров армии Деникина—Врангеля, как самая боеспособная и склонная к подпольному террору против СССР. После того как начальник боевой организации РОВС генерал Кутепов убедил главу РОВС барона Врангеля активизировать в середине 20-х заброску офицерских групп террористов в СССР для удара подпольным террором по компартии, по аналогии с тотальным террором эсеров против царской власти, «Трест» как раз и был запущен на полную мощность. Особенно после убийства террористами-эмигрантами советских дипломатов Воровского и Войкова в Европе. Такая же группа боевиков РОВС под началом Бубнова (настоящая фамилия этого белого террориста Каринский) уже в Москве подготовила покушение на большевистского лидера Бухарина, сорвавшееся лишь в последний момент из-за оцепления на вокзале в момент приезда Бухарина.

Именно тогда «Трест» стали использовать для заманивания в СССР по якобы открытым сторонниками несуществующей подпольной организации «окнам» на границе самых опасных террористов РОВС для быстрого обезвреживания их здесь. И именно так в сети ГПУ попался и погиб сотрудничавший с РОВС английский разведчик Рейли. Хотя задача заманить десяток террористов из белых эмигрантов в СССР и не была в деле «Треста» главной, необходимо было морочить голову активной

эмиграции, сталкивать между собой ее фракции, дискредитировать главных лидеров эмигрантских движений, подбрасывать через них дезинформацию западным разведкам — многоголовый и сложный монстр «Треста» работал сразу по всем этим направлениям.

Так, после того, как РОВС Врангеля занял явно монархические позиции и вошел в тесный союз с Высшим монархическим советом великого князя Николая Романова, Якушев и его подручные из «Треста» усиленно раздували конфликты между РОВС и ВМС. Особенно после того, как Врангель с подачи своих ближайших советников в РОВС Чебышева (начальника канцелярии РОВС), фон Лампе (представителя РОВС в Германии) и Климовича (главы службы безопасности в РОВС) стал сомневаться в подбрасываемой ему «Трестом» мощной антисоветской организации монархистов внутри СССР под названием МОЦР (под таким названием официально в «Тресте» выступала мифическая организация Якушева — плод работы советских чекистов). Тогда деятелям ВМС подбрасывали информацию о бонапартизме Врангеля и его заигрывании с левой антисоветской эмиграцией. А самого Врангеля пытались натравить и на лидеров ВМС, и на главу боевиков Кутепова, и на эсеров — эсеровский боевой центр Бурцева.

Отдельной задачей в многоликой операции «Трест» была пропаганда «евразийства», за которую отвечал «лидер МОЦР» и бывший царский генерал Ланговой (также секретный агент ГПУ, его родная сестра Мария Рославец была кадровой чекисткой, перед эмигрантами Ланговой выступал под фамилией Денисов), когда многих эмигрантов на основе этой новой идеи пытались склонить к примирению с Советами и возвращению в Россию для объединения усилий по ее возрождению. Так, на крючок евразийства клюнул первым встречавшийся на Западе в 1922 году с Якушевым деятель РОВС и родной племянник барона Врангеля Арапов, позднее он добровольно вернется в Советский Союз в струе возвращавшихся «евразийцев», чтобы затем быть здесь арестованным и погибнуть в сталинском ГУЛАГе.

Тем не менее работе по выманиванию террористических групп на территорию СССР тоже уделяли много внимания. В том числе, в целях сохранения общей легенды «Треста» о су-

уществовании в СССР мощной антисоветской организации с большими возможностями, иногда давали заброшенным эмигрантам и выехать назад с убеждением, что те встречались с настоящими деятелями подполья, о чем рассказывали в Европе своим лидерам. Так это было со знаменитой поездкой эмигранта-писателя Василия Шульгина по СССР, проделанной в рамках игры «Трест» под контролем чекистов зимой 1925 года. Хотя сам Шульгин до краха «Треста» в 1927 году и был уверен, что проехал по советской территории нелегально с помощью друзей-подпольщиков.

Чтобы совсем не расслаблять эмиграцию и не давать ей повода заподозрить в «Тресте» чекистскую провокацию, некоторых эмиссаров Врангеля все же арестовывали в СССР или убивали при попытке ареста, заготовив заранее объяснение типа «случайно опознали на улице иностранные коммунисты из Коминтерна как белого эмигранта». Так был арестован посланный Кутеповым для перепроверки данных о МОЦР белый офицер Бухановский. В 1925 году посланный Врангелем на разведку в СССР другой член РОВС Александр Старк при очень странных обстоятельствах погиб в Ленинграде, его якобы застрелил на Фонтанке при попытке ограбления уличный налетчик. Так, доказывая, что ГПУ не дремлет, арестовали посланца РОВС Демидова, а затем участник «Треста» чекист Стырне (изображавший подпольного монархиста Старова) якобы через сочувствующих монархистам чинов ГПУ «добился освобождения» Демидова — это уже высший класс таких провокационных операций на загляденье бывшей охранке Российской империи. При этом те группы белой эмиграции, кто, в отличие от РОВС, ВМС или савинковцев, не был затянут в эту гигантскую мистификацию ГПУ, по своей линии отправляли через советскую границу эмиссаров, и часть из них вне контроля ГПУ тоже возвращались из СССР. Так, лидер «Братства русской правды» в Иране полковник Грязнов дважды отправлял в Советский Союз в 20-х годах казачьего офицера Венеровского, которого переводили через пограничную речку Аракс персы-контрабандисты. Венеровский налаживал связи с антисоветски настроенными казаками на Дону и Кубани, бывал даже в Москве и оба раза благополучно ушел в Иран. Удача изменила ему только в 1946 году, когда

советская власть со своими танками прорвалась и в Восточную Европу, где Венеровский в числе многих других белоэмигрантов оказался захвачен чекистами и сгинул в советских лагерях.

Но не все так спокойно вернулись из диверсионных поездок в СССР, завлеченные обещанием поддержки от «Треста». Несколько таких офицерских групп погибло здесь. Так провалился полковник Эльвенгрен, которому еще в 1922 году белоэмигранты и организация Савинкова поручали подготовить покушение на советского наркома иностранных дел Чичерина во время поездки того в Берлин. На территории СССР прибывший нелегально Эльвенгрен был немедленно захвачен ГПУ в 1926 году и в следующем году расстрелян, став еще одной жертвой паутины «Треста», по некоторым свидетельствам (перебежчика из ГПУ Опперпута), на следствии от пыток Эльвенгрен сошел с ума и казнен уже безумным. Так же погибла присланная в СССР группа ровсовцев Соловьева, их убили уже при переходе советско-финской границы. Список жертв «Треста» все ширился, гибли на территории СССР лучшие кадры кутеповской боевой организации РОВС: Балмасов, Шорин, Строевой и т. д. В этом тоже была одна из задач «Треста»: убедить руководство РОВС и других эмигрантских групп, что террор и заброска боевиков слишком опасны, дорого обходятся и не дают нужного результата.

Этот расчет организаторов «Треста» в целом оправдался. К 1927 году барон Врангель действительно после гибели в СССР нескольких офицерских групп приказал приостановить террористическую работу внутри Советского Союза и даже задумался о роспуске боевой организации Кутепова в РОВС. Считается, что из-за осторожности Врангеля РОВС все же понес в ходе «Треста» минимальные потери по сравнению с более мелкими эмигрантскими группами и не был полностью уничтожен, как савинковский «Союз защиты Родины и свободы» в операции «Синдикат».

Кутепов же, напротив, требовал от Врангеля активизации боевой работы против СССР и поиска связей с этой крупной антисоветской организацией по ту сторону границы. Врангелю в 1927 году пришлось даже отстранять фанатичного генерала Кутепова от руководства боевой организацией в РОВС, назначив вместо него более послушного генерала Шатилова. Но здесь

потомственный офицер и белый генерал Кутепов, ставший по воле судьбы террористом, повел себя совсем как профессиональный революционер-террорист Савинков до революции, когда ЦК партии эсеров попытался отстранить его от боевой организации. Как Савинков с Азефом в 1905 году саботировали решение эсеровского ЦК и продолжили теракты, так и Кутепов настаивал на продолжении борьбы именно террористическими методами. На совещании лидеров РОВС у князя Николая Романова (главного тогда в эмиграции претендента на российский престол и лидера Высшего монархического совета) Кутепов буквально требовал разрешения на террор, финансирования его РОВС и ВМС и даже предлагал использовать при терактах внутри СССР бактериологическое оружие, совсем как Азеф на заседании ЦК партии эсеров. Кутепов был уверен, что нелегальный террор против Советов внесет в их крушение ту же лепту, какую внес прежний террор эсеров в крушение царской власти в России. На этом совещании в Шуаньи, состоявшемся как раз в 1927 году после открытия эмигрантам правды о гигантской провокации «Треста», великий князь Николай Николаевич, Врангель и Кутепов так яростно спорили о необходимости или бессмысленности продолжения террора, что с великим князем даже приключился сердечный приступ.

В итоге Кутепов в 1927 году вместе с самыми известными в РОВС террористами Радковичем и Захарченко создал при РОВС параллельную боевую группу «Союз террористов», более известный среди белоэмигрантов как «Кутеповская организация», продолжив вооруженную борьбу. Таким образом, ставка ГПУ на раскол по итогам «Треста» даже в таком монолитном и мощном эмигрантском союзе, как РОВС с его военной дисциплиной, авторитетом белых генералов и ясной идеей продолжения Белого дела, давала результаты. То же касалось и других групп российских эмигрантов, как ВМС, «Братство русской правды», или совсем небольших и полностью террористических групп эмигрантов типа «Льдинки», «Белой идеи» или «Ивана Сусанина».

По итогам «Треста» весь этот правомонархический фланг эмиграции был погружен в склоки и взаимообвинения. Врангель дистанцировался от террористов Кутепова, те соперничали с террористами «Братства русской правды» Соколова, на всех

них набрасывались ярые монархисты из ВМС и умеренные лидеры эмиграции вроде Шульгина. А с левого края активной эмиграции за доверчивость и гибель в СССР лучших борцов правых клевали эсеровские союзы Керенского или наследников Савинкова. Как и вечный борец с деспотизмом и разоблачитель сначала жандармских, а затем и чекистских провокаций Бурцев, начавший свой путь борьбы против царя еще в «Народной воле», а закончивший в глубокой старости опять в эмиграции противником советской власти, создававший у эсеров свою тайную службу для противостояния деятельности ГПУ среди эмигрантов. Бурцев по итогам разоблачения «Треста» разразился очередной громкой статьей «В сетях ГПУ» в эмигрантской прессе, а затем и брошюрой «Большевистские гангстеры в Париже», где от его пера досталось многим лидерам правых эмигрантов, как и собственно ГПУ, которое, по мнению Бурцева, «захватив власть, сразу пересмотрело свое отношение к методу провокации, создавая сверхпровокации и своих сверх-Азефов».

Официально датой окончания «Треста» считается 1927 год, когда один из работавших по этой программе чекистов по фамилии Опперпут (на Западе ранее работал под фамилией Селянинов, а в операции «Трест» под фамилией Стауниц) перешел на сторону белоэмигрантов. Он выдал всю подоплеку операции, объяснив сразу и гибель в СССР нескольких боевых групп, подтвердив подозрения Врангеля о чекистской ловушке под видом «Треста». После этого операция была свернута.

В советской литературе окончанию «Треста» придавали плановый характер, не отрицая при этом роковой роли предательства Опперпута: якобы операция себя уже исчерпала. Еще в феврале 1927 года на совещании руководства ГПУ у Менжинского разрабатывались планы прекращения «Треста», и тому было несколько очевидных причин. Во-первых, сама легенда МОЦР уже трещала по швам, слишком долго она без провалов и масштабно работала под носом у ГПУ, в руководстве РОВС и в английской разведке в нее уже не верили. Во-вторых, она перестала быть сдерживающим фактором для боевого крыла монархистов, Кутепов с конца 1926 года затеял независимую от МОЦР переброску новых боевых групп в Советский Союз и активизацию террора. Недаром последние вояжи «руководителей

МОЦР» на Запад, Якушева в конце 1926 года и Потапова в начале 1927 года (его сопровождал под видом заговорщика сотрудник военной разведки РККА Зиновьев), преследовали цель заманить в СССР на погибель с «инспекторской поездкой» самого Кутепова по методу Рейли или Савинкова. Но более осторожный Кутепов от предложения выехать на тайную встречу с МОЦР в Ленинград отказался, встретившись с Потаповым и Зиновьевым в Финляндии. В-третьих, с приходом в Польшу в 1926 году в результате военного переворота к власти маршала Пилсудского его разведка Дефензива, также работавшая с МОЦР, запросила на случай скорой советско-польской войны план мобилизации Красной армии. А получив от Якушева очередную «дезу», быстро ее раскусила, свернув контакты с МОЦР и посоветовав сделать то же и белоэмигрантам. Западные разведки ГПУ гораздо труднее было одурачить своим «Трестом», в отличие от русской эмиграции они легче перепроверяли поставляемую информацию по своим агентурным каналам в СССР. Поэтому французская и английская разведки достаточно быстро свернули свою работу с «Трестом», а к 1926 году их примеру последовали и финны с поляками — самые верные тогда союзники белой эмиграции.

Так что дни «Треста» были сочтены, хотя благосклонная к чекистам литература и лукавит, что «Трест» закрывали планоно. Ведь даже на том совещании у Менжинского речь шла лишь о возможности прикрыть «Трест» в будущем и о разворачивании на его плацдарме других комбинаций. А даже в случае закрытия «Треста» до того необходимо было перебросить мостик к новой большой операции, внедрить кого-то в собиравшуюся заняться исключительно террором против СССР организацию Кутепова. Там же, видимо, впервые обсуждали детально план ликвидации Кутепова за границей после закрытия легенды «Треста», как подозревали затем сами эмигранты, именно на разведку и посмотреть вблизи на будущую жертву выезжал в Хельсинки в начале 1927 года с Потаповым кадровый советский разведчик из Разведупра Зиновьев.

Добил же «Трест» внезапный для ГПУ побег из СССР его сотрудника Опперпута, и лишь после этого Менжинский лично доложил Сталину об окончании пятилетнего проекта «Тре-

ста». Тогда это на Лубянке посчитали неудачей и почти провалом. На время расследования измены Опперпута Артузова даже отстраняли от руководства контрразведывательным отделом ГПУ, хотя вскоре он был восстановлен и в декабре 1927 года на празднованиях десятилетия органов ЧК вместе с другими известными чекистами получил именной маузер, а чуть позднее и назначение главой внешней разведки ГПУ.

Опперпут бежал из Советского Союза через то же «окно» ГПУ на финской границе, оставив на конспиративной квартире ГПУ в Ленинграде «прощальное письмо» своим бывшим начальникам. С собой он увел, спасая от ареста, эмиссара кутеповской боевой организации Марию Захарченко, под влиянием обаяния и бесстрашия которой он и пересмотрел свои взгляды на чекистскую службу. Одновременно через польскую границу ушла предупрежденная Опперпутом группа мужа Захарченко Радковича. Именно выведя боевые кадры РОВС из-под удара, Опперпут заслужил доверие Кутепова к своим показаниям, ведь в эмиграции к его переходу отнеслись как к очередной чекистской провокации, сохраняя веру в существование в СССР подполья МОЦР. Польская разведка прямо назвала Опперпута подставой ГПУ, а начальник ее «советского» отдела Таликовский требовал у Кутепова передачи перебежчика Варшаве для ареста и допросов. Но быстрая ликвидация проваленной легенды «Треста» в СССР все поставила на места, подтвердив правоту перебежчика. Все входившие в МОЦР не по приказу ГПУ, а заманенные туда немедленно в Советском Союзе арестованы, а Якушев, Потапов, Ланговой и другие провокаторы «Треста» остались на свободе. Арестован и не успевший уйти из Союза эмиссар РОВС полковник Сусалов, его в конце 1927 года расстреляли в числе других 20 заложников ГПУ в ответ на убийство белоэмигрантами в Варшаве советского дипломата Войкова. Этот человек в молодости тоже имел чекистский опыт и был причастен к екатеринбургской бойне царской семьи в 1918 году, а после перехода в Наркомат иностранных дел даже своей смертью послужил ГПУ поводом к массовому расстрелу в 1927 году. И сейчас москвичи и гости столицы, проезжающие на метро мимо станции «Войковская», слышат его увековеченную советской властью фамилию, вряд

ли в большинстве своем подробно зная об этих «заслугах» Войкова. Среди этих 20 расстрелянных были и арестованные ранее при тайных походах в СССР князь Долгорукий и полковник Эльвенгрэн, так что практика расстрела заложников по спискам из времен «красного террора» Гражданской периодически возвращалась в арсенал ГПУ и в относительно мирных 20-х годах.

После поднявшейся в Европе волны возмущений по делу «расстрела двадцати» советский нарком юстиции Крыленко и замначальника ГПУ Ягода были вынуждены в газетах не слишком убедительно оправдываться, что права на такие ритуальные расстрелы заложников в СССР даются ГПУ в исключительных случаях. И что касается такая практика не только политических противников советской власти, что недавно в Ленинграде ГПУ также по упрощенной процедуре расстреляло членов уголовной банды «чубаровцев». Но все это уже мало что меняло в глазах остального мира, поражавшегося правом советской спецслужбы приносить жертвоприношения по спискам в стиле диких ацтеков или древних ассирийцев.

Тем более что в ответ на всплеск «белого террора» расстрелы ранее арестованных ГПУ фактически заложников (непосредственно к убийству Войкова в Варшаве и взрыву партклуба в Ленинграде на Мойке никакого отношения не имевших) прошли в разных уголках СССР. Именно тогда на Северном Кавказе тамошний глава ГПУ Ефим Евдокимов ввел впервые практику расстрела ранее арестованных «по альбому», когда в таком альбоме единым списком выносили обвинение группе лиц вместо индивидуально предъявленного каждому обвинения. А посланный с такой же миссией в Белорусскую ССР сотрудник ГПУ и родственник самого Дзержинского Роман Пилляр после проведенных там же расстрелов 1927 года (в ответ на убийство замначальника Белорусского ГПУ Опанского) недовольно писал в Москву на Лубянку: «Приговорил к расстрелу 29 человек, послал в ГПУ со специальным человеком протокол и дела, но товарища там продержали 5 дней, протокол проходил через тройку (Артузов, Дерибас, Фельдман), которая заставляла докладывать дела по существу». Переводя недовольство племянника основателя ВЧК с чекистского на обычный язык: в Москве волокитили рабо-

ту и без дела задержали его посланца, «заставили докладывать дела по существу», вместо утверждения расстрелов всех 29 обреченных единым списком. При этом из того же доклада Пилляра из Минска понятно, что из 29 человек все равно 28 расстреляли, заменили расстрел тюрьмой только одному белорусскому крестьянину из белого отряда Булак-Балаховича ввиду амнистии такой категории к 10-й годовщине Октября — и этим помилованием одного из 29 Пилляр тоже явно недоволен.

Опперпут же в Европе стал близок к Кутепову и призывал к началу новой террористической кампании внутри Советского Союза, к тому же обвинения в провокаторстве он мог смыть только кровью. Он предлагал Кутепову и его боевой группе даже отравить зерно на одном из направляемых из СССР в Европу судов с экспортным советским хлебом, отобранным у крестьян для финансирования сталинской промышленной индустриализации. Пишущие о чекистах тех лет и об операции «Трест» с восторженным придыханием авторы указывают на это предложение Опперпута как на признак жуткого падения белой эмиграции — даже ценой смерти европейских обывателей хотели сорвать поставки зерна из СССР. Крестьян, у которых выгребали для нужд советской промышленности и военной машины этот хлеб на экспорт, которые скоро станут жертвами страшного голода на селе 1930—1931 годов, любящим чекистов авторам не жалко. К тому же это предложение исходило от только что перебежавшего из рядов ГПУ Опперпута и скорее характеризует чекистский образ мысли, Кутепов же этим советом своего нового консультанта из беглых чекистов так и не воспользовался, да и вряд ли рассматривал его всерьез.

Именно Опперпут решил сам возглавить заброску новой боевой группы в СССР, чтобы отомстить за потери РОВС в ходе «Треста». Он нашел в Кутепове союзника, давшего команду на начало новой террористической кампании против Москвы. Вместе с представителями РОВС в Финляндии Бунаковым, Захарченко, Радковичем, Соколовым (до революции известным футболистом сборной России) он подготовил несколько боевых групп офицеров для заброски в СССР. В этой операции вместе с кутеповцами участвовал представитель английской разведки

МИ-6 Росс, а новые «окна» через границу готовил сотрудник военной разведки Финляндии Розенштрем.

Уже в мае 1927 года Опперпут вместе с опытным террористом РОВС Радковичем, его женой и тоже легендарной для РОВС дамой-террористкой Марией Захарченко, Ларионовым и Шориным возглавили новые группы офицеров, поочередно пошедшие в СССР. Здесь они попытались ударить ГПУ побольнее, взорвать общежитие чекистов на Лубянке, но этот план сорвался 3 июня, заложенная в здании группой Опперпута и Захарченко мелинитовая бомба не взорвалась. После этого группа Опперпута и Захарченко бежала из Москвы, но выслежена сотрудниками ГПУ уже по дороге к границам Польши, и все боевики убиты в перестрелке. Отбившийся при погоне от товарищей Опперпут в конце июня погиб в перестрелке с погоней под Смоленском. А Захарченко и бывший третьим в этой группе Вознесенский (по одной из версий, настоящим именем этого молодого боевика РОВС было Юрис Петерс, и он был едва ли не племянником заместителя Дзержинского по ВЧК Петерса) погибли от пуль чекистов уже в белорусских лесах в районе станции Дретунь.

В то же время группа Ларионова, ушедшая в Ленинград, 7 июня 1927 года бросила гранаты в здание партклуба большевиков на Мойке, вызвав большие жертвы и разрушения, после чего с боем ушла через границу назад в Финляндию. Поскольку в тот же день 7 июня независимо от кутеповских террористов в Варшаве молодым русским эмигрантом Ковердой убит советский дипломат Войков, а под Минском убит заместитель начальника ГПУ по Белорусской ССР Опанский — в СССР создавалось ощущение мощной кампании эмигрантского террора по всем фронтам. К тому же совсем недавно были нападение белоэмигрантов на посольство СССР в Пекине, налет британских спецслужб на «Аркос» в Лондоне, неудачное покушение на начальника Ленинградского ГПУ Мессинга. К этому добавилась и случившаяся тогда же парижская история, когда русская эмигрантка Щетинкина безо всякой связи с РОВС или белым террором по личным мотивам выстрелила в сотрудника советского посольства во Франции — бедной эмигрантке не разрешали вернуться на родину и довели ее отказами до исте-

рики на почве отчаяния. В Советском Союзе, разумеется, и акцию отчаяния бедствующей эмигрантки Щетинкиной приписали злобным силам белой эмиграции.

Советские спецслужбы той поры все подобные акции увязывали с происками белой эмиграции. Так было и с делом эмигрантки из России Диксен, которую в 1924 году французские полицейские арестовали у здания советского посольства в Париже, где она караулила для покушения на него высокопоставленного посланца из СССР Красина. И в 1924 году советские газеты твердили о белоэмигрантском заговоре, хотя Диксен была явно психически больным человеком, а до своей эмиграции из России в 1921 году сама же изводила ЧК письмами, в которых регулярно раскрывала несуществующие заговоры против власти Советов.

А уж волна терактов кутеповских боевиков в 1927 году совсем не давала поверить в случайные совпадения с ней отдельных преступлений. Летом того же 1927 года под Москвой на станции Дубровка обычными грабителями убит ехавший на дачу заместитель наркома внешней торговли СССР Туров. ГПУ долго искало по всему Подмосковию ячейку кутеповских боевиков и не хотело верить параллельно работавшей бригаде угрозыска МУР, что налицо обычный для тех лет криминал. К тому моменту, как бригада муровца Осипова нашла налетчиков, застреливших и ограбивших Турова, ведущий это дело от ГПУ чекист Файфман успел на подмосковных дачах арестовать массу людей, имевших косвенное отношение к бывшему дворянству или Белому движению, которых затем пришлось выпустить.

Эта традиция искать за любой враждебной режиму акцией руки эмигрантов или иностранных разведок, помогающих внутренней оппозиции, тянется в истории политического сыска в нашей стране еще с досоветских времен Российской империи. При Елизавете Петровне Тайная канцелярия углядела за делом оппозиционного клана Лопухиных козни австрийской разведки, при Екатерине Великой она дело либералов кружка Новикова связала с мировым заговором иллюминатов и с французскими якобинцами. А позднее Третье отделение долго полагало, что «Народная воля» тайно привозит динамит для своих терактов из-за рубежа от соратников из числа американ-

ских анархистов и ирландских террористов фениев (хотя техники народовольцев этот динамит «варили» прямо в подполье в Петербурге, и он у них получался лучше, чем у самого Нобеля). А уж у советских спецслужб на эту традицию еще наложилась их повышенная подозрительность и тезис о вражеском окружении Страны Советов, о смычке белых эмигрантов и разведок империалистических держав.

Все эти разрозненные факты плюс продолжающиеся попытки заброски групп кутеповских боевиков в СССР советской пропагандой собирались в единую мозаику тотального наступления «белого террора» летом 1927 года, умышленно приуроченного к десятилетней годовщине великого Октября. Группа Шорина погибла при переходе границы в Онежских лесах. Два лидера последней крупной террористической группы РОВС внутри СССР, Радкович и Мономахов, сумели уже в начале 1928 года бросить бомбу в помещение приемной ГПУ на Лубянке, после чего также настигнуты и в перестрелке убиты. После этого силы боевой организации Кутепова были подорваны, и из-за больших жертв от таких массовых рейдов в СССР белоэмигранты отказались на время, а как оказалось в итоге — навсегда, хотя отдельные заброски групп для террора РОВС и других эмигрантских организаций продолжались вплоть до Второй мировой войны. Буквально за неделю до начала 1 сентября 1939 года этой войны с территории уже обреченной на германское вторжение Польши в СССР тайно ушла последняя группа террористов из потеснившего в этой деятельности стариков из РОВС союза более молодых эмигрантов НТС в составе Колкова, Леушина и Казнакова, вскоре погибшая на советской территории.

Такова официальная трактовка событий 1927 года советскими спецслужбами. На Западе и в эмиграции многие считали тогда, а у этой версии в истории и сегодня есть сторонники, что это все продолжение операции «Трест» на новом витке и еще более изощренным обманом. Что и переход к эмигрантам Опперпута был отработанным ходом Лубянки, якобы разоблачившим прежний «Трест», чтобы тут же дать ему продолжение. И что Опперпут сознательно заманил самых известных террористов РОВС в Советский Союз и здесь привел их на погибель,

а самого его до своей гибели успела застрелить отважная белая террористка Мария Захарченко, версию же об их гибели порознь в лесах придумали в ГПУ для прикрытия. Так это позднее трактовал бежавший в 1930 году из Советского Союза чекист Агабеков, хотя сам он во время бурных событий лета 1927 года и находился на разведывательной работе ГПУ в Иране и о «заслугах» Опперпута в качестве провокатора мог знать только со слухов на Лубянке.

Некоторые вообще считали, что сделавший свое дело сотрудник ГПУ Александр Опперпут остался в итоге жив и чекисты имитировали его смерть опять же для подтверждения своей легенды. Для того и рассказ о драматичной погоне по лесам и разделении группы. Захарченко же с Вознесенским просто расстреляны тайно в ГПУ, никакой попытки подрыва общежития ГПУ не было — все чекистская мистификация вдогонку «Тресту». А сам Опперпут под другим именем затем был советским разведчиком (его якобы кто-то из русских эмигрантов видел позднее в Шанхае), да еще и в годы Второй мировой войны работал нелегалом в Европе и в немецком тылу. Так, исследователь операции «Трест» с белоэмигрантской стороны Войцеховский и в 70-х годах настаивал на своей версии: работавший в Берлине при Гитлере начальником по делам русской эмиграции белый генерал Бискупский рассказывал ему, что выявленный немцами в 1943 году глава советского подполья в Киеве по фамилии Коваленко и был тем самым Опперпутом. Сейчас из архивов КГБ нам точно известно, что к арестованному немцами в Киеве Коваленко Опперпут никакого отношения не имел. Под этим именем в оккупированном Киеве работал резидент НКВД Карташов, кадровый чекист, к тому же значительно моложе Опперпута. Сам Карташов не менее драматичная фигура в советской разведке, чем тот же Опперпут. Карташова уже репрессировали перед войной в 1938 году, а после раскрытия немцами он выжил в их концлагере, чтобы быть своими коллегами репрессированным уже за этот плен и умереть в 1950 году во Владимирском центре в заключении — но к Опперпуту этот чекист уж точно никак неприменим.

Другие же эмигранты, как член РОВС Виноградов, отстаивали в своих работах и мемуарах доброе имя Опперпута как со-

знательно перешедшего на их сторону бывшего чекиста, действительно погибшего с Захарченко в смоленском лесу. Так, лидер РОВС и организатор знаменитого теракта 1927 года на Мойке Виктор Ларионов (ушедший в СССР для террора вместе с Опперпутом и полностью ему веривший) в те же военные годы оказался в оккупированном немцами Смоленске, где Ларионов служил в немецкой армии и принимал участие затем в формировании власовской РОА. И там на месте он проверял реальность истории погони по лесам чекистов за группой Опперпута, получив ее подтверждение. Ставший при немцах бургомистром Смоленска бывший советский адвокат Меньшагин лично заверил Ларионова: этот лесной бой под Смоленском был, и это не мистификация чекистов, он сам видел труп Опперпута. А после ликвидации Опперпута тот же Меньшагин защищал в суде несчастного железнодорожника, у которого в сторожке заночевал преследуемый Опперпут и который на суде за пособничество белым террористам получил десять лет советских лагерей. Так что здесь, можно сказать, все ясно: просто у таких загадочных фигур в истории советских спецслужб, как Опперпут, Блюмкин, Делафар, да и тот же принятый кем-то за Опперпута Карташов, часто была посмертная легенда: кто-то их видел где-то, и неслась слава об их воскрешении.

Думается, что будь Опперпут настоящим чекистом-дезинформатором, а акция по заманиванию им в СССР супружеской четы главных практиков террора в РОВС Радковича и Захарченко — продолжением «Треста», со временем советская разведка должна была бы обнародовать правду, чтобы реабилитировать честное имя своего оперативника, хотя в мире спецслужб каких только чудес в деле конспирации не встретишь.

Да и слишком многое свидетельствует в пользу того, что Опперпут действительно изменил советской спецслужбе, добив уже тлевший «Трест», ведь он выдал на Западе много ценнейшей и правдивой информации. В частности — провалил ценного агента ГПУ Романа Бирка в МИДе Эстонии, который свою должность курьера использовал для передачи из Москвы депеш для европейской агентуры ГПУ. Бирк тогда в 1927 году отбился от обвинений в работе на разведку ГПУ, даже в эстонском суде сумел доказать свою невиновность, хотя начальник эстон-

ской тайной полицией КАПО Сооман и требовал его ареста. Но сейчас мы точно знаем и из чекистских архивов, что Опперпут был прав в обвинении Бирка и что этот сотрудник посольства Эстонии еще в 1922 году завербован в Москве сотрудником КРО ГПУ Кияковским, а затем полтора десятка лет был ценным агентом Лубянки в Европе. Даже уехав подальше от требовавшего его крови шефа КАПО Соомана из Эстонии в Вену, Бирк долго работал на проект ИНО ГПУ по проникновению в спецслужбы Австрии и Германии, выступив вербовщиком нескольких офицеров германского абвера. Затем Бирка во избежание его раскрытия немцами вывезли в Данию, затем он еще катался по странам Европы, где ИНО подсовывало его в качестве ложного агента-информатора сначала спецслужбам Чехословакии, затем франкистской Испании, а в 1936 году Бирка собирались даже внедрить для разведки в армию Франко на испанской войне. Вся эта одиссея эстонского офицера, из симпатий к коммунизму пошедшего в 1922 году на вербовку ГПУ, закончилась по тем временам довольно типично. Летом 1937 года Роман Бирк отозван в Москву для отдыха и написания отчетов, здесь фактически похищен НКВД (арестован в гостинице, но ведь он никогда не был советским гражданином), обвинен в перевербовке германской разведкой и вскоре расстрелян. Но факт есть факт, Опперпут не врал и в случае с обвинениями Бирка, хотя ему и в этом тогда не поверили.

Все это лишний раз показывает, что в истории «Треста» при всей его теперешней изученности еще долго будут оставаться какие-то белые пятна. И это неудивительно для такой размашистой и многоходовой комбинации, куда по долгу службы, собственным энтузиазмом, обманом или угрозами были вовлечены за несколько лет ее реализации тысячи человек. Что же удивляться различным слухам с той стороны, если сами работавшие по программе «Треста» сотрудники советских спецслужб временами за эти годы начинали терять чувство реальности в лабиринтах многоходового обмана и подозревать, что выполняют уже не задание руководства, а действительно работают на окопавшуюся в ГПУ и связанную с белой эмиграцией антисоветскую группу. В таких многоходовых комбинациях с наворотами лжи и дезинформации всегда начинается такая раздвоенность,

когда уже никто никому не верит, а провокаторы играют в личные игры. Тот же Василий Шульгин, по итогам своей поездки в Советский Союз и осмысливая провал эмигрантских сил в игре «Треста», в своей книге «Три столицы» написал, что сделал для себя главный вывод о таких операциях: «Провокация в итоге заводит самих провокаторов дальше, чем они сами этого хотят». Этот вывод он делал и в отношении предательства Опперпута, в стиле Азефа перехитрившего и своих хозяев.

В многотомной литературе о деле «Треста» мне особенно запомнился емкий и очень верный вывод о самой сути этой операции американского профессора Лазаря Флейшмана в его книге «В тисках провокации» о влиянии дела «Треста» на российскую эмиграцию: «Организация «Трест» — виртуозная мистификация, объект и плод подлога и воображения, вовлекающие в драматические столкновения непримиримых врагов и оборачивающиеся страшной, кровавой реальностью... Финальный период существования «Треста» сопровождался поистине «шекспировскими» коллизиями и ситуациями, в которых выявились множественные, несовместимые, «обратные» — то есть противоположные самим себе — смыслы едва ли не всех определений и утверждений»¹.

Это обычный закон для таких мощных разведывательных и провокационных конструкций, характерный не только для российской истории специальных служб, он имеет мировое распространение. В одном из шпионских боевиков американского мастера этого жанра Нельсона Демиля его герой, боец как раз такой специализации невидимого фронта разведок, говорит, что во всех этих долгих тайных акциях главное — не запутаться самому и не свихнуться, не забыть все изначальные правила и эзопов язык операций. Чтобы однажды, «когда начальство попросит тебя принести кофе, ты не забыл и понял, что тебе поручают убить президента Колумбии». И в нашей истории в ходе «Треста» запутывались и срывались даже опытные чекисты, прошедшие школу первой ЧК и горнило Гражданской войны. Вот показатель напряжения этих нескольких лет операции, вот показатель сложности этой конструкции Аргузова и его людей, и здесь тоже остаются белые пятна.

¹ Флейшман А. В тисках провокации. М., 2003. С. 8.

А кроме белых пятен, легендарная операция советских спецслужб «Трест» окрашена и в красные, трагические тона. И из-за жертв поверивших в чекистскую наживку людей, от матерого разведчика английской короны Сиднея Рейли до рядовых членов диверсионных групп РОВС, а некоторым из этих восторженных юношей-монархистов было по восемнадцать—девятнадцать лет. И из-за того, что модель «Треста» затем отработывали в 20—30-х годах для внутреннего применения в стране, создавая за счет провокаторов лжеподпольные общества, а затем легко их ликвидируя с арестом поверивших в их существование тайных противников советского режима. Это только в сатирическом романе «Двенадцать стульев» созданный веселым мошенником Остапом Бендером «Союз меча и орала» из запуганных Советами дворян выглядит смешно, к тому же Бендер не был засланным агентом ГПУ, а несчастных «бывших» обобрал и пошел дальше. В реальности подобные истории заканчивались тогда арестами, делами о создании контрреволюционной организации, тюрьмой или расстрелом в чекистском подвале.

И из-за того еще лежит на «Тресте» печать трагедии, что десятилетие спустя практически все основные деятели «Треста» со стороны советских спецслужб были уничтожены своими же вчерашними товарищами в годы Большого террора в СССР: Артузов, Федоров, Пузицкий, Сыроежкин, Косенко, а также сгинувший в сталинских лагерях первый эмиссар «Треста» Якушев. Лишь единицы избежали этой мясорубки конца 30-х годов, как заместитель Артузова в КРО ГПУ Кияковский, убитый во время оперативного задания в Монголии до начала большой чистки в органах госбезопасности. И это тоже сейчас заставляет нас смотреть на историю «Треста» в летописи спецслужб России под новым углом зрения.

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД «ТРЕСТА»

Эту операцию советской разведки обычно не связывают напрямую с «Трестом» и выводят за ее рамки, хотя она фактически явилась прямым его следствием и вытекала из «Треста», даже если формально этот проект ГПУ и был уже закрыт. Речь

идет о тайном похищении в Париже в 1930 году очередного начальника РОВС генерала Кутепова, приведшем в итоге к его смерти. Чекисты все 20-е годы не церемонились в методах, особенно в силовых акциях против русской эмиграции, но ликвидация генерала Кутепова в 1930 году стала венцом череды таких акций и по статусу жертвы, по ее авторитету в российской эмиграции, а также по особенно дерзкому исполнению этой операции в самом центре Европы.

При этом можно отметить и дерзость ГПУ, которое уже через пару лет после разоблачения «Треста» сделало попытку запустить второй дубль «Треста» почти по тому же сценарию. Так это было с осколком «Треста» из так называемой «Офицерской организации» в Ленинграде, где под колпаком ГПУ работали в роли подпольщиков завербованные царские офицеры, а посланный к ним от РОВС эмиссар Жуковский долго уверял эмиграцию в истинности этой антисоветской группы. Также осколком «Треста» уже после его разоблачения ГПУ пыталось оставить в конце 20-х годов «антисоветскую группу» в южных регионах СССР и на Украине. Для этого ГПУ использовало ранее заброшенного РОВС в Советский Союз и уже перевербованного здесь после ареста белого офицера Петрицкого. В 1929 году в пределы СССР на контакт с группой Петрицкого выезжал видный чин РОВС и один из заместителей Кутепова в руководстве союзом генерал Штейфон, и ему дали выехать назад в Европу для подтверждения чекистской легенды. Не зная, что в живых остался лишь благодаря оперативной игре ГПУ, Штейфон долго уверял в истинно антисоветском характере группы Петрицкого Кутепова, главу РОВС в Румынии Геруа и втянувшихся вместе с РОВС в эту операцию руководителей спецслужб королевской Румынии Сигуранца и Пляцувке. Только к 1930 году РОВС стал ясен смысл и этой тонкой комбинации чекистов. Сам генерал Штейфон в годы Второй мировой войны у немцев возглавит «Русский корпус» из белоэмигрантов в вермахте, в начале 1945 года он умер в госпитале Загреба от ран после боя с югославскими партизанами Тито.

Очередные найденные ГПУ для этой цели бывшие белые офицеры Попов и Де-Роберти в конце 1929 года прибыли в Европу и опять заявили РОВС, возглавляемому уже Кутеповым,

что представляют тайную монархическую организацию в России — на этот раз ВНРО (Внутренняя российская национальная организация). Шаблонность операции и наглость ГПУ здесь просто поражают, хотя на этот раз эмиграция наживку уже не проглотила. К тому же на очередной встрече с Кутеповым и его людьми в ресторане на берлинской Доротеенштрассе Де-Роберти, бывший в Гражданскую начальником штаба у Кутепова, а после пленения служивший в Красной армии, воспользовался минутной отлучкой своего напарника Попова в туалет и с огромным риском для себя прямо сказал Кутепову: «ВНРО — ловушка ГПУ по модели «Треста» — и добавил, что на самого Кутепова через несколько месяцев ГПУ совершит покушение. Кутеповцы с эмиссарами очередной фиктивной организации расстались, Де-Роберти после возвращения в СССР расстрелян чекистами, а уже через месяц Кутепов действительно пал жертвой тайной операции ГПУ, о которой его ценой собственной жизни предупреждал бывший подчиненный по белой армии.

Точная картина гибели Кутепова до сих пор не установлена, хотя по крупницам история уже собрала примерную мозаику этого таинственного исчезновения главы самого крупного и организованного движения российской эмиграции. Александр Павлович Кутепов был одним из самых видных генералов Добровольческой армии белых на юге России в годы Гражданской войны, командовал у Деникина корпусом, а после эмиграции в РОВС стал самым активным сторонником террора против Советов. После смерти в 1928 году барона Врангеля Кутепов стал главой РОВС. Он сразу приказал готовить активные мероприятия против Советского Союза и усилил контакты РОВС с европейскими разведками в работе против Москвы. За два года до гибели Кутепова он успел поднять в РОВС боевой дух, поэтому личная ликвидация деятельного командира РОВС стала для ГПУ необходимостью. И 26 января 1930 года Кутепов просто бесследно пропал в Париже во время одной из своих прогулок по городу, как писали в советских исторических энциклопедиях: «Кутепов в 1930 году исчез в Париже при неясных обстоятельствах».

Сегодня эти обстоятельства относительно прояснены, как примерно вырисовывается и механизм этой дерзкой опера-

ции советского ГПУ в самом сердце Европы, как выявлена и роль главного в этой истории агента ГПУ внутри РОВС полковника Скоблина. Этот белый офицер и участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии был завербован советской разведкой уже в эмиграции вместе со своей женой, певицей Плевицкой. Вербовщиком Скоблина и его супруги от ГПУ выступил еще ранее завербованный однополчанин Скоблина и тоже белый офицер Ковальский, вербовка эта произошла в 1928 году во Франции, и, как это часто практиковала советская разведка, главным стержнем вербовки были посулы возможного возвращения на родину вкупе с откровенным шантажом.

Скоблин и Плевицкая дали официальное согласие работать на ГПУ, а высокое положение в РОВС позволило сделать Скоблина неоценимым помощником в операции против Кутепова в 1930 году: именно от Скоблина прибывшая в Париж спецкоманда ГПУ узнала маршрут главы РОВС. Хотя многие изучавшие историю исчезновения Кутепова уверены, что только что завербованный ГПУ Скоблин не мог играть в этой операции ключевой роли. Они считают, что маршрут Кутепова в роковой для него день сообщил ГПУ другой тайный агент в РОВС — генерал Дьяконов, бывший до революции военным разведчиком Российской империи и завербованный ГПУ еще в 1924 году, в год основания РОВС. Случайность или нет, но в данной на имя начальника ИНО ГПУ Трилиссера подписке о сотрудничестве с советскими спецслужбами в 1924 году бывший белый генерал Дьяконов обязался подписывать донесения агентурным псевдонимом Виноградов. Знали ли чекисты, что дают агенту псевдоним самого знаменитого в истории провокатора Евно Азефа, или нет, мне неизвестно, но внутри РОВС своего мини-Азефа они использовали очень активно. После исчезновения Кутепова именно Дьяконов попал под подозрения ровсовцев, даже судился с ними, но влияние в РОВС утратил. Позднее НКВД вывез генерала Дьяконова в Советский Союз, где он, в отличие от многих коллег по работе тайным агентом среди эмигрантов, не попал под репрессии (хотя сразу по приезде арестован НКВД, но скоро освобожден), а умер своей смертью в 1943 году в эвакуации в Средней Азии.

26 января 1930 года во время прохождения Кутепова по парижской улице его просто втолкнули в подъехавший автомобиль, здесь усыпили уколom и перевезли на тайную квартиру. Место захвата Кутепова сейчас установлено точно, это угол парижской улицы Рюссель, недалеко от его парижского дома, по ней Кутепов часто ходил в церковь, обстоятельства же его гибели и место захоронения неизвестны до сих пор. По всей видимости, генерал либо умер от передозировки снотворного непосредственно на этой явке ГПУ в Париже, либо уже по пути в автомобиле, после чего где-то тайно захоронен советскими разведчиками.

Некоторые выдвигают версию, что Кутепова умышленно убили сразу после захвата, и в этом была сама цель операции, хотя все обстоятельства скорее говорят о попытке захвата для допросов и возможного вывоза в Советский Союз. Версии же о том, что генерал умер от сердечного приступа уже на советском корабле по пути в Союз или все же доведен до СССР и там после допросов ликвидирован, кажутся уже совсем маловероятными. Сеть поисков французских спецслужб после исчезновения Кутепова в Париже была очень жесткой, проскочить ее агентам ГПУ было бы почти невозможно, да и никаких следов пребывания Кутепова на территории СССР или на борту какого-либо советского судна за все это время не найдено.

Французский историк Даниэль Бон написал объемную книгу «Похищение генерала Кутепова», где в основном анализировал эту историю по доступным ему материалам расследования дела генерала французскими спецслужбами (наших историков к таким материалам госбезопасности даже сейчас, почти век спустя и после краха самого Советского Союза, близко не подпускают). Из опубликованных Боном материалов дела видно, что французы разобрались с моментом самого похищения на улице Рюссель, но долго были уверены, что генерала живым вывезли на корабле в СССР либо из какого-то французского порта в Нормандии, либо даже из немецкого Гамбурга — так, судя по его рапорту, считал расследовавший дело полицейский комиссар Беранже. Французская же разведка Дексьем-бюро (Второе бюро) сообщала, что ей от коллег по разведке Королевства Югославия поступило сообщение: «Со слов одного сотруд-

ника ГПУ известно, что Кутепова вывезли в СССР живым и втайне содержат там». Хотя позднее и французы стали склоняться к тому, что Кутепов погиб от воздействия хлороформа в момент похищения или вскоре после него еще на французской земле, а на корабле «Спартак» вроде бы в Архангельск (опять по слухам от агентуры) вывезли его тело, хотя в таком вывозе трупа нет никакого смысла для ГПУ. Можно с вероятностью 99% утверждать, что генерал Кутепов в результате этой операции ГПУ был убит на территории Франции и в пределы Советского Союза ни живым, ни мертвым не ввозился.

Советский Союз тогда однозначно отвергал свою причастность к похищению генерала Кутепова. Органы госбезопасности СССР, недовольные тем, что во Франции несколько месяцев не утихает шум вокруг этого дела и оно дошло до обсуждения в парламенте, организовали в советской прессе целую отвлекающую кампанию. Так, в «Известиях» за 1930 год раз за разом появлялись статьи, убеждающие, что похищение генерала организовала английская МИ-6, с которой он был тесно связан, или Кутепов сам спрятался, или сбежал с кассой РОВС, или сам РОВС инсценировал его похищение для разжигания новой антисоветской истерии.

В целом эти нюансы сейчас уже не так и важны, коль скоро само участие советских спецслужб в похищении и ликвидации Кутепова твердо установлено. Вот здесь операцию «Трест» уже можно считать полностью законченной, после гибели Кутепова РОВС был подорван и в 30-х годах начал терять свое ведущее положение в российском эмигрантском движении. И эта дерзкая операция в Париже, о моральной и технической стороне которой спорят в мире разведки и в мире истории до сих пор, подводит черту и под действиями советской разведки 20-х годов.

Глава 4

СМЕНА КАРАУЛА НА ЛУБЯНКЕ

Тридцатые годы в истории ГПУ, а затем и НКВД СССР принято делить на годы больших репрессий в 1937—1939 годах и на относительно «мирные» еще 1930—1936 годы. Большой террор действительно стартовал летом 1937 года. Но все 30-е годы до его начала сейчас выглядят большой подготовкой к нему, разогревом перед этим большим ударом. И ГПУ в начале 30-х годов не простаивало: аресты и высылки продолжались, все новые антисоветские организации (чаще уже придуманные, в отличие от начала 20-х годов) выявлялись, первые процессы такого рода уже организовывались, огромная империя ГУЛАГ под контролем органов госбезопасности достраивалась, чтобы с началом «большой чистки» принять миллионы политзэков и пропустить их через свои жернова. Да только за один 1930 год по делам, подсудственным ГПУ, было вынесено и приведено в исполнение 20 тысяч смертных приговоров по всему Советскому Союзу. Это считается «мирным» временем во внутренней советской политике только по сравнению с большой бойней конца 30-х годов.

Иногда выдвигают версию, что изначально Сталин не планировал еще в 1934 году столь масштабные репрессии, которые случились двумя-тремя годами позднее, и что единый НКВД создавался первоначально вовсе не под эти цели, лишь затем оказавшись главным орудием Большого террора. Полагают, что ГПУ, как и раньше ВЧК, хотели реформировать каким-то образом, чтобы опять отряхнуть прежнюю его дурную славу, что к 1934 году Сталин даже затевал какую-то косметическую либерализацию советского режима (что-то вроде от-

ступления к НЭПу в 1921 году при Ленине), а слитое с обычной милицией и пожарниками в НКВД прежнее ГПУ могло бы символизировать такую отчасти либеральную реформу — вместо отдельной тайной полиции обычный Наркомат внутренних дел, как МВД в других странах. По такой версии, вместо ГПУ внутри единого НКВД появлялась «спрятанная» госбезопасность в виде всего лишь одного из управлений наркомата (ГУГБ НКВД), с виду обычное государственное учреждение, недаром и сам Сталин в 1934 году при этом предложил существенно ограничить полномочия бывшего ГПУ, отобрать право внесудебного приговора, сохранявшегося со времен ВЧК Дзержинского. А затем вроде бы решение радикально расправиться с любой оппозицией и опасность близкой войны перетянула на весах власти все другие доводы, и вместо даже косметической либерализации СССР в нем случился кровавый террор, и пришлось орудовать уже НКВД, которому сразу вернули право расстрелов в особом порядке и без суда.

К тому же к работе ГПУ к 1934 году действительно были претензии, из-за которых эту спецслужбу могли в Кремле приговорить к реформации и слиянию с НКВД: измена Блюмкина, участие некоторых работников ГПУ в партийной оппозиции, скандал в 1931 году в руководстве Ягоды с видными чекистами-дзержинцами и так далее. В 1933 году в ГПУ работала комиссия ЦК партии по проверке его деятельности, которая нашла там ряд значительных нарушений. В том же году случилось сейчас почти забытое «Дело Ревиса», тоже бросившее тень на ГПУ в глазах власти. После раскрытия очередного «контрреволюционного заговора» по решению коллегии ГПУ несколько человек было расстреляно за шпионаж в пользу Японии, а некто Ревис по этому делу отправлен в лагерь, откуда засыпал письмами ЦК партии, утверждая, что все это дело в ГПУ сфальсифицировано и все признания обвиняемых получены под пытками. Сталин лично приказал по «Делу Ревиса» назначить комиссию под началом секретарей ЦК Жданова и Куйбышева, которая часть заявлений Ревиса подтвердила, отчего Сталин тогда обрушился на ГПУ с критикой. По такой логике вся попытка либерализовать хотя бы для вида систему госбезопасности была сорвана в конце 1934 года убийством Кирова и последующими меропр-

ятиями по поиску врагов везде и всюду, вылившимися в итоге в Большой террор.

Хотя следов такой попытки сталинской либерализации на рубеже 1934 года практически не найти, да и очень веской представляется та версия, что в своем конечном виде Большой террор был задуман еще до убийства Кирова и объединения ГПУ с НКВД в 1931—1932 годах. Поэтому в начале 30-х годов власть понемногу прогревала свою машину спецслужбы для будущих репрессий, отлаживала ее, меняла некоторые шестеренки в кадровом составе и даже сменила конструкцию этой машины, дав ей новое название.

В связи с этим в 1934 году на Лубянке происходят две большие перемены: вместо самого ГПУ появляется гораздо более мощное ведомство НКВД, а во главе спецслужбы умершего почти одновременно с ГПУ ее председателя Менжинского в кресле наркома НКВД сменяет Ягода.

ИЗ ГПУ В НКВД

Само создание огромного механизма под названием Наркомат внутренних дел (НКВД) СССР обусловлено именно необходимостью централизации всего силового аппарата страны для организации скорой зачистки в партии и в государстве в целом. НКВД в годы ЧК и ГПУ существовал отдельно, как обычное Министерство внутренних дел, руководившее советской милицией и пожарной службой. Теперь же не ГПУ подчинили НКВД, как это на один год пытались сделать еще при Ленине в 1922 году, а обе структуры слили в один большой и мощный наркомат, сразу возвысившийся над другими советскими министерствами. НКВД не курировал теперь спецслужбу, в 1934—1941 годах в Советском Союзе он сам был этой спецслужбой, и в этом принципиальное различие. Собственно вопросами госбезопасности внутри НКВД было поручено заниматься отдельному управлению государственной безопасности — ГУГБ, вобравшему в себя большинство вопросов бывшего ГПУ внутри страны (им руководил в ранге заместителя начальника НКВД Яков Агранов). Внешняя разведка, пограничные войска, технические службы,

управление лагерями (ГУЛАГ) — все теперь было в структуре НКВД. Собственно милиция тоже осталась здесь же, по инерции продолжая дистанцироваться от чекистов и не осознав до конца факта нахождения с госбезопасностью в одном наркомате.

Перемены отчасти коснулись и кадрового состава бывшего ГПУ, хотя большая часть дзержинского поколения с долгим стажем работы, опытом Гражданской и лихих лет «Треста» осталась на ведущих ролях и в НКВД до 1936 года. Сменился и главный командир госбезопасности. На смену наследнику Дзержинского Менжинскому наркомом внутренних дел в едином уже НКВД в 1934 году назначен Ягода, третий в истории советских спецслужб их глава.

САМЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕКИСТ

Менжинского принято считать самым интеллигентным из руководителей ЧК—КГБ за все годы этой службы, почти случайно оказавшимся на этом посту, почти все время болевшим и не оставившим в истории наших спецслужб заметного следа. Отчасти даже забытым и затертым между легендой Дзержинского и драматичными судьбами своих последователей. В советской истории Менжинский остался проходящей и заметно размытой фигурой. Чем-то вроде несчастного предпоследнего генсека КПСС Константина Черненко, который все время болел, за которого все решало окружение и о котором хорошее или плохое сказать сейчас одинаково затруднительно.

В отношении Менжинского это не совсем так, хотя личность Вячеслава Рудольфовича в значительной мере способствовала такому его историческому имиджу, к тому же в интеллигентности ему действительно трудно отказать, а в последние годы руководства ГПУ он и вправду часто болел. По своему характеру Менжинский не слишком и подходил для той работы, на которую его в 1919 году направил Ленин, среди чекистов он выделялся очень высоким интеллектом, университетским дипломом юриста и достаточно спокойным, даже флегматичным характером. Даже в ВЧК времен кровавой Гражданской войны он был

скорее администратором, чем чекистом с наганом на боку или «человеком в шинели», как его первый начальник Феликс Дзержинский.

Менжинский был выходцем из дворянской семьи в столице Российской империи, с отличием закончил Петербургский университет по специальности юрист и работал в адвокатуре. Эта традиционная карьера юноши из хорошей семьи была прервана в 1905 году, когда тридцатилетний Вячеслав Менжинский увлекся марксизмом и с головой ушел в революцию, пройдя аресты, тюрьму, голодовки, подполье, эмиграцию. Правда, в отличие от Дзержинского долгого тюремного заключения или каторги в судьбе Менжинского не было, даже его подпольная большевистская карьера сложилась относительно благополучно. К 1917 году он уже был заметным лидером большевиков, которого Ленин очень ценил и за ум, и за преданность партии. После 1917 года Ленин назначил его управлять Госбанком России в должности наркома финансов, и эта должность даже без экономического образования явно больше соответствовала характеру Менжинского, чем работа в ВЧК. В 1919 году партия отправила своего главного «интеллигента» на усиление ВЧК, и преданный большевистской идее Менжинский честно отдал этой спецслужбе все последние пятнадцать лет своей жизни. При Дзержинском он возглавил Особый отдел Всероссийской ЧК взамен заболевшего Кедрова, вошел в коллегию ВЧК, а затем встал за спиной самого Феликса Эдмундовича первым заместителем в новом ГПУ.

Принято считать, что Менжинский своим назначением в 1926 году начальником ГПУ обязан расположению к нему лично Сталина, что он был с этого времени типично «сталинским человеком» и исполнительным чиновником, который и нужен был в 20-х и в начале 30-х годов на этом посту «вождю народов». Троцкий, у которого к Менжинскому были личные счеты после руководства тем в ГПУ разгромом троцкистов в партии и изгнанием в 1929 году самого Троцкого из Советского Союза, вообще считал Менжинского «серым человеком», марионеткой Сталина еще за спиной живого Дзержинского в 1922—1926 годах, а на посту шефа ГПУ — послушным исполнителем любых приказов Иосифа Виссарионовича.

У Менжинского до самой смерти действительно не было никаких принципиальных споров или разногласий со Сталиным. Неизвестно, как бы пошло у него дело в годы больших сталинских чисток, но до 1934 года такой спокойный и интеллигентный исполнитель во главе ГПУ Сталина явно устраивал. Иосиф Виссарионович был всегда подчеркнуто благожелателен к своему руководителю госбезопасности, не раз навещал Менжинского на больничном ложе в последние годы и угощал привозимым с собой грузинским вином.

В среде белых эмигрантов, исполненных ненависти ко всему связанному с ЧК и ГПУ, отношение к Менжинскому было не столь снисходительно-презрительным, как у Троцкого. Они считали его таким же ответственным за кровь и террор чекистов безо всяких скидок на внешний аристократизм или флегматичный характер, называя внутренним садистом, прикрывающимся холодной невозмутимостью, которого не зря так приблизил ненавистный им Дзержинский. Сергей Мельгунов в своем «Чекистском олимпе» припечатал Менжинского термином «эстет-инквизитор», полагая, что как раз из таких скучающих мечтателей с тягой к роскоши часто выходят законченные мерзавцы и убийцы, а эмигрантский писатель Роман Гуль в своей книге о ЧК назвал Менжинского «деградирующим на службе в Чеке аристократом».

В отличие от эмигрантов многие исследователи уверены, что с 1928 или 1929 года Вячеслав Менжинский вообще мало может отвечать за работу ГПУ, которой он руководил с тех пор только на бумаге. Это не легенда, что почти со времени назначения его начальником ГПУ летом 1926 года Менжинский часто болел и все больше передавал рычаги управления спецслужбой своим заместителям, именно так выдвинулся в первые замы энергичный и деятельный Генрих Ягода, в начале 30-х уже почти полноправный хозяин на Лубянке при тяжелобольном шефе. К 1930 году Вячеслав Менжинский окончательно превратился в свадебного генерала для ГПУ, крайне редко появляющегося на службе, а вечно лечащего свой невроз и сердечные боли.

Это было понятно и самим чекистам, авторитет номинального главы ГПУ среди них падал. Сбежавший из-за обвинений в троцкизме из СССР чекист Агабеков в своих мемуарах откро-

венно писал: «Менжинский почти все время болен и никаких рычагов управления в ГПУ уже в руках не держит, всем командует Ягода». И дальше Агабеков сразу переходил к описанию пьянок-оргий Ягоды и Бокия с комсомолками на дачах, в которых до побега из страны сам участвовал. С Менжинским повторилась история Дзержинского последних лет у руля спецслужб. Если в конце 20-х он еще старался вникать в большинство дел, хотя бы на высшем уровне курируя операцию «Трест», борьбу с церковью, кампанию раскулачивания, заказанный властью процесс против «Промпартии» и другие действия ГПУ, то в последние годы он в основном проводил время на даче, увлеченный своими цветами. Именно на своей даче в подмосковном Архангельском 10 мая 1934 года Менжинский и умер от внезапного инфаркта, похоронен, как водится, в Кремлевской стене, вместо него на пост главы объединенного НКВД заступил Генрих Григорьевич Ягода. Вместе с ним на Лубянке на несколько лет утвердилась пресловутая «команда Ягоды». Произошла смена караула в советской госбезопасности.

Ягода — это уже совсем другой типаж, во многом противоположный Менжинскому, именно этому человеку Сталин доверил отладить машину усовершенствованной спецслужбы НКВД, которая самого Ягоду с началом репрессий раздавит одним из первых. И о Генрихе Григорьевиче нужно сказать особо, поскольку именно при нем ГПУ провело последние свои годы, при его же руководстве ГПУ трансформировали в НКВД, а с начавшимися вскоре репрессиями он оказался одним из первых из высокопоставленных чекистов, отстрелянных в Большой террор.

Глава 5

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СПЕЦСЛУЖБАХ – V «НАРКОМ ИЗ ЗАВХОЗОВ» (Г.Г. Ягода)

Третий по счету руководитель ГПУ Генрих Ягода являл собой совсем иной типаж, даже среди многих коллег по первой ВЧК Дзержинского он во многом выделялся. С Дзержинским и Менжинским по большому счету Генриха Ягоду роднит только большой революционный стаж в ленинской партии. Хотя поначалу, еще до прихода в ленинскую РСДРП, шестнадцатилетний парень из волжского городка Рыбинска Генрих Ягода (Енох Иегуда в дореволюционных документах) успел побывать террористом-анархистом, только после разгрома группы жандармами в 1907 году он примкнул к большевикам.

ПАРЕНЬ ИЗ РЫБИНСКА

Генрих Ягода, которого в детстве звали на еврейский манер Енохом, родился в тогда еще не «красный день календаря» — 7 ноября 1891 года в провинциальном маленьком городке Рыбинске в большой семье Григория (Гершона) Ягоды и его жены Хаси Мошенсон. Отец будущего наркома НКВД был провинциальным гравером (по другим данным — ювелиром), что было для еврейского населения Российской империи обычной профессией. Как и у Дзержинского, у Ягоды было много братьев и сестер, гибелью некоторых из них и объясняют приход Генриха к большевикам и его жестокость к врагам, поскольку его старший брат Яков Ягода в 1905 году участвовал в баррикадных боях рабочих в Сормове и погиб от казачьей шашки в пятнадцатилетнем возрасте, а младшего его брата Льва Ягоду уже в годы Гражданской войны расстреляли в Сибири колчаковцы.

Юный Генрих Ягода вырос в обстановке ненависти к режиму, характерной для еврейской молодежи в провинциях Российской империи, и в окружении склонных к бунту друзей и родственников — его троюродный брат Яков Свердлов уже тогда создавал на Урале ячейки боевиков РСДРП. И к местным анархистам в пятнадцать лет Генрих потянулся за этой романтикой вооруженной борьбы с режимом, отойдя только после арестов товарищей и выявления работы втянувшего его в эту группу Чемборисова на царскую охранку. Никаких боевых акций в рядах анархистов Ягода совершить не успел, по данным Нижегородской охранки он только участвовал в подготовке несостоявшегося «экса» в банке Нижнего Новгорода и подозревался в хранении взрывчатки. Эта недолгая история с нахождением Ягоды среди анархистов-«безмотивников» затем аукнулась ему напоминаниями и даже подозрениями в предательстве позднее, когда анархисты из революционных попутчиков превратились в политических врагов для партии Ленина. В большевистском подполье, в отличие от клички среди анархистов Сыч, Ягода получил партийный псевдоним Одинокый — его не слишком общительный и веселый характер уже в юные годы был замечен.

Вообще же о годах жизни Ягоды до революции известно мало, в основном из написанной им самим биографии, где он напирал на работу в подполье и какие-то спрятанные от жандармов шифры, но и здесь ничего конкретного. В большевистской партии он знакомится с популярным писателем Максимом Горьким и становится ему другом. Он работает в подпольной типографии большевиков в нижегородском местечке Сормово, одновременно закончив гимназию. Затем за что-то арестовывается царским сыском, но быстро выходит на свободу — обстоятельства этого первого ареста Ягоды очень туманные. Он переезжает в Москву для партийной работы, где живет по поддельному паспорту на фамилию Кнышевского, поскольку в Москву ему, как иудею, из-за «черты оседлости» путь заказан, здесь в 1912 году вновь арестовывается и высылается под надзор полиции в провинциальный Симбирск. С началом Первой мировой войны Генриха Григорьевича призывают в армию и отправляют рядовым на фронт, где он получает ранение, и

свержение царя в феврале 1917 года Ягода встречает ужеправляющим здоровье в Петербурге, успев жениться на Иде Авербах — племяннице видного большевика Якова Свердлова и своей дальней родственнице.

Между этими основными и хорошо известными вехами в его жизни в дореволюционный период зияют заметные черные пятна, когда неизвестно, где он некоторое время был и чем занимался. Похоже, жизнь Генриха Ягоды в это десятилетие между приходом в 1907 году юноши к большевикам и Октябрьской революцией оказалась «затертым файлом», то ли сам Ягода на посту наркома госбезопасности подчистил информацию, то ли постарались партийные историки после объявления его врагом советской власти. Многие исследователи жизни Ягоды вообще сомневаются, что он вступил в партию большевиков официально в 1907 году, а не был просто сочувствующим и не записался в РКП(б) только в 1917 году, приписав себе уже в ВЧК десять лет мифического партийного стажа. Так это утверждает, например, в объемном биографическом исследовании «Нарком Ягода» историк М.М. Ильинский. Проанализировав подробно жизненный путь Генриха Ягоды по архивным документам и воспоминаниям знавших его людей, Ильинский полагает, что Ягода не только до 1917 года не являлся членом партии большевиков, но в идейном плане вообще никогда большевиком не был, марксистско-ленинских идей не разделял, а встал на сторону победившей в революции партии из лично-карьерных соображений.

ЗАВХОЗ С ЛУБЯНКИ

Внезапно всплыв в ВЧК, он явно воспользовался протекцией своего троюродного брата Якова Свердлова, фактически ставшего правой рукой Ленина в партии после октября 1917 года. Ведь Ягода в ВЧК не со дня ее основания в октябре 1917 года, он тогда был на партийной работе и назначен редактором большевистской газеты «Крестьянская беднота» — сказалась грамотность Генриха Григорьевича и его тяга к общению с творческими людьми типа Горького, как и его уже солидный партийный стаж в РСДРП, по крайней мере по его собственному ощуще-

нию. Весной 1918 года Ягода по предложению Свердлова направляется на работу в военную инспекцию Красной армии, выезжает от нее на Юго-Восточный фронт, где в Царицыне знакомится с посланным сюда же комиссаром ЦК Сталиным. Именно это близкое знакомство, позднее как трамплин подбросившее его в сталинском СССР на маршальскую должность наркома внутренних дел, а еще позднее — по крутой горке спустившее в подземелья родной Лубянки, сыграет огромную роль во всей судьбе Генриха Ягоды.

По свердловской рекомендации Генрих Ягода попал в ВЧК сначала на рядовую должность сотрудника Особого отдела и начал здесь с должности завхоза при Дзержинском, к 1920 году уже пробился в коллегия ВЧК и стал управляющим делами всей ВЧК. А уж после 1922 года Ягода назначен одним из заместителей Дзержинского в ГПУ, фактически правой его рукой и вторым человеком на Лубянке в 1922—1926 годах при все чаще болящем или занятом другими делами шефе.

Работа в ВЧК в должности начальника управления делами, а фактически лубянского завхоза при Дзержинском, наложила на Генриха Ягоду своеобразный отпечаток. Он многими и в дальнейшем воспринимается скорее как хороший администратор и почти чиновник, нежели как образец типового дзержинца из первой ЧК с горящими глазами и револьвером у пояса. Ягода даже легендарной в ЧК кожанке предпочитает френч, характерный для усидчивых и работоспособных чиновников сталинской эпохи типа Молотова или Кагановича. Если Менжинского, с которым он до смерти Дзержинского в 1926 году делил должности заместителей главы ГПУ, называли «барином» или «аристократом от ЧК», то Ягода скорее типичный чиновник или завхоз, это становится заметно и в его повадках. Хотя это проявилось позднее; придя в ВЧК еще относительно молодым человеком, Генрих Ягода в годы Гражданской войны еще не заматерел так, не озлобился и не очинивился. На групповой фотографии коллегии ГПУ 1923 года рядом с Дзержинским и Менжинским он еще скромно жметя в углу кадра с несколько растерянно-наивным выражением молодого лица и без своих знаменитых усиков щеточкой. И на нем здесь еще не серый френч, а грубая солдатская шинель с рем-

нем — рядом с ним Вячеслав Менжинский в галстукe выглядит просто как английский джентльмен.

Ягода не избежал почти обязательных для чекистов при Дзержинском командировок на фронт в Гражданскую войну. В такой поездке на Южный фронт он близко знакомится с тоже недавно направленным в ЧК из ленинского секретариата в Совнаркомe Яковом Аграновым — позднее одним из самых видных членов команды Ягоды в ГПУ — НКВД, которого Ягода сделает в дни наркомства своим первым заместителем на Лубянке. И все равно Ягода не похож на многих чекистов из первой ВЧК; работавшие с ним в ГПУ отмечают его сухость и очень часто недовольный вид, некоторую отчужденность в общении с товарищами по ГПУ. Даже на фотографиях конца 20-х годов этот человек во френче с непроницаемым и худым лицом со щеточкой усов уже почти никогда не улыбается, у него очень жесткий и цепкий взгляд.

Став при больном Менжинском к 1930 году почти полным правным начальником на Лубянке, а с 1934 года и официальным руководителем НКВД, Ягода сохранил казенно-хамоватый стиль обращения к подчиненным, часто скатываясь к крику и матерной брани в своем лубянском кабинете. Похоже, завхозское начало работы в госбезопасности во многом наложило на Ягоду свой след на всех дальнейших ступенях его карьеры. Полагают, что именно это рассмотрел в нем пронизательный Сталин, двигавший Ягоду вверх по лестнице карьеры в ГПУ как очень полезного исполнителя и организатора, из которого можно сделать во главе госбезопасности своего безотказного администратора и не особенно рассуждающего солдата. Считают, что Ягода в конце 20-х годов угодничал перед номинальным своим начальником на Лубянке Менжинским, окружая его роскошью, доставляя ему на дачу дефицит и редкие лекарства для лечения его хворей, а по некоторым данным — и организовывая в качестве сводни какие-то интимные вечеринки для шефа ГПУ и ближайшего его окружения.

Недолюбливавший на партийном олимпе Ягоду Троцкий презрительно именовал Генриха Григорьевича «усердным ничтожеством», «безыдейным комиссаром Сталина» на Лубянке, такую категорию любящих не революцию, а партийный паек

трибун «перманентных революционеров» Троцкий люто ненавидел — а Ягода среди чекистов олицетворял такой типаж. Сам Ягода оплатил Троцкому тем же, последовательно поддерживая в 20-х годах в межфракционной сваре в ВКП(б) линию Сталина против троцкистов, а затем руководя в ГПУ действиями по их разгрому уже силами спецслужбы. Его действительно очень трудно назвать пламенным большевиком, в ГПУ Ягода не любил пафосных революционных речей ни о чем, предпочитая деловые темы для выступлений, он даже в годы наркомства в НКВД предпочитал не ходить на собрания лубянской партячейки, ссылаясь на загруженность профессиональными делами. Нет сомнений, несмотря на приход в РСДРП еще за десять лет до революции, никаким особенно идейным большевиком и марксистом Ягода не был, не был он и фанатиком революции. Это совсем другой тип, гораздо более прагматичный, чтобы быть с ультралевыми или троцкистами. В отличие от Дзержинского, Урицкого или Лациса его и в годы ВЧК не найти среди каких-нибудь ярых «левых коммунистов» и критиков Ленина слева — он в это время управляет делами, а не рвет глотку в теоретических спорах. Неудивительно, что в 30-х годах он связал себя с фракцией «правых» в партии и явно тоже из своего прагматизма, Бухарин с Рыковым ему были ближе, и беды в отступлении вправо от ленинской политики он не видел, в итоге как «правый заговорщик» с ними будучи уничтожен. Впрочем, окажись Ягода с левым уклоном и поставь на Троцкого с Зиновьевым, уничтожили бы его в сталинские репрессии еще раньше. Да и был ли он всерьез идейным «правым», разделяющим идеи Бухарина? По крайней мере, сам Бухарин так не считал, говоря о Ягоде перед арестом своей жене Анне, что считает того просто безыдейным чиновником и придворным интриганом.

Но это в будущем у Ягоды, а пока карьера его в ВЧК шла быстро. По-видимому, управлял делами на Лубянке он хорошо, раз Дзержинский приблизил его к себе и выделил на вроде бы хозяйственной должности и при непохожести на многих лихих «птенцов гнезда Феликса» типа революционных романтиков Петерса или Скрыпника. Слухи о том, что Дзержинский Ягоде не доверял и сторонился его, придуманы задним числом, когда

Ягоду нужно было показать пробравшимся в партию мерзавцем, а основателя ВЧК — кристально чистым ленинцем. Ничего об этом не свидетельствует, Дзержинский о Ягоде хорошо отзывается и двигает вверх, из управделами переводит в июле 1920 года на руководящую должность в коллегию ВЧК.

Затем, вместо покойного Свердлова, его двигал уже Сталин, с которым Ягода сблизился, будучи в Гражданскую войну уполномоченным военной инспекции РККА при обороне красными под началом Сталина Царицына. Заместителем Дзержинского в ГПУ Ягода становится в 1923 году взамен переведенного из ГПУ на работу в Наркомат по военным делам Уншлихта. Одновременно Ягода возглавляет в ГПУ очень важный Особый отдел по контролю за Красной армией и военной контрразведке. Смерть Дзержинского делает Ягоду первым заместителем в ГПУ, полномочия его растут год от года, и уже подбирается понемногу вокруг него его команда из чекистов, близких ему по духу или связанных прежними делами.

Став при перманентно больном Менжинском его заместителем, Ягода в начале 30-х вполне уже обосновался в роли первого начальника советской госбезопасности. На нем в это время вся оперативная работа ГПУ, он уже все больше отвечает за кадры на Лубянке, расставляя своих людей. Ягода из-за личной неприязни добивается удаления из ГПУ к 1930 году начальника ИНО Трилиссера, такого же заместителя Менжинского в ГПУ, как и он сам, которого вообще убирают с Лубянки, как подозрительного левака и скрытого троцкиста.

А в 1931 году Ягода в ходе тихой войны на Лубянке двух группировок чекистов, вылившейся после коллективной жалобы на суд ЦК партии уже в громкую свару, побеждает пошедших против него не последних дзержинцев: Евдокимова, Мессинга, Ольского, Артузова, Воронцова, Бельского. Все они, пошедшие из-за споров вокруг офицерского дела «Весна» в РККА на конфликт с командой усилившегося Ягоды, все почти ультрареволюционеры и выходцы из первой ЧК, все левее по взглядам Ягоды и многих из его сложившегося уже окружения на Лубянке (Прокофьева, Агранова, Шанина, Погребинского, Булатова, Паукера, Лурье и др. — будут в 1937 году на следствии представлены как руководители заговора группировки Ягоды

внутри НКВД). Так что здесь в ГПУ отголоски внутрипартийных право-левых споров, только усиленные личной неприязнью людей этих двух лагерей друг к другу и споров вокруг дела «Весна», ставших только формальным поводом к столкновению двух влиятельных группировок в верхушке ГПУ. Ягода побеждает, он ближе к Сталину и понятнее ему. Бунтарей с Лубянки или удаляют, или понижают в должности, а Ягodu по решению ЦК лишь слегка журят за этот скандал, уравнивая в должности зампреда ГПУ двумя другими заместителями с такими же полномочиями Акуловым и Балицким, которых год спустя Ягода тоже не без интриг потеснит и заменит близкими себе чекистами.

К 1934 году Ягода опять первый заместитель главы ГПУ, считающий себя очень нужным Сталину и потому все больше себе позволяющий, даже в плане личной жизни и удовольствий. Он получает от Сталина ордена, в середине 30-х годов и высший в том СССР орден Ленина получит за постройку руками заключенных Беломорканала. Это главное достижение «хозяйственника» Ягоды в ГПУ в глазах столь же жестко-прагматичного Сталина, к которому он все ближе, как мотылек к манящему огню, не подозревая об опасности сгинуть в его пламени. Впереди у паренька из Рыбинска новый карьерный скачок, уже последний, но он об этом пока не знает.

ПЕРВЫЙ НАРКОМ В НКВД

Назначение Сталиным главой НКВД 10 июля 1934 года Ягода явно воспринял как должное, не подозревая, что начался его путь к эшафоту. А пока на пике своего величия он стал членом ЦК партии, а вскоре и наркомом внутренних дел со званием генерального комиссара госбезопасности, что по тогдашним чекистским званиям приравнялось к званию маршала в армии, — этот подарок он получил от власти чуть позднее, уже в 1935 году. Ягода вообще носился с идеей объединить чекистов в НКВД в некую сплоченную касту. По его решению было провадено постановление, что ни один сотрудник ведомства не мог быть арестован и предан суду без санкции его самого

как наркома. Бойня 1937 года это все превратит в условность, он сделал свое звание «генерального комиссара госбезопасности» пожизненно дающим и подлежащим снятию только решением суда — его арест со снятием звания и это не предотвратило.

При этом он живет в Кремле и в фаворе у самого Сталина, на некоторых кадрах кинохроники даже позволяет себе сидеть в присутствии стоящего «вождя народов», совсем не характерный эпизод в тогдашней советской элите. Он щеголяет в специально пошитом для него портным белом кителе генерального комиссара госбезопасности. В 30-х годах он совсем уже не отказывает себе в удовольствиях, в обществе гуляют слухи о пристрастиях наркома НКВД к дорогим заморским винам, к отдыху на пикниках с подобранными девушками легких нравов, о его бурном романе с невесткой Горького, в которую Генрих Григорьевич влюбляется всерьез.

Сталину в это время такой хозяйственник и прагматик в главном кресле на Лубянке нужен. В 1934 году он при назначении начальника единого НКВД выбирал между верным ему членом ЦК партии Анастасом Микояном (при котором Ягода должен был стать заместителем и главным консультантом по специфике чекистской работы) и самим начальником прошлого ГПУ Ягодой. И выбрал все же второго — но оба своим прагматизмом, расчетливостью и послушностью Сталину во многом похожи по типу, отсюда и альтернатива между ними на этом конкурсе в глазах Сталина.

У Ягоды в этих самых глазах Сталина, кроме преданности советской власти и лично генсеку, кроме готовности действовать любыми методами, было еще одно явное достоинство — он был очень работоспособен и аккуратен в документообороте. По-видимому, Иосифа Виссарионовича устраивало и то, что его «Верный Генрих» (так позднее Гитлер звал теску Ягоды и своего «Ягоду» по имени Генрих Гиммлер) хорошо схватывает его намеки и полунамеки, которыми Сталину все больше нравилось общаться с ближайшими своими соратниками. Но главное то, что Ягода Хозяйственник с большой буквы. Именно это до начала Большого террора Сталину было очень ценно, еще не нужно было с утра до ночи арестовывать, пытаться и стрелять, а

огромную систему ГУЛАГ нужно было строить и отлаживать. Ягода и стал «главным инженером» этого сталинского гигантского проекта, а пытаться-стрелять позовут других, более для того подходящих.

Говорят, что Ягода не имел в глазах Сталина шансов стать командиром Большого террора потому, что при известном хамстве и безразличии ко многому не был лично жесток, не был любящим кровь садистом. Это довольно сомнительно, скорее Ягоду из кресла и обоймы сталинской команды к Большому террору выбросили не эти его принципы и даже не происхождение его из ленинской гвардии партийцев с дореволюционным стажем, а появившееся недоверие Сталина к нему и близость к группе правых Бухарина в партии.

Правда, в отличие от его наследника в НКВД Ежова о Ягоде действительно нет сведений, чтобы он лично участвовал в допросах с применением пыток или в расстрелах. В книге «КГБ: председатели органов госбезопасности» Леонид Млечин отмечал эту неоднозначность образа Ягоды в посвященной его персоне главе, приводя примеры человеческого отношения Ягоды к арестованным. Там Ягода на докладной записке о том, что сотрудник НКВД вывел заключенных в лагере на мороз раздетыми, написал резолюцию: «Где вы находите таких мерзавцев? Женщин на мороз?! Кто позволил?!» Хотя это вряд ли можно считать доказательством человеколюбия наркома Ягоды, такие «гуманистические» резолюции будут позднее выходить в НКВД и из-под пера Ежова или Берии. Хотя он действительно в конце 20-х годов написал несколько циркуляров по ГПУ об усилении надзора за законностью, о наведении дисциплины в рядах ГПУ, об обязанности вежливого обращения с посетителями и собственными подчиненными (сам будучи по отношению к своим сотрудникам часто просто первейшим хамом). В 1926 году зампред ГПУ Ягода выступил с инициативой усиления законности в отношении содержания арестованных по делам ГПУ, предлагая сократить сроки содержания под стражей на следствии, а всем содержащим арестованных на следствии больше двух месяцев грозя дисциплинарными карами. В 1928 году Ягода опять пишет начальнику Секретного отдела

ГПУ Дерибасу служебную записку: «Вопрос о загрузке наших тюрем опять стоит остро, необходимо применять уже не только меры внушения, но и репрессивные меры к тем нашим товарищам, которые не могут и не хотят понять: содержание в тюрьме человека необоснованно долго ложится на нас пятном. Есть же десятки приказов, запрещающих задерживать более 24 часов, а держат ведь 7 суток и более без оформления». Такие документы из-под пера Ягоды в его архивном наследстве есть, и было бы неверно их не учитывать. Хотя и не ясно до конца, чего же здесь больше: человеческого отношения к арестованным, идейного восприятия коммунистической законности, просто заботы о чести мундира ГПУ или все той же тяги чиновника все делать по букве инструкции.

Есть устойчивый слух и о том, что Ягода вроде бы в кругу своих призывал придерживаться не только законов и инструкций, но и ленинских заветов в партии, а излишнее возвышение личности Сталина с конца 20-х годов называл неправильным и нескромным. И будто бы до самого Сталина донесли тогда эти брошенные фразы первого зампреда ГПУ, на что Сталин многозначительно сказал: «Но пока он очень полезен, пусть поработает». Хотя в эту историю не слишком верится хотя бы потому, что Ягоду действительно очень трудно заподозрить в истинном идейном большевизме в душе, да и сам он в своих пристрастиях не очень стремился к завещаемой Лениным скромности в быту, и аскетичности его предшественника Дзержинского в наркоме НКВД и близко не наблюдается.

У Ягоды уже не было интеллигентности Менжинского или суровой харизмы Дзержинского. Этот нервный и худой человек во френче со щеткой усов бывал взвинчен, с подчиненными часто просто хамоват, срываясь на крик при удобном случае и матерный ор в своем лубянском кабинете, был не чужд страсти к интригам даже внутри ГПУ, где к его приходу еще сохранялись остатки заложенного Дзержинским духа чекистского сурового братства. Многих еще в ГПУ поражало его спесивое высокомерие, которое с годами в нем окрепло. Дзержинский не орал на подчиненных, что сгноит их, а Ленин не мог воспитывать Дзержинского словами: «А то в морду дам!», как

Сталин, по свидетельствам многих очевидцев таких бесед, завершал часто очередные прения с Ягодой.

В целом недалеким человеком Генриха Ягоду назвать сложно, он действительно любил литературу и дружил с писателями. Хотя это не мешало ему устраивать оргии с любовницами или повесить в бане на своей даче церковные иконы, чтобы голый нарком внутренних дел с гостями с удовольствием палили в них из револьверов, тренируясь в меткости стрельбы. После ареста и расстрела Ягоды на его даче НКВД устроит секретный объект, где в дни Большого террора стреляли уже не по безмолвным иконам, а расстреливали сотнями привезенных сюда по ночам из московских тюрем приговоренных. Расстреляв веру, взялись без жалости за население страны.

Ягода вполне соответствовал типу начальника спецслужбы для зачистки страны, только по воле Сталина он стал больше жертвой, чем исполнителем Большого террора, хотя кровь расстрелов 20—30-х годов и жертв «великой стройки» Беломорканала, за которую Ягода получил свой орден Ленина, лежит и на нем. Все заигрывания Ягоды с интеллигенцией, вся его показная дружба с Максимом Горьким, беседы с Роменом Ролланом, совместные пьянки с советскими поэтами не спасли его от этих обвинений. Посетивший в 1935 году СССР Ромен Роллан, с которым Ягода пытался подружиться, писал позднее, что глава НКВД произвел на него очень двойственное впечатление: у него были очень честные и пронзительные глаза, неплохие манеры и умная речь, но он внушил Роллану какой-то необъяснимый ужас. «Загадочный человек», — резюмировал свое впечатление от Генриха Ягоды француз.

После декабрьского убийства в 1934 году Кирова в Ленинграде Сталин впервые очень резко высказал Ягоде свое неудовлетворение его работой. Затем весь 1935 год Ягода активно руководит НКВД, организует первые массовые аресты оппозиции и категорий «бывших людей», достраивает машину ГУЛАГ, но с началом 1936 года генсек все чаще его критикует и ругает. К тому же вокруг Ягоды образуется понемногу вакуум в советской верхушке, нарком внутренних дел фактически не имеет в сталинском ЦК ни одного друга или союзника: Микоян, Ворошилов, Молотов, Ежов и все другие открыто не желают с ним

сближаться и все чаще «кусают» за ошибки. Ягода понемногу напоминает обкладываемого одинокого волка, а поддержки основной массы чекистов в НКВД у него за спиной нет, он и там для многих остался чужаком.

КРАХ НАРКОМА

Когда разгорелся Большой террор и пошли аресты «правой оппозиции», Генрих Ягода оказался обречен, сходки и беседы с Бухариным и Рыковым стали для него приговором. В сентябре 1936 года Сталин с формулировкой о недостатках в работе и с опозданием в раскрытии антисоветских уклонов в партии освободил Ягоду от поста начальника НКВД, заменив его на Лубянке Ежовым.

С этого момента Ягода стремительно полетел по ступенькам партийной карьеры вниз, пока не приземлился в камере следственной тюрьмы как обвиняемый в участии в размахистском заговоре «правых» против Сталина. Сначала следует перевод в наркомы связи для успокоения, что этим все и обойдется. Сталин вроде бы заверял его, что дадут шанс работать и исправлять ошибки перед партией, а налаживание работы связи не менее важно, чем руководство госбезопасностью. Но в начале 1937 года Ягоду снимают и с поста наркома связи. Затем подвергают словесному шельмованию на пленуме ЦК партии, где против него очень резко выступают и многие его бывшие подчиненные из НКВД. 3 апреля Ягода еще на свободе из газеты «Правда» может узнать, что в отношении его возбуждено уголовное дело, а на следующий день его арестовывают бывшие коллеги и водворяют в камеру.

Вслед за Ягодой была арестована и позднее расстреляна его жена Ида Авербах, как и ее брат, известный советский писатель Леопольд Авербах, малолетний сын Ягоды отправлен в детдом для детей «врагов народа». Совсем старые родители Генриха Ягоды, еще в 1905 году участвовавшие в большевистской борьбе, отправлены в лагеря, где очень быстро умерли.

Обстоятельства ареста Ягоды еще раз подтвердили, что в 1934—1936 годах в кресле главы госбезопасности СССР сидел

не вполне типичный чекист, чей личный облик резко контрастировал с фигурами Дзержинского и Менжинского. При обыске в его квартире после ареста чекисты нашли массу антисоветской литературы, изъятой ранее и хранимой для личного пользования в нарушение всяких инструкций. Обнаружена там также богатая коллекция порнографических карточек, множество бутылей заморского вида, пластинки с иностранной музыкой, коллекция редких монет, курительные трубки непристойной формы, коллекция холодного и огнестрельного оружия — довольно оригинальный набор для наркома внутренних дел и члена ЦК партии коммунистов.

В камере Ягода быстро раскисает, теряет не только былую спесь, но понемногу и человеческий облик, как вспоминал сидевший с ним в камере арестованный советский писатель Киршон. Он впадал в истерики, страшно кричал по ночам, каялся в разных грехах, утверждал о какой-то своей тяжелой болезни. Из потока бреда бывшего наркома госбезопасности в камере, как свидетельствовал пересказывавший слова Ягоды чекистам Киршон, единственным светлым пятном можно считать прорывающиеся воспоминания Генриха Григорьевича о Тимоше (Надежде Пешковой — невестке Горького), в эту женщину он явно был влюблен, и, возможно, эта последняя сильная любовь не давала ему в тюрьме окончательно утратить облик и вменяемость.

На суде по делу группы «правых» Ягodu вместе с Бухариным и Рыковым сделали главным участником заговора. Уже понявший правила игры и сломленный следствием даже без пыточных методов Ягода признал многие обвинения и практически назвал себя правым заговорщиком, твердо отрицая до конца только нелепое обвинение в работе на иностранные разведки и умоляя в последнем слове сохранить ему жизнь с учетом прошлых заслуг перед партией. Написал он после смертного приговора и прошение о помиловании, которое было отвергнуто. 15 марта 1938 года бывшего наркома и генерального комиссара госбезопасности Ягodu чекисты отвели в подвал и расстреляли. Сталин все же исполнил свою угрозу «набить морду» за ошибки. А развернутый бывшим ведомством Ягоды Большой террор разгорался уже под руководством других людей.

Глава 6

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Середина 30-х годов становится временем неумолимого приближения эпохи Большого сталинского террора, который уже практически предрешен, и подготовки созданного единого НКВД к нему. Эту подготовку чекистская спецслужба проходила еще под руководством Ягоды.

Именно на годы работы во главе спецслужбы Ягоды пришлось главное строительство знаменитого ГУЛАГа, вскоре заполнившего своими «истребительно-трудовыми», по терминологии Солженицына, лагерями даже самые отдаленные уголки СССР. Стройку Беломорско-Балтийского канала, чьи берега были устланы костями тысяч политических и уголовных заключенных, Ягода и первые руководители управления ГУЛАГ в НКВД (Коган, Берман, Фирин, Плинер и т. д.) считали своим главным достижением в эти годы, за Беломорканал они были обласканы вниманием Сталина и награждены массой орденов. Ягода регулярно слал по провинциальным управлениям ГПУ приказы о направлении все новых «каналоармейцев» (была в ГПУ придумана такая формулировка для этих толп бесправных зэков-рабов) на строительство канала. Только глава ГПУ по Украинской ССР Всеволод Балицкий направил с Украины десятки тысяч заключенных для пополнения этой подневольной трудовой армии.

И руководству НКВД тогда же пришла в голову идея пиара своей Беломорканальской кампании, когда на «писательском пароходе» массу деятелей советской литературы провезли здесь же, чтобы они затем запечатлели величие этого проекта. Именно здесь Максим Горький под впечатлением увиденного выкрикнул на банкете в адрес присутствовавшей здесь верхушки

НКВД: «Да вы сами не знаете, черти, что вы сделали!» Тогда и долгие годы затем этот крик Горького считался выражением восторга пролетарского писателя масштабом выполненной задачи. Хотя сейчас все больше начинает казаться, что Горький вложил в этот крик души свой подсознательный ужас от происходящего, а сравнение с чертями не экзальтация писателя, а прямой намек на чертовщину. Эта мистическая чертовщина вскоре погубит и самого Горького.

Хотя далеко не всех работников пера уже тогда удавалось заставить славить гигантские стройки за счет рабского труда заключенных и тяжелую работу ГПУ. Кто-то по личному приглашению Ягоды плыл на таком «творческом пароходе» по каналу и сочинял пафосные вирши, отворачиваясь от грязно-кровавой действительности, а кто-то, как крестьянский поэт Николай Клюев, написал другие стихи о «Беломорском смерти-канале» и пошел за это под арест чекистов. Уже высланному из Москвы опальному для власти поэту Клюеву его стихи о «смерть-канале» обходятся очередным арестом и высылкой по решению НКВД в 1935 году в сибирский Томск, где его с первыми залпами Большого террора 1937 года вновь арестовывают и расстреливают. Впрочем, тогда же расстреливают и многих еще славящих Беломорканал литераторов, хотя главный пролетарский писатель Горький до этого рокового года не доживет. Его странная смерть обросла слухами и версиями, напрямую касающимися чекистского ведомства и фигуры Ягоды, так что ее нельзя здесь хотя бы коротко не затронуть.

СТРАННЫЕ СМЕРТИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

У Горького были свои сложные отношения с советской госбезопасностью, как и со всей партией, несмотря на весь его культ в советской литературе. Ведь в 1921 году у Горького по итогам Гражданской резни, разрухи и колеса «красного террора» с Лениным и его властью были серьезные разногласия. Горький в тот год громко спорил с Лениным и верхушкой партии, был недоволен огромными полномочиями ведомства Дзержинского (в этом ведомстве, кстати говоря, служил одно время сын

Горького Максим), пытался заступиться за расстрелянного Гумилева и добиться выезда за границу для лечения тяжелообольного Блока. А в итоге и самому Горькому Владимир Ильич порекомендовал отъехать в любимую Италию подлечиться. Это не было изгнанием из СССР или вынужденной эмиграцией, Горький числился в советских «загранкомандированных» и получал из Москвы деньги. Это уже к концу 20-х Горький опять примирился с партией, близко сошелся со Сталиным, даже позволял себе писать Иосифу Виссарионовичу довольно фамильярно: «Крепко жму вашу лапу!» Даже одобрил погром русского крестьянства, в застывшем в веках укладе которого сам Горький давно видел зло для России, винил само дремучее крестьянство в ужасах нашей Гражданской войны. Он стал все чаще приезжать в Советский Союз и в конце концов остался здесь навсегда.

Речь не о том, что после окончательного возвращения Горького из-за границы в 1933 году он оказался под негласной опекой органов государственной безопасности, а Ягода на правах личного старого друга писателя (этой близостью к Горькому нарком госбезопасности всегда бравировал) регулярно гостил у него на даче. Судя по воспоминаниям очевидцев и по множеству писем между Горьким и Ягодой, дружба главного пролетарского писателя и главного советского чекиста была вполне искренней. Ягода на даче Горького вел душевные разговоры на литературные темы, лежа у костра, а Горький часто умилялся: «А говорили, что в ЧК все монстры!» Хотя однажды приведенные Ягодой на рецензию графоманские стихи сотрудников НКВД жестко раскритиковал и дать свое добро на печать их отдельной книгой наотрез отказался, предложив каждому заниматься своим делом. Правда, Горький оценил литературные потуги одного из приближенных к Ягоде сотрудников ГПУ Семена Фирина, ранее сотрудника ИНО ГПУ и оперативного отдела, а к тому времени заместителя начальника управления ГУЛАГ в НКВД и главу самого «Беломорстроя». Горький даже письменно просил Ягоду отпустить чекиста-писателя Фирина на профессиональную литературскую стезю в возглавленный им Союз писателей СССР, корил Ягоду: «В бухгалтеры же чекистов отправляете, а в писатели жалко?» Но Фирин так и остался в рядах НКВД, вплоть до его ареста вместе с командой

Ягоды в 1937 году и скорого расстрела. Вот такие теплые отношения связывали в середине 30-х годов главу советских писателей и наркома НКВД СССР. Тот мог и покритиковать писателя за недостаточно, по его мнению, сильное литературное произведение: такой сеанс критики на даче у Горького сильно захмелевший от водки Ягода устроил стушевавшемуся Леониду Леонову.

Хотя все это было, с 1933 года Горький фактически стал для ГПУ невыездным, когда Сталин мягко, но настойчиво порекомендовал писателю лечить больные легкие вместо привычной Италии в советском Крыму — это был приказ «органам» больше Горького из СССР не выпускать. В последнюю поездку в 1936 году в Крым Горький, обложенный там гласными и негласными сотрудниками НКВД, оказался почти изолированным, только из-за болезни дочери ему удалось тогда вырваться в Москву навстречу скорой болезни и смерти. И дело даже не в том, что в годы больших репрессий в смерти Горького, якобы тайно изведенного ядами, обвинили очередную группу «врагов народа», — это была тогда привычная практика и касалась кроме Горького и других высокопоставленных покойников. Дело в устойчивой версии, что Алексей Максимович Пешков, вошедший в нашу литературу под псевдонимом Максим Горький, действительно был отравлен, но не врагами советской власти, а самой советской спецслужбой, а его заклятый друг Ягода был в курсе этой тайной ликвидации по поручению самого Сталина. И в отличие от многочисленных версий таких тайных отравлений, захвативших даже фигуру Дзержинского, в смерти Горького действительно много подозрительных моментов, укрепляющих сторонников этой версии о тайной ликвидации в их правоте.

Во-первых, это заметное охлаждение между Сталиным и Горьким после съезда Союза писателей в 1935 году из-за разных взглядов на литературные процессы в стране и заступничества Горького за некоторых опальных писателей типа Бориса Пильняка. Сталин мог вполне и опасаться, что поддерживавший поначалу коллективизацию и репрессии чекистов против «вредителей» Горький может в ужасе отшатнуться, когда начнется настоящий Большой террор, к тому же он был не чужд «пра-

вым» в партии и лично дружил с Бухариным. Открыто расправиться со сделанным литературной иконой в Советском Союзе Горьким было тогда никак невозможно. А огромный авторитет Горького в стране и его связи с литераторами за рубежом могли стать для Сталина проблемой — это уже мотив, совсем не вольнодумные стихи Пушкина или Лермонтова, которые явно не могли вызвать приказа царя жандармам убить молодых поэтов под видом дуэли. Кроме того, вокруг Горького к моменту его смерти в июле 1936 года было подозрительно много и кадровых сотрудников НКВД, включая бывшего здесь даже в день смерти Ягоду, и тайных агентов этой службы. Перед трагической развязкой на даче в Горках, где Алексей Максимович провел последние дни своей жизни, внезапно сменили весь персонал, якобы заболевший тяжелой формой ангины. Предполагают, что вирус был из спецлаборатории НКВД, а умереть от его распыления должен был сразу и Горький, но выжил благодаря природной закалке, и пришлось добить уже прямой инъекцией яда. А накануне смерти Горького заменили и медсестру, дававшую ему лекарства, и в момент смерти у его постели была только последняя любовница Мария Будберг; не имея никакого медицинского образования, именно она дала Горькому какое-то последнее лекарство в его жизни.

Мария Будберг давно была агентом НКВД, еще в заграничный этап жизни Горького освещавшей его для кураторов с Лубянки, сейчас это твердо установлено документами. Эту загадочную роковую женщину Марию Закревскую-Бенкендорф-Будберг называли «красной Мата Хари», еще в 1918 году она была любовницей английского разведчика в России Локкарта, арестована вместе с ним и завербована в ВЧК лично Яковом Петерсом. Не так давно бывший разведчик КГБ и писатель Леонид Колосов нашел в лубянских архивах подтверждение осведомительской работы Марии Будберг на ГПУ в отношении Горького, и Колосов тоже был уверен в участии Будберг в тайном отравлении писателя. С обострением болезни Горького она срочно прибыла в СССР из Европы, хотя с писателем ранее почти порвала отношения и жила со знаменитым английским писателем-фантастом Гербертом Уэллсом, как подозревают, прибыла она в Москву вызванная срочным приказом спецслужб.

А в последний день жизни Горького на дачу Мария Будберг прибыла в сопровождении лично Ягоды и двух сотрудников его ведомства в штатском. После же выдачи «последнего лекарства» (некоей таблетки, которую Горький якобы несколько раз пытался выплюнуть) и смерти Алексея Максимовича она дачу спешно покинула опять же в сопровождении тех же двух сотрудников службы Ягоды. А затем сюда же к одру умиравшего Горького прибудет и сам Сталин и будет шипеть из-за чего-то на Ягоду, даже заявит горьковским секретарям, что Ягоде здесь делать нечего. Все эти обрывки мозаики дают вполне приемлемую версию умышленного отравления Горького НКВД руками своего агента, гораздо более убедительную, чем обычно в случаях «странных смертей».

Хотя однозначного вывода о ликвидации Горького НКВД с участием бывшей его любимой женщины так никто и не сделал, возможна и естественная смерть, с легкими у него давно были серьезные проблемы. Приходилось сталкиваться и с оригинальной версией в любовно-шекспировском стиле о том, что Мария Будберг отравила своего знаменитого любовника из личных побуждений, без принуждения ее к этому НКВД и Ягодой. О такой версии в своей книге «Горький» упоминал известный горьковед Павел Басинский, но эта версия уж очень экзотична и практически не проверяема теперь никакими фактами.

Хотя нельзя не отметить, что мотив для такой ликвидации Горького у власти и ее спецслужбы не столь уж полноценный. Мелкие литературные споры и заступничество за нескольких опальных коллег из писателей такой фигуре, как Алексей Максимович, вполне могли бы простить. Был другом Бухарина с Ягодой — но мало ли других их друзей в 1937 году по сигналу власти от них отвернулись и предали. Все же ни к какому явному диссидентству в отношении к Сталину Горький до самой своей смерти не склонился. На посту главы советских писателей продолжал четко проводить большевистскую линию, в газетах пел осанну Беломорканалу, а в своей публицистике все так же славил советскую власть. Спецслужбам же и Ягоде, честно говоря, вообще трудно представить, чем Горький мог быть опасен. Своей поздней публицистикой писатель даже сделал НКВД посмертный подарок в виде суровой фразы: «Если враг

не сдается, его уничтожают!» Эту горьковскую цитату чекисты уже после его смерти сделают своим паролем, страшным саундтреком к боине 1937—1939 годов. Очень легко предположить, что и бойню 1937 года Горький мог бы с тем же энтузиазмом поддержать своим пером и словом, найдя и ей множество объяснений для Сталина.

В отличие от смерти Горького не слишком убедительны попытки доказать организацию ГПУ в 1930 году убийства Владимира Маяковского под видом самоубийства. Равно как не столь убедительна и параллельная версия об умышленном доведении поэта до выстрела в себя чекистской операцией, включая пассажи о специально для этого присланном в подарок с Лубянки пистолете. Как, например, ничем документально не подтверждена версия об убийстве под видом самоубийства сталинского наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе, к которому якобы прямо перед роковым выстрелом заходил в комнату неопознанный курьер с Лубянки.

В отличие от самого «пролетарского писателя» Горького самый «пролетарский поэт» той эпохи Маяковский ни в какие принципиальные споры с советской властью вступить не успел, да и по своей значимости влиянием, подобным влиянию на вождей страны Горького, не обладал. Никакого мотива для власти или ГПУ здесь не просматривается, а инсценировать самоубийство после убийства не в пример труднее, чем действительно больного человека подтолкнуть к краю нужным «лекарством» из рук женщины, которой тот полностью доверяет. Тем более что Маяковский застрелился в состоянии давно тянувшейся у него глубокой депрессии на почве литературных споров и личных переживаний, застрелился сразу после ухода от него в результате очередной ссоры его любовницы актрисы Вероники Полонской. Да и бывшей любовнице Лиле Брик поэт несколько раз угрожал самоубийством накануне, по ее словам, даже пытался стреляться, но тот самый подаренный от ГПУ пистолет дал осечку.

Так что смерть Владимира Маяковского всеми серьезными исследователями этой проблемы считается самоубийством вследствие действительно тяжелой депрессии поэта на почве личных проблем с женщинами и известного разочарования в

своей прошлой партийно-литературной деятельности. Иногда к этому добавляют, что Маяковский в этой депрессии пересмотрел свои прежние романтические взгляды на революцию и советскую власть, увидел уход ранней своей мечты совсем в другую сторону в годы правления Сталина и что даже он мог этим самоубийством откреститься посмертно от тех, кто его поэзию позже буквально «приравняет к штыку» и его броскими строчками начнет оправдывать Большой террор. Как написал об этом предположении поэт Александр Городницкий, поэт-горлан мог этим выстрелом уйти от будущих обвинений: «Последний гражданский свой выполнив долг, злодеяний иных не содеяв — ты привел приговор в исполнение до, а не задним числом, как Фадеев». Такую версию часто выдвигают симпатизирующие Маяковскому литературоведы, пытаясь очистить приставший к нему образ партийного поэта и послушного сталинского агитатора. Хотя, честно говоря, версия его именно творческой и бытовой депрессии, усугубленной непростыми отношениями поэта с его женщинами, выглядит наиболее вероятной в качестве мотива самоубийства.

Маяковский действительно тогда начал тяготиться статусом официозного певца индустриализации, травлей советских критиков его последних произведений, а считавший себя главным специалистом по литераторам в ГПУ Яков Агранов был в последние годы так же часто около поэта, как его прямой начальник Ягода возле Горького. В версии о подаренном поэту чекистами пистолете обычно Агранова именуют этим таинственным дарителем. Хотя есть версия и о том, что этот злополучный пистолет Маяковскому вручил на праздновании десятилетия создания ВЧК в 1927 году другой его хороший товарищ в рядах ГПУ Валерий Горожанин, которому поэт посвятил свое стихотворение во славу ЧК «Солдаты Дзержинского». Расстрелянный, как и Агранов, в эпоху больших репрессий 1937 года Горожанин тоже был ветераном еще дзержинского призыва в ВЧК, куда перешел из рядов боевиков левых эсеров. Эсером в прошлом был и Агранов, и выпивавший до своего ареста с Маяковским чекист Блюмкин, похоже, что Маяковского тянуло именно к той первой плеяде чекистов Гражданской войны с левацким настроением, какой был присущ тогда и самому пролетарскому поэту.

К трупы застрелившегося Маяковского одними из первых подъехали именно высокопоставленные чекисты Агранов и Гендин, как считают сторонники версии об убийстве поэта госбезопасностью — чтобы на месте замести следы. Хотя и непонятно, какие же следы в этом случае заматались, Агранов был очень высокопоставленной фигурой в ГПУ к 1930 году, а никак не рядовым ликвидатором и заметателем следов. Агранов тогда вообще большую часть времени проводил в окружении писателей и поэтов, многие из них называли его Янечкой и считали милым человеком. Михаил Зощенко прилюдно благодарил чекиста-литературоведа за заступничество и помощь. Странно, что советские мастера слова были так расположены к чекисту, отправившему лично на заклание поэта Гумилева и профессора Таганцева в 1921 году, презрев данную им письменно клятву в обмен на признательные показания по их делу никого не расстреливать, но это тоже приметы советской эпохи.

Вся эта суета различных чекистов вокруг депрессирующего Маяковского в последний период его жизни, непонятные отношения с тоже имевшими отношение к ГПУ супругами Брик, различные слухи о подаренном или даже присланном с намеком пистолете с Лубянки — все это для сторонников предположения о ликвидации поэта руками умельцев из ГПУ служит подпорками в основание их достаточно размытой версии. Вот, например, эту версию отстаивает К. Кедров:

«Поэтам лучше держаться подальше от власти и политики. Власть не перехитришь, в игре с дьяволом всегда побеждает дьявол. Пуля Дантеса оборвала жизнь Пушкина в 37 лет. Чья пуля прервала в 37 лет жизнь Маяковского, пока неизвестно. Ясно лишь, что руководил операцией опытный агент ЧК Агранов. Такими же специалистами по тайным терактам были Волович, Горб и особенно странная фигура — Лев Эльберт, участник похищения и убийства генерала Кутепова. Бриков неожиданно услали за границу, Маяковского так же неожиданно не пустили, и в квартире в Гендриковом переулке стал «маячить» Эльберт. Маяковский, конечно, знал, что его обложили со всех сторон. Чего стоит мрачная шутка за утренняя чаем, когда поэт предлагает послать за границу Маяковского с зада-

нием физически устранить какого-то политического деятеля. Шутка с довольно мрачным подтекстом. Здесь и намек на то, что Маяковского не пустили с Бриками в зарубежную поездку, и недвусмысленное напоминание, что поэт знает о его основной профессии — похищения и террор... Маяковского хоронил чекист Агранов. Если нет прямых доказательств о причастности Лубянки к гибели поэта, то нет ни малейшего сомнения в активной деятельности Агранова по заметанию каких-то следов во время похорон. К удивлению родных и близких, похороны поручили возглавить не писателю, не поэту или, хотя бы для приличия, какому-нибудь партийному боссу, а малоизвестному широкой общественности чекисту... К удивлению Маяковского, в самый разгар травли вокруг него ему передают от Лубянки огнестрельное оружие. Удивленный поэт отправляет оружие обратно, но ему мягко и настойчиво возвращают оружие с мотивировкой, что так положено. Однако Маяковский не агент ЧК и не член коммунистической партии, ему оружие не положено»¹.

Хотя никаких иных улик против ГПУ в деле о смерти Маяковского нет, то и не стоит спецслужбу умышленно притягивать к любой наделавшей шуму смерти. Чекисты в эти годы и безо всяких тайных ухищрений загонят умирать в лагерь Мандельштама, после долгой травли убьют в тюрьме крестьянского поэта Клюева, расстреляют Пильняка, да и еще уничтожат десятки заметных деятелей советской литературы — обвинений в доказанных злодеяниях против нашей культуры и без спекуляций на смерти Маяковского предостаточно. Уж если сам обласканный внешне советской властью автор «Тихого Дона» и будущий нобелевский лауреат Михаил Шолохов в конце 30-х годов ходил под дамокловым мечом возможного ареста и репрессий со стороны НКВД после заступничества за кого-то из земляков, что же говорить о менее защищенных деятелях искусства и литературы. Хотя тайные акции ГПУ—НКВД тех лет до сих пор будоражат умы исследователей, и особенно много копий в этой эпохе сломано вокруг убийства Кирова в 1934 году.

¹ *Сто великих загадок русской истории*. М., 2007. С. 312—314.

УБИЙСТВО КИРОВА

Эта еще одна смерть в середине 30-х годов вызывает до сих пор много споров и предположений, а также очень важна в истории взаимоотношений советской власти и ее спецслужб в эту эпоху — громкое убийство главы большевистской партии в Ленинграде Сергея Мироновича Кирова в 1934 году.

Сам факт, что Кирова застрелил выстрелом в затылок из револьвера в коридоре Смольного 1 декабря 1934 года террорист-одиночка Леонид Николаев, мелкий совслужащий, сейчас почти не вызывает сомнений, хотя периодически пытаются оспорить и это. Все многочисленные в последние годы экспертизы по следам тех событий, включая даже недавнюю экспертизу оставшейся в музее одежды Кирова в день его убийства, в итоге все же упираются в однозначный вывод — стрелял именно Николаев, к тому же схваченный на месте преступления и свою вину сразу признавший. Сам Николаев на следствии заявлял, что действовал в одиночку и из политических соображений, назвал себя даже последователем народовольцев. Позднее появилась и любовная версия, по которой Николаев убил Кирова из ревности к своей жене Мильде Драуле, работавшей в секретариате Смольного и обратившей на себя внимание партийного хозяина Ленинграда. Сегодня эта версия считается самой вероятной.

В НКВД же тогда раздули дело об антисоветской организации в Ленинграде, исполнителем воли которой стал Николаев. В итоге были арестованы и расстреляны многие ленинградцы, включая самого Николаева и его жену. Сталин, как известно, высказал тогда большое неудовольствие работой управления НКВД по Ленинграду, отдав под суд его главу и представителя старой чекистской гвардии Филиппа Медведя, большевика с 1907 года, личного друга Дзержинского и члена коллегии ВЧК еще с 1919 года. Начальник ленинградских чекистов был осужден к тюремному заключению поначалу за халатность, но с началом больших репрессий по новому процессу в 1937 году расстрелян уже как участник крупного антисоветского заговора и соучастник убийства Кирова.

Поскольку советской власти и НКВД с самого начала была неудобна правда о том, что в Кирова выстрелил член партии

большевиков с большим стажем и сам в прошлом партийный работник Николаев, в 1934 году даже умышленно по Советскому Союзу органами госбезопасности распространялся слух, что убийца был белогвардейцем и специально прислан монархистами из-за границы. Хотя сам Николаев — типовой продукт советского общества тех лет из самых рабочих низов. Это явно загнанный неудачами и озлобленный на власть правдолюбец, заиклившийся на собственной неудачной судьбе и засилье бюрократов в партийном аппарате, до убийства Кирова забрасывавший письмами на эту тему все возможные инстанции, вплоть до секретариата самого Сталина. Он и себя на допросах регулярно сравнивает с народовольцем Желябовым, а свой выстрел в Кирова объясняет мстью бюрократам за страдания свои и народа. Тем не менее из Николаева сделали участника тайной группы оппозиционеров, присоединив к нему на следствии, кроме родственников, еще с десятков известных в Ленинграде оппозиционеров из «зиновьевцев» и «троцкистов», которых тоже по этому делу расстреляли, хотя многие из них отрицали даже факт знакомства с Николаевым.

То, что именно убийство Кирова было использовано вскоре властью Сталина и НКВД как главный предлог для начала Большого террора, не вызывает сомнений. Именно поэтому возникла устойчивая версия в истории: само убийство также устроено спецслужбой, руками которой Сталин одновременно убирал сильного конкурента и развязывал себе руки поводом к большой чистке в стране. Впервые официальную версию в этом смысле высказала сама верховная власть Советского Союза устами разоблачавшего сталинские злодеяния Никиты Хрущева в конце 50-х годов. Тогда это дело было прямо названо тайной операцией НКВД и провокацией, на свет были извлечены многие подозрительные подробности этого убийства в Смольном. Это и слишком поверхностное следствие (а Николаева расстреляли уже 29 декабря 1934 года, меньше чем через месяц после теракта), и разночтения в показаниях убийцы Николаева, и добытые Николаевым патроны к его револьверу в спортобществе «Динамо», курируемом НКВД. И арест Николаева еще в октябре 1934 года у дома Кирова с револьвером, когда его почему-то быстро выпустили из ленинградского НКВД, поскольку он со-

шел за одного из множества ходатаев, только пришедшего просить с оружием в кармане. А также действительно очень подозрительная гибель личного охранника Кирова и сотрудника НКВД Борисова, якобы выпавшего из грузовика по дороге на допрос уже на следующую ночь после гибели охраняемой им персоны. Борисова, похоже, действительно ликвидировали с какой-то целью спецслужбы, разбить себе насмерть голову при падении из кузова на скорости 30 километров в час крайне сложно, врачи тогда подозревали удар ломом в затылок. Тогда власть Хрущева откровенно заклеимила на этих основаниях собственные спецслужбы 30-х годов, но и это некоторым показалось конъюнктурным ходом для лишнего удара по развенчанному Сталину.

При этом хрущевской пропагандой была запущена версия о том, что Киров был демократичным лидером партии, любимцем рядовых коммунистов, верным ленинцем, в отличие от Сталина, за что и был убит как угроза власти тирана над партией — эта версия мало чем подтверждена в истории. Волны интереса к этому делу и все новых версий, включая уже довольно фантастические, периодически и сегодня накатывают на страницы прессы и экраны телевидения.

На деле же похоже, что убивать для получения предлога к запланированным большим репрессиям именно Кирова резонов у Сталина не было никаких. Киров, напротив, был его главным помощником тогда в борьбе с остатками внутрипартийной оппозиции. Когда перед партийным съездом в 1934 году группа «старых большевиков» тайно встретила с Кировым на квартире Орджоникидзе и вентилировала с ним вопрос замены именно Кировым Сталина на посту генерального секретаря партии, Киров не просто категорически отказался, но и затем известил об этой интриге Сталина, что уже после его смерти будет стоять в репрессии жизни главным инициаторам такого плана: Пятницкому, Шеболаеву, Эйхе и другим «старым большевикам».

На мой взгляд, даже если специально организованного органами госбезопасности по сталинской воле убийства Кирова и не было (или это уже невозможно доказать), то сам бесспорный факт использования этого теракта для оправдания скорого Большого террора уже клеймит сталинские спецслужбы

ничуть не хуже. И создание вскоре очередной антисоветской организации, расстрел за компанию с Николаевым притянутых сюда невиновных людей, а позднее и обвинения очередных «деятелей троцкистско-зиновьевской своры» в том же — ничуть не меньшее преступление для НКВД, чем стала бы умышленная ликвидация Кирова им с теми же последствиями.

А вот в том факте, что выстрел в Смольном стал прологом к большим процессам репрессий 1937—1939 годов, практически никто не сомневается, и это главный момент в истории с убийством Кирова и причастностью к нему спецслужбы Советского Союза. Этот выстрел в Смольном стал для будущей большой стрельбы по «врагам народа» по всей стране тем же сигналом, как залп «Авроры» в свое время для Октябрьской революции. И то, что между убийством Кирова и началом Большого террора прошло еще несколько лет, обусловлено только последней и тщательной подготовкой к началу этой страшной кампании, включая подготовку к ней карательной машины НКВД. В недавно прошедшем по российскому телевидению документальном фильме об убийстве Кирова его автор журналист Николай Сванидзе, также не нашедший следа сталинских спецслужб в самом убийстве, но расценивающий его как пролог к будущим репрессиям, высказал и такой довод: Сталин убийством Кирова и шумом вокруг него был здорово напуган и, лишь отойдя от этого страха к 1936 году, дал старт Большому террору, поскольку, по Сванидзе, «к этому времени выяснилось, что советская власть, кроме репрессий, ничего не умеет».

Это тоже вполне резонное объяснение маленького затишья от выстрела одиночки Николаева до начала жуткой канонады. Ведь прибывший на следующий после смерти Кирова день в Ленинград Сталин действительно выглядел перепуганным. Его даже в Смольном, в этом сердце революции и средоточии большевистской власти во второй столице страны, со всех сторон окружала охрана из сотрудников НКВД под личным началом наркома Ягоды, Паукера (начальника сталинской личной охраны) и главы ленинградских чекистов Медведя. Этот истеричный настрой Сталина стал поводом для легенды о том, что Иосиф Виссарионович в гневе прямо на вокзале при выходе из поезда ударил Медведя по лицу. Эта легенда ничем не под-

тверждена, да и к 1934 году еще не та была атмосфера в стране и в партии, Сталин еще только в качестве шутки говорил: «Сейчас в морду дам», но колотить кулаками ветеранов первой ВЧК типа Медведя он еще не рискнул бы.

Но истерика действительно была. Генрих Ягода своим поведением в привычном угодничающем стиле даже перепугал актив ленинградских большевиков, войдя в зал заседания впереди Сталина с обнаженным револьвером в вытянутой руке. Эта картина свидетельствует о том, что страх в большевистской верхушке после убийства одного из самых знатных ее представителей, как и страх верхушки НКВД перед оргвыводами из-за этого убийства, доходил до уровня паранойи. Сталин набрасывался на свой НКВД с упреками: «Проворонили! Прошляпили!» Недаром для расследования убийства Кирова им в Ленинград кроме следственной бригады НКВД под началом Агранова отправлен и глава партийного контроля в ЦК Николай Ежов, курировать его от партии и лично как порученец Сталина. Ягода был тогда такой подстраховкой Сталина недоволен, видел в ней недоверие его службе госбезопасности, словно предвидя свой закат и замену этим самым куратором Ежовым на Лубянке. Хотя и эта картина работает против версии о том, что именно Сталин был инициатором тайной ликвидации Кирова, а чекисты — исполнителями этого плана. Как и то, что первое определение Сталина в адрес чекистов при известии о гибели Кирова было «Шляпы!», то есть в НКВД прошляпили террористов. А уже затем явилась спасительная мысль, что прошляпили не одиночку-террориста, а гнездо заговорщиков из «зиновьевцев», которых в Ленинграде даже после изгнания отсюда самого Зиновьева оставалось достаточно. А потом вторая мысль: не прошляпили, а умышленно пропустили те же засевающие и в НКВД тайные сторонники оппозиции. И тогда все закрутилось всерьез. Вместе с Медведем от должности отстранили тогда и его заместителя Ивана Запорожца, бывшего боевика-эсера, перешедшего после революции к большевикам и сделавшего быструю карьеру в ЧК, хотя в момент убийства Кирова Запорожец вообще находился в отпуске в одном из санаториев Сочи — лечил сломанную на спортивных скачках при падении с коня ногу. В 1937 году Медведя, Запорожца и многих их сотрудников из «Большого дома»,

как называли в Ленинграде отстроенное в 1932 году помпезное здание местного ГПУ на Литейном проспекте, по новому процессу расстреляли.

Те, кто считает, что именно Медведь и его люди по заказу власти организовали убийство Кирова (или пытались организовать лишь покушение, а исполнитель Николаев в истерике Кирова действительно убил — есть и такая версия), уверены, что с ликвидацией этой медведевской команды ленинградских чекистов все нити к Сталину в этом деле оборваны навсегда. Хотя история терроризма знает массу похожих на Николаева типов, действовавших абсолютно под влиянием только своих личных и не всегда адекватных устремлений, как безумный Марк Чапмен, которого застрелить певца Джона Леннона призвали «зеленые человечки в голове». Да всего за год до нашего выстрела в Смольном в США в 1933 году безработный из итальянских иммигрантов Джузеппе Зангара пытался застрелить только что избранного президента Рузвельта. А когда был схвачен, на следствии заявлял, что «лично против Рузвельта он ничего не имеет, но готов стрелять без устали во всех богатых людей».

Хотя тот же мировой опыт доказывает, что собратьев Николаева или Зангары часто вслепую используют в своих комбинациях и спецслужбы. Еще за несколько лет до убийства Кирова в Италии анархист-одиночка Лючетти совершил покушение на дуче Муссолини, бросив неудачно бомбу в его машину на улице Рима. Как полагают многие, на покушение Лючетти тайно подтолкнула сама фашистская тайная полиция ОВРА через своего тайного агента, давшего террористу деньги на подготовку и оружие. После этого покушения в 1926 году Муссолини начал погром любого инакомыслия его режиму, запретив своим декретом все оппозиционные партии и газеты, чего могли и добиться своей оперативной игрой спецслужбы. В этих версиях много параллелей по линии Николаев—Лючетти и НКВД—ОВРА. В любом случае убийство Кирова становится предвестником скорого Большого террора.

Глава 7

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АКЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

В истории действий советских спецслужб за рубежом 30-е годы имеют некоторые особенности, даже в сравнении с легендарными 20-ми годами небывалого взлета разведки СССР. Активность советской разведки в предвоенном мире в 30-х годах только увеличивалась, работа по сбору разведывательной информации в иностранных государствах по-прежнему тесно переплеталась в один клубок с ударами по своей эмиграции, связями с иностранными террористами, помощью «братскому подполью» за границей, операциями по линии Коминтерна и силовыми акциями ликвидационно-карательного типа. Главным же отличием от времен 20-х годов следует считать увеличение количества специальных операций за рубежом, их возросшие размах и дерзость, компенсировавшие тонкие и по-своему интеллигентные многоходовые комбинации «Треста» или «Синдиката» в 20-х годах.

ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ ЭМИГРАЦИИ

В 30-х годах среди разнородной эмиграции основным противником советских спецслужб оставался белогвардейский РОВС, после смерти Врангеля и Кутепова не сбавлявший оборотов антисоветской деятельности, а с середины 30-х годов все более тесно сотрудничавший со спецслужбами гитлеровской Германии. Период 1930—1937 годов, когда во главе РОВС стоял генерал Евгений Миллер, бывший главком белой армии на севере России, — это последний период яростной борьбы ГПУ—НКВД против РОВС. И нужно признать, серией удачных анти-

ровсовских операций и внедрения в РОВС чекистской агентуры эта борьба закончилась не в пользу самой массовой и боевой структуры русской эмиграции. После похищения чекистами в 1937 году генерала Миллера при последних руководителях (Абрамове, Архангельском, фон Лампе, Харжевском) РОВС зачах и потерял свое влияние в эмиграции и в глазах западных спецслужб, к началу Второй мировой войны он был своей бледной тенью и даже на Лубянке к РОВС был почти утрачен интерес.

Еще до ключевой операции против Миллера РОВС был изрядно на шпигован тайной агентурой ГПУ, пробравшейся в самые верха организации. Скоблин был еще с конца 20-х годов вместе с его супругой певицей Плевицкой самыми высокопоставленными осведомителями ГПУ в верхушке РОВС, они были на короткой ноге со всеми первыми лицами этого союза. Ликвидируя при попытке похитить генерала Кутепова, чекисты надеялись со временем даже продвинуть Скоблина на должность главы РОВС и уже через своего тайного агента под псевдонимом Фермер контролировать полностью весь РОВС.

Кроме Скоблина с Плевицкой в верхушке РОВС работали, как теперь точно установлено, еще несколько ценных агентов ГПУ. В частности, сын генерала Абрамова, заместителя Миллера в РОВС. Николая Абрамова-младшего завербовали еще в СССР и выпустили к отцу в эмиграцию уже в качестве чекистского агента, лишь годы спустя его разоблачила контрразведка РОВС (внутренняя линия). В эмиграции ГПУ завербована и дочь бывшего министра Временного правительства Гучкова, когда-то принимавшего знаменитое отречение Николая II от российского престола. Вера Гучкова-Трейл даже была вывезена в СССР, прошла специальные разведывательные курсы НКВД, вновь работала на Западе на советскую разведку, умерла в глубокой старости в Лондоне. Как завербован чекистами и бывший министр экономики Временного правительства Третьяков, в РОВС тоже заведовавший финансовой частью. С его помощью ГПУ сумело похитить почти всю казну РОВС и установить прослушивающие устройства в парижской штаб-квартире РОВС на бульваре Коллизе — записи разговоров руководителей РОВС Третьяков, проживавший этажом выше Главного штаба РОВС и записывавший разговоры в нем на пленку прямо в собственной комнате, пере-

давал чекистам. Кроме того, Третьяков прослушивал и штаб-квартиру «Торгово-промышленного союза» российских промышленников-эмигрантов, в руководство «Торгпрома» он также входил и сам же снял для его офиса парижскую квартиру, заранее начинив ее чекистской аппаратурой прослушивания.

Третьяков в своей работе на НКВД разоблачен только занявшими Париж с началом войны немцами. А при обыске гестапо обнаружило у Третьякова дома записывающие устройства, позволявшие прямо из квартиры записывать разговоры в Главном штабе РОВС этажом ниже в том же доме на бульваре Коллизе. В 1944 году бывший министр Временного правительства, министр иностранных дел в правительстве Колчака, родной внук основателя знаменитой Третьяковской галереи в Москве и тайный агент НКВД в эмиграции Сергей Третьяков казнен немцами в концлагере.

В тех же 30-х годах Югославия была потрясена скандалом, когда в рядах местного отделения РОВС была выявлена целая сеть советской разведки под началом сотрудника спецслужб СССР Леонида Линицкого. Этот человек служил в военной разведке Красной армии (Разведупре) и был внедрен к белым еще в Гражданскую войну, вместе с ними эвакуировавшись в 1920 году из Крыма и продолжив свою тайную работу среди белой эмиграции в Белграде.

За более чем десять лет успешной работы Линицкий завербовал более десятка членов РОВС и просто подданных югославского короля Александра, создав для Разведупра и ГПУ хорошую разведывательную базу, стравливая разные фракции эмиграции, похищая для Лубянки тайные документы местных отделений РОВС и НТС. В ходе попытки добыть документы из белградской квартиры председателя НТС Байдалакова Линицкий и его люди наняли профессионального взломщика, оказавшегося агентом югославской тайной полиции, на этом погорели и были арестованы. Югославские власти были потрясены масштабом шпионской сети, которую в их стране и среди белых эмигрантов сумел за эти годы создать Линицкий со своими помощниками. Дело Линицкого лично взял при расследовании под контроль начальник югославской Тайной полиции Иованович.

Но даже суд в Белграде над группой советских агентов Линицкий по заданию Москвы использовал для компрометации РОВС, оглашая на суде факты тайных акций белой эмиграции втайне от белградской власти и предавая гласности грязную эмигрантских лидеров. При этом Линицкий фактически оболгал ряд по-настоящему непримиримых к Советскому Союзу русских эмигрантов, называя их тоже советскими агентами и членами своей сети, так он выполнял задание советской разведки по дальнейшему разжиганию вражды между разными фракциями эмиграции, натравливая белых «стариков» из РОВС на молодежь из НТС. В этих целях он даже истинного бойца РОВС ротмистра Комаровского назвал настоящим руководителем своей сети и главным агентом НКВД в Белграде, заставив затем бедного белогвардейца годами отмываться перед соратниками от вылитой на него Линицким на суде грязи. Об этом маневре «доблестного разведчика» Линицкого его коллеги по службе на Лубянке и сейчас пишут с восторгом. После тюремного заключения НКВД вывез Линицкого в СССР отдельным самолетом, а в Югославию советский разведчик Линицкий затем вернется только в 1943 году в качестве связного советских спецслужб с партизанским штабом Тито.

Кульминацией работы против РОВС в 30-х годах стала очередная дерзкая операция в Париже по похищению первого лица этой организации Евгения Миллера. Решение об этом было принято после того, как в НКВД узнали об активизации связей РОВС с разведкой Германии. Тогда многие белоэмигранты в усилившейся при Гитлере Германии увидели своего главного союзника в борьбе против Советов и последнюю надежду на свое победное возвращение в Россию в случае скорой войны.

Хотя деятельность РОВС после гибели его харизматичного лидера Кутепова и пошла на убыль, при Миллере эта организация все равно оставалась самой массовой и антисоветской в эмиграции, продолжая периодически попытки забросить новые группы террористов в СССР. Для этого в 1934 году Миллер воссоздал боевую организацию террористов при РОВС, поставив во главе ее генерала Драгомирова и уже вернувшегося после такой вылазки в Советский Союз капитана Ларионова. Он же усилил службу безопасности внутри РОВС, назначив

на пост ее начальника последнего руководителя Охранного отделения Российской империи в 1917 году Глобачева. Параллельно этой легальной контрразведке РОВС Глобачева и боевой организации Ларионова внутри РОВС с ведома Миллера действовала засекреченная от многих «Внутренняя линия» под началом генерала Шатилова. В ее задачи помимо разработки акций террора входили борьба с агентурой ГПУ среди эмиграции, проверка лояльности членов РОВС и даже негласная засылка агентов в другие центры российской эмиграции.

Заброски боевых групп по линии РОВС в 30-х годах продолжались. Так, в 1931 году на территории СССР обезврежена такая группа белого офицера Потехина, в 1934 году та же участь постигла диверсионную группу Дмитриева. А прослушивающий штаб-квартиру РОВС тайный агент НКВД Третьяков опять сообщал, что Миллер передал деньги английской разведки представителю РОВС в Румынии Жолондковскому для активизации террористических забросок в СССР, так что к 1937 году против Миллера было решено провести силовую акцию, подобную акции против его предшественника Кутепова семью годами ранее. Правда, к 1937 году боевая деятельность в РОВС уже выдыхалась. Видя бесперспективность таких разовых забросок и гибель смельчаков из таких групп РОВС без практического вреда для советской власти, к этому году в помощи Миллеру отказали даже самые верные среди западных спецслужб финские разведчики, как ни требовал от них поддержки новых забросок представитель РОВС в Хельсинки генерал Добровольский. Создать же сильную подпольную сеть внутри самого СССР при советских реалиях 1937 года и тотальном контроле НКВД руководство РОВС было просто не в состоянии. Сам Миллер вынужден был признать необходимость в таких условиях сократить масштабы боевой работы и диверсионных забросок, чем все чаще стали заниматься молодые конкуренты ровсовцев из союза НТС. Понимал он и невозможность в сталинском СССР выстроить действительно устойчивую подпольную сеть агентуры РОВС. Уже под арестом в Москве генерала Миллера чекисты все время спрашивали об этой деятельности, в частности как РОВС использовал движение «Смены вех» для внедрения под видом возвращающихся в СССР эмигрантов своих активных членов

для «залегания» на советской территории, на что Миллер недоуменно отвечал: «Такой вопрос даже не поднимался нами, мы же отлично знали, как чекисты следят за каждым таким возвращенцем».

Упадок боевой работы вел к нападкам на Миллера и других ветеранов в руководстве РОВС со стороны более молодого поколения радикалов в РОВС, со стороны экстремистской «Внутренней линии» Шатилова и Закржевского, со стороны прогермански настроенной фракции генерала Туркула в РОВС. В результате Миллер еще в 1934 году собирался в отставку с поста главы РОВС, собираясь передать власть более молодому и энергичному генералу Шатилову, но затем передумал. В 1935 году его отставки потребовал ряд руководителей РОВС (так называемый «Заговор маршалов РОВС») во главе с Туркулом и Фоком, и среди пославших Миллеру эту «черную метку» лидеров РОВС одним из первых был агент НКВД Скоблин. Чекисты вообще поощряли эту внутрифракционную грызню внутри РОВС, как и между РОВС и другими эмигрантскими объединениями, особенно набиравшими силу молодыми НТС Байдалакова и «Штабс-капитанами» Солоневича. Позднее, уже в 1936 году, недовольный пассивностью Миллера лидер радикального крыла РОВС генерал Туркул увел из организации своих сторонников, основав на платформе продолжения террористической борьбы кутеповскими методами свой союз РНСУВ, открыто, в отличие от РОВС, ориентируясь на союз с гитлеровской Германией и Японией. Хотя в эмиграции появлялась еще одна радикальная антисоветская группа, создание РНСУВ руководство НКВД все равно радовало фактом ослабления РОВС и новым расколом в эмиграции.

Эту атмосферу очень хорошо передал в своих изданных в США мемуарах «Незримая паутина» (ОГПУ—НКВД против белой эмиграции) Борис Прянишников — бывший белый офицер, член РОВС и руководитель НТС, всю свою долгую жизнь посвятивший поиску агентов ГПУ—НКВД—МГБ—КГБ в среде эмигрантов. Хотя книга во многом посвящена этим дразгам внутри РОВС и других эмигрантских союзов. И к концу ее чтения очень трудно ориентироваться в многоуровневой паутине взаимных подозрений и обвинений среди эмигрантов, во всей

этой гзызне «стариков из РОВС», «молодых из НТС», «Внутренней линии», «Штабс-капитанов» Солоневича, эсеров Бурцева, «туркуловцев», «шатиловцев», «возрожденцев» и так далее до бесконечности.

Сама операция по похищению и вывозу в СССР Миллера сейчас описана во всех деталях: первый человек в белой эмиграции был прямо с парижской улицы доставлен тайно в подвалы Лубянки, где позднее встретил свою смерть. Скоблин заманил его в ловушку, позвав на встречу якобы с германскими разведчиками для обсуждения стратегии сотрудничества. В итоге Миллер приведен Скоблиным на специально снятую конспиративную квартиру советской разведки, где был схвачен и усыплен хлороформом. В отличие от Кутепова Миллера чекисты благополучно довели, заколов в деревянный ящик, до Гавра, где тайно загрузили на советский корабль «Мария Ульянова» и доставили в Ленинград, затем тайно этапировав в Москву на Лубянку. После чего старый генерал и вождь Белого дела был помещен в камеру внутренней тюрьмы НКВД под фамилией Иванов, где позднее после долгих допросов был тайно казнен, как ранее Рейли, Савинков и другие жертвы подобных тайных операций чекистов.

Поначалу Миллера более года активно допрашивали во внутренней тюрьме на Лубянке, давали ему писать родным в Париж письма для выявления его настроений (сами письма никуда так с Лубянки и не ушли, оставшись в деле секретного узника под номером 110, мифического Иванова), в декабре 1937 года в камеру этой советской «Железной маски» для допроса даже лично явился нарком НКВД Николай Ежов. Судя по неотправленным письмам Миллера и его заявлениям на имя Ежова, в долгом заключении на Лубянке белый генерал не сломался и ни в чем особенно каяться не стал. В письме Ежову он подчеркивает уже летом 1938 года незаконность его похищения в Париже, где он проживал по французским документам и с «нансеновским» паспортом политического беженца, очнувшись от действия хлороформа только в море на советском корабле. Миллер не просит в этих заявлениях милости к себе лично, требует только известить о его судьбе оставленную в Париже жену — родную внучку Натальи Гончаровой, вдовы Пушкина. Когда взамен низвергну-

того Ежова на Лубянке утвердился Лаврентий Берия, он решил, что допрашивать старого генерала из РОВС больше не о чем, и дал команду его ликвидировать. Как следует из оставшегося в архивах НКВД рапорта, секретный узник Лубянской тюрьмы Иванов расстрелян ночью 11 мая 1939 года сотрудником НКВД Блохиным и начальником внутренней тюрьмы НКВД Мироновым, а труп его сразу же сожгли в печи крематория. К этому рапорту в следственном деле Миллера приложен даже текст приговора к смертной казни за подписью председателя военного суда СССР Ульриха, правда, тоже на имя Петра Васильевича Иванова, что начисто лишает это тайное убийство даже видимости судебной акции.

В Париже эту операцию возглавлял тогда главный специалист ИНО НКВД по тайным операциям Шпигельгласс, известный среди чекистов под кличкой Дуглас. Шпигельгласс лично сыграл роль «германского разведчика Штрмана», на встречу с которым Скоблин привел генерала Миллера, и именно обладавший недюжинной силой Шпигельгласс лично втолкнул Миллера в ворота арендованной советскими разведчиками виллы на бульваре Монмаранси, где того отключили хлороформом. В документах НКВД остался и список главных участников похищения генерала Миллера, у чекистов проходившего как «Дело Старика»: Шпигельгласс, Орлов (он же Фельдбин, резидент НКВД в Испании), Глинский (резидент ИНО НКВД во Франции), Гражуль, Косенко. За похищение Миллера Шпигельгласс и другие участники операции получили очередные ордена и звания, хотя вскоре тот же Шпигельгласс был повторно «отблагодарен» родной спецслужбой расстрельным приговором, получив пулю от своих еще раньше вытащенного им из Парижа Миллера. Так внутренние репрессии в самом НКВД сплетались с акциями советской разведки в очередной кровавый узел.

Эта же история в итоге дорого обошлась и Скоблину с Плевицкой, прервав их карьеру чекистских агентов внутри РОВС. Очевидно, что-то уже подозревавший после исчезновения Кутепова в отношении Скоблина генерал Миллер перед уходом на встречу с «германскими разведчиками» оставил в штабе РОВС своему секретарю Кусонскому записку, извещая товарищей, что отправился на это randevu по приглашению Скоблина. Текст

этой записки ровсовцы сохранили, там четко написано: «У меня сегодня в 12 часов 30 минут свидание с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе, он должен отвести меня на встречу с германским офицером». Но Кусонский вскрыл конверт с запиской лишь после очень долгого отсутствия Миллера. С этой уликой в руках помощники Миллера в РОВС Кусонский и Кедров после очередного загадочного исчезновения лидера организации устроили Скоблину допрос и предложили отправиться с ними для разбирательства в полицию, но тот сумел во время этой беседы выскочить из дома и скрыться. Его супруга, Надежда Плевицкая, бежать не успела и по указке РОВС за соучастие в похищении Миллера арестована французской полицией, осуждена французским судом к длительному тюремному заключению и умерла в тюрьме города Ренн в 1940 году уже под властью оккупировавших Францию немцев.

Французские спецслужбы так и не смогли тогда сложить точную картину похищения, утвердив в итоге версию о вывозе Миллера кораблем «Мария Ульянова» из порта Гавр и потребовав покинуть Францию советского дипломата Кислова (под этим именем в посольстве работал чекист Косенко). Хотя в эмиграции РОВС выдвигал и другие версии, в главных подозреваемых оставляя тот же НКВД. Внутри РОВС с 1937 года даже работала своя следственная комиссия по делу о похищении Миллера под началом известного белого генерала Эрдели, по совместительству с работой в РОВС подрабатывавшего на жизнь парижским таксистом. По некоторым сведениям, перед смертью в тюрьме Ренна Плевицкая рассказала детали похищения своему адвокату, отвергнув версию с кораблем и назвав местом временного содержания Миллера до вывоза в СССР некую виллу в районе Сен-Клу, арендованную разведчиками НКВД. Но оккупация Франции немцами не позволила проверить этот след.

Немцы, кстати, под влиянием некоторых лидеров РОВС в 1940 году провели новое расследование, пытаясь выявить других советских агентов в РОВС, причастных к гибели Миллера. Они арестовали несколько эмигрантов, но, кроме того, что при допросах насмерть забили бывшего миллеровского секретаря в РОВС Кусонского (его некоторые соратники обвинили, что

умышленно поздно показал им записку Миллера, а затем помог бежать Скоблину из штаба РОВС), ничего нового не удалось выяснить и германским спецслужбам. Именно руководство РОВС под началом нового его председателя генерала Архангельского настаивало на том, что НКВД свил в руководстве РОВС целое гнездо своих агентов и что в похищении Миллера чекистам помогала целая группа ровсовцев. Итогом этих подозрений и стали в 1941 году аресты гестапо по этому делу генералов Шатилова и Кусонского, а также полковника Киреева. Но Киреев с Шатиловым скоро выпущены немцами за невиновность их в этом деле и восстановлены в руководстве РОВС. Так что единственным вновь обвиненным тогда стал бывший при Миллере главой секретариата РОВС Кусонский, признавший свою вербовку НКВД, помощь в выкрадывании своего начальника Миллера и пособничество в побеге Скоблина из штаба РОВС на бульваре Колизе. Хотя с учетом примененных к нему гестапо методов допросов, от которых немолодой уже генерал Кусонский так и скончался во время этих следственных действий, его вынужденные признания для историков не так уж ценны и полного света на эту запутанную историю не проливают.

Сам Скоблин бесследно исчез при помощи НКВД из Франции. После его бегства выявился истинный масштаб проникновения советских спецслужб в руководство РОВС, стало ясным участие Скоблина в ликвидации Кутепова в 1930 году. А также вскрылись попытки помимо вывоза Миллера организовать для НКВД похищения известного в РОВС сторонника боевых методов генерала Туркула и бывшего главкома Добровольческой белой армии генерала Деникина. Антона Ивановича Деникина только его отказ сесть в автомобиль Скоблина, собиравшегося подвезти его после встречи белых лидеров на празднике Корниловского полка во Франции, спас от участи Миллера и Кутепова — Деникина так же ждала засада чекистов, и ему предстоял тайный путь в трюме теплохода с конечной остановкой в лубянском подвале. На суде в Париже по делу Плевицкой на вопрос судьи, почему же Деникин отказался сесть в автомобиль Скоблина, Антон Иванович ответил просто: «Потому что с 1935 года подозревал его в большевизанстве». Генерал Туркул в свое время также отверг предложение Скоблина по-

ехать инспектировать «окна» для заброски боевиков РОВС на самой границе Финляндии с СССР у Ладожского озера — он мог повторить путь Сиднея Рейли, быть просто насильно затасканным на советскую территорию.

Скоблин, скорее всего, укрывался после своего побега из офиса РОВС в советском посольстве в Париже или на одной из парижских явок ИНО НКВД. Подозревают, что и в квартире агента НКВД в РОВС Третьякова в том же самом доме на бульваре Колизе. А затем тайно переправлен НКВД в Испанию, где тогда бушевала Гражданская война. По официальной версии советских спецслужб, на испанской земле Скоблин погиб год спустя при бомбежке Барселоны. Возможно, это и так, хотя кое-кто по-прежнему подозревает НКВД в тайной ликвидации своего провалившегося агента по кличке Фермер. Осталась двусмысленная телеграмма начальника ИНО НКВД Слуцкого в Париж главе «Особой группы» Серебрянскому и резиденту в Испании Орлову о том, что «Хозяин просит, чтобы все прошло чисто, а жена была уверена, что «Тринадцатый» жив и находится дома». Речь, видимо, как раз о Скоблине и Плевицкой. Сохранилось и послание скрывающегося тогда Скоблина в ноябре 1937 года руководству НКВД с его дифирамбами Сталину и напоминанием о заслугах перед чекистской разведкой, особенно в деле работы внутри РОВС и организации похищения Миллера. В этом письме неизвестному адресату (очевидно, все же наркому Ежову) Скоблин в своих верноподданнических чувствах по отношению к Советскому Союзу временами едва ли не превосходит передовицы «Правды»: он передает поздравления с 20-летием Октябрьской революции, пишет о переполняющей его сердце по этому поводу гордости, называет с пафосом Советский Союз своей единственной родиной и даже заверяет, как вдохновило его выступление советского полярного летчика Водопьянова о том, что «товарищ Сталин своих людей не бросает». Если это послание Скоблина в чекистских архивах не подделка для каких-то оперативных игр, он, очевидно, пытался в нем вымолить себе жизнь. Хотя есть разные версии того, где все это Скоблин мог написать: в укрытии в Испании, на тайной явке чекистов в Париже или уже будучи тайно вывезен в СССР. Если писал все это Скоблин уже в Советском

Союзе, то нет сомнений — здесь его тайно ликвидировали, на этом его предсмертном послании в углу рукой кого-то из чекистов начертано: «Письмо Скоблина — в архив к делу «Старика» (то есть к делу Миллера).

Такие методы вербовки своей агентуры среди российских эмигрантов в 20—30-х годах были обычным делом в практике советской разведки. Причем независимо от того, использовали их услуги против эмигрантских движений или в работе против иностранных государств их пребывания. Многих завербованных из числа российских эмигрантов в Китае и Маньчжурии использовали в разведывательных операциях против Японии и ее союзника — государства Маньчжоу-Го. Так, в знаменитой оперативной игре против японской разведки «Маки» (изначально в ГПУ ее называли «Макаки», но затем от шовинистического названия ради духа пролетарского интернационализма отказались) в 1930—1938 годах завербованных чекистами казаков-эмигрантов сделали главным каналом дезинформации.

Операция «Маки», как и «Трест» ранее в Европе, была одновременно направлена против японской разведки «Токуму-Кикан» и прояпонского движения казаков в эмиграции, группировавшегося вокруг знаменитого с Гражданской войны забайкальского атамана Семенова в Маньчжурии и других провинциях Китая. Здесь в роли Плевицкой выступила русская казачка из эмигрантов Чурикова, на чужбине скатившаяся с песен по кабакам до ремесла профессиональной проститутки. Именно Чурикову завербовал разведчик ГПУ Израилевский (известный как агент Летов), и через нее советская разведка несколько лет кормила семеновских казаков и японскую разведку отборной дезинформацией. Как и в истории с «Трестом» в Европе, советской стороной выдуман человек-призрак, фиктивный полковник Красной армии Горелов, якобы предавший советскую власть и через Чурикову поставлявший «ценные сведения» о состоянии армии Советского Союза и ее готовности к войне с Японией. Несколько лет ГПУ—НКВД таким образом снабжали дезинформацией и русских эмигрантов, и получавшего напрямую от Чуриковой эту «бесценную» информацию резидента японской разведки в Северном Китае Казумава, пока не выяснилось, что никакого полковника Горелова не су-

ществует, вся информация подброшена чекистами, а несчастная Чурикова завербована теми же шантажом и посулами возвращения в Россию.

В отсутствие в Китае тогда по-настоящему сильного единого правительства, в котле борьбы здесь различных разведок и фракций самих китайцев, в методах советская разведка была еще менее ограничена, чем в Европе. Так, в Маньчжурии с 1931 года особая группа разведчика советского ГПУ Шилова (он же Кук), состоявшая кроме собственно советских диверсантов и из союзных китайцев, маньчжуров, монголов, фактически превратилась в партизанский отряд, ведущий боевые действия в тылу противника и проводящий диверсии против японцев и недружественных СССР местных китайских царьков. Именно группой Шилова здесь выкраден по просьбе дружественной разведки Монголии ее перебежчик Мерсэ, чекисты тайно похитили его в Маньчжурии, вывезли в Советский Союз, где этот монгольский разведчик и бывший деятель Коминтерна был расстрелян за измену делу социализма. Только в 1933 году группу Шилова смогли разгромить японцы, при этом ими захвачены и казнены советские чекисты Курков и Ястребов. Сам Шилов сумел бежать в Советский Союз, где позднее в репрессии Большого террора тоже казнен, только уже своими.

Самая активная диаспора белой и казачьей эмиграции тогда концентрировалась в Харбине, который после вторжения японской армии в 1931 году в Маньчжурию оказался фактически под властью Японии в ее протекторате Маньчжоу-Го. Самыми активными и наиболее тесно связанными с японской разведкой здесь были Азиатский филиал РОВС под началом генерала Шильникова, Азиатское отделение «Братства русской правды» под командованием Косьмина, казачий центр атамана Семенова. Позднее к ним присоединились движения подростковой эмигрантской молодежи: НТС и «Российский союз фашистов». И все эти структуры при активной поддержке японской разведки «Токуму-Кикан» и японской тайной полиции «Кэм-пэй-Таи» вели диверсионную деятельность, забрасывая через границу в СССР свои боевые группы для террора.

После 1927 года назначенный Танакой новым военным министром «ястреб» Араки и его новый шеф военной развед-

ки «Токуму-Кикан» Мацуи приказали оказывать белым центрам в Харбине всяческую помощь, а с оккупации Маньчжурии японцами в 1931 году эти связи стали еще крепче. И все же говорить о белых эмигрантах организаций Шильникова, Косьмина, Родзаевского или атамана Семенова только как о найми-тах милитаристской Японии в духе клише советской пропаганды было бы явной натяжкой — здесь речь идет о естественном союзе. В конце концов, Япония с поддержкой боевых центров русской эмиграции не делала ничего более преступного, чем те же спецслужбы СССР, открыто все 30-е годы помогавшие корейским и китайским партизанам или городским террористам в тылу у Японии. Уходящие через границу в СССР китайские и корейские бойцы Сопротивления здесь также отдыхали, лечились от ран и обучались диверсионным навыкам инструкторами ГПУ и Разведупра (если их при проверке не зачисляли в неблагонадежные и не бросали в советский лагерь), а затем вновь отправлялись в тыл к японцам. Именно так на территории СССР укрывался лидер корейских партизан и будущий глава коммунистической КНДР Ким Ир Сен, отсюда же в Маньчжурию после двухлетней подготовки в Советском Союзе заброшен вождь китайских партизан Чжао Шанчжи.

Самой известной тайной операцией против белой эмиграции в Харбине стала операция ГПУ «Мечтатели», почти полностью слеппенная Лубянкой по шаблонам бывшего «Треста» в Европе, но с восточной спецификой и гораздо менее известная в истории советских спецслужб. За основу взяли все тот же опыт уже проваленного в 1927 году «Треста», решив обкатать его вторую версию на маньчжурских просторах. Операцией в Иркутске специально руководили присланные из Москвы чекисты Борисов и Гудзь. А главное руководство осуществлял начальник ГПУ по Восточной Сибири Ян Зирнис — ветеран ВЧК времен Гражданской войны и активный участник операции «Трест» в 20-х годах, именно он организовывал преследование в смоленских лесах группы Опперпута и сам лично его ликвидировал в перестрелке. На Востоке во многих деталях повторили модель «Треста», также различными методами заставив сотрудничать с ГПУ многих бывших офицеров, священников и интеллигентов, также изображая активное антисоветское под-

полье в Иркутске и Чите. На роли руководителей очередной мифической структуры были назначены бывший белый генерал Лопшаков (друг главы дальневосточного филиала РОВС генерала Шильникова), брат главы дальневосточного «Братства русской правды» полковника Кобылкина и ставший активным большевиком бывший священник Серебряков. И так же подставленные ГПУ «проводники» приводили в СССР для знакомства с подпольем и выпускали обратно рядовых связников РОВС и «Братства русской правды», стараясь заманить в Союз главарей белой эмиграции.

Операция «Мечтатели», как и «Трест», длилась несколько лет, с 1932 по 1935 год. Ее прекратили по приказу из Москвы только тогда, когда вся легенда уже оказалась на грани раскрытия, а в Союз «Мечтатели» смогли заманить самого полковника Кобылкина. Тот к 1934 году сменил на посту главы Азиатского отдела РОВС умершего Шильникова. Поверив письмам брата и заверениям вернувшихся из СССР в Харбин курьеров, Кобылкин отправил в Иркутск своего представителя Переладова, а получив от него обнадеживающее письмо, тайно отправился в Союз сам. Здесь Кобылкин и Переладов были арестованы в Иркутске ГПУ на фиктивной конспиративной квартире. В завершение операции «Мечтатели» удалось разгромить еще и боевую группу «Братства русской правды» во главе с Олейниковым, шедшую вслед за Кобылкиным для проведения диверсий на территории СССР. Сам Олейников в засаде на границе попал в руки ГПУ живым, двое членов его группы убиты в бою, в суматохе ранен чекистами и ведший группу в СССР их агент-provokator, чье настоящее имя чекистские летописи до сих пор предпочитают не называть.

Итогом операции «Мечтатели» стал широко освещаемый советскими газетами «Иркутский процесс» 1935 года, на котором заманенные провокационной игрой чекистов на советскую территорию Кобылкин, Переладов и Олейников были осуждены к смертной казни и расстреляны.

При этом к усилению активной работы против эмигрантских центров вели и не выдуманные, а настоящие попытки террора внутри Советского Союза, которые эмигрантские группы в Восточной Азии в 30-х годах предпринимали при

поддержке японских спецслужб — военной разведки «Токуму-Кикан» и тайной полиции «Кэмпэй-Таи». Японский историк Ёсиаки в своей книге «Японские покушения на Сталина» дал развернутую картину этой известной операции «Медведь» японской разведки в союзе с белоэмигрантским движением, которая в те годы в Советском Союзе не оглашалась, но привела к еще большему давлению НКВД на эмигрантские центры в Китае и Маньчжурии. В операции «Медведь», которую разработал 5-й спецотдел японской разведки «Токуму-Кикан» под началом полковника Кавамото, предполагалось забросить в Советский Союз две параллельные группы белых офицеров, одна из которых должна была организовать покушение на Сталина во время отдыха в Мацесте, а в случае неудачи вторая группа должна была повторить попытку покушения уже в Москве — вся схема очень похожа на тоже несостоявшееся покушение советской разведки руками финских соратников на маршала Маннергейма. Японцы тщательно проработали операцию, разработали даже планы отхода своих террористов, выдали им специальные отравленные ядом патроны, выбрали среди офицерской эмиграции самые подготовленные кадры (офицеры Сурков, Лебеденко, Малхак, Смирнов и др.), а консультировал японцев во всей операции «Медведь» высокопоставленный перебежчик из НКВД Генрих Люшков. В 1939 году обе группы русских террористов были переправлены японцами в союзную Турцию, где резидент японской разведки в этой стране Арикура лично проводил обе группы к специально организованным «окнам» на границе. Но сразу после перехода на советскую территорию обе группы были уничтожены, не добравшись ни до Мацесты, ни до Москвы, план операции «Медведь» провалился, как считает большинство специалистов, из-за раннего предупреждения НКВД чекистской агентурой в русской эмиграции в Маньчжурии.

Подробно расследовавший по японским источникам историю с этими двумя покушениями историк Ёсиаки даже полагал, что сумел вычислить этого чекистского «крота» в среде белоэмиграции в Харбине: по его мнению, это был служивший в МИДе Маньчжоу-Го белый эмигрант Борис Бжеманский (Безыменский), участвовавший от белоэмигрантов в подготовке

операции «Медведь». Наши закрытые архивы госбезопасности пока не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение японского историка. Покушение на Сталина тогда так и не состоялось, в СССР эту историю до последнего так и не афишировали, но операции против прояпонской эмиграции на Дальнем Востоке усилили. Так активно и дерзко, как в Харбине против казачьих лидеров, «братьев русской правды» и «русских фашистов», НКВД в конце 30-х не действовал даже в облюбованной им для подобных акций Франции. В Маньчжурii активисты эмиграции гибли или внезапно пропадали довольно часто.

При этом опыт силовых акций в Китае с организацией партизанских отрядов и городских бунтов к концу 30-х годов НКВД начал переносить и в мирную еще Европу, часто перебрасывая для этого получившие специфический опыт в Восточной Азии кадры. Так, бывший резидент военной разведки РККА в Китае Салнынь затем использовал привычную боевую тактику и в Европе, будучи куратором в Болгарии коммунистических террористов группы Янкова, а затем и на испанской войне, где также работал с республиканскими диверсантами. Христофор Салнынь по чекистской кличке Гришка в Разведупре 20—30-х годов возглавлял всю диверсионную работу, как в ГПУ Серебрянский и Шпигельгласс. Уцелев после стольких фронтов диверсионной войны, разведчик Салнынь закончил жизнь в Москве в расстрельном подвале НКВД в 1939 году.

Кроме той эмиграции, что принято именовать белогвардейской, советская разведка плотно занималась и национальными движениями представителей народов СССР в эмиграции. Особенно большого внимания удостоены были остатки басмаческих движений народов Средней Азии, базировавшиеся большей частью на территории Турции и Афганистана, а также разросшаяся в Европе ОУН (Организация украинских националистов).

Вышедшая из Украинской военной организации (УВО), созданной еще в 20-х годах украинскими офицерами бывшей армии Австро-Венгрии Ярым и Коновальцем, ОУН к 30-м годам представляла собой уже мощную террористическую организацию с мощным подпольем в украинских землях Советского

Союза и Польши. Созданная официально в 1929 году при слиянии УВО, Украинской легии и Союза украинской молодежи, ОУН под председательством Коновальца признавала любые методы борьбы за свободу Украины от СССР, вплоть до террора. При этом правое крыло в руководстве ОУН, представляемое Коновальцем и Мельником, уже с 1933 года активно сотрудничало с нацистским режимом Гитлера в Германии, получая от немцев поддержку для своих террористических акций против СССР и Польши. Значительную материальную помощь ОУН оказал и американский бизнесмен украинского происхождения Федык, на чьей дочери был женат председатель ОУН Коновалец. И хотя главное острие террора ОУН было направлено в 30-х годах на Польшу, включавшую тогда в свой состав большую часть Украины, участвовавшие теракты против советских дипломатов заставили НКВД обратить на ОУН особое внимание, что в итоге и привело к знаменитой ликвидации разведкой НКВД председателя ОУН Евгена Коновальца в мае 1938 года на территории Голландии.

Решение об очередной силовой акции против главного лидера украинских сепаратистов в эмиграции было принято не вдруг, а после серии особенно дерзких акций ОУН под началом Коновальца против Советского Союза. Сначала в 1935 году по его личному приказу боевик ОУН Лемик застрелил в принадлежащем тогда Польше Львове советского консула Майлова. Лемик тогда скрылся, только в годы Второй мировой войны он арестован уже немцами за теракты ОУН против их власти на Украине и в Полтаве расстрелян. А годом позднее по приказу Коновальца основанная при нем в структуре ОУН специальная служба безопасности (СБ ОУН) в стиле хорошей спецслужбы смогла внедрить своего тайного агента в ряды запрещенной в Польше украинской компартии, работавшей на Коминтерн. По коварному плану Коновальца и руководившего этой акцией опытного террориста ОУН Поливачака их тайный агент в рядах украинских коммунистов должен был попасть в делегацию на съезд Коминтерна в Москве и совершить покушение на Сталина и Димитрова. Этот план в итоге сорвался, но стал известен в советском НКВД, и это послужило основанием вынесения негласного приговора Коновальцу, поскольку никакого

официального приговора этому человеку, не являвшемуся к тому же никогда советским гражданином, советский суд не выносил. Как всегда, все было решено на уровне НКВД с полученным одобрением в большевистском ЦК.

Сама операция по праву считается одной из самых блестяще задуманных и исполненных в истории довоенной советской разведки, если опять же абстрагироваться от вопросов законности и моральной стороны этой акции, проведенной в чужой стране с риском случайных жертв среди ее граждан, с ликвидацией человека безо всяких правовых оснований. Самой операции предшествовало долгое внедрение в ОУН сотрудника НКВД Павла Судоплатова под видом молодого украинского националиста. Будущий главный ас подобных тайных операций Лубянки, сменивший в этой роли репрессированного своими Шпигельгласса, а также главный мемуарист-описатель спецопераций советской разведки такого рода, сумел войти в доверие лично к Коновальцу и не раз с ним встречался под видом представителя украинского подполья в СССР. При этом Судоплатов исполнял и роль осведомителя внутри ОУН, как и другие завербованные НКВД оуновцы, как, например, Полуведько или Хомяк. ОУН была снабжена чекистской тайной агентурой не хуже прежнего РОВС. И ликвидацию Коновальца 23 мая 1938 года Судоплатов провел лично, вручив ему при очередной встрече в Роттердаме коробку из-под конфет, начиненную вместо сладостей специалистами с Лубянки мощным зарядом и взрывчаткой. Как только Судоплатов покинул кафе, мощный взрыв разорвал многолетнего вождя украинских сепаратистов на части, а его убийца под видом советского моряка отплыл к родным берегам за наградами и новыми назначениями.

Несмотря на прекрасное в техническом плане исполнение ликвидации Коновальца, особых дивидендов советской разведке она не дала. ОУН не стала менее активной в советских районах Украины, продолжая там подрывную деятельность, а с началом войны Германии против СССР бойцы ОУН вступали в занятые украинские города вместе с частями вермахта. Убийство Коновальца «злодеями-чекистами», а в руке Лубянки в его смерти никто не сомневался, сделало его на долгие годы для украинских сепаратистов иконой и символом их сопротивления,

ему и сейчас в независимой Украине ставят памятники. На его место у руля ОУН заступила еще более радикальная молодая смена в лице Мельника, Бандеры, Стецко, Лебеда, еще более антисоветски настроенная и склонная к союзу с гитлеровской Германией. Уже в начале 1941 года разругавшийся со «стариками» Мельника лидер молодых радикалов Бандера провел в Кракове съезд отколовшейся «Революционной фракции» ОУН, и бандеровцы в войне с СССР поддержали Германию, а как раз цель не допустить такого развития событий декларировали в НКВД при решении о ликвидации Коновальца.

Поэтому в практическом плане вся эта хитроумная комбинация по ликвидации Евгена Коновальца стала просто актом возмездия ему лично со стороны НКВД за убийство советского дипломата и дерзкий план омрачить терактом съезд Коминтерна. Если же давать строго юридическую квалификацию этой акции, то речь идет об акте государственного терроризма, об убийстве спецслужбой Советского Союза иностранного гражданина на чужой территории. Недавно по телевидению это дело комментировал сын уже покойного Павла Судоплатова, тоже историк спецслужб и профессор МГУ Анатолий Судоплатов. И он сообщил, что в деле ликвидации Коновальца мы имеем место «не с государственным терроризмом, а с боевой операцией спецслужб по ликвидации террориста». Из этой мудреной конструкции можно сделать вывод, что в таком случае государственного терроризма нет в природе вовсе, одни боевые операции спецслужб против чем-либо мешающих властям этих государств личностей. Анатолий Судоплатов, разумеется, по всем моральным законам свободен от свидетельств против близких родственников и разумно не желает признать родного папу «государственным террористом», но думается, профессор МГУ не может не понимать разумом натяжку в своем определении. Ибо что же тогда вообще государственный терроризм, и, если «государственные террористы» из спецслужб тайно за границей убивают не просто оппозиционера, а пусть и трижды откровенного террориста, юридически акт государственного террора здесь налицо.

Так что в этой воспеваемой ветеранами спецслужб Роттердамской операции есть свои юридические и моральные нюансы, путь о них не найти упоминаний в славословящих по адресу

советской разведки различных «Очерков» ее истории, а также и в достаточно честных мемуарах самого исполнителя акции Судоплатова, но сейчас и из других источников об этом узнать не трудно. Тот самый взрыв разорвал Коновальца на мелкие куски не в кафе «Атланта», он вслед за Судоплатовым кафе покинул и уже шел по людной улице Колсингер в центре города. Причем от взрыва получили ранения и контузии четверо случайных прохожих, при этом «господина Фишера взрывной волной забросило в витрину магазина, а госпожу Фишер припечатало к стене дома».

Нужно признать, что и после изучения мемуаров Павла Судоплатова он явно не кажется самым мрачным типом из сталинских спецслужб, он не был лишен моральных принципов. И перед акцией он поставил перед руководством этот тревожащий его вопрос: а что, если от взрыва в людном городе пострадают обычные голландцы? На что другой разведчик, сейчас иными называемый «пострадавшим от репрессий пламенным чекистом», Сергей Шпигельгласс ответил подчиненному: «Да велика потеря, одним буржуем больше погибнет!» Это к вопросу о границах государственного терроризма и боевых операций спецслужб. Несчастные супруги Фишер должны были стать жертвой операции по отрыву ОУН от гитлеровской власти и акции возмездия Евгению Коновальцу за старые грехи перед неведомой им советской властью в Москве?

ОХОТА ЗА ПЕРЕБЕЖЧИКАМИ

Об этой стороне силовых акций советской разведки за пределами СССР в последние годы написано достаточно много, причем больше внимания уделено самым известным историям с ликвидациями НКВД за рубежом наиболее известных перебежчиков из советских спецслужб калибра Райсса или Кривицкого. Хотя количество перешедших на сторону противника или просто сбежавших от своих хозяев в страхе перед репрессиями сотрудников советских спецслужб в 20—30-х годах было достаточно значительным, а их спектр очень разнообразным, как различными были и окончания таких побегов.

С наступлением в 1922 году мирной жизни предательство сотрудников спецслужб приобрело несколько форм: бегство за пределы СССР, отказ вернуться с разведывательного задания, работа на иностранную разведку. На Западе появились первые такие чекисты-беглецы, рассказавшие много нового о внутреннем мире советских спецслужб: Смирнов, Агабеков, Думбадзе, Якшин, Опперпут, Беспалов и другие. И все они постоянно жили под угрозой расправы своей бывшей спецслужбы с ними. Потому были вынуждены жить под чужими именами, скрываться в самых отдаленных уголках земли, искать защиты на службе у иностранных разведок или эмигрантских центров, предлагая им свои услуги.

Так, бежавший в 1926 году через границу в Иран сотрудник Узбекского ГПУ Бахтияров стал работать с узбекской басмаческой эмиграцией в Тегеране. Ушедший на Запад чекист Якшин-Сумароков работал в эмигрантском РОВС. У эмигрантов нашел приют и Беседовский, бежавший в 1929 году в Париже прямо через ограду советского посольства на улице Грене и написавший в эмиграции книгу «На путях к термидору» о преданной Сталиным и сталинцами революции (Беседовский был троцкистом). Беседовский, бывший эсер, примкнувший к большевикам, кроме обвинений в троцкизме, к моменту побега уже находился в посольстве на подозрении в финансовых махинациях с подотчетными средствами — его готовили к отправке для следствия домой и не выпускали за территорию советского посольства, и во время прогулки Беседовский сиганул прямо через стену внутреннего дворика. За границей он тоже искал приюта у эмигрантов, пытался среди троцкистски настроенных эмигрантов создать даже собственную партию, редактировал в Париже их газету «Борьба». А заодно прославился как известный разоблачитель самых разных тайн советской разведки и дипломатии, часть из которых затем оказалась выдуманными самим Беседовским в расчете на сенсацию фальшивками. Исследовавший судьбы советских перебежчиков-разведчиков английский писатель Брук-Шеппард назвал Беседовского человеком очень умным, но совершенно бесчестным. Бежавший в 1937 году в страхе перед начавшимися репрессиями резидент разведки НКВД в Греции Бармин тоже работал у троцкистов, они помогли ему

затем уехать в труднодоступные для рук НКВД Соединенные Штаты, где Бармин работал в троцкистской партии, написал книгу «Записки дипломата» с разоблачениями действий НКВД, а после 1945 года устроился консультантом в американскую разведку — ЦРУ.

Самый высокопоставленный из таких перебежчиков, начальник НКВД на Дальнем Востоке Генрих Люшков, в 1938 году в предчувствии скорого ареста со всей «командой Ежова» в очередную чистку спецслужб бежал через границу во время инспекционной поездки к пограничникам. Обманув всех сопровождающих, он ушел на границу один якобы на встречу с ценным агентом в районе Посьета и скрылся на той стороне. Люшков долго работал консультантом японской разведки, консультировал ее в планах подготовки покушений на Сталина и в антисоветских операциях на Дальнем Востоке, в конце войны в 1945 году он был ликвидирован самими отступавшими японцами, просто задушен ими в городе Дайрен (Дальний) и выброшен в море с лодки.

В 1929 году во время инспекционной поездки на советско-иранскую границу сбежал напуганный преследованиями в Москве троцкистов бывший секретарь Сталина Бажанов, написавший на Западе книгу о закулисной жизни в Кремле. Бажанов не был сотрудником спецслужб, но с ним через границу бежал и приставленный к нему для охраны и слежки одновременно сотрудник ГПУ Биргер. Так вот бежавший чекист Биргер все годы своей эмиграции затем провел в постоянном страхе ликвидации его ГПУ или попытки тайного похищения с вывозом назад в СССР. В результате развившейся на почве таких страхов депрессии Биргер покончил с собой в Париже, освободив свою бывшую службу от расходов по его розыску за границей. Способ самоубийства Биргер выбрал странный, он бросился вниз с Эйфелевой башни.

Тогда действительно бежавшему чекисту или советскому военному разведчику избежать пули, кинжала, яда или устроенной автокатастрофы могли помочь или профессиональное прикрытие чужой спецслужбы, или полная смена данных с укрытием как можно дальше от советских границ. Поэтому, например, резидент разведки ГПУ в Финляндии Смирнов в 1924 году сра-

зу после бегства предал себя в руки финской разведке, а та позднее с новыми документами отправила Смирнова в далекую Бразилию, где беглый чекист и прожил спокойно остаток своих лет. Военный разведчик РККА Креме, бежавший от своих в Китае, скрывался в португальском тогда Макао и даже инсценировал свою смерть, заматавая следы, после чего с чужими документами уехал в Европу, где и дожил в старости до начала 70-х годов. О том, что такие меры предосторожности для перебежчиков из советских спецслужб были нелишними и охота за ними действительно велась долгие годы и большими силами, а не была плодом развившейся у отдельных предателей мании преследования, свидетельствует печальный опыт многих их соратников. Случаев расправы ГПУ—НКВД со своими бежавшими сотрудниками за пределами Советского Союза в истории очень много. Вот лишь самые громкие из таких дел. В 1926 году бывший сотрудник военной разведки РККА Дзевалтовский, поляк по национальности, перешедший на сторону польской разведки, умер от отравления ядом. В 1933 году в Австрии сотрудниками ГПУ под началом чекиста Кобецкого похищен и затем убит бывший агент советской разведки из числа коминтерновских кадров — австрийский гражданин Штрэм.

В 1937 году в Париже кинжалом убийцы заколот бывший советский разведчик Навашин, завербованный ранее английской МИ-6 и ставший невозвращенцем. Дмитрий Навашин с 20-х годов использовался ГПУ как агент среди белой эмиграции во Франции, пока его не перевербовали английские разведчики. В 1931 году Навашин порвал с Лубянкой и отказался вернуться в Советский Союз, занявшись в Париже частной коммерцией. 25 января 1937 года он гулял со своей собакой в Булонском лесу, когда неизвестный подбежал к нему и нанес удар кинжалом в грудь, от которого Навашин скончался; скрывшегося убийцу не нашли. ГПУ отрещивалось от убийства Навашина, заявляя, что с ним могли расправиться гитлеровские разведчики за его работу на МИ-6. История эта темная, среди эмигрантов было вокруг нее много слухов. Так, Нина Берберова в своей книге «Люди и логи» писала о каких-то связях Навашина с масонскими ложами во Франции, использовавшимися ГПУ, как и о том, что уход Навашина на Запад тоже был игрой и частью операции ГПУ,

так что неизвестно в итоге, кто же именно его убил. Хотя большинство исследователей все равно видят в расправе с Навашиным руку НКВД, особенно с учетом использования убийцей кинжала: в это же время во Франции именно кинжалом группа советского разведчика Короткова убила другого перебежчика из ГПУ Агабекова и известного троцкиста Клемента, а авторство этих акций со стороны НКВД точно установлено.

Вот обычное описание такой операции против бежавшего за рубеж разведчика Разведупра РККА Нестеровича из книги «КГБ: спецоперации советской разведки»: «После побега Нестеровича в ОГПУ поступило донесение, в котором говорилось, что, находясь в Германии, он связался с представителями английской разведки... В результате начальник ИНО ОГПУ отдал приказ о ликвидации Нестеровича. И уже 6 мая 1925 года Нестерович был отравлен в одном из кафе Майнца. Отравили его, подмешав яд в пиво, работники военного аппарата коммунистической партии Германии братья Голке»¹.

В этой операции характерно, что тайную ликвидацию бывшего кадрового чекиста, по каким-то причинам изменившего своей службе, доверили исполнить коминтерновским кадрам из числа членов боевой организации одной из европейских компартий, в данном случае германской. Это была обычная тогда для советских спецслужб практика, и Коминтерн часто использовался Лубянкой для подобных операций. В свою очередь, и изменившие делу социализма сотрудники Коминтерна и иностранных компартий, выполнявшие ранее задания советских спецслужб, точно так же преследовались за пределами Советского Союза, как и изменившие советские граждане, и так же становились жертвами тайных ликвидаций. Как, например, американская коммунистка и агент советской разведки Джульетта Пойнтс, порвавшая с 1936 года со спецслужбами СССР. Она в 1937 году бесследно пропала прямо в США, как предполагают, тайно похищена и убита агентом советской разведки и тоже американским гражданином Минком, который затем был агентом и диверсантом НКВД по кличке Херц на фронте испанской войны, где причастен к похищению и убийству ли-

¹ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: спецоперации советской разведки. М., 2000. С. 347.

дера испанских троцкистов Андреаса Нина. После этого следы Минка теряются, то ли его убили в отместку за Нина троцкисты из группировки ПОУМ, то ли ликвидировал сам НКВД, то ли убийцу на службе Лубянки вывезли в Советский Союз, где позднее расстреляли как шпиона.

Или немецкий коммунист и коминтерновец Георг Земмельман, застреленный в 1931 году по приказу советской разведки наемным убийцей сербом Пикловичем за разрыв с ГПУ. «В 1931 году разразился громкий скандал вокруг некоего Георга Земмельмана. Земмельман работал на ИНО ГПУ с 1921 года. Земмельман обратился в редакцию одной из венских газет с предложением опубликовать серию его статей о советском шпионаже в Германии. Особое место в его разоблачениях должно было занять описание подлинной деятельности Ганса Киппенбергера, отвечавшего в Политбюро КПГ за связь партийного подполья с советской разведкой. Сербский коммунист Андрей Пиклович, выдававший себя за студента-медика, 27 июля 1931 года застрелил Земмельмана в его собственной квартире»¹.

В этом описании очередной тайной ликвидации советскими спецслужбами своего изменившего агента из путеводителя Д.П. Прохорова и О.И. Лемехова по судьбам советских перебежчиков (с очень метким подстрочным названием «Заочно расстреляны») убивший Земмельмана югослав Пиклович назван коммунистом. То есть действовавшим идейно приверженцем Коминтерна, убившим такого же бывшего коминтерновца-немца за измену общему великому делу. Хотя в других исследованиях авторы считают Пикловича обычным наемным убийцей, нанятым ГПУ для исполнения этой ликвидации за деньги и оказывавшим подобного рода услуги советской разведке и в дальнейшем, в частности при охоте на бежавшего в Европе советского разведчика Райсса. По словам некоторых невозвращенцев из рядов советских спецслужб, под легендой серба Пикловича вообще мог скрываться кадровый сотрудник ГПУ и советский гражданин Шульман, действовавший под этим именем в Европе, но подтверждений этому нет. Ганс Кип-

¹ Прохоров Д.П., Лемехов О.И. Перебежчики. М., 2001. С. 32.

пенбергер, отвечавший в подполье немецких коммунистов за связь с ГПУ и партийную разведку, действительно много знал, опасаясь после заявлений покойного Земмельмана его ареста. ГПУ организовало Киппенбергеру побег в СССР, где он работал в аппарате Коминтерна, а затем был расстрелян чекистами в годы репрессий. Застреленный немец — агент и изменник, наемный киллер серб, расстрелянный своими коминтерновцами с массой заслуг перед советской разведкой — обычный антураж одной тайной операции спецслужб СССР из эпохи 30-х годов.

Особенно показательным выглядит факт найма для исполнения ликвидации своего перебежчика профессионального убийцы, не слишком вяжущийся с привычным образом насквозь идеологизированных советских спецслужб. Пиклович еще хотя бы считался коммунистом и сочувствующим Москве, если вообще не был советским разведчиком, хотя, по мнению многих, в истории с Земмельманом был просто нанят за деньги. И это не единичный факт такого использования советскими спецслужбами профессиональных убийц в подобных операциях. Тот же американец Минк, которого подозревают в ликвидации коминтерновки Пойнтс и в последующих убийствах троцкистов в Испании, начинал в Нью-Йорке как самый обычный мафиозный киллер. И в дальнейшем в подобных операциях спецслужб СССР будут попадаться такие типажи профессиональных убийц, совершенно далеких от идей социализма и движения Коминтерна, как голландец Бусс, немец Вольдемутт или анонимный «офицер турецкой армии».

Одним из самых известных киллеров и террористов на службе советской разведке в 20—30-х годах считается Мустафа Голубич, уроженец Боснии из югославов-мусульман. Этот человек еще с семнадцати лет состоял в террористической организации сербских националистов «Черная рука», в 1914 году был соучастником убийства этой организацией эрцгерцога Фердинанда Габсбурга в Сараево, арестован позднее за террор во Франции и судим по Солунскому процессу над «Черной рукой» в 1917 году, по которому лидеров группировки во главе с Аписом расстреляли. С 1921 года Голубич объявил себя коммунистом и был членом тайной боевой организации компартии Югославии, прошел по линии Коминтерна боевую подготовку в Москве и с

1923 года был резидентом ИНО ГПУ в Вене, а затем работал на Разведупр РККА. За полтора года работы на советские спецслужбы, все подробности которой до сих пор неизвестны и окутаны массой легенд, Голубич, в советской разведке имевший кличку Исмет, выполнял такие специфические поручения из Москвы в Греции, Франции, Китае, Германии. Есть свидетельства о причастности Голубича к тайным убийствам, а также к похищениям для получения выкупа, один из таких выкупов якобы передан Голубичем НКВД на организацию убийства Троцкого в Мексике. Об этом загадочном югославе по кличке Исмет, объявленном позднее в титовской СФРЮ народным героем Югославии, говорили и то, что он был одним из инициаторов военного переворота в Белграде в марте 1941 года, когда при содействии советской разведки группа офицеров свергла прогерманское правительство Цветковича. И что Голубич в Китае был советским резидентом под легендой простого рикши, и что он был любовником актрисы Греты Гарбо. Но точно установлено, что этот человек уникальной судьбы был агентом советской разведки и оказывал ей услуги профессионального убийцы и диверсанта. В 1941 году Мустафа Голубич был резидентом советской военной разведки в оккупированном немцами Белграде, попал в облаву гестапо и был казнен.

Но Пиклович, Голубич, Минк и другие при их ремесле профессиональных террористов или наемных убийц хотя бы формально объявили себя коммунистами по убеждению. Также можно еще понять логику советских спецслужб, дававших в СССР приют и укрытие с новыми документами иностранным коммунистам, на их родине разыскивавшимся за откровенный терроризм, хотя это и идет вразрез с современным пониманием устоев международного права. Так, в СССР был укрыт немецкий коммунист Эрих Мильке, будущий многолетний шеф спецслужбы ГДР Штази, убивший в Германии двух офицеров полиции. Или итальянский боевик компартии Бертелли, в Советском Союзе под новым именем взятый на службу в разведку после того, как скрылся из Италии после убийства сотрудника полиции.

Но здесь, повторюсь, нарушая международные законы, которые СССР никогда не торопился соблюдать, на Лубянке ук-

рытие и использование на своей службе разыскиваемых за террор и криминальные деяния людей еще могли объяснить их идеологической близостью первому социалистическому государству. А были случаи в довоенной истории ГПУ—НКВД и использования в своих операциях за деньги или на основе обмена услугами и профессиональных террористов, абсолютно далеких от коммунистического или даже просто левого движения.

Например, в операциях доставки болгарскому левому подполью оружия от ГПУ в 20-х годах был задействован советской разведкой один из лидеров македонской террористической организации ВМРО (Внутренняя македонская революционная организация) Тодор Паница. А ВМРО, несмотря на громкое и «революционное» название, была в чистом виде националистической организацией, одной из самых дерзких тогда в Европе, боровшейся за независимость Македонии и вскоре начавшей тесно сотрудничать на этой почве с разведкой нацистской Германии. Паница не так долго был соратником ГПУ, в 1925 году в результате внутренней борьбы среди верхушки ВМРО он был убит бывшими соратниками в театре Вены за измену делу македонской независимости.

Временами явная идеологическая неразборчивость ГПУ—НКВД и военной разведки СССР в вопросах такого «найма профессионалов» просто поражает, пользовались услугами откровенных террористов, никоим образом к марксизму не причастных. Так, знаменитый в 20-х годах в Германии террорист и грабитель банков Макс Гельц и не скрывал своих анархистских взглядов, к марксизму был явно холоден, скорее приближался к безыдейному Робин Гуду от террора и экспроприаций. Но и его ГПУ использовало в своих тайных операциях в Германии, а после ареста оно обменяло Гельца, доставив его из германской тюрьмы в СССР, где в 1933 году лихой немецкий террорист-разбойник утонул, купаясь в реке в Подмосковье. Его странная смерть в речке породила затем версии о ликвидации его в Советском Союзе ГПУ, хотя и не ясно, зачем же тогда вытаскивали его из германской тюрьмы. Но вот советский перебежчик Вальтер Кривицкий из НКВД твердо был уверен: Гельца ликвидировали за несогласие с советской политикой и

планы вернуться в Германию, когда ГПУ засекло его визит в германское консульство.

Собрат Гельца по анархистскому террору 20-х годов Макс Гольдштейн также не скрывал своих анархистских взглядов, был в розыске целого ряда тайных полиций различных государств за террор. Он в 1918 году прибыл в Россию и присоединился было к большевикам, даже участвовал в их подполье в Одессе и в боях Красной армии, но вскоре вновь отбыл из Советской России из-за разногласий с Советами и остался на позициях террориста-анархиста. Но и с ним в ГПУ нашли общий язык, используя в попытке дестабилизации обстановки в Румынии для организации затем румынского похода Красной армии и экспорта в эту страну революции. В Бухаресте, работая в контакте с советским ГПУ, Гольдштейн взорвал бомбу в сенате Румынии, при этом погибло несколько сенаторов, а также подготовил покушение на главу МВД Румынии Арджетояну. После ареста Гольдштейн отрекался от контактов с советской разведкой и утверждал, что эти теракты он организовал как анархист и глава террористической группы румынских анархистов, хотя румынская тайная полиция Сигуранца и предоставила суду доказательства тесных связей Гольдштейна с ГПУ. В 1922 году на суде по делу «270 террористов» этот боевик от анархии и союзник советского ГПУ был осужден на пожизненную каторгу, где в 1925 году убил себя долгой голодовкой.

Так же легко через компартию Палестины и еврейскую секцию Коминтерна под началом Бергера установили связь с сионистскими террористами на Ближнем Востоке, боровшимися террором за уход англичан и создание независимого государства Израиль, а от идей социализма откровенно далекими. Так, с 20-х годов ГПУ работало в Палестине с еврейским террористом Лукачером по кличке Хозро, одним из приближенных главного еврейского террориста тех лет Израиля Шойхета, создателя террористической организации «Штерн». В середине 20-х годов Лукачер по заданию советской разведки возил оружие для прокоммунистической тайной организации «Гауд Гаавода» («Рабочий батальон»), а в 1926 году вместе с командирами этой группы Мехонаем и Элькиндом даже побывал в Москве, где вел от лица сионистских террористов переговоры

с ГПУ о совместной работе. Правда, при следующем своем вояже в СССР в 1934 году Лукачер арестован НКВД и осужден как террорист и английский шпион, но с началом войны в 1941 году выпущен из лагеря на фронт, под Сталинградом пропал без вести.

Силовые операции против иностранных граждан к этому времени стали обычной практикой разведки Советского Союза, что особенно тогда возмущало мир за пределами СССР. Западные исследователи истории советских спецслужб до сих пор поражаются тому, с какой легкостью на Лубянке решались в довоенную пору на ликвидации или похищения граждан, никаким законным образом с первой в мире страной победившего социализма не связанных. Вот мнение известного на Западе специалиста по истории органов ЧК—КГБ Д. Баррона: «Советский Союз убивал и выкрадывал иностранцев начиная уже с 1926 года. В тот год агент ОГПУ застрелил в Париже украинского лидера Симона Петлюру. Средь бела дня посреди московской улицы был похищен посол Эстонии в Советском Союзе Ало Берк... Больше о нем никогда не слыхали. А 22 мая 1932 года в Гамбурге застрелили бывшего коммунистического курьера Ганса Виссингера. Так же ликвидировались сотрудники советской разведки, навлекшие на себя гнев своих начальников. В 1934 году в Нью-Йорке убит глава ОГПУ в Соединенных Штатах Валентин Маркин»¹.

Хотя это конкретное утверждение Баррона не раз опровергалось отечественными исследователями спецслужб (а самого Баррона многие из них считают предвзятым русофобом за его книги о КГБ) в той части, что в случае с эстонским дипломатом Берком (правильно — Бирком) похищение могло быть инсценировано для прикрытия его же работы на ГПУ, а смерть советского резидента в США Маркина под колесами автомобиля (по другой версии — забитого насмерть в драке в одном из баров Нью-Йорка), найденного мертвым на улице, до сих пор официально считается несчастным случаем, — в целом Баррон все равно прав. Советская разведка в случае необходимости не колеблясь шла на силовые действия против граждан чужих го-

¹ Баррон Д. КГБ: секретная деятельность советских агентов. Лондон, 1974. С. 6.

сударств, как из числа бывших российских подданных-эмигрантов, так и из настоящих иностранцев.

Там, где советская разведка по каким-либо причинам не могла сама дотянуться до изменившего ей иностранца из коминтерновского движения, она не останавливалась ни перед чем, чтобы доставить ему неприятности. Характерный пример: когда на разведку СССР перестал работать ее бывший агент чех Грилевич (он был убежденным троцкистом и после изгнания Троцкого из Союза с Лубянкой порвал по идейным соображениям), его бывшие кураторы не остановились перед тем, что просто сдали его тайной полиции родной Чехословакии как советского агента, а затем еще и затребовали его выдачи. Грилевичу повезло, чехи не выдали его Москве после ареста, а вскоре и вовсе освободили, хотя советская разведка даже подбросила чехам сфальсифицированные документы о шпионаже Грилевича в пользу нацистской Германии. Но сам факт попытки расправы с бывшим своим агентом оглашением его работы на себя же вражеской разведке (а для спецслужб Советского Союза в 20—30-х годах XX века все иностранные разведки были вражескими, включая, разумеется, и чехословацкую) о многом говорит.

Вопрос расправы со своим же разведчиком в случае его ухода за рубежом почти всегда решался методом тайной ликвидации. В 20-х годах случаи такого ухода за кордон сотрудников советских спецслужб были еще единичными. Первая серьезная волна таких побегов пошла к концу 20-х годов (Опперпут, Агабеков, Биргер, Беседовский и др.), и связана она была с вычищением из большевистской партии сторонников Троцкого в СССР. Многие из тогдашних сотрудников ГПУ в 20-х годах не скрывали своей троцкистской ориентации, сохранявшейся у них с бурных лет Гражданской войны. Единицы из таких откровенных троцкистов в ГПУ взбрыкнули тогда, как Блюмкин, и поплатились за это жизнью или решились бежать из СССР, как чекист Агабеков.

Именно с конца 20-х годов работа по розыску и ликвидации за рубежом своих перебежавших сотрудников перестает для разведки ГПУ быть делом исключительным, а налаживается на постоянной основе именно по причине возросшего ко-

личества таких беглецов. Тогда же власть дает своей спецслужбе и законное основание для этой деятельности — постановление Президиума ВЦИК СССР от 21 ноября 1929 года с грозным и длинным названием «Об объявлении вне закона должностных лиц из граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в СССР». Именно на основании этого постановления ВЦИК сотрудники ГПУ имели право за границей похищать или на месте ликвидировать перебежчиков из своих рядов без дополнительного документа или даже заочного приговора по каждому из них в отдельности. В 1934 году с обострением обстановки в СССР советский закон дополняется санкцией госбезопасности на репрессии в отношении сбежавшего за границу сотрудника спецслужб, да и вообще любого советского военнослужащего. С этого времени у сотрудников НКВД и Разведупра берут расписки в том, что они предупреждены: в случае их измены и бегства за рубеж их родственники в СССР могут быть расстреляны, а в отношении их самих автоматом будет разрешена внесудебная расправа НКВД в любой точке мира без дополнительных предупреждений.

Написавший за границей книгу «ЧК за работой» Агабеков среди других тайн советской спецслужбы рассказал и о чистках в ее рядах, пока еще ненасильственными методами, когда с 1923 года из ГПУ начали выдавливать разными методами или прямо изгонять приверженцев троцкистской оппозиции, каких в рядах чекистов тогда было достаточно много, поскольку еще не сильно окрепшая тогда власть в лице генсека Сталина проводила в 1923—1927 годах политику: «Троцкого оставить на его постах, а всех троцкинят безжалостно отовсюду изгонять». Агабеков даже описал партсобрания чекистского актива 1923 года, где он и другие троцкисты из ГПУ временно оказывались в большинстве и были подавлены начальством лишь за счет различных ухищрений: «Долой бюрократов, долой аппаратчиков», — сплошь и рядом кричала ячейка. Пришлось прервать собрание и перенести на следующий день. Ну а на следующий день были приняты меры. Во-первых, срочно по прямому проводу вызвали из Ленинграда Зиновьева, а затем Феликс особо заядлых крикунов частью изолировал, частью

отправил в срочные командировки... Да, жаркая была дискуссия. Почтище 1921 года, — закончил Медведь. — Кстати, ты уже получил приказ ГПУ о расформировании юридического отдела ГПУ в Москве? — спросил Медведь Бельского. — А знаешь, почему расформировали? Нет? Так я тебе скажу, весь отдел целиком оказался разложенным и стоял за оппозицию. Ну, Дзержинский и разогнал их, отправив на окраины. Четырех из них он прислал ко мне в Белоруссию». — «Да, — задумчиво ответил Бельский, — хороших коммунистов на окраины не шлют, а все больше бузотеров или провинившихся. Точно здесь тюрьма какая-то». Такими мерами во время дискуссии вожди партии и ОГПУ отстаивали «монолитность и единство» пролетарской партии в рядах коммунистов ОГПУ»¹.

Агабеков, наблюдавший это тихое пока подавление троцкистской фракции среди чекистов с рассылками в окраинные отделы ГПУ, а также уже знавший о судьбе своего товарища Блюмкина, не сомневался, что скоро дискуссия станет еще жарче и монолитность партийных рядов спецслужбы начнут укреплять еще более суровыми методами. Именно это сподвигло его к побегу на Запад в 1930 году и к разоблачению родной спецслужбы, в которой он состоял с Гражданской войны. Хотя параллельно у Агабекова была не менее веская причина бежать на Запад, схожие обстоятельства приведут в XX веке к разрыву с Лубянкой еще не одного ее бойца тайного фронта: в Турции резидент ГПУ Георгий Агабеков влюбился в англичанку Изабеллу Стритер, после его побега они во Франции поженились.

Георгий Агабеков (Арутюнян) из этой плеяды чекистов-троцкистов стал в конце 20-х самым известным на Западе перебежчиком из ГПУ, многое рассказавшим о деятельности этой спецслужбы, и он же стал одной из первых жертв тайной ликвидации бывшей своей спецслужбой за границей. Рассказав на Западе многие секреты работы ГПУ, Агабеков был приговорен бывшими начальниками и тайно убит в Париже в 1938 году. Еще до того ГПУ несколько раз предпринимало попытку привести в исполнение заочно вынесенный в Москве смертный приговор Агабекову. В 1932 году ГПУ установило его местонахож-

¹ Агабеков Г. ЧК за работой. М., 1992. С. 94–95.

дение в румынском порту Констанца, где Агабеков собирался заняться бизнесом со своими компаньонами из армянской диаспоры. В январе 1932 года в Констанцу на яхте «Филомена» прибыл сотрудник разведки ГПУ Алексеев, планировавший заманить перебежчика на борт для захвата и вывоза в советский порт или ликвидировать его в самом городе. Агабекова спасла только четкая работа румынской тайной полиции Сигуранцы, захватившей Алексеева в тот момент, когда он собирался стрелять в бывшего коллегу у входа в ресторан. Напуганный Агабеков уехал во Францию, но только на шесть лет отсрочил развязку, там его весной 1938 года и убрали.

Всю изнанку этой показательной операции советской разведки против своего перебежчика описал позднее в своих мемуарах «Разведка и Кремль» главный специалист НКВД по таким акциям Павел Судоплатов, поскольку долго считалось, что Агабеков просто бесследно исчез где-то в испанских Пиренеях или пал жертвой внутренних разборок армянских мафиози. На самом деле, по словам Судоплатова, Агабекова в Париже заманили на специально снятую советской разведкой конспиративную квартиру якобы договориться о покупке бриллиантов у какого-то армянского ювелира. На этой парижской квартире, куда привел Агабекова подставной «армянский ювелир из Антверпена», перебежчика ожидала засада в лице молодого советского разведчика Короткова и некоего наемного убийцы — бывшего турецкого офицера. Турок убил Агабекова ударом кинжала, после чего труп упаковали в чемодан и в стиле итальянских мафиози утопили в реке.

По словам Судоплатова, вскоре тот же Александр Коротков возглавлял похожую операцию в Париже, когда в 1938 году тайно убит известный троцкист Клемент — секретарь троцкистского Четвертого интернационала. Его по той же схеме внедренный в Четвертый интернационал чекистский агент Таубман (псевдоним Юнец) заманил на квартиру, где Коротков с подручными также зарезали Клемента ножом. Затем труп Клемента расчленили и обезглавили, именно в таком жутком виде его выловили из Сены.

После этих двух удачных ликвидаций «врагов социализма» в стиле итальянских карбонариев или мафиози (с ударами кин-

жалом, трупами в чемоданах, отрезанной головой, турецкими наемниками) Коротков был замечен начальством и вскоре сделал в НКВД головокружительную карьеру, работая в годы войны резидентом в самой нацистской Германии, а после войны возглавив всю нелегальную разведку в МГБ СССР. Начиная же молодой Саша Коротков, как любят вспоминать его биографы, с работы лифтером в здании на Лубянке и с игры в теннис в спортобществе «Динамо». Здесь крепкого спортсмена и заметили старшие товарищи, переведя его из лифтеров в разведку ИНО, откуда уже «лифт в разведку» занес на самые высокие должности в системе советских спецслужб к 50-м годам. Поначалу Коротков использовался именно как боевик в операциях с ликвидациями за рубежом, причем именно он лично вместе с наемником-турком и другими боевиками убивал Агабекова и Клемента. По крайней мере, сам Коротков себе ставил это в заслугу, когда его с приходом на пост главы НКВД Берии в 1938 году временно в числе других сотрудников ИНО отстраняли от работы для проверки лояльности. Тогда в письме на имя Берии о своих заслугах перед родиной и делом социализма Коротков не постеснялся написать, что в убийствах Клемента и Агабекова он «исполнил самую черную работу». Надо ли понимать, что сам орудовал ножом или отрезал голову у трупа для затруднения опознания? Впрочем, пишущие о Короткове хвалебные очерки бывшие сотрудники советских спецслужб и сейчас полагают эти его операции с кинжалом правильными и справедливыми.

История Агабекова была не единственной в 30-х годах. Всем памятно и широко известны подробности охоты на ушедших в разгар Большого террора на Запад бывших резидентов советской разведки в странах Западной Европы Райсса и Кривицко-го. В 1937—1939 годах примеров того, как вернувшиеся по приказу в Союз даже самые удачливые разведчики или резиденты разведки были после недолгого расследования казнены (Базаров, Аксельрод, Барович, Бортновский и т. д.) либо брошены на долгие годы в лагеря (Анулов, Быстролетов и т. д.). Поэтому случаи отказа вернуться среди разведчиков становились все чаще.

Когда при Хрущеве обнародовали имя советского нелегала Рихарда Зорге, казненного в японской тюрьме, то в разгар

ажитожа вокруг его имени все долго недоумевали: отчего на Лубянке так долго не верили информации Зорге о дне нападения Германии на СССР и о военных планах Японии в свете будущей войны. А оказалось, что Зорге к тому времени в НКВД и Разведупре не считали надежным источником из-за его такого же отказа вернуться в СССР в опасении репрессий, что Зорге к тому времени почти считали на Лубянке предателем, хотя он и продолжал давать ценную информацию, оставаясь невозвращенцем в глазах начальства. И после этого часть донесений Зорге в Москве его прямой начальник и глава Разведупра РККА Голиков откладывал в папку с названием «Непроверенные и лживые сообщения Рамзая».

Судьбы Райсса и Кривицкого сложились не менее трагично, а их имена из истории советской разведки на долгие годы были вычеркнуты за то, что они осмелились отказаться покорно вернуться в СССР, где их ожидал расстрел. Игнатий Райсс (он же Рейс, он же Порецкий — последняя фамилия настоящая, это бывший коминтерновец в советской разведке, выходец из евреев австро-венгерской Галиции), работавший резидентом НКВД под кличкой Людвиг в нескольких странах Западной Европы, ушел на Запад первым, его тоже подозревали в троцкистских убеждениях. Самим уходом Райсс свои троцкистские взгляды подтвердил, передав через связника в советское посольство в Париже письмо о том, что он порывает со сталинской властью и «возвращается к идеалам Ленина, идет в Четвертый интернационал, и да здравствует мировая революция!». В том же письме для ЦК ВКП(б) в посольство Райсс объяснил свой выбор: «Я шел вместе с вами до сих пор — но дальше ни шагу! Кто еще молчит, тот становится сообщником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма!» В обмен на укрытие он дал западным разведкам и российским эмигрантам сведения о работе советской разведки в Европе, в частности, окончательно высветил роль советского агента Скоблина и его супруги в работе против РОВС и в трагических судьбах генералов Кутепова и Миллера. С Райссом на Западе осталась и его жена Эльза Порецкая, также работавшая на советскую разведку.

По свидетельствам Эльзы, ее супруг, которого она в своих воспоминаниях постоянно называет разведывательным псевдо-

нимом Людвиг, решил не возвращаться в СССР еще в 1936 году, когда в Москве расстреляли Зиновьева с Каменевым, а в Испании НКВД начал ликвидировать близких ему троцкистов. В 1937 году с началом массовых репрессий в разведке самого НКВД эта идея Райсса окрепла, особенно после коротких поездок в Москву его жены и его друга-разведчика Кривицкого, рассказавших ему о начавшейся истерии Большого террора. НКВД после долгого преследования своего бывшего сотрудника Райсса вычислил его местонахождение благодаря своей агентуре среди белоэмигрантов во Франции, в первую очередь агенту Сергею Эфрону, мужу поэтессы Цветаевой и белому офицеру, завербованному чекистами в эмиграции. Так было установлено, что Райсс бежал к заранее отосланной из Парижа семье в швейцарский горный кантон Вале.

4 сентября 1937 года Райсс тайно ликвидирован НКВД в результате хорошо спланированной спецоперации. Узнав от Эфрона местонахождение Райсса в Швейцарии, ему «подставили» агента разведки НКВД из немецких коммунисток Гертруду Шильдбах, с которой у Райсса начался роман и которую тот пригласил в ресторан. В ресторане швейцарской Лозанны, где Райсс ужинал с новой знакомой, сотрудники НКВД Правдин и Афанасьев (болгарский коминтерновец-боевик Атанасов) имитировали с ним пьяную ссору и предложили выйти поговорить. У ресторана Райсса избили, втолкнули в стоящую рядом машину и вывезли за город, где Афанасьев застрелил его, в тело Райсса было выпущено 13 пуль, большей частью в голову.

Всего в спецгруппу НКВД по ликвидации Райсса в Лозанне входило более десяти человек: чекисты-исполнители Правдин и Афанасьев, заманившая его Шильдбах и другая коминтерновка и чекистка из немцев Рената Штайнер, завербованные ранее НКВД белоэмигранты Кондратьев и Смиренский, некий француз Дюкоме и другие. Сам завербованный чекистами белоэмигрант Эфрон непосредственно в ликвидации Райсса в Швейцарии участия не принимал, вопреки неоднократным утверждениям об этом.

Вся эта история очень запутанна, некоторое время считалось, что непосредственно Райсса у ресторана захватили и похитили нанятые за деньги НКВД профессиональные французские бан-

диты Аббиа и Мартиньи. Только затем из архивных материалов НКВД и воспоминаний об этом деле генерала Судоплатова выяснилось, что под именем француза из Монако Аббиа (он же Росси) скрывался все тот же чекист Сергей Правдин, а под именем Мартиньи — Афанасьев, раньше же все они считались разными персонажами этой таинственной истории. При этом до сих пор спорят: русский чекист Правдин работал в Европе под легендой Ролана Аббиа или это действительно агент-наемник НКВД из французов, после убийства Райсса получивший советское гражданство и фамилию Правдин, ставший кадровым чекистом (за дело Райсса он награжден орденом Красного Знамени, работал разведчиком в США под прикрытием агентства ТАСС, умер в Москве в 1970 году). Но хотя бы Правдин-Аббиа идентифицирован историками как одно и то же лицо. С Афанасьевым-Мартиньи сложнее, некоторые считают их все же разными персонажами этого дела. Хотя болгарин Афанасьев, тоже награжденный в Москве за эту операцию, точно установлен как непосредственный убийца Игнатия Райсса. Вероятнее всего, как об этом писал в своем исследовании истории КГБ перебежчик Гордиевский вместе со своим соавтором англичанином Эндрю, Правдиным все же стал настоящий француз Аббиа, пошедший на службу НКВД. На это же указывает косвенное доказательство: когда в 1953 году после разгрома в спецслужбах команды Берии новый глава советской госбезопасности Круглов в своей обличительной речи об изгнанных из органов бериевцах назвал и Сергея Правдина, уточнив в духе советского интернационализма свои к нему претензии: «Подозрительный тип и родом француз».

Скорее всего, именно этот загадочный человек со многими именами выпустил в голову Райсса последнюю контрольную пулю в лесу под Лозанной. Когда швейцарская полиция нашла у дороги тело Райсса (при нем были документы прикрытия на имя чехословацкого гражданина Эберхарда), то установила, что в багажник избитого Райсса положили еще живым, а расстреливали уже в укромном месте. В кулаке покойного вследствие его попытки защищаться остался клочок волос бывшей подруги Гертруды Шильдбах, заманившей его в ловушку. Та же Шильдбах еще ранее передала в подарок уезжавшей от мужа Эльзе

Порецкой коробку отравленных конфет, что должно было погубить жену Райсса и их маленького сына. Но Эльза подарок от женщины, подозреваемой в романе со своим мужем, не взяла, потому и спаслась от мести НКВД.

Сыгравший столь печальную роль в судьбе Райсса Сергей Эфрон попал под подозрение эмигрантов в плане его связей с НКВД, после чего ему приказали вернуться в СССР, где вскоре Эфрон осужден как «враг народа» и в 1941 году расстрелян в Орле. Такая же участь ожидала и долго работавшего на чекистов бывшего эмигранта Клопенина, его тоже отозвали в Москву и расстреляли. Третий участник этой истории из завербованных эмигрантов Кондратьев тоже «выведен» в СССР явно с тем же прицелом, ему лишь отчасти «повезло» умереть сразу по приезде в Москву от запущенного туберкулеза. Французская полиция даже не успела Эфрона допросить, когда из швейцарских спецслужб пришли документы о его участии в убийстве Райсса. Из всех участников ликвидации Райсса швейцарцы арестовали только Ренату Штайнер, она на свое имя арендовала автомобиль, на котором вывозили Райсса и в багажнике которого затем полиция нашла его кровь. Французская полиция смогла разыскать на своей территории своего гражданина Дюкоме и белоэмигранта Смиренского из этой группы, но в Швейцарию их за недостатком улик не выдала, ограничившись их допросами, как допрашивали по этому делу из-за бежавшего уже в Москву Эфрона и саму собиравшуюся туда же навстречу своей смерти Марину Цветаеву. Сами чекисты, исполнители этого дела, уже давно отъехали в Москву за наградами.

Товарищ Райсса Вальтер Кривицкий (Гинзбург), тоже чекист со стажем с Гражданской войны, долго работавший в военной разведке РККА, а к 1939 году бывший резидентом разведки НКВД в Голландии, после расправы с Райссом предпочел покинуть Европу и скрываться от мести бывших коллег в США. При этом Кривицкий отослал в Союз письмо с объяснением своих действий, приложив к нему свой советский орден за бывшие заслуги в разведке. То же самое ранее со своим орденом Красного Знамени сделал и его друг Райсс, тоже вложив его в прощальное письмо бывшим начальникам. Многие исследователи до сих пор недоумевают: кто же разрешил резидентам

ИНО ГПУ и Разведупра вывозить с собой в заграничные командировки вручаемые в Союзе награды, что поперек любых правил конспирации в разведке? Но факты подтверждены историей: Райсс с Кривицким действительно демонстративно возвращали свои «красные знамена» вчерашним руководителям. Кривицкий не повторил ошибки своего товарища Райсса, он попросил о защите себя и своей семьи французские спецслужбы, сдав им в обмен информацию о деятельности разведки НКВД в их государстве и выдав все свои паспорта прикрытия в обмен на новые легальные документы, с которыми и отплыл в Америку.

Есть сведения, что НКВД и в Америке пытался установить местонахождение Кривицкого для его ликвидации. Сам он регулярно впадал в панику, опознавая «агентов Лубянки» то в супермаркете, то на вокзале, то посреди Бродвея, скрываясь от них бегством в толпе. В одном из ресторанов на Манхэттене к Кривицкому внезапно в 1940 году подошел хорошо знакомый ему резидент Разведупра в США Басов (псевдоним в разведке Джим) и предложил поговорить, но перебежчик предпочел ретироваться от таких бесед, памятуя, чем они закончились в Швейцарии для Райсса. Об этой истории сам Кривицкий успел до своей гибели поведать в книге мемуаров «Я был агентом Сталина», решив при этом не упоминать фамилии Басова и называя его только по кличке Джим. Кривицкий при этом полагал, что и разведка гитлеровской Германии тоже готовит его похищение, хотя это все еще можно списать на манию преследования бежавшего разведчика. Хотя, если учесть знание им множества примеров ликвидаций предшественников по побегам от НКВД и личного друга Райсса-Порецкого, вряд ли стоит здесь иронизировать, как это делали после жалоб Кривицкого о таких «случайных» встречах с теньями из прошлого на улицах Нью-Йорка в американском ФБР.

Так и не ясно, действительно ли Кривицкий сам застрелился в номере отеля в Вашингтоне в феврале 1941 года в результате депрессии и постоянного ожидания возмездия Лубянки, или он тоже стал жертвой тайной операции советской разведки, как предполагают, его застрелил нанятый ею голландский профессиональный убийца Генрих Бусс, ранее работавший на

НКВД в Голландии как раз под началом резидента Кривицкого и лично хорошо его знавший. По крайней мере, сам Кривицкий писал, что еще во Франции до отъезда в США Бусс отыскал его и пытался вызвать на разговор. Во время этой беседы Кривицкий увидел в толпе знакомого ему в лицо сотрудника Разведупра Краля, почувствовал ловушку и скрылся от Бусса бегством (Краля в Москве после возвращения из этой командировки вскоре расстреляли). Своим друзьям и адвокатам в США Кривицкий за несколько недель до смерти успел сказать, что видел Бусса в Нью-Йорке, на этом основана их твердая уверенность в том, что щупальца НКВД дотянулись до Кривицкого через океан.

10 февраля 1941 года тело Вальтера Кривицкого было обнаружено в занимаемом им номере вашингтонского отеля «Бельвю» на кровати; по мнению полиции, он сам выстрелил себе в висок из личного пистолета, хотя многие факты свидетельствовали об убийстве известного перебежчика кем-то со стороны. Его адвокат Уолдмен утверждал, что покойный клиент завещал ему никогда не верить в свою смерть в результате самоубийства или несчастного случая. Уолдмен буквально заставил ФБР начать расследование смерти Кривицкого, но оно закончилось опять выводом о самоубийстве. На фоне судебных Кривицкого, Агабекова, Райсса, Люшкова и других высокопоставленных беглецов из советских спецслужб выделяется история перебежчика Александра Орлова. Чекист Орлов (Фельдбин) занимал в советской разведке очень большой пост, а в годы гражданской войны в Испании был главным резидентом советской разведки в этой стране и знал о тайных операциях советских спецслужб по обе стороны испанского фронта почти все. Получив тогда стандартный приказ прибыть из Испании в бельгийский порт Антверпен и подняться на борт советского корабля «Свирь», Орлов понял неминуемый свой арест на борту судна и в перспективе расстрел вскоре по прибытии на советскую территорию. А потому он забрал семью и вместо ловушки в Антверпене отправился во Францию, откуда отплыл в США. По мнению многих, Орлова спас его маневр: после бегства на Запад в 1939 году бывший резидент Орлов оставил для НКВД послание, где обещал сохранить в тайне всю известную

ему информацию в случае прекращения охоты НКВД на него и недопущения репрессий против оставшихся в Советском Союзе членов семьи Орлова. В противном случае Орлов обещал выдать западным спецслужбам всю известную ему информацию, а знал он очень много.

После этого Орлов, напичкав западных историков малоприверяемыми и шокирующими сенсациями из жизни советских спецслужб, действительно скрыл многое известное ему, поэтому даже часть бывших чекистов считает его не предателем, в отличие от Райсса или Агабекова, а спасавшимся от необоснованных репрессий человеком в экстремальных обстоятельствах. До своего бегства Орлов курировал большинство тайных операций советских спецслужб в Испании, а само их участие в испанской войне стало отдельной страницей в истории специальных служб Советского Союза.

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В ИСПАНСКОЙ ВОЙНЕ

Несколько лет активных действий внешней разведки НКВД и военной разведки РККА в охваченной гражданской войной Испании создали новый прецедент. Впервые на занятых испанскими республиканцами территориях этой страны в 1936—1939 годах советские спецслужбы получили возможность так легально и широко действовать в чужой стране, перенося сюда свои методы. А методы переносились в полном объеме, под прикрытием союзной тайной полиции испанских республиканцев СИМ НКВД основал в испанском городе Алкаладе даже собственную пыточную тюрьму, находившуюся под личным контролем резидента НКВД в Испании Орлова.

Сам Орлов после своего бегства от сталинских репрессий в США в 1939 году многое рассказал о деятельности советских спецслужб на испанской войне. И о пыточных застенках в резидентуре НКВД, почти филиале Лубянской тюрьмы прямо в Испании, и о диверсионно-террористической работе. Орлов назвал в Испании шесть центров подготовки НКВД диверсантов. И о том, как у прибывших в интербригады добровольцев из разных стран мира сотрудики НКВД забирали себе пас-

порта, толстыми связками отправляя их в Москву на Лубянку для использования советскими разведчиками. И о массовой вербовке его резидентурой агентов НКВД из прибывших с разных концов мира бойцов интербригад. Сохранились показания Орлова в комиссии сената США уже в 1957 году, где он вспоминает о завербованных им в конце 30-х годов американских гражданах, на полях его показаний рукой главы ФБР Эдгара Гувера пометка: «Поднять списки американских добровольцев из «Батальона Линкольна», выяснить, кто где».

НКВД и военные разведчики, выступавшие в качестве инструкторов республиканской армии, воплощали в жизнь все то же, к чему привыкли на родине. Поэтому за советскими спецслужбами в Испании числится множество грехов, включая и охоту за белыми эмигрантами в армии Франко, и тайные ликвидации представителей собственно республиканского лагеря, отклонявшихся от единственно верной просоветской линии (левых социалистов, троцкистов, анархистов).

Созданная почти полностью из испанских коммунистов спецслужба республиканцев СИМ во главе с Баса с 1937 года уже больше подчинялась представительству НКВД и филиалу Коминтерна в Испании, чем собственному коалиционному правительству в Мадриде. Задействован в этой охоте и в планировании спецопераций в Испании был и наспигованный агентурой НКВД штаб Коминтерна на испанской войне, располагавшийся в Альбасете. Заведовавшие здесь главные представители Коминтерна в Испании француз Андре Марти и немец Вальтер Ульбрихт (будущий руководитель ГДР) давали санкции чекистам и их друзьям из СИМ на тайные аресты и расстрелы в рядах самих интербригад в случае подозрений в отклонении от линии Сталина. Позднее вскрывшиеся подобные факты вызвали протест даже в рядах испанской и французской компартий, по их требованию названного «палачом из Альбасете» Марти пришлось из Испании отозвать, и даже спевший интербригадам гимн своим прекрасным романом «По ком звонит колокол» Хемингуэй об этом сталинисте из Коминтерна скажет: «Это был постельный клоп с манией расстреливать».

Так в Испании ликвидированы известные в международном Четвертом интернационале троцкисты Вольф, Фройнд, Рейн,

Роблес, — при этом ликвидировали их тайно, чтобы уберечь республиканский лагерь от преждевременного раскола. Тайно захвачен и убит осенью 1937 года лидер ПОУМ Курт Ландау из австрийских троцкистов, резидент НКВД Орлов жаловался в рапорте на Лубянку, что «литерное дело (ликвидация) Ландау оказалось самым сложным в Испании, он опытный и находился в глубоком подполье». Созданная в Испании местными и европейскими троцкистами боевая организация ПОУМ, как и группы испанских анархистов, занимала в этом вопросе НКВД не меньше, чем открытые враги из лагеря фалангистов Франко. Также в Испании тайно ликвидирован лидер местных анархистов Альфредо Мартинес, возглавлявший Федерацию анархистов в Каталонии и выступавший против слишком тесного союза республиканского правительства с Москвой. Позднее здесь же убит воевавший среди бойцов интербригад видный итальянский анархист Бернелли, его тоже в НКВД посчитали плохо влияющим на интернационалистское братство. В Барселоне похищен и убит прибывший сюда сражаться с фашизмом известный английский троцкист Роберт Смайли. Кроме таких «литерных акций», в ПОУМ и анархистскую федерацию ФАИ внедряли активно чекистскую агентуру. Так, внутри ПОУМ долго работал агент НКВД Леон Нарвич из эмигрировавших из России евреев. Позднее его поумовцы разоблачили и тоже тайно ликвидировали. При разгроме ПОУМ после Каталонского мятежа арестованный троцкист-датчанин из этой группировки по фамилии Кьельсе признался на допросе в испанской госбезопасности, что именно он по приказу лидеров ПОУМ убил Нарвича за работу на советскую разведку и провокации.

Самая громкая и дерзкая ликвидация своего же временного сторонника в левом лагере осуществлена НКВД и его товарищами из испанской СИМ в 1937 году, когда был тайно похищен и убит командир ПОУМ Андреас Нин. Позднее троцкисты ПОУМ и анархисты группировки НКТ, раздраженные таким вмешательством советских спецслужб в испанские дела, поднимут знаменитый мятеж в Барселоне, подавленный коммунистами в 1938 году, и это станет началом конца республики в Испании. Хотя в советских спецслужбах никогда не признавали своей вины в таком ослаблении левого лагеря изнутри, чем сумели вос-

пользоваться гораздо более сплоченные в политическом плане сторонники Франко. Даже командира ПОУМ Нина объявили просто бежавшим из тюрьмы и затем бесследно пропавшим. Сейчас точно установлено, что сотрудники СИМ арестовали Андреаса Нина и 40 других лидеров ПОУМ в июне 1937 года, а также расформировали поумовское ополчение и закрыли их газету «Баталья» после явной провокации НКВД.

В анналах НКВД эта операция по разгрому основных сил ПОУМ и ликвидации Нина проходит как акция «Николай». Люди Орлова фактически состряпали фальшивые документы о том, что верхушка ПОУМ вступила в тайные контакты с правым лагерем Франко ради свержения правительства Негрина. Арестованного Нина в тюрьме Алкаладе пытали при личном присутствии резидента НКВД Орлова и представителя штаба Коминтерна итальянца Видали, выбивая из него признание в мифических связях с франкистами. По словам выжившего лидера ПОУМ испанца Горкина, уже после пары дней таких допросов в Алкаладе лицо Нина представляло собой бесформенную массу от побоев. Поскольку Нин и его товарищи в измене в пользу Франко не признавались, а значит, расстрелять их по гласному процессу не получалось, была организована его тайная ликвидация. Лично резидент НКВД Орлов при помощи советского разведчика Григулевича и нескольких особо преданных НКВД испанцев из СИМ ночью вывезли Андреаса Нина из тюрьмы на загородное шоссе, где его застрелили, а труп бросили на обочине. Официально было объявлено о побеге Нина из тюрьмы, что должно было снять обвинения в его смерти с НКВД и его союзников, но правда с годами выплыла наружу.

Про противоборствующий лагерь советские спецслужбы также не забывали, помогая испанским республиканцам не только своими советниками, но и прямой организацией диверсий в тылу франкистов. В том числе рассматривалась и возможность организации покушения на самого Франко, для чего предполагалось использовать уже завербованного НКВД английского молодого разведчика Кима Филби, работавшего при штабе Франко под легендой британского журналиста.

Испанские тропы тайной войны прошли почти все ведущие специалисты по тайным акциям из спецслужб Советского Со-

юза: Медведев, Ваупшас, Прокопюк, Акулов, Коробицын, Эйтингон, Василевский, Орловский, Рабцевич и другие. Здесь руководил тайными диверсиями в тылу Франко знаменитый советский разведчик Ходжа Мамсуров (в Испании известен как товарищ Санти), один из главных специалистов военной разведки СССР по тайным акциям за рубежом, организатор взрыва в соборе Софии в 1925 году, едва не убившего болгарского царя Бориса и премьер-министра Цанкова. В Испании он был инструктором специального партизанского корпуса армии республиканцев, предназначенного для действий в тылу врага. После возвращения в 1938 году из испанской командировки Мамсуров получил в Разведупре повышение и возглавил весь специальный отдел этой спецслужбы по диверсиям (Отдел А), сменив на этом посту переведенного на командную должность в войска Гая Туманяна. Мамсуров затем сохранял должность главного диверсанта ГРУ и в годы Второй мировой войны.

Здесь же, в Испании, начинал свой путь будущий основатель спецназа советского ГРУ Илья Старинов, один из лучших специалистов советских спецслужб по диверсиям во вражеском тылу. Он был инструктором уже чисто диверсионной бригады испанской республиканской армии под началом Доминго Унгри и Антонио Буйтраго, ходил с ней в тыл к франкистам. Именно из опыта действий этого диверсионного спецназа испанцев Старинов вынес свою главную идею о необходимости создания при ГРУ особых спецформирований, за что позднее и назван «отцом советского спецназа».

Отсюда же бежал в опасении повторить путь Берзина и главный резидент НКВД Орлов, по мнению многих до побега бывший одним из лучших в 30-х годах оперативников внешней разведки ГПУ и НКВД, в рядах ЧК состоявший с 1920 года. Его заместитель в Испании Белкин также после этого отозван в СССР, правда, репрессий избежал, на место Орлова в Испании резидентом назначен Эйтингон. Хотя «прогладевший» измену своего начальника заместитель резидента Белкин в Москве долго допрашивался и проверялся, будучи отстранен от работы в разведке НКВД, арест Белкина тоже явно готовился, его спасло только снятие с поста главы НКВД Ежова и чуть ослабшая хватка «ежовых рукавиц» вокруг советских разведчи-

ков. Белкина просто уволили из органов безопасности и со вступлением СССР в войну с Германией отправили в армию обычным политруком. Хотя затем по ходатайству Берии его вернули в разведку как опытного сотрудника. В 1942 году он будет заброшен с секретной миссией в формально нейтральный в той войне Иран для установления контактов с курдским движением, где умрет, заболев тифом.

Из Испании будет вызван и расстрелян в Москве главный тогда специалист по закулисным переговорам советской разведки Марсель Розенберг. Та же участь постигнет выполнявших ответственные задания советской разведки в Испании Уманского, Салныня, Сыроежкина (известного в Испании под кличкой Гранде — Большой). Отозванная из Испании советская разведчица Беленькая (жена одного из руководителей «Особой группы» НКВД Перевозчикова, тоже расстрелянного в 1941 году своими) в ожидании неизбежного ареста покончила с собой в Москве. Так что период больших репрессий по-новому расцвел и историю тайных операций советских спецслужб в Испании, пришедшихся с Большим террором на одни и те же годы.

При этом отметим, что спецслужбы республиканского правительства Испании — контрразведка СИМ и Генеральная дирекция безопасности (тайная полиция, или Секуридад) стали первыми союзными советскими спецслужбами другого государства, если не считать спецслужб Монголии, чьи возможности были достаточно ограниченными. Здесь, в Испании, советская разведка впервые провела полномасштабную репетицию привлечения к своим операциям союзной спецслужбы, особенно охотно сотрудничал с НКВД в Испании глава Генеральной дирекции безопасности Ортега и его сотрудники в этой службе безопасности республиканцев. Сотрудники этой спецслужбы (Кастильо, Хименес и др.) участвовали не только в тайных операциях против франкистов, но и в ликвидации нежелательных для НКВД лиц в лагере собственных союзников. Хотя и руководители СИМ Баса и сменивший его затем Барутель тоже стали преданными исполнителями воли НКВД.

Сотрудники военной спецслужбы СИМ (второй отдел Генштаба республиканской армии) прошли под руководством ди-

версантов советской разведки такую хорошую школу диверсий в тылу противника, что при уходе из Испании в результате победы Франко в войне советские товарищи часть из таких испанских специалистов эвакуировали с собой в СССР. Большая часть из них были задействованы по тому же профилю в советских спецслужбах, особенно в годы Второй мировой войны. В операциях в тылу немцев участвовали такие подготовленные своей гражданской войной специалисты по диверсиям из испанских спецслужб, как Унгрия, Буйтраго, Рамирес (руководил диверсионной группой НКВД в оккупированной Украине), Африка (знаменитая Патрия, после войны резидент КГБ в странах Америки), Листер (в Союзе известен под фамилией Лисицкий). Некоторые из них позднее разочаровались в советской модели социализма и покинули СССР, как это сделал в 1947 году служивший в советской военной разведке Мануэль Тагуэнья, автор мемуаров «Свидетель двух войн». Так же в пучину разочарования погрузился и генеральный секретарь компартии Испании Хосе Диас, вывезенный после поражения республики в СССР, он в 1942 году покончил с собой в эвакуации в Тбилиси. Другие не ужились в Советском Союзе сразу и попали под репрессии. Как тайно отстреливавший в войну испанских троцкистов Гонсалес, более известный под своим партизанским прозвищем Кампесино (Крестьянин). В Союзе он рассорился с главой испанской коммунистической эмиграции Долорес Ибаррури, бросил ей в лицо свой партбилет, затем попытался нелегально покинуть Советский Союз, арестован при переходе границы с Ираном, отбыл срок в Воркутинских лагерях и со второй попытки все же бежал в Иран. В Европе Кампесино написал честные мемуары о своем разочаровании в советском коммунизме, отсидел во французской тюрьме за участие в терроре баскской ЭТА, умер во Франции в 1983 году.

При этом в сотрудничество с испанскими спецслужбами республиканцев инструкторы НКВД и Разведупра внесли свои определенные нотки. Они зачастую поражали испанских товарищей своей заидеологизированностью, призывами быть ближе к компартии, вычищать собственные ряды от «колеблющихся» социалистов, анархистов или троцкистов, а также временами шокируя испанцев своей жестокой решимостью.

В мемуарах того же Ильи Старинова «Мины ждут своего часа» о событиях испанской войны приведен характерный пример, где сам Старинов и другие советские инструкторы Разведупра РККА, как и полностью согласные с ними коммунисты-диверсанты типа Доминго Унгрии, требуют разрешить им организацию массового подрыва минами поездов в тылу франкистов. А командующий фронтом республиканцев полковник Салес, с высокомерием кадрового военного относящийся к диверсантам и спецслужбам вообще, разрешает им это делать только в тех местах, где в тылу франкистов не пущено движение обычных пассажирских поездов, иначе могут случайно пострадать мирные испанцы. По свидетельству Старинова, советские спецы из военной разведки Разведупра и НКВД настаивали на диверсиях на железной дороге даже с риском для мирных пассажиров, не раз нарушая этот запрет Салеса в тылу врага. А самого командующего фронтом Салеса подозревали в тайных симпатиях к Франко и скрытом антикоммунизме. И подозревали зря: в 1939 году победившие в той войне франкисты расстреляли до конца сражавшегося за республику полковника Салеса. Это застарелый спор между сторонниками традиционного способа войны из кадровых офицеров и новаторами диверсионно-террористических действий из спецслужб, да еще и окрашенных в красно-коммунистические тона.

В той же книге Старинова упоминается и еще более красноречивый пример, чему такие инструкторы из спецслужб СССР пытались учить испанских товарищей. Представитель НКВД у республиканцев Орловский предлагал разрушить в тылу франкистов взрывами систему водоснабжения на полях, чтобы умышленно вызвать голод среди крестьян и побудить их к скорейшему восстанию против Франко. Через два-три года после испанских событий Старинов, Орловский и другие прошедшие Испанию специалисты будут применять такой опыт в партизанском движении на территории СССР.

В те же самые годы испанской войны НКВД и военная разведка Разведупра вольготно чувствовали себя и в другой союзной стране, на другом конце земли от пышущих гражданской войной Пиренеев. Конец 30-х годов стал пиком деятельности советников НКВД и военных разведчиков Разведупра в союз-

ной Монголии под властью просоветского маршала-социалиста Чойбалсана. И здесь в 1937 году мы видим картину, очень напоминающую испанскую.

В этом году состоялся первый процесс по делу о группе руководителей Монголии, обвиненных в измене в пользу Японии и заговоре против Чойбалсана, по нему уничтожена большая часть монгольского партийного руководства во главе с премьер-министром страны Гендуном и министром обороны Демидом. В участии в этом заговоре против простаинского правителя Чойбалсана кроме людей из монгольской партийной верхушки обвинили и советского посла в Монголии Таирова, он отозван в Москву, где тут же арестован НКВД и расстрелян. И с самими главными «заговорщиками» из монгольских товарищей тоже по большей части расправлялись сами сотрудники НКВД, а не монгольское ГВО. Так, премьер-министра Гендуна вызвали в СССР поправить здоровье в санатории, в Сочи в июле 1937 года он негласно арестован НКВД. Гендуна тайно расстреляют в конце 1937 года в Москве по приговору Верховного суда СССР. Министр обороны маршал Демид, названный вторым главным заговорщиком и сторонником партийной оппозиции в СССР, тоже приглашен на расправу в Советский Союз под предлогом дружественного визита. Но его даже в Москву не повезли, ликвидировали прямо в поезде на советской территории в Иркутске, для чего сюда лично вылетал тогда заместитель наркома НКВД Фриновский. Демиду то ли задушили, то ли отравили. Монгольским товарищам на всякий случай сообщили о смерти их главного военачальника, умершего будто бы в поезде от острого отравления консервами, словно министр обороны в пути до Москвы решил питаться в стиле современных монгольских «челноков» чем попало в целях экономии.

А затем несколько лет шли серии таких дел, по которым уничтожили и ранее критиковавших за что-либо Чойбалсана монгольских лидеров, как еще ранее отставленного по обвинению в троцкизме экс-премьера страны Церендоржи, и новую элиту, как председателя монгольского Народного хурала (парламента) Амара. Здесь Большой террор на монгольский манер проводила местная спецслужба ГВО при участии инструкторов

и советников из советского НКВД. И как у нас, эта кампания не обошла вниманием и собственные спецслужбы, сам начальник ГВО в 30-х годах Шиджай был арестован и расстрелян своими бывшими подчиненными, повторив судьбу наших наркомов госбезопасности Ягоды и Ежова. Возглавлявший до него эту службу Намсарай тоже арестован и уничтожен в эту чистку, как и начальник монгольской милиции Айюши, как и арестованный главный прокурор страны Борха. Новый виток террора ГВО при поддержке советского НКВД обрушился на монгольских «реакционных» лам, сотни из них расстреляны по новому делу о ламском заговоре во главе с верховным ламой Дамдином.

Так что в Монголии, как и в Испании, советские спецслужбы чувствовали себя как дома, привычно организуя аресты и тайные ликвидации, откатывая метод руководства спецслужбами зависимых от СССР стран-сателлитов, так пригодившийся после 1945 года.

ЛИКВИДАЦИЯ ТРОЦКОГО

Тайная операция по убийству Троцкого в Мексике в 1940 году ставит логическую точку в истории довоенных операций советской разведки в довоенный период, хотя формально она заходит за границы 30-х годов и за понятие «довоенных лет», ведь с осени 1939 года мировая война вне пределов СССР уже бушевала. Два десятилетия тайных операций и ликвидаций эмигрантов, собственных перебежчиков, разочаровавшихся деятелей коминтерновского движения, троцкистов вылились в тайную расправу методом спецоперации с самым главным отступником от сталинской модели развития СССР. И это символично, и действительно закрывает большой первый цикл жизни спецслужб СССР, ведь они расправились с одним из основателей собственной советской власти в России и первым соратником когда-то самого Ленина.

К концу 30-х годов ненависть к этому человеку, претендовавшему на роль продолжателя дела Ленина и мировой революции, основавшему альтернативный просоветскому Коминтерну

Четвертый интернационал, достигла у Сталина предела. Кроме написанных Троцким в эмиграции массы антисталинских книг, типа «Преданной революции», статей на ту же тему, не слишком приятной для Сталина его биографии за авторством Троцкого, созданный троцкистами в 1938 году за рубежом Четвертый интернационал разрастался и рвался конкурировать с советским Коминтерном. В подконтрольных Коминтерну иностранных компартиях сторонники Троцкого в 30-х годах часто вносили серьезный раскол. Так, Жак Дорио во Франции, Арвид Хансен в Норвегии, Тессо Бланко в Италии или Рут Фишер в Германии увели в альтернативные троцкистские партии очень значительную часть местных компартий, одних из самых сильных и многочисленных в довоенной Европе. В Китае за линией Троцкого пошла часть набравшей силу КПК во главе с Чан Дунсином. Во Франции, в доме еще одного перешедшего в троцкисты деятеля Коминтерна Росмера, Троцкий и лидеры преданных ему партий различных стран написали программу нового международного союза — Четвертого интернационала, а это уже был откровенный вызов Москве. А в Испании созданный Андреасом Нином протроцкистский ПОУМ пошел на вооруженное столкновение с подчиненными Москве коммунистами. Кроме того, на Западе издавался «Бюллетень оппозиции» под редакцией сына Троцкого, Льва Седова.

К концу 30-х размах международной деятельности троцкистов, вдохновленных примером не сдававшегося обстоятельствам их вожака, заставил Москву признать, что простое изгнание Троцкого за пределы Советского Союза было ошибкой. Глядя на кадры кинохроники отправки Троцкого с алма-атинского вокзала в зарубежное изгнание, где Лев Давидович загружается в поезд в плотном окружении ребят в серых мундирах из ГПУ, Сталин наверняка не раз пожалел к тому времени о таком своем либерализме к бывшему соратнику по ЦК. Для организации высылки Троцкого за пределы СССР в Алма-Ату лично приезжал секретарь Ягоды Павел Буланов, которого в 1938 году расстреляют как раз как «правотроцкистского заговорщика». Само решение об отправке Троцкого в Турцию было принято в 1929 году после донесения ГПУ, что из Алма-Аты изгнанник поддерживает связи с соратниками в столице и пытается руко-

водить оппозиционным подпольем, а с приезжающими от них курьерами тайно встречается при посещениях общественной бани в Алма-Ате.

Сталин быстро осознал свою ошибку в милостивом выпуске Троцкого за пределы Советского Союза, ведь многие уверены: еще в 20-х годах в разгар фракционной борьбы Иосиф Виссарионович задумывался над планом тайной ликвидации Троцкого силами ГПУ. Еще в начале 30-х годов на одном из докладов разведки НКВД об активной деятельности Троцкого за рубежом Сталин наложил личную резолюцию со словами в ней: «Нужно его хорошо огреть по голове через Коминтерн». Даже если Сталин и не имел в виду буквальный удар Троцкого по голове за счет спецоперации разведки НКВД и ее коминтерновских кадров, если речь еще шла о фигуральном «огревании» на словесном или организационном уровне, то позднее Сталин уже точно повторил этот приказ своей разведке буквально, и вождя мирового троцкизма натурально огрели ледорубом по голове.

Кроме того, об этом сейчас как-то подзабыли, а ведь до приказа о буквальной ликвидации силами НКВД Троцкого за границей Сталин успел сделать попытку и легальным способом вернуть опасного изгнанника в свои владения для расправы. В 1936 году Советский Союз вступил наконец в Лигу Наций, бывшую предшественницей ООН, и по ее правилам оформил тогда запрос на экстрадицию Троцкого назад в СССР в качестве уголовного преступника, в обоснование были приложены все те же признания «троцкистов-зиновьевцев» на уже прошедших первых процессах над ними о заговоре под началом Троцкого в СССР и планах заговорщиков убить Сталина. Параллельно запрос на экстрадицию Троцкого был направлен и властям Норвегии, где тогда до отъезда в Мексику находился Лев Давидович. Но норвежцы просто предпочли спровадить опасного гостя к мексиканским берегам. А международный суд Лиги Наций сообщил Москве, что она не имеет права требовать выдачи себе человека, которого сама же лишила собственного гражданства, ведь Троцкий был «апартидом», то есть человеком без всякого гражданства. «Вот если бы вы убедили Троцкого опять принять советское гражданство или какое-либо государство убедили бы дать Троцкому гражданство, тог-

да можно было бы говорить об экстрадиции», — примерно так ответили Сталину из Лиги Наций.

Сталин продолжил попытки добиться выдачи ему врага руками мирового сообщества. В 1938 году Советский Союз предлагает при Лиге Наций учредить специальный «Антитеррористический трибунал» для решения таких вопросов в отношении лиц, обвиняемых какой-либо страной в терроризме, — тогда это было диковинное предложение, ведь Лига Наций «анти-террористической борьбой» тогда не была озабочена, как ООН в начале XXI века. Но кульбиты советской власти уже мало кого удивляли: в 1918—1920-х годах она не стеснялась понятия «красный террор» и фактически признавала тем свою ВЧК ведущей террористическую деятельность против политических противников. Ленин в своих депешах без колебаний требовал «больше террора». А двадцать лет спустя вдруг стали главными глашатаями антитеррористической борьбы в мировых масштабах, опережая на полвека Клинтона с Бушем.

Но Лига Наций и на эту удочку не клюнула, никакого антитеррористического международного трибунала по предложению из Москвы не учредив. Радостно откликнулся на советские инициативы в изгнании только сам Троцкий, поддержав это сталинское предложение и сообщив, что он лично приедет на этот трибунал и докажет, что власть Сталина и есть главная в мире банда террористов. Поняв, что переиграть международное право своими своеобразными доказательствами и инициативами не удастся, Сталин после этого решил и действовать своими методами, доставая опасного эмигранта рукой НКВД.

Еще одним обстоятельством, вызвавшим к жизни тайную акцию советской разведки по ликвидации Троцкого, стало опасение получить сильное троцкистское подполье внутри самого СССР. Хотя значительная часть репрессированных за троцкизм или участие в тайных группах «троцкистского заговора» конца 30-х годов состояла из непричастных к этому движению советских граждан или давно прекративших оппозиционную деятельность бывших троцкистов. Настоящее подполье сторонники Троцкого создать в СССР пытались. И в партии, и в армии, и в самом ГПУ тогда сторонников троцкистской платформы

было достаточно. Страх перед созданием такого подполья оставался, и приговор Троцкому в Москве выносили и по этой причине. Как и по той причине (ею позднее многие чекисты пытались оправдать целесообразность тайного убийства Троцкого), что он был готов на союз с любым иностранным государством для свержения сталинской власти в Советском Союзе и последующего раздувания его любимой мировой революции, в том числе и с нацистской Германией. Хотя германофильские симпатии Троцкого чекисты и их последователи явно преувеличивают, и сторонников Троцкого так же преследовали в гитлеровской Германии, как и просоветских коммунистов, лидер германских троцкистов Монат убит гестапо, как и лидер коммунистов Тельман, а гитлеровская официальная газета НСДАП «Фёлькишер беобахтер» Троцкого иначе как «советско-жидовской ищейкой» не называла.

Пожалев, что Троцкого в конце 20-х просто выгнали из Советского Союза в эмиграцию, где он не смирился, а развернул яростную борьбу против советской власти, Сталин отдал приказ о ликвидации Троцкого за рубежом силами советской разведки. Сама операция «Утка», приведшая к убийству Троцкого, явилась только финальным аккордом многолетней охоты на этого видного изгнанника и вождя международного троцкизма. Уткой в этой операции разведки НКВД именовался сам Лев Троцкий, лицензию на отстрел этой «птицы» Сталин лично дал своим чекистам. Это еще с 1936 года было поручено наркому НКВД Ежову, но тот до своего снятия и ареста не успел выполнить указание вождя. И в 1939 году исполнение операции «Утка» Сталин поручил новому наркому НКВД Берии. А тот главным ответственным за операцию в своем ведомстве назначил Павла Судоплатова, только что схожим образом «разобравшегося» с главой украинских националистов ОУН Коновальцем на чужой территории в Голландии, за что получившего пост заместителя начальника внешней разведки в НКВД. Сам Судоплатов в мемуарах вспоминал, как они с Берией докладывали Сталину в его кремлевском кабинете о ходе подготовки к охоте на «утку» и как Сталин при этом сказал им, что в любом случае будут знать, что Троцкого убил сталинский НКВД, но нельзя оставить тому прямых доказательств и улики.

Началась эта долгая охота еще в 1936 году при наркоме Ежове на Лубянке, и возглавлял поначалу ее знаменитый специалист по тайным операциям ИНО НКВД Сергей Шпигельгласс по кличке Дуглас. Хотя российский историк генерал Волкогонов полагал, что такой приказ Шпигельглассу поступил еще раньше, при Ягоде, году в 1934-м или 1935-м. К этой операции привлекли лучшие кадры 5-го спецотдела НКВД, занимавшегося тайными акциями. Затем подключили и существовавшую параллельно ему в НКВД «Особую группу» Серебрянского, ликвидировавшую в 1930 году в Париже генерала Кутепова. В составе НКВД «Особая группа» сохраняла свою автономию, подчиняясь только наркому, будучи засекреченной внутри самого НКВД и имевшей штаб отдельно от Лубянки в неприметном особнячке на Гоголевском бульваре.

Сменивший Шпигельгласса в должности главного диверсанта НКВД Павел Судоплатов в своих мемуарах «Разведка и Кремль» писал, что существовавшая автономно и в прямом подчинении наркома НКВД «Особая группа» изначально была создана для выстраивания диверсионных сетей в Европе, США, Китае и на Ближнем Востоке на случай будущей большой войны. Но, несмотря на указанное Судоплатовым предназначение «Особой группы» готовить автономную диверсионную сеть на случай начала войны, использовать ее актив начали еще в начале 30-х годов, и именно при тайных операциях против троцкистов за рубежом. Сотрудники «Особой группы» причастны к ликвидации известного троцкиста Клемента в Париже, представителя троцкистов на испанской войне Эрвина Вольфа, ранее личного секретаря Троцкого, уроженца Чехословакии из судетских немцев. Серебрянский и его люди в конце 30-х все ближе подбирались к самому Троцкому.

В 1938 году Серебрянский и его группа по модели похищения здесь же годом раньше генерала Миллера готовили захват и тайный вывоз в Советский Союз сына Троцкого Льва Седова, что могло стать козырной картой в торге с самим вожаком мирового троцкизма. Но Седов внезапно умер в ходе операции по удалению аппендикса во французской клинике, а это в духе того времени оказалось достаточным основанием для обвинения Серебрянского и его людей в срыве операции и невыпол-

нении приказа командования. Ходили слухи о том, что в растерянности главные диверсанты НКВД тех лет Шпигельгласс и Серебрянский даже попытались своему наркому Ежову выдать естественную смерть Льва Седова на операционном столе за тайную операцию своей агентуры из числа французских коммунистов. И якобы Ежов при докладе ему Шпигельгласса о смерти Седова в парижской клинике довольно спросил: «Что, славно мы сработали?», а говоривший именно о естественной смерти «клиента» Шпигельгласс вроде бы не осмелился внести ясность, вот Ежов и доложил в ЦК ложную версию о ликвидации Седова чекистами. Но затем такая версия никаких подтверждений в архивах Лубянки не получила, а оборвавшаяся операция по захвату сына Троцкого стала основанием для скорой репрессии против Серебрянского и Шпигельгласса.

Поскольку и сейчас иногда проскальзывают в прессе и в литературе намеки, что Льву Седову чекисты могли в больнице «помочь» уйти из жизни, то стоит напомнить, что и сами троцкисты тогда их в этом подозревали, и по их требованиям французская полиция даже провела расследование. Предполагают также, что Седову в больничной палате преподнес начиненный ядом апельсин внедренный к троцкистам агент НКВД Зборовский (агент Этьен или Тюльпан по классификации Лубянки). Но даже назначенная экспертиза и выводы врачей показали, что Лев Седов просто вовремя не обратился к врачам, аппендикс прорвался, и с перитонитом Седов даже к моменту поступления в парижскую клинику был обречен. И многие исследователи вполне резонно указывают, сколь мал был срок от поступления Седова в клинику до его смерти, чтобы разведчики из чекистов смогли найти в нее подход, получить обязательную санкцию из Москвы на ликвидацию и организовать убийство.

Сам Серебрянский уже под арестом бывших коллег на Лубянке тоже честно признал, что Сынка (так именовался Седов в этой операции чекистов) он был по заданию обязан доставить в Москву живым, а не убивать, только живой Седов в руках НКВД становился разменной картой и рычагом давления на Троцкого в далекой Мексике. У группы Серебрянского был план похитить Льва Седова на парижской улице во время одного из привычных

тому ночных загулов. А для вывоза живого Седова морем в Ленинград люди Серебрянского наняли рыболовецкий корабль на северном побережье Франции, заверив команду, что есть хорошая «шабашка» совершить контрабандный рейд в Ленинград за грузом оружия для испанских республиканцев. Ну и железным аргументом служит то, что неисполнение этой операции даже в связи со смертью ее объекта поставили Серебрянскому при его аресте в вину. Значит, ему действительно поручалось привезти сына Троцкого в пределы СССР живым, и никакой ликвидации на операционном столе тогда не было; как метко подметил в мемуарах Судоплатов: «По крайней мере, за нее никого не награждали».

Вскоре на Запад бежал резидент ИНО НКВД в Испании Орлов, работавший вместе с Серебрянским в операции против Троцкого, это тоже стало вкладом в решение о репрессировании командира «Особой группы» и ее роспуске. Яков Серебрянский был отозван в Москву и здесь в самый разгар сталинских репрессий арестован как «враг народа» в рядах НКВД. На допросах с пристрастием, в которых лично участвовали заместители тогдашнего наркома внутренних дел Берии Абакумов и Кобулов, из Серебрянского пытались выбить признание в участии в контрреволюционной организации внутри НКВД. Он не признался в этом, сидел в заключении до 1941 года и только с началом войны с Германией был выпущен и возвращен в органы госбезопасности для диверсионной работы против немцев (второго ареста в 1953 году уже в качестве пособника Берии Серебрянский не пережил, скончавшись в 1956 году в следственной тюрьме). Саму «Особую группу» после ареста Серебрянского ликвидировали в структуре НКВД; создаваемая на случай участия СССР в мировой войне, эта секретная структура так до вступления Союза в эту самую войну и не дожилась.

Работавший по линии ликвидации Троцкого Шпигельгласс тоже к тому времени был расстрелян, так что завершать операцию «Утка» предстояло новому поколению специалистов по диверсиям советских спецслужб, и они ее завершили в 1940 году. В архивах Лубянки конца 30-х годов исследователи нашли доказательства того, что покушения на Троцкого в Мексике не были первыми, что раньше готовилась как минимум одна такая

операция советской разведкой. Но не удалось установить, кто был вовлечен в нее, почему операция сорвалась, что стало с этими людьми, — все укрыла теперь непрозрачная чернота прошлого и подвергшиеся за годы не одной чистке архивы НКВД.

Хотя точно известно, что Сталин впервые дал приказ готовить ликвидацию Троцкого еще в начале 30-х годов, после первых серьезных выпадов отпущенного из страны изгнанника против кремлевского вождя. Он еще в годы существования ГПУ давал такое устное распоряжение и выговаривал Менжинскому, что тот плохо работает по Троцкому и вообще «перестал ловить мышей», по выражению Сталина. Подходы к Троцкому по его возможной ликвидации начались тоже в начале 30-х годов, когда к нему попытались в секретари под видом троцкиста внедрить агента ГПУ Ольберга, но неудачно. Затем был внедрен в ближайшее окружение Троцкого завербованный НКВД эмигрант Зборовский, тот самый агент Тюльпан, на учредительном конгрессе Четвертого интернационала во Франции он был единственным представителем троцкистского подполья из самого СССР, и тот тайный сотрудник советской разведки. Но непосредственно на боевика для ликвидации Троцкого Зборовский никак не тянул, максимум, что он затем сумел сделать, — это помочь внедриться в ближайшее окружение вождя троцкизма его убийце Меркадеру в 1939 году.

Судоплатов же в своих мемуарах четко сказал, что, напутствуя его с Берией в 1939 году на операцию «Утка», Сталин на аудиенции недвусмысленно сказал, что Шпигельгласс ранее подготовил какую-то операцию непосредственно для убийства Троцкого, но ее провалил, потому что был «врагом народа», и уже понес за это суровую кару. Именно детали этой неосуществленной операции или операций ищут до сих пор настоячивые историки спецслужб по архивам. Вполне возможно, что срыва этой операции не простили Шпигельглассу и Серебрянскому, именно они по своей работе должны были такую акцию возглавлять. Возможно, что и расстрел недолго побывавшего тогда главой внешней разведки Пассова был связан с этими планами. Вероятно, что отзыв в Москву и арест резидента разведки НКВД в Нью-Йорке Гутцайта тоже связан с этим нереализованным планом, есть версии, что он на месте координи-

ровал операцию, как впоследствии в «Утке» эту миссию исполнял Эйтингон. Теперь уже не узнать и у этих людей не спросить — все четверо осенью 1938 года в волне зачищаемых ежовцев брошены в следственные камеры НКВД, откуда живым выбрался в 1941 году только Серебрянский, да и то до следующего ареста уже в зачистку «бериевцев». Резонно предположить, что и рядовые участники этой неизвестной операции под руководством Шпигельгласса в наказание за неудачу пошли под нож репрессий и унесли с собой тайну в могилу. Финальная часть охоты на «утку» нам известна благодаря тому, что завершилась для разведки успехом, оставив об этом следы в архивах, и благодаря воспоминаниям дожившего до краха Советского Союза ее разработчика Судоплатова.

Судоплатов в 1939 году разработал подробный план операции «Утка» с множеством различных вариантов ее исполнения, непосредственно начальником группы по этому делу назначив только что вернувшегося в Москву с фронтов Испании чекиста Наума Эйтингона, по оперативному псевдониму Том, опытного диверсанта с хорошим знанием испанского языка и нантербованной им из испанских коммунистов агентурой. Сохранился даже план операции «Утка» за авторством Судоплатова, напечатанный тогда в единственном экземпляре для доклада Сталину и пролежавший долго в чекистских архивах, его даже недавно показывал в документальном фильме «Троцкий, обречен на убийство» его автор журналист Сергей Медведев. Под планом стоят подписи начальника внешней разведки НКВД Фитина, его заместителя Судоплатова и непосредственно начальника работавшей по делу группы Эйтингона, внизу стоит пометка: «Отпечатано в единственном экземпляре лично П. Судоплатовым»; так сохранялась секретность операции, что даже в верхах Лубянки о ней знали лишь несколько человек и сами были вынуждены печатать план. В нем в различных вариантах предполагалось в Троцкого стрелять, душить его, резать при близком контакте ножом, отравить его пищу или воду, взорвать целиком дом Троцкого под Мехико или его автомобиль при выезде в город. Наконец, были сформированы две боевые группы для ликвидации Троцкого. Первая состояла из мексиканских левых боевиков и агентов НКВД во главе с из-

вестным художником Сикейросом, она в операции Судоплатова называлась группой «Конь», и ее курировал советский разведчик Григулевич. Вторая группа называлась «Мать», поскольку ее руководителем была испанская коммунистка и агент НКВД Каридад Меркадер, а в группу входил как боевик ее сын Рамон Меркадер. Вместе с запасной группой «Мать» в Америку отплыл и возглавлявший всю операцию на месте Эйтингон, еще в Испании лично завербовав мать и сына Меркадер в агенты разведки Советского Союза.

Сама операция «Утка» сейчас достаточно описана во всех подробностях, на ней можно остановиться кратко. Как известно, в 1937 году по приглашению главы троцкистской социалистической партии США Шахтмана Троцкий прибыл в Нью-Йорк, а затем надолго обосновался в Мексике в гостях у лидера местных троцкистов Риверы, где и проживал до самой своей гибели в 1940 году. После скандала с Риверой, когда Троцкий влюбился в его очаровательную супругу, мексиканскую художницу Фриду Кало, Ривера указал своему духовному вождю и сопернику в любви на дверь, и Троцкий со своим окружением снял виллу в пригороде мексиканской столицы в Койокане. В Европе ему оставаться было опасно после нескольких ликвидаций НКВД его ближайших сторонников и секретарей и раскрытых планов покушений на самого Троцкого и его сына.

К тому же в 1933 году во Франции параллельно НКВД покушение на ненавистного им со времен Гражданской войны Троцкого готовили террористы белоэмигрантского РОВС из боевой группы генерала Туркула; на улице курорта Клермон-Ферран Троцкий чудом разминуслся с поджидавшими его вооруженными боевиками РОВС Сподиным и Налетовым. В Мексике Троцкий был укрыт соратниками на хорошо укрепленной вилле в Койокане, пригороде Мехико, где за мощным забором со смотровыми башнями вождя мирового троцкизма охраняли два солидных кольца охраны — снаружи мексиканские полицейские, а внутри вооруженные охранники Троцкого из членов его движения под началом английского троцкиста Робинса. Именно на вилле в Койокане и разыгрался финальный акт операции «Утка», стоивший самому Троцкому жизни, его убийце Меркадеру двадцатилетнего заключения в мексиканской тюрьме

ме Лекумбре, а его кураторам из советских спецслужб орденов и благодарности Сталина за ликвидацию опасного политического противника.

Сама операция прошла в два этапа. Ее руководителями стали сменившие Шпигельгласа и Серебрянского более молодые специалисты по зарубежным диверсиям и тайным ликвидации Судоплатов, Эйтингон, Григулевич. Наум (Леонид) Эйтингон в ЧК времен Гражданской войны был совсем юным оперативником, раненным при подавлении антисоветского восстания в Башкирии и переведенным затем в ИНО ВЧК. Он выдвинулся на тайных акциях в Китае, где был одним из организаторов мятежа коммунистов против Чан Кайши в Шанхае в 1927 году, затем ему же приписывают иногда организацию убийства китайского маршала Чжан Цзолина путем подрыва его штабного поезда, хотя официально ликвидация Чжан Цзолина в 1928 году в истории считается делом рук японской разведки и ее специалиста по такого рода акциям по фамилии Комото. А звездный час Эйтингона пришел на войне в Испании, где он был одним из главных руководителей диверсий республиканцев в тылу Франко, а после бегства своего предшественника Орлова и резидентом всей разведки НКВД по Испании. При бегстве разбитых республиканцев и их советников из спецслужб СССР Эйтингон в числе некоторых других сотрудников разведки НКВД был заподозрен в присвоении в этом хаосе части золотого запаса Испанской республики, отстранен в Москве от дел и ежедневно ожидал ареста. Но вместо этого после поручительства за него его друга Судоплатова Эйтингон вызван к новому наркому НКВД Берии и получил приказ выехать в Мексику для организации ликвидации Троцкого.

В Мексике под руководством Эйтингона совершены в течение одного 1940 года две попытки ликвидации вождя мирового троцкизма, одна из которых стала для него роковой. Сначала в мае 1940 года на виллу Троцкого ночью напала группа отобранных Григулевичем местных боевиков компартии, группа «Конь» в материалах этой операции НКВД. Это была группа прошедших школу диверсионной войны в Испании мексиканских коммунистов под началом известного затем мексиканского художника Давида Сикейроса. Террористы в количестве

20 человек, действия которых координировал тот же советский разведчик Григулевич, подъехали к вилле и прорвались внутрь, в бою с ними погибло несколько троцкистов-охранников, но до Троцкого в ту ночь они так и не добрались. Бойцы Сикейроса из коридора изрешетили спальню Троцкого, но тот с женой успели скатиться с кровати и забиться в угол комнаты, уцелев среди града пуль террористов Сикейроса.

При этом, как выяснилось позднее, среди троцкистской охраны у советской разведки был свой завербованный агент — американский троцкист Шелдон Харт, дежуривший в ту ночь у въездных ворот и впуславший нападавших. От Харта же Григулевич узнал распорядок действий охраны, в окружение Троцкого и раньше НКВД не раз внедрял своих тайных агентов, как Зборовского по агентурной кличке Этьенн. Шелдон Харт в этой истории с майским налетом на виллу Троцкого стал показательной фигурой, поскольку в досаде за срыв акции Григулевич посчитал его выдавшим план нападения Троцкому, а потому приказал боевикам Сикейроса при отступлении насильно увезти Харта с собой и позднее убить. Харту боевики Григулевича даже не предъявляли обвинений и не позволили ему что-то объяснить, убив его во время сна двумя выстрелами в голову. Труп американского троцкиста позднее нашла полиция, и сам Троцкий считал его настоящим охранником, похищенным и убитым советскими агентами, хотя сейчас факт работы Харта на НКВД перед нападением твердо установлен показаниями участников этой операции с советской стороны.

Для истории советских спецслужб судьба Шелдона Харта интересна другим: честно выполнивший свои обязательства перед завербовавшей его советской разведкой тайный агент в стане троцкистов в горячке неудавшейся операции увезен и убит лишь на основании мимолетного подозрения в двойной игре. При этом Григулевич позднее, и уже после исполнения ликвидации Троцкого), зная, что Харта он приказал своим мексиканским наемникам застрелить необоснованно, честно обо всем этом доложил начальству в Москве. Даже в советских спецслужбах, очевидно, почувствовали эту двусмысленность расправы с Хартом. В 1954 году после крушения Берии уже арестованному в числе главных бериевцев в спецслужбах Эйтингону не случай-

но сотрудники МГБ и прокуратуры задавали в числе многих и этот вопрос: «Кто определил, что Харт предал, и кто дал команду мексиканским наемникам его убить спящим?» Эйтингон упрямо твердил, что Григулевич поступил правильно, а Харт их предал, а в подтверждение его «измены» приводил только один факт. Когда боевики Сикейроса ворвались на территорию виллы и стали поливать дом pistolетным и пулеметным огнем, Харт, оказываясь, воскликнул: «Если бы я знал, во что это выльется, не согласился бы вам помогать!» — возможно, он просто не ожидал такой бойни или был обманут завербовавшим его Григулевичем. Эту его реакцию на стрельбу, когда, обстреливая спальню, боевики-коммунисты вместе с Троцким пытались убить и находившуюся там же его жену, Наталью Седову, по логике чекиста Эйтингона и нужно было считать «отступничеством» или предательством Харта, за которое он по чекистской логике и был достоин смерти.

Григулевич скрылся из Мексики, перейдя границу в США и выехав позднее в Москву, поскольку у мексиканских спецслужб уже был его фоторобот как человека, командовавшего майским налетом на виллу Троцкого. Его помощнику художнику Сикейросу повезло меньше, он скрывался в одном из шахтерских поселков, где его нашла полиция, затем за налет в Койокане и создание террористической группы был осужден. Этим делом лично занимался, вычислив и арестовав по одному членов группы Сикейроса, начальник Секретной полиции Мексики полковник Саласар, он же чуть позже будет лично расследовать и убийство Троцкого. Григулевич затем сделал головокружительную карьеру в советской разведке, работал нелегалом во многих странах Латинской Америки, стал даже официальным дипломатом Коста-Рики и был избран в 1953 году в качестве исполнителя несостоявшейся ликвидации главы Югославии маршала Тито. О судьбе Харта в Советском Союзе никто не вспоминал; как и многие расстрелянные в репрессии 30-х годов чекисты в самом СССР, он тоже стал щепкой при великой рубке леса. К таким издержкам процесса, как нелепое убийство собственного тайного агента, в советской разведке тогда отнеслись так же спокойно, ведь все советские спецслужбы этих лет были проникнуты таким духом.

Со второй попытки Эйтингону удалось довершить операцию «Утка». В дом Троцкого под легендой бельгийского троцкиста Жана Морнара удалось внедрить агента советской разведки испанца Рамона Меркадера. Он прошел боевую стажировку под контролем НКВД на фронтах испанской войны, а его мать, Карридад Меркадер, была известной в Испании коммунисткой и любовницей завербовавшего ее мастера диверсий в НКВД Наума Эйтингона. Меркадер проник на виллу в Койокане под видом бельгийского богача и сочувствующего троцкистам молодого человека через секретаршу Троцкого американку Сильвию Агелоф, с которой по поручению Эйтингона завел роман, сблизился с Троцким, стал часто оставаться с ним наедине. А 20 августа 1940 года в личном кабинете Троцкого привел в исполнение тайный приговор Москвы, всадив в голову Троцкого тот самый знаменитый ледоруб, спрятанный под полкой своего пиджака. Троцкий на следующий день в мучениях скончался в госпитале, бормоча в предсмертном бреду легендарную фразу: «Я верю в триумф Четвертого интернационала». На его могиле на мексиканской земле выбиты серп и молот и развевается красный флаг.

Наум Эйтингон терпеливо дождался у стен госпиталя известия о смерти Троцкого, только после этого послав в Москву шифровку о полном выполнении задания в операции «Утка». Меркадер, не признававший на суде никакой связи с советским НКВД и твердивший об убийстве Троцкого из личной неприязни в результате внезапной ссоры из-за Сильвии Агелоф, отсидел в Мексике двадцатилетний срок. Затем вывезен в СССР, где за убийство Троцкого по представлению чекистов стал Героем Советского Союза, здесь и похоронен в 1978 году на Кунцевском кладбище. Эйтингон, Судоплатов, Григулевич и другие руководившие операцией «Утка» чекисты получили на Лубянке награды и повышения по службе. Когда уже в начале 1941 года в приемной ВЦИК председатель этого советского органа власти Калинин вручал ордена Ленина и Красного Знамени Судоплатову, Эйтингону, Григулевичу и Карридад Меркадер, по некоторым сведениям, сам «всесоюзный староста» не знал, за что награждает эту группу сотрудников советских спецслужб.

Глава 8

ЗАГАДКА КОМИНТЕРНА

В истории с Третьим коммунистическим интернационалом, основанным Лениным в качестве наследника первых двух Интернационалов, традиционно именуемым сокращенно Коминтерн, и сейчас осталось довольно много загадок. И в его целях и методах работы, и в до сих пор не раскрытых тайных сторонах его деятельности, и в его на первый взгляд неожиданном упразднении Сталиным в годы Второй мировой войны. Да и сам Коминтерн в целом остается в этом плане загадкой, даже несмотря на то количество документов и исторических свидетельств его деятельности, с которых сегодня сняты грифы секретности. В той части деятельности просоветского Третьего интернационала, которая интересует нас, в части его взаимодействия с советскими спецслужбами, в сфере сложных отношений Коминтерна с советской разведкой и госбезопасностью, этих тайн, пожалуй, в коминтерновской истории больше всего.

Коминтерн изначально был задуман Лениным как центральный штаб грядущей мировой революции, само его расположение в столице первого социалистического государства мира Москве подразумевалось временным. И задача Коминтерна тогда виделась только в раздувании различным образом этого пожара мировой революции, в руководстве ее экспортом из Советской России в Европу и далее, а также в подготовке руководящих кадров для будущих социалистических государств. Но с революцией в Германии и в Венгрии далеко не продвинулись, а что было делать дальше?

После смерти Ленина и подавления оппозиции Троцкого, настаивавшего на немедленном продолжении мировой революции, Сталин взял курс на укрепление социализма в отдель-

но взятой стране, СССР, на государственное строительство, и Коминтерну понадобилось новое применение. Теория «социализма в отдельно взятой стране» потребовала коренного пересмотра места Коминтерна при советской власти, и отсюда началось включение этого штаба мировой революции в сферу интересов советских спецслужб.

При этом была подавлена оппозиция ряда известных коминтерновцев из числа иностранцев, осудивших такой отход от прежнего плана, таких как венгр Бела Кун или немец Гуго Эберлейн. Яростно защищавший исключительное положение Коминтерна вне сферы плотного влияния на него московской власти Бела Кун даже отправлен в ссылку на партийную работу на Урал в 1923 году, совсем как сослан под таким же предлогом в Сибирь годом ранее Феликс Дзержинский, настаивавший на старом статусе всемогущей ВЧК. Куна после смерти Ленина вернули в Москву и восстановили в руководстве Коминтерна, но с тех пор Сталин первый пост в этой организации доверял уже только советским гражданам: Зиновьеву, Бухарину, Пятницкому, Мануильскому, решительно оттерев профессиональных революционеров из-за границы от коминтерновского руля. По этой же причине после отстранения Зиновьева вообще упразднили пост председателя Коминтерна, сделав руководство им коллегиальным, что отвечало советскому принципу управления вообще. Только в 1934 году на пост секретаря Исполкома Коминтерна был опять назначен иностранный коммунист, болгарин Георгий Димитров, но он был явно лоялен к Сталину и его политике, да и все решения уже принимал Кремль.

С середины 20-х годов и до закрытия в 1943 году, два десятилетия, положение штаба Коминтерна в Москве было двойственным или даже тройственным. Он исполнял три основные функции: по инерции считался головным органом будущей мировой революции, которая никак не наступала, был центром связи с просоветскими компартиями за рубежом, а также оказался определенным приложением к советским спецслужбам в их повседневной деятельности. Статус штаба международно-коммунистического движения с годами становился все более символическим и совсем не столь деятельным, каким его видел в свое время Ленин. Последней серьезной попыткой экс-

порта Коминтерном революции в Европу стало неудачное и плохо подготовленное восстание германских коммунистов в Гамбурге в 1923 году, подавленное уже через сутки правительственными войсками. Обвинив капитулянтов в КПГ и отстранив решением Коминтерна от руля в германской компартии ее председателя Брандлера, Коминтерн больше не рисковал прибегать к таким явным вооруженным акциям.

Тем более что в том же году в Болгарии было подавлено такое же выступление коммунистов при поддержке Коминтерна. Готовилось оно Коминтерном при помощи советских спецслужб. В штабе Разведупра под крышей советского посольства в Вене начальник боевого крыла компартии Болгарии Янков (по совместительству тоже штатный сотрудник Разведупра и агент Коминтерна) устроил склад боеприпасов и взрывчатки для будущего покушения на царя Бориса и премьер-министра Цанкова и баррикадных боев, к ужасу советского посла набивая динамит прямо в шкафы и ящики в комнатах посольства.

После провалов в Софии и в Гамбурге Коминтерн отказался от роли активного экспортера революции, осознав свою неготовность к работе такого всемирного масштаба, чем и предопределил свой скорый перевод Сталиным в помощники советским спецслужбам. В 1924 году подавлены подобные восстания коммунистов в Эстонии, Румынии и опять в Болгарии, но здесь Коминтерн уже мало мог оказать помощи восставшим. В связи с этим Коминтерн уже в следующем году запретил намеченное восстание горячим лидерам компартии Австрии, с 1925 года Коминтерн отказывается от такой тактики вообще, давая компартиям директиву распускать создаваемые тайно для повсеместных восстаний военные организации при их ЦК.

Здесь Коминтерн совершил первый серьезный отход от заявленных в горячке 1919 года позиций, зарыв в землю штык мировой революции, он стал больше штабом связи с иностранными компартиями, а значит, и попал в большую зависимость от спецслужб Советского Союза, часть работы которых он стал обслуживать своими силами. Когда и сейчас иные исследователи пишут о Коминтерне, что он был независимой от ГПУ—НКВД и Разведупра почти еще одной спецслужбой в СССР, на равных сотрудничая с Лубянкой и Знаменкой, то это отчасти еще мож-

но сказать о периоде 1920—1924 годов, но после провалов Гамбурга и Софии этого уже никак не скажешь. Так штаб мировой революции, Коминтерн, сделал первый шаг к своей новой роли института на содержании Советского Союза, неформально все более подчиненного его спецслужбам, а на самом деле первый шаг по двадцатилетней дороге к своей ликвидации.

Это и был тот рубеж, за которым Коминтерн при сохранении формальной независимости от власти Советского Союза и ее спецслужб перестал быть штабом всемирной революции, становясь инструментом политики власти Сталина в Москве. Характерно, что директиву местным компартиям о роспуске «военоек» в 1925 году руководство Коминтерна давало после настойчивой «рекомендации» об этом Феликса Дзержинского. Разумеется, инициатива исходила при этом не от самого Дзержинского или руководства ГПУ, а была продиктована с самых верхов советской власти. Решение о прекращении восстаний ввиду слабости в этом плане Коминтерна было принято на собрании Политбюро большевистской партии. И оттуда же, из Кремля, Дзержинскому приказали прекратить боевые операции в приграничных районах Польши и Румынии, куда подготовленных ГПУ и Коминтерном коммунистических боевиков местных компартий забрасывали через границу в 1922—1924 годах поодиночке и целыми группами. Конец 20-х годов окончательно ознаменовал подчиненность Коминтерна руководству СССР, в 1928 году на VI конгрессе Коминтерна принята его новая и полностью просоветская программа, закреплявшая его зависимость от власти Сталина.

При смене тактики и курсе на выживание социализма внутри самого СССР советским спецслужбам от иностранных компартий теперь понадобились не бесперспективные баррикадные бои и мелкая партизанщина, а разведывательная информация и подготовленные кадры для внешней разведки. Формально Коминтерн остался пресловутым революционным штабом и центром революции, его штаб на Моховой улице в Москве в доме номер 6 работал в этом качестве. Но с 1925 года вся политика действий этому штабу на Моховой диктовалась из двух близлежащих строений — от власти из Кремля и от спецслужб с Лубянской площади. Из-за этого же усыхания роли

Коминтерна в планах советского руководства, из-за перевода его в помощники для советских спецслужб, не состоялся и переезд задумывавшегося штаба мировой революции из относительно небольшого особняка на Моховой улице рядом с Кремлем в гигантское строение нового правительства всемирной Республики Советов. Порученный архитектору Татлину лично Сталиным проект постройки в Москве гигантского небоскреба «Дома Коминтерна» так и остался в чертежах.

Можно уверенно констатировать: с 1925 года Сталин и его власть видели главную практическую пользу существования Коминтерна исключительно как обслуживающего инструмента для советских спецслужб, как поставщика в их ряды человеческого материала и как канала связи с коммунистическими партиями за рубежом. А вся его роль штаба всемирной революции была оставлена в виде символа видимой преемственности идей Ленина и в качестве своеобразного жупела, которым Сталин затем еще почти два десятилетия пугал мир капитализма за пределами своей социалистической державы.

До 1930 года в Коминтерне еще периодически пытались что-то в духе тайных акций и восстаний планировать, а в 30-х годах и вовсе перестали, вплоть до испанской войны, да и там Коминтерну доверили лишь обслуживать работу советских спецслужб в Испании и формировать интербригады из иностранных коммунистов. Связи же с иностранными компартиями стали для Коминтерна повседневной работой, с которой после его упразднения так же управлялся международный отдел ЦК КПСС. А вот отношения со спецслужбами, в которые в сталинскую эпоху в СССР вступил Коминтерн (скорее, даже был включен решением Сталина), были очень интересными, и на них стоит остановиться подробнее, здесь тоже немало загадок.

Советская разведка с начала 20-х годов активно начала использовать Коминтерн в своих оперативных целях. И когда коминтерновским кадрам или подконтрольным Коминтерну деятелям зарубежных компартий поручались какие-то мероприятия, к которым невыгодно было привлекать кадровых разведчиков ИНО ГПУ и военной разведки РККА. И когда речь шла об открытом восстании иностранных коммунистов при

поддержке советской разведки (в Болгарии в 1923 году, в Австрии в 1934 году, в Китае неоднократно) либо о подготовке такого вооруженного выступления, затем не состоявшегося (в Германии, Индии и т. д.).

При этом не стоит забывать, что в структуре Коминтерна было несколько секретных отделов для разведки и внутренней безопасности этого штаба мирового коммунизма, не подчиненных советским НКВД и Разведупру Генштаба РККА, формально с ними даже не связанных. Линией внешней разведки и связи со спецслужбами Советского Союза в Коминтерне руководил не кто-то из иностранных коммунистов, а чекист отечественного происхождения Александр Миров (настоящая фамилия Абрамов), позднее расстрелянный в годы больших сталинских репрессий.

Для этой же цели существовал Отдел международного сотрудничества (ОМС) Коминтерна, в нем были сосредоточены тайные контакты с иностранными компартиями. А также ОМС занимался всей нелегальной работой Коминтерна в тесном сотрудничестве с ГПУ и военной разведкой РККА. ОМС был создан при Коминтерне в 1920 году поначалу как тайный отдел (ОМС был, вплоть до конца 30-х годов, засекречен даже от многих сотрудников аппарата самого Коминтерна, в доме на Моховой, 6 под него отведен отдельный этаж, куда пропускали далеко не всех коминтерновцев и вход на который охраняли чекисты из ГПУ) для связи с боевыми ячейками компартий и подготовки восстаний, а с середины 20-х годов в силу новой политики Сталина ОМС превратился в переходник между Коминтерном и советскими спецслужбами. Отсюда шла на Лубянку добытая по каналам Коминтерна ценная информация, отсюда рекомендовали коминтерновские кадры в советскую разведку, здесь же шел обмен документами для оперативных нужд, готовились за границей явки и документы прикрытия. Поначалу секретарем ОМС был хорватский коммунист Грегор Вуйович (в Коминтерне и в разведке ИНО ГПУ работала целая династия братьев Вуйович), в 1924 году он за свой троцкизм изгнан из ОМС Коминтерна, а в репрессии по этим же причинам расстрелян вместе со своими братьями. Вместо него начальником ОМС назначен все тот же Абрамов-Миров, до

1935 года этот человек возглавлял в Коминтерне всю теневую работу, составлявшую около 80% по отношению к легальной деятельности Коминтерна, и отвечал за работу Коминтерна с советскими спецслужбами.

В 1936 году Миров переведен в Разведупр РККА на должность одного из заместителей начальника Разведупра, получив задание заниматься операциями на театре испанской войны, но уже в следующем году он арестован НКВД и расстрелян как «враг народа». После этого, как и после чисток коминтерновских кадров в репрессии, ОМС в Коминтерне вообще упразднили, оставив только так называемую «Службу связи» Коминтерна, которая до ликвидации всего Интернационала в 1943 году уже откровенно была лишь каналом связи для разведки СССР. Вместо Мирова возглавлять эту службу связи Коминтерна поставили кадрового военного разведчика Разведупра РККА Мельникова, бывшего до того резидентом Разведупра в китайском Харбине. Позднее и его вслед за Абрамовым-Мировым арестуют, «пристегнут» к делу об антикоммунистическом заговоре в Коминтерне и расстреляют. Последние три года до роспуска Коминтерна в 1943 году его усохшую уже просто до отдела службу связи возглавлял присланный из НКВД кадровый чекист Морозов.

В целом органы ГПУ и военная разведка СССР уже с середины 20-х годов заняли доминирующее положение над Коминтерном. Чего стоят такие резолюции «штаба мировой революции», как обращение от 1929 года к ГПУ с просьбой разобраться с провокаторами в руководстве компартии Польши. Правда, долгое время такое сотрудничество было двухсторонним, и из ГПУ и Разведупра в 20-х годах тоже шла важная коминтерновскому руководству добытая спецслужбами секретная информация. Так, начальник ИНО ГПУ Трилиссер направил в ОМС Коминтерна служебную записку о проникновении, по сведениям агенты ИНО, в Лейпцигское отделение компартии Германии тайного агента и провокатора полиции. Позднее разведка НКВД предупреждает Исполком Коминтерна, что английская контрразведка МИ-5 завербовала видного члена компартии Англии Драйберга, а в помещении ЦК КПА контрразведчики установили микрофоны. Из рассекреченных в конце XX века по истече-

нии пятидесятилетнего срока секретности архивных документов МИ-5 нам сейчас известно, что эта спецслужба в 30-х годах действительно нашла пиговала окружение генсека КПА Гарри Поллита своими информаторами. В 1926 году разведка ГПУ сообщала Коминтерну, что в Турции начальник тайной полиции Худан-Бей имеет некоего ценного агента из лазов (отуреченных грузин-мусульман) в самой верхушке турецкой компартии и глава здешней компартии Мамед Оранди обложен провокаторами и слежкой людей Худан-Бея. В 30-х годах такие встречные сообщения для Коминтерна с Лубянки становятся все реже.

Кроме ОМС, под контролем Лубянки оказались и такие специфические структуры Коминтерна, как комиссия нелегальной работы (связь с находящимися на нелегальном положении компартиями за рубежом, ее до своей смерти в 1935 году возглавлял литовский коммунист Мицкявичус), бюджетная комиссия Коминтерна (распределение денег из советского бюджета зарубежным коммунистам), военная секция Коминтерна.

Военную секцию возглавлял известный в Коминтерне финн Туури Лехен, один из красных финнов нашей Гражданской войны, позднее агент ИНО ГПУ, работавший под чекистской кличкой Альфред в ряде стран Европы, начальник штаба интербригады на войне в Испании. Его росту в Коминтерне помимо боевой биографии способствовала женитьба на дочери генсека финской компартии Отто Куусинена, занимавшего все 20—30-е годы ключевые посты в руководстве Коминтерна, хотя боевиком красный финн Лехен был действительно опытным и деятельным. Он заведовал в Коминтерне боевой подготовкой личного состава и написал множество оставшихся в архивах коминтерновских инструкций о том, кого отбирать и каким боевым дисциплинам учить. Вместе с Лехеном (Альфредом) обычно записки по боевой подготовке и отбору коминтерновских кадров на диверсионную работу подписывали такие специалисты по террору из коминтерновских руководителей и сотрудников советских спецслужб одновременно, как поляк Сверчевский (Вальтер), венгр Фрид (Дезидерий), немец Цайссер (Вернер) или бывший начальник внешней разведки ГПУ Трилиссер, работавший в Исполкоме Коминтерна под конспиративной фамилией Москвин.

ОМС, нелегальная комиссия и военная секция внутри Коминтерна с начала 20-х годов становятся важнейшими структурами этой организации. Нелегальной работе придается все больше значения, как и сбору через иностранных коммунистов нужных СССР разведывательных данных. Зачастую Абрамов-Миров, Мицкявичюс или Лехен негласно встречаются в Москве с представителями нелегальных и боевых структур национальных компартий, обсуждая с ними узкоспециальные вопросы без извещения официальных руководителей этих партий. Так, напрямую и с привлечением специалистов из ИНО ГПУ и Разведупра обсуждали с лидерами боевой организации болгарской БКП детали восстания в Болгарии в 1923 году. Из стенограмм этих бесед, кстати говоря, видно: у нелегального бюро БКП были свои тайные агенты не только в болгарской Полиции безопасности и армии, но и среди македонских террористов группировки ВМРО и даже в среде эвакуированных в Болгарию белогвардейцев Врангеля, информацию от которых через Коминтерн болгарские товарищи поставляли в ГПУ.

В том же 1923 году в Москву прибыл руководитель нелегального бюро итальянской компартии ИКП Фортикьяри (в Коминтерне и в советских спецслужбах проходил под партийной кличкой в ИКП Мартини), отвечавший за подпольную работу, партийную разведку, оружие, поддельные паспорта, террор против новой фашистской власти Муссолини. Сохранились в архивах Коминтерна стенограммы этих бесед с Фортикьяри лидеров секретных коминтерновских структур Пятницкого и Мицкявичюса с привлечением главы ИНО ГПУ Трилиссера. В них бравый «товарищ Мартини» даже ставил вопрос о своем выходе для конспирации из ЦК ИКП и о том, чтобы его тайной группе работать напрямую с ОМС и с нелегальной комиссией Коминтерна, минуя собственный итальянский ЦК. На это, судя по коминтерновским архивным документам, ему добро не дали, посоветовав заодно не увлекаться актами индивидуального террора против лидеров фашистов и свернуть попытки внедрить кого-то из коммунистов в ряды спецслужбы режима Муссолини ОБРА, порекомендовав взамен попытаться подкупить кого-то из действующих чинов тайной полиции.

В Коминтерне существовал еще один засекреченный даже от многих аппаратчиков этой структуры отдел, носивший название «специального отдела». Он вел работу по проверке собственных кадров в Коминтерне и в руководстве зарубежных компартий, а также отвечал за поиск в заграничных компартиях засланных шпионов и провокаторов спецслужб капиталистических государств. Этот отдел плотно взаимодействовал с ГПУ—НКВД, но уже больше не с разведкой ИНО, а с отделом контрразведки КРО Артузова и со Спецотделом Бокия, который занимался схожими вопросами собственной безопасности внутри ГПУ. Возглавлял этот «спецотдел» Коминтерна, с 1932 года для конспирации названный уже отделом кадров Коминтерна, польский коммунист Краевский, в 1937 году по делу о «врагах народа» в Коминтерне он также арестован и вскоре расстрелян. До своего ареста Краевский составлял для НКВД «объективки» на тех сотрудников Коминтерна, кто уже попал в сферу внимания советской госбезопасности или уже был ею арестован, а после расстрела самого Краевского это продолжали делать его наследники в коминтерновском отделе кадров.

Из этого выросла следующая миссия Коминтерна в его взаимодействии с советскими спецслужбами — подбор кадров для работы советской разведки за границей, которые иногда прямо переходили в ряды ИНО НКВД или Разведупра Красной армии, а могли и оставаться при этом параллельно и сотрудниками Коминтерна. Со временем эта задача подбора кадров в сложных взаимоотношениях Коминтерна и советских спецслужб становилась ведущей, а к концу 30-х годов Коминтерн уже заметно напоминал агентство по подбору таких специфических кадров для советских спецслужб.

Многие деятели Коминтерна после работы в его аппарате по рекомендации начальства прямо забирались для работы ИНО НКВД или Разведупром Генштаба РККА. Так в военную разведку Разведупра перешла Айно Куусинен, жена Отто Куусинена, бывшая в Китае одной из связных с группой Зорге, в годы репрессий ее арестуют прямо в ночь под Новый, 1938 год и увезут в «Архипелаг ГУЛАГ», после выхода из которого Айно Куусинен опишет взаимодействие Коминтерна и советских спецслужб в своих мемуарах «Господь низвергает Своих ангелов».

Также репрессирован был известный польский коммунист Бронислав Бортновский, перешедший из аппарата Коминтерна в советскую военную разведку (в разведке Разведупра РККА он известен по слегка измененной фамилии Борковский или как Бронек), а в середине 30-х по приказу партии вновь вернувшийся в аппарат Коминтерна. В репрессии его расстреляли по тому же делу об антисоветской группе внутри Коминтерна.

Одним из самых известных красных финнов, прошедших через Коминтерн и советские спецслужбы, был Эйольф Матсон, хотя он как раз был по происхождению шведом с финским гражданством. Матсон был назначен даже командиром уникальной для советской Красной армии военной части с национальным уклоном — Карельского егерского полка из финнов, созданного для наступления в случае войны с Финляндией. Но еще до начала в 1939 году этого похода финский коминтерновец Матсон был расстрелян как «враг народа», а его егеря расформированы. В 1939 году некоторых из них призвали в декоративную Финляндскую народную армию, которой надлежало вместе с РККА войти в Хельсинки и стать основой будущей армии социалистической Финляндии. ФНА возглавил бывший заместитель расстрелянного Матсона Аксель Анттила. Хотя в боях Зимней войны 1939—1940 годов ФНА почти не участвовала, да и торжественный вход в Хельсинки не получился.

Поляк Стефан Жбиковский еще в 1921 году заброшен ЧК в Польшу для подготовки революции, а после ареста там польской Дефензивой обменян Москвой на пленных поляков. Он перешел затем из аппарата Коминтерна в Разведупр, работал по линии военной разведки в Китае, в 1937 году направлен преподавать на кафедру Военной академии имени Фрунзе, но уже через несколько месяцев арестован и расстрелян. Для пришедших в спецслужбы коминтерновцев часто практиковали такой прием: списывали из НКВД или Разведупра на другую работу, а через некоторое время арестовывали (уже не своего формально сотрудника) и репрессировали. Так поступили с работавшим в Разведупре РККА румынским коминтерновцем Яном Жигуром, бывшим главным связником Разведупра со штабом Таллинского восстания в 1924 году, а затем под литовской фамилией Струмбис военным советником советской разведки у китай-

ских коммунистов. Жигура отправили преподавать в академию имени Фрунзе, здесь арестовали в конце 1937 года, а в августе 1938 года расстреляли как румынского шпиона.

По инициативе ОМС Коминтерна в 1932 году в ИНО ГПУ переведен уроженец Австрии Арнольд Дейч, в советской разведке он работал под именем Стефан Ланг, позднее, после обучения на тайных курсах радистов, из Коминтерна в ГПУ передали для работы и его жену, Лизу Крамер. Дейч был одним из самых успешных нелегалов советской разведки довоенного периода в Европе, — работая в университете Лондона, он стал первым куратором знаменитой «кембриджской пятерки» бесценных советских агентов. В годы Второй мировой войны Дейча-Ланга направили для организации тайной работы против немцев в Латинской Америке, но по пути туда бывший коминтерновец и разведчик погиб на потопленном немецким подводным флотом корабле «Донбасс» в 1942 году.

Если с перспективным для советских спецслужб работником Коминтерна в Союзе работала его жена, ее часто, как и в случае с Дейчем, готовили на коминтерновских курсах радисток и тоже забирали в спецслужбы, чтобы использовать супружескую пару в разведке для работы в дуэте резидент—радистка. Так, вместе с австрийцем Карлом Небенфюром, деятелем Коминтерна и одним из основателей компартии Австрии, в Разведупр Красной армии после такой подготовки забрали и его жену Эрну. После долгих лет работы нелегалом военной разведки в странах Европы Небенфюр отозван в СССР, где арестован НКВД и в 1939 году расстрелян. Эрна прошла через сталинские лагеря и дожила до освобождения в 1954 году и полной реабилитации. Из Коминтерна также вместе с супругой в Разведупр РККА командирован Генри Робинсон, арестованный и казненный немцами в Париже в 1942 году, как и его жена, Клара Шаббель.

Среди этих перешедших в распоряжение спецслужб СССР работников Коминтерна были и легендарные в истории советской разведки фигуры. Как немец Рихард Зорге, чей путь разведчика закончился казнью в японской тюрьме. Или австриец Манфред Штерн, который участвовал в тайных операциях ГПУ в разных странах Европы, а в годы испанской войны прославил-

ся как командир интербригады под именем генерала Клебера, после возвращения из Испании НКВД отблагодарил Штерна приговором к пятнадцати годам сталинских лагерей. Или венгр Теодор Малли (в советских книгах о разведке его фамилию часто пишут как Малый, что скорее похоже на оперативный псевдоним разведчика, хотя в разведке его псевдоним был Манн) — один из лучших вербовщиков и агентуристов ИНО НКВД в 30-х годах. Он пришел в ЧК еще при Дзержинском в плеяде чекистов из красных мажар, бывших военнопленных в 1920 году, будучи до плена капелланом (полковым священником) австро-венгерской армии, позднее направлен в ИНО, а его тернистый путь разведчика закончился казнью в московской тюрьме.

Очень часто Коминтерн направлял на работу в Разведупр или ИНО ГПУ своих активистов по специальным разнарядкам, когда советским спецслужбам требовались специалисты определенной профессии или выходцы из какой-либо конкретной страны. Такие заявки касались профессии, знания языков или местной специфики, прошлого боевого и нелегального опыта. Так немедленно после прибытия на советскую землю Коминтерном на работу в Разведупр направлены бывшие моряки-радиоты германского ВМФ из бывших участников коммунистического восстания Макс Клаузен (псевдоним в Разведупре соответствующий — Матрос, был радистом в Токийской резидентуре Зорге) или Йозеф Вайнгартен (Зепп, тоже работал радистом с Зорге в Шанхае, в 1944 году погиб при заброске для диверсий в родную Германию). Туда же Коминтерн направил бежавшего в СССР участника подавленного в Софии в 1923 году коммунистического восстания Николу Янкова, который был классным радистом и бывшим офицером штаба болгарской армии, в Разведупре Янков работал в разных европейских странах и был в советских службах известен как Николай Яблин.

В рядах делегатов из Коминтерна в прямые сотрудники советской разведки были даже представители старых дворянских родов Европы. Как одновременно австрийская графиня и убежденная коминтерновка Рут Майенбург, работавшая на военную разведку СССР в ряде европейских стран и к 1938 году ставшая полковником Разведупра РККА, в этом году карьера

разведчицы-графини оборвалась, и ее под именем Рут Виден отправили работать в аппарат Коминтерна. В сотрудниках советского Разведупра состоял и германский барон Арнольд Гольсенау, увлекшийся коммунистическим учением, позднее ставший известным немецким писателем под псевдонимом Людвиг Ренн.

Из коминтерновских кадров зарубежных компартий было удобно вербовать агентуру сразу для советских резидентур НКВД или ГРУ в зарубежных странах, в таких случаях выбранному на роль агента сразу рекомендовали обычно официально порвать с компартией и связей с ней не поддерживать для конспирации. С такого поиска «по наводке» британских коммунистов среди левой молодежи студентов Кембриджа в Англии и началась «кембриджская пятерка». Таким образом в Италии римская резидентура НКВД Павла Журавлева завербовала своего ценного агента Почтальяна — итальянского коммуниста Пьетро Капуцци, который поставлял ИНО НКВД секретную почту посольства Японии в Италии в конце 30-х годов, с началом войны и репрессиями в советской разведке связь с Капуцци была потеряна, позднее он разоблачен фашистской контрразведкой ОВРА и казнен.

При этом коминтерновские кадры самых различных национальностей, направленные мировым коммунистическим штабом в распоряжение советских спецслужб, использовались далеко не только в сфере внешней разведки. Были такие коминтерновцы-чекисты и в контрразведке, и в секретно-политическом отделе (политической полиции в ГПУ, затем в НКВД), в следствии, многие из них причастны и к вакханалии Большого террора в качестве его исполнителей (а позднее и жертв этой кампании). Так, австрийский коминтерновец Бернард Ильк (Грюнсберг) работал в следственном отделе НКВД, специализируясь именно на делах бывших коллег по Коминтерну, которых часто допрашивал со всей присущей тогдашнему НКВД жестокостью, позднее и сам Ильк расстрелян своей службой, будучи по традиции перед арестом сосланным на периферию простым оперативником НКВД по Сталинградской области. Или боевик болгарской компартии Никола Шиваров, после разгрома болгарского восстания бежавший в СССР, он работал

в Секретно-политическом отделе ГПУ под началом Агранова и специализировался на делах творческой интеллигенции, в нашу историю вошел как следователь поэта Мандельштама. Позднее, будучи также арестован с ярлыком «враг народа», Шиваров покончил жизнь самоубийством в лагере.

Его соотечественник Георгий Демянов перешел из Коминтерна в НКВД (здесь работал под русской фамилией Белов) и участвовал в расследовании «заговора в Коминтерне», а затем в Испании по линии НКВД «чистил» интербригады, выявляя и помогая ликвидировать отошедших от просоветской линии интернационалистов. Позднее Демянова вернули в Коминтерн, где он после расстрелянного поляка Краевского возглавлял отдел кадров этой организации, оставаясь агентом НКВД и помогая в очередном поиске «пробравшихся в Коминтерн шпионов и заговорщиков».

Те коминтерновские кадры, что оказались в разведке, были причастны к тайным убийствам за границей в эти годы. Как немец Отто Штейнбрюк, одним из первых направленный Коминтерном в ИНО ВЧК еще в 1921 году, работавший в Германии и бывший резидентом ИНО ГПУ в Швеции. Штейнбрюк затем переведен в отдел спецопераций и участвовал в операциях по выслеживанию перебежчиков из советской разведки, в частности был участником операции по тайной ликвидации Игнатия Райсса в швейцарской Лозанне в 1937 году. В том же году, сразу после возвращения из этой командировки, многие ее участники получили на Лубянке награды, а бывший коминтерновец Штейнбрюк, дослужившийся до поста начальника отделения в ИНО, арестован собственной службой и вскоре расстрелян. Из всех ушедших в кадровые сотрудники спецслужб СССР коминтерновцев Отто Штейнбрюк в НКВД и Разведупре сделал самую крутую карьеру и по должности к моменту ареста (заместитель начальника ИНО), и по званию в спецслужбах (корпусный комиссар, что равняется нынешнему званию генерал-майора), но расстрел в репрессии уравнивал его с другими разведчиками-коминтерновцами.

Подготовка кадров для разведывательных и диверсионных операций за рубежом оставалась главным направлением работы Коминтерна. Эта работа велась втайне и под кураторством

НКВД и Разведупра. В подмосковном Кунцеве под контролем ОМС Коминтерна, ГПУ и Разведупра созданы специальные курсы по обучению коминтерновских рекрутов основам конспирации, боевой работы и радиodelу. Кроме курсов в Кунцеве у ОМС Коминтерна при кураторстве спецслужб СССР существовало еще несколько засекреченных объектов для подобной подготовки кадров. Например, специальная школа радистов и свой радиоцентр в подмосковном Пушкине, их возглавлял немецкий коммунист Шик, а кадры готовились для работы на те же спецслужбы. Схожая с ней радиошкола Коминтерна создана и в московском районе Ростокино.

При этом можно заметить, сколь сложны были отношения в этой системе. Ведь формально на бумаге Коминтерн никоим образом НКВД или Разведупру не подчинялся, а по ленинской логике эти спецслужбы Советского Союза должны были играть вспомогательную роль при головном центре мирового коммунистического движения. На деле же в сталинском СССР Коминтерн понемногу утрачивал свое решающее значение, все более становясь подконтролен НКВД, все более опутываем сетью ее агентов и осведомителей внутри самого Коминтерна и входящих в него иностранных компартий.

В конце 20-х и в самом Коминтерне наиболее дальновидные его вожди это поняли. Когда на заседании Исполкома Коминтерна (ИККИ) в 1927 году по инициативе Тельмана было предложено всем решительно осудить какое-то заявление Троцкого, которого большинство из присутствовавших вообще не читали, некоторые из не изживших прошлые иллюзии громко взроптали (среди них был даже в будущем верный сталинист Пальмиро Тольятти), и тогда глава болгарских коммунистов Коларов прямо сказал товарищам по ИККИ ключевые слова: «Сейчас Коминтерн обязан во всем поддерживать советское Политбюро, а не придирается к мелочам».

В начале 20-х годов еще пытались даже разграничить договорами сферы работы за пределами СССР для Коминтерна, ВЧК—ГПУ и Разведупра Красной армии. Такой основной договор был подписан 8 августа 1921 года, его подписали от ОМС Коминтерна Зиновьев и Пятницкий, от ВЧК Уншлихт, от Разведупра Зейбот. Понемногу этот договор о разграничении пол-

номочий утратил силу в связи с реалиями середины 20-х годов, о которых уже говорилось выше.

В 30-х годах обходились уже без этого политеса и подписания двухсторонних договоров. Коминтерн был включен в сферу деятельности спецслужб и занял в ней подчиненное Лубянке место. И уже Спецотдел ГПУ Глеба Бокия, который отвечал за надзор над идейными взглядами властной элиты в стране, а заодно и за коминтерновское руководство, раз за разом организовывал свои проверки-комиссии в Коминтерне. Тогда как по ленинской модели руководство Коминтерна должно было заслушивать отчеты Лубянки, как лишь одной из служб безопасности одной из подчиненных себе компартий: ВКП(б) поначалу входила в Коминтерн и имела в нем свою секцию, пока Сталин не счел со временем это положение совсем абсурдным и отжившим свое время.

Формально никакого руководства над начальством Коминтерна Лубянка осуществлять не могла, он оставался независимой структурой. Но логика сталинской власти де-факто уже ставила Коминтерн в зависимость от НКВД. Все чаще даже самые высшие руководители Коминтерна, опасаясь ареста, писали друг на друга доносы. Все чаще даже главы иностранных компартий, отклонившиеся от сталинской политической линии или просто намеченные в очередные жертвы чистки, после вызова Коминтерном в Москву бесследно исчезали, увезенные в никуда печальным «черным вороном» НКВД с традиционным обвинением типа «работал на разведку Японии, а затем дал завербовать себя и польской разведке».

К последним годам своей жизни обескровленный репрессиями и чистками в нем Коминтерн превратился в настоящее болото слухов и доносов, где в его верхушке царил такой интриган, как главный финский коммунист Куусинен, где в Исполкоме Коминтерна за «правильной линией» надзирал верный сталинский комиссар в Коминтерне Мануильский, где забрасывал НКВД доносами на всю коминтерновскую верхушку чекистский агент Гуральский, по доносам которого посадили или расстреляли десятки коминтерновских работников.

При этом все чаще в работе с заграничными компартиями, что долгое время считалось неприкасаемой вотчиной Комин-

терна, ГПУ—НКВД начинали работать самостоятельно. Они могли уже сами (или через завербованных ранее агентов в самом Коминтерне втайне от коминтерновских вождей) вербовать кого-либо и в руководстве иностранной компартии в свои агенты. Могли по своей инициативе кого-то там отстранить, вообще сменить в зарубежной компартии руководство. Так настоящей разведывательной операцией в 20-х годах оттерли от руководства итальянскими коммунистами не вполне лояльного Москве их вожака Николо Бомбаччи (он затем ушел к фашистам Муссолини и в 1945 году за это казнен), назначив генсеком компартии Антонио Грамши. А позднее также оперативными методами расчищали путь в генсеки итальянской компартии верному сталинисту Пальмиро Тольятти. Таким образом стал главой компартии Югославии Иосип Броз Тито, его предшественника Милана Горкича под благовидным предлогом вызвали в Москву, где он закончил жизнь в подвале НКВД. Поездка в Советский Союз также печально закончилась и для генеральных секретарей других иностранных компартий, например, здесь убит глава греческих коммунистов Ксайтис или глава компартии Мексики Гомес. Некоторых из иностранных лидеров компартий только отказ прибыть в Москву и полный разрыв с Коминтерном спасли от такой участи, как генсека компартии Финляндии и бывшего члена ИККИ Арво Туоминена, который ушел из Коминтерна из протеста против мирного пакта с Гитлером 1939 года, уведя за собой большую часть финских коммунистов.

В обширной сейчас литературе о Коминтерне масса примеров такого открытого вмешательства советских спецслужб в коминтерновскую линию работы с иностранными коммунистическими партиями. Вот пример такой деятельности тайного агента ГПУ в Коминтерне болгарина Стояна Иванова (в Коминтерне работал под русской фамилией Степанов): «Не упускал в это время Стоян Иванов и случая помочь «соседям»: так на советском жаргоне именовались разведслужбы. При его посредничестве Я.М. Рудник смог завербовать члена Руководящего комитета ФКП в 1921—1924 годах, заведовавшего всей нелегальной работой партии, и одновременно одного из высших руководителей профсоюза рабочих авиапромышленности Жо-

зефа Томмази. О его работе на советскую военную разведку партия не знала до 1924 года, когда он спешно перебравшись в СССР. В Москве он работал референтом в аппарате Профинтерна и жил в гостинице «Люкс». 28 мая 1926 года он внезапно скончался. Вроде бы обычная судьба агента, если бы не один штрих: руководство ИНО ГПУ самое позднее в начале марта 1926 года пришло к выводу, что Ж. Томмази — двойной агент, не менее усердно работающий и на французскую полицию»¹.

В этом примере характерно не только обвинение ГПУ в тайной ликвидации своего же тайного агента, заподозренного в двойной игре, но и бесцеремонность, с какой завербовали одного из лидеров французской компартии, не только втайне от руководителей ФКП, что еще можно объяснить спецификой разведывательной работы и конспирации, но и от штаба Коминтерна. Кстати, упомянутый здесь же советский разведчик Рудник позднее будет арестован в китайском Шанхае и окажется в китайской тюрьме с документами на имя швейцарского гражданина Рюэга, тогда как настоящий сотрудник Коминтерна Рюэг находился в Москве, передав свой подлинный паспорт в распоряжение разведки ГПУ. Это тоже была обычная практика использования спецслужбами коминтерновских кадров.

Что же касается самого болгарина Иванова-Степанова, то кроме работы на советскую разведку в Европе и тайной деятельности на фронтах войны в Испании (он вывозил оттуда в 1939 году в Москву самолетом красную Пасионарию Долорес Ибаррури), из той же книги «Агенты Коминтерна» видно, что именно он в качестве тайного агента ГПУ внутри Коминтерна изображал фракционера, а затем доносил на Лубянку на коминтерновцев-троцкистов (Нина, Вольфа и др.), которых изгнали из Коминтерна и выслали затем из СССР. Так что свою тайную агентуру в Коминтерне ГПУ использовало не только в разведке, но и в чистках в ходе внутрипартийной борьбы, затронувшей в 20-х годах и аппарат Коминтерна.

В сталинском видении укрепления государственности Советского Союза это было логичным, советские спецслужбы

¹ Пантелеев М. Агенты Коминтерна. М., 2003. С. 91.

фактически встали над Коминтерном. А затем просветили его своей агентурой, выбили в чистки многие ведущие кадры с большими заслугами перед тем же Сталиным и его властью, а уж в 1943 году обессиленный Коминтерн был отброшен властью и ее спецслужбами, как выжатый без остатка лимон.

Чистки внутри Коминтерна прошли таким же частым гребнем в том числе и потому, что и здесь (как и внутри самого НКВД) оставалось множество кадров еще ленинского призыва с установками на продолжение мировой революции. Расстреливали даже тех несчастных идеалистов самых различных национальностей, кто уже в 30-х годах добровольно ехал в СССР и писал прошения о предоставлении советского гражданства в надежде вступить в ряды Коминтерна и бороться за мировую революцию, а здесь их ожидало обвинение в шпионаже и скорый расстрел НКВД либо отправка в лагерь. Так, в январе 1938 года на разделенном тогда между СССР и Японией Сахалине через границу ушел к новому советскому счастью известный японский кинорежиссер и коммунист Сугимото, захватив в этот добровольный путь к гибели и свою любимую — звезду немого японского кино актрису Окада. В Хабаровском НКВД их быстро оформили как японских шпионов, а поскольку Сугимото ссылался на знакомство с уже арестованным в Москве режиссером Мейерхольдом, присоединили к «шпионскому делу» Мейерхольда. На московском процессе в 1939 году идеалист Сугимото был приговорен к смерти и расстрелян. Окада получила десять лет советских лагерей и чудом выжила на лесоповале, пережив затем и Советский Союз, в который бежала с родины через границу в 1938 году, и умерла московской пенсионеркой, так никогда и не вернувшись на родину.

Английский писатель Джаспер Ридли, написавший подробную биографию Иосипа Броз Тито, приводит такой малоизвестный в нашей истории эпизод из жизни вождя югославских коммунистов. В 30-х годах Тито должен был быть арестован тайной полицией Югославии, но один из ее сотрудников из скрытых симпатий компартии с риском для себя успел предупредить его, Тито скрылся в подполье, хотя позднее арестован и заключен в каторжный централ в Лепоглаве. Тайная полиция обнаружила утечку информации и вычислила своего

предупредившего Тито сотрудника, тому самому пришлось скрываться, и партия нелегально переправила его для спасения в Советский Союз. Такая забота титовских товарищей о помогавшем им полицейском оказалась для него медвежьей, в СССР бывший офицер тайной полиции антикоммунистического режима Карагеоргиевичей был просто обречен, его забрали в НКВД и вскоре расстреляли за шпионаж. Жаль, что Джаспер Ридли так и не раскопал имени этого несчастного идеалиста, поплатившегося за свои симпатии коммунизму расстрелом в той стране, которая этот коммунизм и объявила главной целью своего существования.

Тех же, кто давно и плотно совмещал коминтерновскую деятельность с работой в спецслужбах, зачистили особенно тщательно и невзирая на прошлые заслуги. Иона Дическу (Дика), которого при предполагавшемся в 1918 году вторжении Красной армии в Европу собирались назначить главой будущей Румынской ЧК, в 1937 году арестовали и расстреляли наследники советской ЧК из НКВД. Когда в 1920 году Красная армия еще шла маршем на Варшаву, а в Москве уже грезил созданием Польской социалистической республики, то одним из кандидатов в руководители Польской ЧК рассматривали польского коммуниста Романа Лонгву. «Чудо на Висле» и контрудар поляков Пилсудского все эти планы разрушили, Лонгва остался работать в советском Разведупре, вел разведку в Китае, а в 1938 году тоже расстрелян.

Также в 1937 году расстрелян немец Хайнц Нейман из Коминтерна, организовавший по заданию советской разведки коммунистическое восстание в китайском Кантоне, а еще несколько лет назад Нейман лично играл со Сталиным в городки на отдыхе в Мацесте. В германской компартии Нейман был столь же легендарной фигурой, как и в советской разведке. Он долгие годы руководил в КПГ всей нелегальной работой, с приходом к власти нацистов в 1933 году все чаще сочетаемой с боевой и явно террористической деятельностью. Нейману же принадлежит освящавший эту террористическую кампанию лозунг: «Убей фашиста там, где встретишь!»

Работавшая также в Коминтерне и в советских спецслужбах жена Неймана тоже арестована. Она оказалась среди той

группы немецких коминтерновцев, кого НКВД в силу тайных маневров Сталина к своему позору передал по тайному соглашению спецслужбам гитлеровской Германии в 1939 году. Нейман-Бубер пережила концлагерь в Равенсбрюке и в своих воспоминаниях «Мировая революция и сталинский режим» писала, что по сравнению с советскими тюрьмами и сибирскими лагерями места заключения Германии при всех своих ужасах значительно проигрывали в плане дьявольского масштаба и безнадежности для жертв. Хотя еще бежавший от советского ГПУ на родину и там тоже попавший в руки гитлеровского гестапо немецкий коминтерновец Карл Альбрехт, одно время бывший даже наркомом лесной промышленности в СССР, писал, что при всей жестокости гестаповцев методы советских чекистов были гораздо более жестокими.

Также под ударами репрессий пали коллеги Неймана по германской секции Коминтерна, имевшие особые заслуги перед советской разведкой: Эберлейн, Мюллер, Гиппенбарг, Шульце, Готопп, Флик, Петерман, Хюпнер и другие. Как и венгры Мадьяр, Касони, Силли, Кун, Пеппер, Малли. Как поляк Чинор, турок Ильтерим, болгарин Генчев, хорват Чопич, серб Горкич, черногорец Мартинович, иранец Орбелиани, румын Залик, швейцарец Рюэг, кореец Цой Шин У, индус Чаттопадхья (в советской разведке для удобства числился как Чатто). И многие другие бойцы мирового коммунистического движения, связанные с советскими спецслужбами. При допросе на Лубянке на смерть забит следователями НКВД известный деятель Коминтерна и генсек компартии Эстонии Ян Анвельт, организатор коммунистического восстания 1924 года в Таллине. Лидер литовских коммунистов Зигмас Ангаретис был так искалечен на следствии НКВД, что на суде слушал приговор лежа из-за сломанного позвоночника и в таком же положении расстрелян. В следственной тюрьме от пыток и туберкулеза умер датчанин Мунк (Петерсен).

Немецкая коммунистка Ольга Гутман выполняла от Разведупра особо важную миссию в Латинской Америке, она входила в ближайшее окружение местного лидера компартии Бразилии Луиса Престеса, который в 30-х годах первым организовал в этом регионе партизанскую геррилью со своей Народной

армией. Гутман (здесь она работала под фамилией Бенарио) не просто состояла как агент при партизанском штабе Престеса в джунглях, она стала законной женой этого довоенного предтечи Че Гевары в Южной Америке, взяла его фамилию и родила бразильскому бунтарю дочь Аниту. Ее, правда, не репрессировали свои, хотя, вероятнее всего, возвращение в Москву для Ольги Гутман-Престес этим бы и закончилось. Но в 1936 году она с мужем попала в руки тайной полиции Бразилии и по личному распоряжению бразильского президента Варгаса ее выдали спецслужбам гитлеровской Германии как «немецкую гражданку и сторонницу коммунизма», в 1942 году советская разведчица и бразильская подпольщица Гутман казнена гестаповцами в лагере Бенбург.

Обвиняемые вместе с генеральным секретарем Коминтерна Димитровым на Берлинском процессе в поджоге Рейхстага деятели болгарской компартии Попов и Танев из лап гестапо вскоре попали в клещи НКВД и оба погибли в ГУЛАГе, а их товарищ Георгий Димитров спокойно продолжал рулить кораблем международного коммунистического движения. Поляк Сохатский в камере Лубянской внутренней тюрьмы покончил с собой до оглашения приговора. Массовые аресты шерстили Коминтерн и выходцев из его недр в НКВД и Разведупре с 1936 по 1939 год. Арестовывали прямо в кабинетах, дома, в номерах забронированной за Коминтерном гостиницы «Люкс», на вокзалах при возвращении из-за границы. Как упоминал Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ», сотрудницу Коминтерна из венгерских коммунистов Ирму Мендель чекист Клегель под видом ухажера пригласил в Большой театр, а после спектакля отвел прямо на близкую Лубянку под арест. Такие диковинные случаи тоже случались в диковинной и невиданной ранее в истории конторе под названием Коминтерн.

Некоторые из этих опытных подпольщиков и разведчиков даже в тисках беспощадного НКВД пытались вспомнить старые приемы борьбы с зарубежными спецслужбами, в условиях советского беззакония в НКВД совершенно бесполезные, как прием политической голодовки. Бывший агент советской разведки и член ЦК компартии Германии Вернер Гирш, ранее личный секретарь генсека КПП Тельмана и главный редактор

газеты КПП «Роте фане», по привычке неоднократного политзаключенного в Германии объявил голодовку и после ареста НКВД (опытный подпольщик не мог смириться с обвинением в работе провокатором для гестапо), отчего и скончался в Бутырской тюрьме во время следствия. Другие быстро поняли, что при условии отсутствия в НКВД даже видимости законности или прокурорского надзора вся их наука подпольной борьбы на Западе здесь неприменима, и начали давать показания о «заговоре в Коминтерне» на себя и на других арестованных.

Арестованных ранее ценных агентов или разведчиков советских спецслужб из числа коминтерновцев не спасали никакие прошлые ордена и заслуги перед НКВД, будь то лихие секретные операции за пределами СССР или донесения на товарищей по заграничной компартии или аппарату Коминтерна. Напротив, основная масса репрессированных сотрудников Коминтерна как раз и состояла из тех, кто работал на советские спецслужбы или состоял в основном центре нелегальной деятельности — ОМС. Среди множества документов из архивов спецслужб по делам арестованных «врагов народа» из Коминтерна выделяются письма из лагеря уже осужденного коминтерновца и агента ИНО ГПУ и Разведупра болгарина Петко Петкова (в советской разведке и Коминтерне работал под фамилией Янтаров). Он забрасывал письмами о своем несправедливом осуждении и руководство НКВД, и прокуратуру СССР, и писал в Исполком Коминтерна своему соотечественнику Георгию Димитрову. И во всех письмах Петков постоянно поминает свою бурную деятельность в подполье БКП в 20-х годах, свое участие в восстании 1923 года, свои операции в Болгарии по линии разведки ГПУ, свои аресты болгарской тайной полицией. А заодно и напоминает, сколько он дал советским органам госбезопасности негласных сведений о засевших в руководстве БКП и болгарской секции Коминтерна «предателях» и «троцкистах», по его доносам уже арестованных и репрессированных. Так, в письмах Петкова о вопиющей ошибке в случае с его осуждением перемешаны эпизоды героической жизни боевика и разведчика с откровенными примерами доносительства: «Росен — лидер тайной оппозиции в БКП, Папачиев — троцкист, Искров — террорист, Генчев — специально провалил наш транспорт с оружием болгар-

скому восстанию, а меня выдал болгарской охранке и так далее». Все названные Петковым-Янтаровым в этих письмах деятели БКП в Советском Союзе в свое время уже арестованы в 1936—1938 годах, в том числе и по его доносам.

Так что не стоит понимать всю кампанию зачистки Коминтерна и иностранных компартий так примитивно, как это иной раз преподносится в книгах об истории Коминтерна: бескорыстные рыцари служили мировой революции, а вырожденцы из НКВД их злодейски истребили. Все в эти трагические годы было сложнее, вот и Петков — типичный пример революционера и агента НКВД, разведчика и доносчика в одном лице. Не все шли по его пути: тот же обвиненный им в провокаторстве для болгарской охранки (по-видимому, все же ложно обвиненный) опытный боевик БКП и сотрудник советского Разведупра РККА Христо Генчев, судя по документам из дела Петкова, все обвинения в свой адрес полностью отвергает. Но и ни на кого из других болгарских коминтерновцев показаний об их антисоветской деятельности давать не желает. Генчев так и умрет в сталинском лагере в начале войны. Впрочем, в тех же лагерях сгинет и так боровшийся за свою жизнь и против «оппозиционеров-троцкистов в БКП» Петко Петков, даже заступничество за него перед НКВД Георгия Димитрова ему не поможет. Это лишь один простой пример одного из активных коминтерновцев на службе советской госбезопасности и разведки: романтика подполья, лихие разведывательные операции, тайные доносы на товарищей, заснеженные гулаговские бараки — все затянуто в один непростой узел.

Все эти связанные с советскими спецслужбами или прямо в них служившие одно время коминтерновцы были репрессированы по большому делу о контрреволюционной организации внутри Коминтерна, которое в НКВД расследовали в течение всего 1937 года (названные следствием лидерами этой группы Пятницкий, Кнорин и Кун также расстреляны). В 1937 году в аппарате Коминтерна органы НКВД арестовали и репрессировали почти 90 человек, в 1938 году еще 20 коминтерновцев пали под ударами репрессий. Это только сотрудников самого аппарата Коминтерна, количество репрессированных простых коминтерновцев, прибывших в Союз деятелей зарубежных компар-

тий, перешедших из Коминтерна в советские спецслужбы, зашкаливало за тысячу уже только за один 1937 год.

Работавшие в советской разведке под чужими именами и с чужими документами иностранцы, как и нелегально прибывшие в СССР, вообще были беззащитны, об их исчезновении в недрах Лубянки никто мог и не узнать. Из московской гостиницы «Люкс» на улице Горького (сейчас это гостиница «Центральная» на Тверской улице), бывшей главным общежитием для иностранцев из аппарата Коминтерна, регулярно «черные вороны» увозили новых жертв этой чистки бывшего штаба мировой революции. Димитров в своем докладе о «разгроме антисоветского заговора в Коминтерне», воздав хвалу бдительному НКВД в его ликвидации, заявил, что заговорщики почти полностью успели взять под негласный контроль ОМС организации и целые национальные секции при Коминтерне, например польскую.

Многие из попавших под молот репрессий коминтерновцы расстреляны в привычном тогда ускоренном порядке. Некоторых для ареста и расстрела специально вызвали с разведывательной работы за границей, как немца Киппенбергера, или с фронта испанской войны, как бывшего там комиссаром интербригады хорвата Чопича. Некоторым из таких обреченных коминтерновцев только отказ вернуться по приказу в СССР из-за границы сохранил жизнь, как руководителю нелегального аппарата германской компартии Вильгельму Мюнценбергу. Он стал таким же невозвращенцем, как некоторые сотрудники разведки ИНО НКВД или Разведупра, а Мюнценберг много знал об операциях советских спецслужб, и не только в Германии. Даже после полного отхода Мюнценберга от Коминтерна и исключения его за отказ приехать в Москву из КППГ Сталин долго негодовал и требовал от НКВД либо заманить Мюнценберга в Союз для ареста, либо ликвидировать его спецоперацией в самой Европе. В 1940 году Мюнценберг во время побега из фашистского лагеря с группой товарищей отстал от них и при невыясненных обстоятельствах то ли повесился в лесу, то ли был кем-то убит и повешен на дереве — в его смерти многие тогда и сейчас видят все же дотянувшуюся до невозвращенца-коминтерновца руку сталинских спецслужб.

Побег на Запад спас жизнь и агенту Коминтерна Яну Валтину (сотрудник советской разведки НКВД под фамилией Креббс), которого ранее перевербовала германская контрразведка СД и сделала двойным агентом. Хотя сам Ян Валтин в своих мемуарах «Ни родины, ни границы» и утверждал, что СД его подставила та же советская разведка в качестве ложного агента и двойным агентом он не был, а порвал по идейным соображениям только с НКВД. В итоге бежавший в США и от советских, и от немецких своих хозяев, Валтин избежал репрессий в НКВД.

Кто-то из связанных со спецслужбами коминтерновцев избежал расстрела, но на долгие годы отправился в бараки сталинских лагерей, как арестованный в гостинице «Люкс» после возвращения из Испании знаменитый командир интербригады Манфред Штерн (Клебер) или польская коммунистка Стефания Брюн (сестра заместителя Дзержинского в ВЧК Иосифа Уншлихта, также расстрелянного к тому времени).

В НКВД надзором за кадрами Коминтерна (а с 1937 года и репрессиями и организацией дел по их обвинению) занималось специально созданное подразделение в 3-м отделе ГУГБ НКВД. Его возглавлял чекист Лев Полячек (сам репрессирован и расстрелян своими в 1939 году в год зачистки ежовцев в органах госбезопасности), и здесь работали специализировавшиеся на коминтерновцах — «врагах народа» и страшные для них своими садистскими методами допросов следователи НКВД Лангфанг и Шварцман — этих «специалистов» осудят только после 1953 года, уже как бериевцев.

1937 год стал только самым «урожайным» для НКВД на репрессии в Коминтерне. Первые же репрессии с арестами и расстрелами коминтерновских кадров начались еще в 1935—1936 годах, как и первые «пробные процессы» в СССР над троцкистами или зиновьевцами. И в Коминтерне первыми тогда ликвидировали тех, кто действительно в середине 20-х годов стоял за Троцкого или Зиновьева, то есть относительно настоящих оппозиционеров: Сафарова, Вуйовича, Домбаля, Сичильяно, Мадьяра. Известный лидер компартии Венгрии Мадьяр вдобавок еще при стукаче заявил в 1935 году, что «НКВД сначала берет всех подряд, а уж потом разбирается». С этого вообще-то

и началось «Дело Коминтерна» в разработке НКВД, со сводки заместителя начальника ИНО НКВД Горба «О сомнительных лицах» от 1936 года. И как это было и в самой большевистской партии, и в самом НКВД, сначала забрали и репрессировали поддерживавших оппозицию за десять лет до того под аплодисменты других, а уж затем и за этими другими пришли с совсем высосанными из пальца обвинениями.

То же и с интернационалистами, уже отправленными Коминтерном в ряды кадровых сотрудников спецслужб СССР. Первым репрессированным из них еще в 1931 году можно считать чеха Ярослава Штромбаха. Молодой лейтенант австро-венгерской армии в русском плену пошел в Чехословацкий корпус, сразу после октября 1917 года из его рядов дезертировал к красным, командовал в РККА интернациональным полком, а с 1923 года перешел в Разведупр. Позднее Штромбаха перевели в строевые части командиром 44-й дивизии под Киевом, а в 1930 году арестовали по делу «Весна», вскоре расстреляв. Среди приговоренных к смерти фигурантов дела «Весна» из царских и белых офицеров в РККА чешский интернационалист Штромбах смотрится странно, хотя он тоже из кадровых офицеров, пусть и австрийских.

Начать с репрессий тех коминтерновцев, кто в 20-х годах был активным участником фракционной борьбы внутри Коминтерна или своих компартий, было достаточно легко. Как и среди сотрудников ГПУ в 20-х годах, среди коминтерновцев участников таких фракций «троцкистов», «зиновьевцев», «истинных ленинцев», «примиренцев», «новых большевиков», «членов большевистской платформы Неймана-Реммеле в КППГ», «членов Ленинбунда» и иных фракционных ответвлений было множество. И любого можно было потянуть за нитку тех старых историй, затем уже нагромоздив и несуществующие к концу 30-х годов тайные фракционные группы, работу провокатором иностранных спецслужб и прямой шпионаж для них в СССР. Этим и воспользовались в разжигании дела об антисоветском заговоре в Коминтерне, как пользовались старым компроматом о колебаниях в партии против самих сотрудников НКВД.

Один из лидеров германской компартии Гуго Эберлейн, бывший для ОМС Коминтерна и для НКВД много лет главным

эmissаром по развозу компартиям Европы выделенных им денежных средств из Москвы на нелегальную деятельность, на долгих допросах на Лубянке после ареста недоумевал, что осталось в протоколах его дела: «Мы все в 20-х годах участвовали в спорах и фракционной борьбе в КПГ, но при чем здесь шпионаж против СССР и работа на гестапо?» Несчастный коминтерновец Эберлейн, арестованный после одного из тайных вояжей по линии Коминтерна и внешней разведки при возвращении в Москву прямо на вокзале, так и не понял эту изощренную логику Лубянки: кто колебался и участвовал во фракциях в 20-х годах, в 1937 году уже бесспорный враг социализма и шпион. После долгих странствий по этапам и лагерям Эберлейна после очередного пересуда его дела в Москве все же расстреляли в 1942 году (по другим сведениям — его убил конвой на пересыльном этапе безо всякого судебного приговора). Так пал под ударами НКВД еще один ветеран Коминтерна и компартии Германии с первых дней их существования. На знаменитой фотографии с первого учредительного конгресса Коминтерна в 1919 году молодой немец Гуго Эберлейн улыбается за столом президиума по правую руку от самого Ленина.

В книге «Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории» ее автор, сын Осипа (Иосифа) Пятницкого Владимир, высказывает в этой связи предположение, что Сталин готовил еще более гигантский процесс против Коминтерна целиком с последующим его закрытием уже в конце 30-х годов. Но помешали обстоятельства и стойкость «старых большевиков», к которым В.И. Пятницкий, не скрывающий своих коммунистических взглядов, относит и своего отца, яростно защищаемого им в книге. Потому якобы компромат на Димитрова, Тольятти, Куусинена, Шмерала, Марти и других избежавших репрессий главных руководителей Коминтерна не пошел в дело, и гигантская задумка судить весь Коминтерн у Сталина провалилась. Здесь же В.И. Пятницкий пишет, что генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Димитров это понимал и даже вынашивал план перевести руководство Коминтерна за пределы СССР и тем сохранить организацию от уничтожения ее злодейским планом Сталина. Хотя представляется, что, как и в массе других больших дел в годы репрессий, следователи НКВД просто

вышибали для профилактики из уже обреченных показания на как можно более широкий круг лиц, а уж кого из них репрессировать, а кого не трогать — решали на другом уровне, в самом Кремле и в руководстве НКВД.

Думается, будь у Сталина такой план ликвидации Коминтерна уже году к 1938-му, через большой процесс о заговоре в нем, Сталин и НКВД его без особых проблем бы осуществили. Деятели Коминтерна по привычке сдали бы друг друга, а все «старые большевики» под пытками дали бы друг на друга показания, как это и произошло в реальном деле о «заговоре в Коминтерне». Версия же о плане Димитрова вывезти часть руководителей Коминтерна из Советского Союза и обосноваться где-то за его пределами вообще выглядит в тех реалиях фантастической. Кто бы выпустил обреченных за железный занавес тогдашнего Союза, а представить Димитрова с Тольятти нелегально идущими ночью через советскую границу, как это сделал разочаровавшийся в СССР испанский коммунист-боевик Кампесино, очень трудно. По-видимому, Сталин исполнил именно задуманный им план, выбил из Коминтерна часть руководства, остальных запугал и превратил в придаток своей власти, оставив еще на несколько лет в качестве пустого символа былой революционной мощи Коминтерна. Зачем оставил, что хотел сделать из этих остатков Коминтерна? Теперь уже загадка, точного ответа на которую не узнать, осуществлению этих замыслов препятствовала начавшаяся война и новые заботы.

Итогом всей этой деятельности Коминтерна стало накапливающееся против него раздражение верховной власти в СССР и лично Сталина. Утративший ряд своих основных функций, обескровленный репрессиями в нем 1937—1939 годов, выжатый уже кадрово спецслужбами, Коминтерн был обречен на закание уже к 1940 году. Точкой отсчета можно считать даже 1936 год, когда Сталин впервые заявил на публике, что СССР больше не стремится к мировой революции (наврав при этом, что якобы и раньше не стремился), с этого же года Иосиф Виссарионович отбросил дипломатию и все чаще отзывался о Коминтерне иронично и пренебрежительно.

Только по инерции и определенным соображениям Сталина он протянул затем в агонии еще несколько лет. Хотя по мно-

гим свидетельствам, приводимым в том числе и В.А. Бобреновым в его книге «За отсутствием состава преступления» о сталинской чистке в Коминтерне, Иосиф Виссарионович еще в 1937 году в кругу ближайших сподвижников в своем стиле возмущался пассивностью Коминтерна: «Кто эти люди? Просто наймиты, живущие давно за наш счет. И через девяносто лет они не смогут сделать ни одной революции».

С годами после этого Коминтерн только слабел, усиливая это раздражение власти и Сталина, который к 1940 году открыто позволял себе называть это устаревшее ленинское детище «лавочкой». Тем более что несоответствие задуманного проекта и современного состояния Коминтерна к 30-м годам было уже очевидным для всех, а это только порочило саму марку ленинского Третьего интернационала. Это понимали уже за границей, считая Коминтерн только обслуживающим проектом при Кремле и его спецслужбах, а значит, и эффект его пугающей Запад мощи снижался на глазах.

Это же понимали оппоненты Сталина в партии внутри СССР, как автор попытки «ленинской платформы» в ВКП(б) Мартемьян Рютин, который в своей листовке «Ко всем членам ВКП(б)» еще в 1932 году бросил Сталину это обвинение: «Антиленинская политика Сталина дополняется антиленинским руководством Коминтерна. Коминтерн из штаба мировой коммунистической революции низведен до роли простой канцелярии Сталина по делам компартий, канцелярии, где сидят трусливые чиновники, послушно выполняющие волю своего начальника». О выполнении воли еще и сталинских спецслужб, чем все более занимался Коминтерн, Рютин ничего не написал, возможно, не был близко допущен к секретам такого взаимодействия. Но такие оценки тоже требовали от Сталина как-то закрыть вопрос с двусмысленностью существования Коминтерна. Да и в самом Коминтерне многие уже видели истинную картину совсем не той, какой она рисовалась им при Ленине. «Коминтерн стал просто рукой Сталина и его власти», — сказал Хосе Пенелон, уходя из Коминтерна и уводя из-под его крыши половину аргентинской компартии, как позднее поступил и финн Туоминен. Проект «Коминтерн» потребовалось свернуть с соблюдением всех дипломатических оговорок.

Агония Коминтерна закончилась в годы участия СССР во Второй мировой войне. Собственно, к этому времени у Коминтерна оставалось все меньше власти и реальных задач. К 1939 году закрыты последние его курсы боевой работы и радистов, которые начали сворачивать с того самого 1936 года. Теперь Коминтерн только поставлял кадры для НКВД и Разведупра, а обучали их уже спецслужбы. Донесения Димитрова в 1940—1941 годах уже почти полностью посвящены количеству и кандидатурам отобранных в Коминтерне и переданных в Разведупр или в 4-е управление НКВД Судоплатову людей для разведывательно-диверсионной работы, прежним гигантским планам восстаний в мировом масштабе пришел конец. Периодически в годы Второй мировой войны еще попадают остатки пришедшей по каналам Коминтерна разведывательной информации от иностранных компартий, которую Димитров тут же переправляет в НКВД. Так, Димитров с припиской «С товарищеским приветом» в конце 1939 года направляет лично главе НКВД Берии шифры японской армии, похищенные китайскими партизанами и привезенные в Москву представителем компартии Китая. Этим молодым китайским товарищем посыльным был Чжоу Эньлай, в последующем председатель правительства КНР и правая рука Мао Цзэдуна.

Когда последние пригодные кадры уже были забраны спецслужбами в разведку и в диверсионные группы, еще и попытка массово отправить коминтерновские кадры на фронт привела к пропагандистской кампании немцев при первых же пленных из их числа: «Интернационалистов Сталин гонит как пушечное мясо на убой». Кого-то отозвали с фронта, кто-то так и воевал до победы, как танкист Сергей Мао, сын Мао Цзэдуна, но это уже судьбы отдельных людей, а судьба Коминтерна была к тому времени предрешена. По некоторым сведениям, первоначальное решение о закрытии Коминтерна Сталин принял еще весной 1941 года, и только момент вступления СССР во Вторую мировую войну отодвинул этот указ.

22 июня 1941 года Сталин в числе других ближайших соратников встречался один на один и с генсеком Коминтерна Димитровым, нераспущенный Интернационал нужно было как-то использовать в тяжелых условиях войны, из-за первых

серьезных поражений Кремлю было уже не до реформ в нем. Тревожным утром 22 июня Сталин в череде приемов первых своих сподвижников и военачальников нашел два часа для беседы с Димитровым и его заместителем в ИККИ Мануильским. Но речь опять пошла об инструктаже по своим каналам руководства заграничных компартий о необходимых действиях и о поставке людей в ряды НКВД и ГРУ. При этом сам Димитров писал позднее, что в ходе этой беседы Сталин запретил ему даже призывать по традиции к социалистической революции в других странах, необходимо было только пропагандировать антифашистскую роль борьбы Советского Союза против Германии. Логичное предложение Димитрова о формировании по модели войны в Испании большой интербригады под эгидой Коминтерна и отправке ее на фронт было Сталиным категорически отвергнуто в июне 1941 года, время символов и демонстраций прошло.

После этого Коминтерн исполнял уже больше представительские функции. В октябре 1941 года его штаб вывезли подальше от попавшей в тяжелое положение Москвы в Уфу (частично в Куйбышев), здесь же создали радиоцентр Коминтерна. Отсюда остатки пригодных к работе немцев уезжали агитаторами в лагерь военнопленных и организаторами комитета «Свободная Германия», поляки — комиссарами в формируемую неподалеку в Бузулуке польскую армию Андерса, а испанцы — в основной массе в спецуправление по диверсиям и зафронтовой работе Судоплатова в НКВД. Сам Димитров из эвакуированного штаба своего поредевшего интернационального войска еще пытается порой спорить с руководством советских спецслужб, совсем затерших мощный некогда штаб всемирной социалистической революции. Так было еще даже в начале 1943 года, когда разведка НКВД давала болгарским партизанам инструкции, противоречащие официальным установкам Коминтерна, и Димитров требовал всю работу с иностранными партизанами-коммунистами вернуть только в распоряжение Коминтерна, чтобы хоть чем-то управлять самому, но его усталый голос все менее слышен был в Кремле или на Лубянке. С 1942 года Сталин даже редко встречается с Димитровым, хотя штаб Коммунистического интернационала и вернулся вскоре из эвакуации в Москву.

В итоге разрекламированный когда-то штаб мировой революции и будущее правительство мировой Республики Советов, Коминтерн тихо и без особой помпы прикрыли официально в разгар войны в 1943 году, когда всем в мире было уже очень мало дела до Третьего интернационала. Решение о закрытии вынесли в мае 1943 года, это был приговор растерявшему остатки былой мощи Коминтерну. Сообщая об этом самому Димитрову, Сталин вдруг неожиданно признался ему, что власти Советского Союза, возможно, и ошиблись даже при самом создании Коминтерна в 1919 году, слишком переоценив его силы, чем полностью девальвировал все пламенные надежды Ленина на этот очаг мировой революции.

Скорее всего, правы те, кто утверждает, что Сталин собирался закрыть Коминтерн еще до войны, что весной 1941 года он уже обсуждал с Димитровым детали предстоящей ликвидации (вряд ли советовался, скорее ставил генерального секретаря Коминтерна в известность и обсуждал с ним практическую сторону вопроса), но начавшаяся война отложила этот план. В 1943 году же на упразднении Коминтерна настояли лидеры США и Великобритании, с которыми предстояло договариваться о существовании в мире после войны.

Хотя кажется, что в этот период между 1941 и 1943 годами Сталин тянул с приказом о закрытии Коминтерна не зря, скорее всего, рассматривал еще какие-то перспективы использования этой организации, какие-то варианты, возможно и по линии спецслужб. Вероятно, эти запасные варианты и не давали закрывать Коминтерн еще с конца 30-х годов, хотя бы после последнего поражения в Испании. Почему Сталин ждал так долго и не закрывал явно утратившую свою практическую силу и надоевшую ему «лавочку наймитов и бездельников» еще году в 1940-м — это еще одна, и последняя, загадка Коминтерна.

Глава 9

БОЛЬШАЯ БОЙНЯ

Революция — вещь не утонченная, всякая революция есть прежде всего насилие.

Мао Цзэдун, вождь китайской революции

Большие репрессии в Советском Союзе захватили, как принято считать, период 1936—1940 годов, при этом 1937—1938 годы отмечены особенно широкими арестами и казнями. Это была официальная кампания НКВД по массовой зачистке страны и партии по указанию высшей власти.

Об этих трагических годах, которыми завершались в нашем отечестве 30-е годы XX века, как и об участии в этом Большом терроре органов НКВД, сейчас уже написано достаточно, вряд ли тут стоит повторяться. В нынешней России любой даже самый далекий от политики или истории человек что-то знает об этой кампании сталинской зачистки страны. Как писал Хемингуэй, в литературе ты всегда ограничен тем, что уже здорово описали до тебя другие писатели. К истории сталинского Большого террора после Солженицына, Шаламова, Разгона и других описавших эту кампанию писателей добавить действительно что-либо трудно.

Деятельность НКВД в качестве главного исполнителя этого Большого террора тоже описана подробно. Все эти иезуитские «десять лет без права переписки», маскировавшие тайный расстрел в подвале НКВД и долго терзавшие родню казненного напрасной надеждой. Все ночные «воронки» на улицах городов и замаскированные под хлебовозки фургоны с арестованными. Все ужасное пыточное следствие и скорые приговоры «троек» к расстрелу. Все Катыни, Медные, Левашовская пустынь в Санкт-Петербурге, где и сейчас на деревьях питерцы

вывешивают таблички с именами расстрелянных в 30-х годах родственников, лес у Куропат под Минском, Дарница у Киева. Все эти «объекты Бутово», «Коммунарка» — тайные места расстрелов в подмосковных совхозах. Убийства приговоренных угарным газом в машинах-душегубках по «рацпредложению» начальника Административно-хозяйственного отдела НКВД Берга. Все острова солженицынского «Архипелага ГУЛАГ». Тысячи расстрелянных НКВД в Киеве в эти годы по конвейеру бесконечных доносов одной и той же сошедшей с ума комсомолки Николаенко.

Как и официальное разрешение НКВД с начала 1938 года на любые пытки арестованных по политическим делам для получения нужных «признаний». Как и отмена по предложению прокурора Вышинского прокурорского надзора за работой НКВД в расследовании дел о государственных преступлениях. Как и жуткие квоты областным НКВД по количеству обреченных на отстрел, как и «стахановцы» из начальников местных чекистов, регулярно требовавшие увеличения квот по своему региону, как это делал начальник Омского отдела НКВД Горбач. Или «умельцы», добивавшие выделенную для них квоту любыми средствами. Как вспоминал сотрудник Ташкентского управления НКВД Калганов, когда указанное количество не смогли добрать даже приписками в политические арестованных уголовников и бытовиков, для выполнения плана похватали цыган из стоявшего под Ташкентом табора, и всем им тоже «шили политику». А вот на чем в свете нашей темы стоит остановиться подробнее, так это на том, как «большая чистка» конца 30-х годов отразилась на самих советских спецслужбах и как в свете этой страшной кампании репрессий складывались отношения власти и ее системы спецслужб.

Ведь не секрет, что советские спецслужбы в эти несколько лет репрессий стали не только их исполнителями, но и объектами. Что масса чекистов и военных разведчиков сами оказались жертвами репрессий, отправившись в расстрельный подвал или в лагерь гулаговского архипелага. Что в НКВД и военном Разведупре почти поголовно отстреляли остатки первого дзержинского поколения этих служб, избавляясь от самых в прошлом верных и идейно фанатичных солдат советского режима. Толь-

ко в НКВД и только действующих чекистов за 1936—1939 годы арестовано и репрессировано более 22 тысяч. И что сами спецслужбы оказались в непростых взаимоотношениях с властью, с одной стороны оказавшись топором репрессий в руках власти Сталина, а с другой — мишенью для этих же выборочных репрессий. Как метко подметил перебежчик из советских спецслужб на Запад Резун, ставший там писателем под псевдонимом Суворов: «Это было время, когда чекистов, которых решено было ликвидировать, отстреливали другие чекисты, которых пока еще ликвидировать не решились». А один из предшественников Резуна, бежавший еще в 1927 году на Запад чекист и разоблачитель провокации «Трест» Опперпут, ровно за десять лет до большой зачистки в самом НКВД пророчески предупреждал оставленных в СССР своих коллег: «Чекистская машина — это мясорубка для всех, и для вас самих тоже, рано или поздно вас самих будут ликвидировать».

В первую крупную волну чекистов, подвергнутых репрессиям уже в 1937 году, вскоре после начала официальной кампании этих отстрелов, не случайно попали самые видные в прошлом представители дзержинского призыва первого ЧК. Уже летом и в начале осени 1937 года НКВД арестованы Лацис, Петерс, Данишевский, Кнорин, Круминь, Бреслав и другие в прошлом известные чекисты, в начале 1938 года все они после довольно быстрого следствия расстреляны. Это было первое крупное дело о заговоре врагов из числа бывших чекистов, так называемого «латышского центра», поскольку большинство из этих людей были выходцами из Латвии.

Очень скоро последовало аналогичное дело «польского центра», о свивших контрреволюционное гнездо в органах госбезопасности польских националистах, по нему расстреляна еще одна обойма видных дзержинцев уже польского происхождения: Реденс, Кобецкий, Логановский, Карский, Ольский, Уншлихт, Мессинг, Сосновский, Пилляр, Роллер и другие. Это дело в НКВД известно как дело «Польской военной организации», которую якобы составили тайно эти чекисты-поляки. Сюда же пристегнули отбывавшего свой срок на Дальнем Востоке за халатность в истории с убийством Кирова бывшего начальника Ленинградского НКВД Филиппа Медведя, как и его

бывшего заместителя Ивана Запорожца, хотя они были выходцами с Украины. Затем было и дело «эстонского центра» в органах (так называемое «Дело фонтанников»), по которому расстреляны эстонцы-чекисты во главе с Риксом и Отто. И это не считая еще и планомерного и постоянного одиночного отстрела собственных кадров.

КОНЕЦ ГРУППЫ ЯГОДЫ В НКВД

Еще одной крупной волной репрессий стала ликвидация бывшего наркома Ягоды, потянувшая за собой отстрел многих сотрудников НКВД вслед за их шефом. Сам Ягода намечен к ликвидации Сталиным был еще в 1936 году, его, как мы теперь знаем, сгубила принадлежность к влиятельной в 30-х годах группе «правых» в руководстве партии. Как только Сталин разделался в 1936 году с «левой» оппозицией себе в лице Зиновьева, Каменева и их сторонников, он вскоре срубил голову и оппозиции себе справа из более умеренных большевиков. После арестов верхушки «правых» (Бухарина, Рыкова, Енукидзе, Крестинского и др.) Ягода тоже был обречен, длительная дружба с компанией Бухарина не оставляла ему шансов уцелеть.

Уже когда осенью 1936 года Ягоду сняли с должности наркома внутренних дел, косвенно прозвучал упрек бывшему главе госбезопасности в том, что он проглядел множество врагов, проникших на высшие должности в партии и советском государственном аппарате. Это уже означало близкий приговор, хотя поначалу Ягода в соответствии с тогдашней сталинской модой был назначен наркомом связи с пожеланием Сталина наладить работу в этом важном наркомате. Здесь Сталин в своем стиле произвел рокировку, на месте наркома связи обреченный в близком будущем Ягода сменил обреченного уже сейчас Алексея Рыкова: ранее того с поста главы Совнаркома отправили руководить этой самой связью, а теперь уже снимали без назначений под скорый арест НКВД.

Но опала Сталина становилась для Ягоды все более явной, вождь перестал со своим бывшим наркомом внутренних дел даже здороваться, демонстративно не подав своему опальному

приближенному руку у Мавзолея на параде 7 ноября 1936 года, одному из всех присутствовавших здесь членов ЦК ВКП(б). Сталин уже не стеснялся говорить о том, что Ягода завалил работу доверенной ему спецслужбы, что с разоблачением «троцкистско-зиновьевского» заговора он опоздал как минимум на четыре года, то есть по официальному сталинскому летосчислению этот заговор оформился в 1932 году. Так в сталинском СССР говорили о практически отпетом покойнике, хотя сам Генрих Ягода и продолжал обреченно ходить среди живых в ранге наркома связи.

Состоявшийся в начале 1937 года пленум ЦК ВКП(б), проходивший в феврале и марте, этот приговор Ягоде практически огласил. На пленуме много времени уделили обсуждению положения дел внутри НКВД и разбору допущенных лично Ягодой ошибок от халатности в деле об убийстве Кирова до уже прямых обвинений в покровительстве им в верхушке НКВД тайным приверженцам группы «правой оппозиции». Давно недолюбивавшие Ягоду нарком обороны Ворошилов и сменивший его во главе НКВД Ежов своими выступлениями устроили для Ягоды натуральное аутодафе, бросая ему прямо в лицо очень тяжелые обвинения. Растерянный опальный экс-нарком испуганно и временами маловразумительно пытался парировать их обвинения, его страх и подавленность сквозят в материалах этого пленума на тех страницах, где Ягоде давали слово для объяснений. Впрочем, по настрою обвинявших явно обреченного Ягоду заметно, что все его объяснения уже ничего не могли изменить.

Из заслушанных в том же марте 1937 года на пленуме ближайших подчиненных Ягоды в НКВД почти никто из них (Агранов, Евдокимов, Миронов, Реденс, Балицкий, Заковский) не рискнул защищать рухнувшего бывшего шефа. Все они указывали на ошибки Ягоды и в разной степени «топили» полетевшего вниз с чекистского олимпа собственного начальника, хотя очень скоро все они по очереди попадут в расстрельные застенки вслед за изобличаемым ими Ягодой. С трибуны Ягода слышал от бывших соратников и подчиненных откровенные обвинения. Агранов: «Ягода затормозил мое назначение начальником ГУГБ НКВД, поскольку такой выписки из постановления ЦК не было до конца 1936 года, а я из скромности ждал этого назначения и

в ЦК не обращался, а многие указания товарища Ягоды мне казались политически сомнительными». Реденс: «Вы, Ягода, не понимаете того, о чем здесь говорите, вы здесь о троцкистах-зиновьевцах и о «правых» ни разу не обмолвились, а говорите, что все вредители разбиты!» Балицкий: «Выступление товарища Ягоды здесь не было самокритичным, не было большевистски правильным выступлением, выступление Ягоды было позорным для бывшего руководителя НКВД!» Миронов: «Тот позорный провал, в котором очутились органы НКВД, произошел по вине бывшего нашего руководителя Ягоды». Это только самые острые реплики в адрес опального наркома из уст заслушанных на пленуме ЦК ВКП(б) чекистов. И хотя кое-кто из них еще по привычке называет его «товарищ Ягода» — уже ясно, что эти «товарищи» упавшего своего бывшего командира приговаривают к неизбежному аресту.

Для характеристики обстановки судилища над Ягодой на пленуме 1937 года, морального климата тех лет внутри НКВД и уровня чекистской солидарности перед началом массовых репрессий достаточно почитать эти опубликованные сейчас выступления вчерашних подчиненных Ягоды в его адрес. Вот как с трибуны этого пленума обращался к Ягоде, запросто называя его «ты», высокопоставленный чекист Ефим Евдокимов, несколькими годами ранее из-за споров в ГПУ вокруг «Шахтинского дела» и операции «Весна» по бывшим царским офицерам выдвинутый Ягодой из органов госбезопасности: «Здесь выступил Ягода — гнилая и непартийная речь. О каких жертвах говоришь? Нужно было сказать нам о том, как ты руководил НКВД, как и почему получились провалы в работе органов НКВД, а не изображать из себя ягненка, знаем мы, что ты не ягненок... Зачем клеветать на чекистов?.. Брось ты мне тут петрушку крутить, брось трепаться, ты мне никакой помощи в работе не оказал... Надо привлечь Ягоду к ответственности, надо крепко подумать о возможности его пребывания в составе ЦК. Снять с него звание генерального комиссара государственной безопасности, хотя бы и в отставке, он его не оправдал».

Сам ошарашенный Ягода на эту завершающую часть речи Евдокимова с места, судя по стенограмме пленума, откликнулся только беспомощным возгласом: «Что вы, с ума сошли?» По

стойкой легенде, в конце всего этого судилища Ягода будто бы в отчаянии выкрикнул своим обвинителям: «Жаль, я вас всех не арестовал еще год назад!» — но в стенограмме пленума этой реплики нет, да и верится в этот выпад Ягоды с трудом. Надо думать, он уже на этом пленуме понял, что конец его близок и что с таким подходом «петрушку крутить» ему уже не дадут. Но сопротивляться или дерзить он все равно не решался, даже от обвинений отбивался как-то вяло, словно понимая бесполезность всех таких усилий. Возможно, с того времени он уже ожидал ареста, надеясь только на милость Сталина и на то, что заслуженного чекиста и заместителя Дзержинского все же лишить жизни не посмеют.

Здесь он ошибся, уже в начале 1937 года сменивший Ягоду на посту главы НКВД Ежов докладывал Сталину о результатах расследования заговора «правых» и застрелившегося до ареста одного из их лидеров Томского, после изучения бумаг которого Ежов пришел к роковому для своего предшественника выводу, что «Ягода главный в руководящей тройке правых».

Совсем недавно назначенный наркомом НКВД Ежов на пленуме театрально добавлял самокритики, говоря: «Это мы, чекисты, тогда недоработали, а товарищ Сталин нам прямо говорил: ищите убийц среди зиновьевцев, а в это не верили и многие чекисты, страховали себя по другим линиям, и товарищ Сталин прямо ведь говорил Ягоде: «Смотри, морду набью». И мне не хотели тогда некоторые чекисты показывать оперативные материалы дела, у Молчанова вообще были настроения подальше запрятать агентурные сведения, ведомственные соображения говорили: впервые ЦК проверяет так чекистов, люди не могли переварить это. И немалая доля вины лежит на таких узколобых антипартийных работниках НКВД, хотя и старых убежденных чекистах». Почти откровенно юродствуя, Николай Ежов тут же и сам каялся непонятно в чем: «И меня они провели, оперативного опыта мне не хватило поначалу».

18 марта 1937 года Ежов на собрании актива НКВД заявил открыто, что Ягода лидер правых фракционеров и заговорщиков в партии, а также растратчик казенных средств и тайный агент бывшей царской охраны. Это собрание Ежов проводил в построенном под личным кураторством Ягоды Центральном

клубе НКВД, задуманном бывшим наркомом как некий храм чекистского сообщества. И на алтаре именно этого храма опальный глава НКВД Ягода был принесен в жертву начавшейся вакханалии репрессий, пока еще принесен в жертву только символически. Эта сходка партактива НКВД в Центральном клубе, ее опубликованные сейчас материалы тоже отлично передают атмосферу внутри чекистского ведомства тех лет, когда уже открыто пошла грызня разных группировок и масса взаимных обвинений в политической слепоте или в прямой измене. Здесь как врагов советской власти вместе с Ягодой уже припечатывают с трибуны и его бывшего заместителя в НКВД Агранова, и уже арестованного одним из первых тогда на Лубянке бывшего начальника Секретно-политического отдела НКВД Молчанова. И сам еще заместитель Ежова в НКВД Агранов, чувствуя близость тюремной камеры, в отчаянии пытается спихнуть вину на уже арестованного коллегу Молчанова: «Нам удалось поставить на рельсы следствие по троцкистско-зиновьевскому центру, хотя неправильную и антипартийную позицию в этом деле заняли Ягода и Молчанов, только благодаря вмешательству товарищей Сталина и Ежова мы смогли поднять это дело». Довольный Ежов кивал из президиума этого коллективного самобичевания, отлично зная, сколь недолго Агранову осталось посвящать его в тонкости чекистской работы на Лубянке и славить нового наркома с трибуны.

Поднявшийся здесь же на трибуну бывший глава ИНО Артузов в провале всей команды Ягоды предлагал обвинить еще и сменившего его на посту главы внешней разведки своего бывшего заместителя Абрама Слуцкого, к которому затаил еще при своем смещении обиду. Поскольку, по его мнению, Слуцкий в начале 30-х годов был в ГПУ главой парторганизации и «не проявил бдительности, а также позволял наркому Ягоде со ссылкой на занятость не ходить на партийные собрания чекистов». В ответ Слуцкий, отчаянно защищаясь от обвинений в близкой дружбе с обреченным Ягодой, самого Артузова в лицо обвинял в политических ошибках, поминая его состояние в коллегии ГПУ при Ягоде.

Очевидцы говорили, что сам новый нарком Ежов такой атмосферой на партийном активе НКВД 18 марта 1937 года был

доволен и о грызне у политического труппа Ягоды его ближайших вчера соратников даже лично доложил Сталину. К тому же Сталину на доклад Ежов принес фактический донос на бывшего наркома Ягodu и многих его соратников с Лубянки от начальника Воронежского управления НКВД Семена Дукельского, чекиста со стажем в ВЧК со времен Гражданской войны, в котором Дукельский уверял, что давно разглядел в госбезопасности вражеское гнездо заговорщиков, но Ягода прятал под сукно все его сигналы. За эту помощь в ликвидации Ягоды и ягодинцев Дукельский затем был Сталиным отблагодарен с широкой душой. Его не арестовали ни в компании Ягоды, ни позднее за компанию с Ежовым и ежовцами, а отправили из НКВД руководить комитетом по кинематографии в СССР взамен расстрелянного главного киноведа страны Бориса Шумяцкого, и умер советский пенсионер Дукельский своей смертью.

Итогом этой речи Ежова на партактиве НКВД стал арест Ягоды 4 апреля 1937 года, а затем и арест многих его приближенных в НКВД. На его квартирах в Кремле и на Милютинской улице в Москве, как и на загородной даче в Подмосковье, проведены обыски, которые и дали столь сенсационные тогда результаты в виде найденных в огромном количестве коллекций вин, табачных трубок, неучтенного оружия, порнографии, ковров, мехов и прочих всевозможных ценностей. Летом 1937 года отдельным постановлением Политбюро даже лишили всех прежних орденов уже сидящего под следствием Ягodu и ряд арестованных по делу его группы бывших высокопоставленных чекистов (Молчанова, Гая, Прокофьева, Паукера, Бокия, Воловича и др.), включая уже покончивших жизнь самоубийством до ареста Чертока и Погребинского. После этого июньского постановления о лишении орденов с формулировкой «за измену и контрреволюцию» для команды Ягоды будущее в виде неминуемого расстрела перестало быть тайной.

Ягода, сломленный следствием, признался и в тайном отравлении его людьми Горького, и в мифическом покушении на жизнь своего сменщика в НКВД Ежова, и в организации убийства Кирова, и в подготовке в группе «правых» неких кулацких восстаний в СССР. Затем ему же добавили тайное убийство видного большевика Куйбышева, умершего своей смертью в

1935 году, ликвидацию своего бывшего шефа в ГПУ Менжинского (одновременно по заданию «заговора правых» и из собственных карьеристских соображений, расчищая якобы себе путь в наркомы), и даже убийство сына Горького Максима Пешкова (уже якобы по лично-лирическому мотиву любви к его красавице жене).

Словно на «тайную группу Ягоды» из бывших сотрудников спецслужб решили списать все накопившиеся темные пятна прошлых резонансных дел. Под ударами следствия бывших подчиненных (ударами в прямом и переносном смысле, хотя некоторые исследователи и сомневаются в применении к Ягоде настоящих пыток) экс-нарком Ягода признавал на следствии даже полностью абсурдные обвинения. Например, в том, что через преданных ему сотрудников ИНО НКВД и служивших НКВД деятелей Коминтерна переправлял денежные средства вместо нелегальных компартий за рубежом Троцкому и его центру. И это притом, что судили Ягоду за компанию с группой «правых» Бухарина, как раз во внутрипартийной борьбе предыдущих лет ультралевой фракции Троцкого и противостоявшей.

Этого Ягода, как и обвинения в шпионаже, так и не признал, несмотря на все старания следствия. Принято считать, что к Ягоде вообще силовых методов на допросах не применяли, что он и так сломался под арестом от неизбежности конца. Хотя и гуляет версия, что его на допросе крепко поколотил ежовский заместитель в НКВД Евдокимов, который бывшего шефа по ГПУ ненавидел, именно его Ягода в 1931 году выдавил из органов безопасности на время.

Да и на суде, до которого все же дожил, он так же покорно признал и свое участие в «банде Бухарина—Рыкова», и свою роль в организации убийств Кирова и Горького. На суде в 1938 году он заявил, что убить Кирова ему поручил бывший лидер правых Енукидзе, заместитель председателя ВЦИК, а тому приказ отдал сам Рыков — идеолог правых и глава советского правительства. Сам же Ягода якобы приказал организовать убийство Кирова заместителю начальника Ленинградского НКВД Запорожцу, который, как мы помним, в момент убийства Кирова был в Сочи на лечении и к этому делу пристегнут искусственно.

В тех же протоколах допроса Ягоды, завершающихся фразой «Никаких жалоб и претензий к следствию не имею», есть и еще ряд таких сенсационных признаний, как связь с зарубежными троцкистами и соучастие в тайных переговорах «правых» с германскими национал-социалистами через заместителя наркома иностранных дел Карахана. А также убийство уже больше по личным якобы мотивам сына Горького и по карьеристским — Менжинского.

Это сочетание мотива личной выгоды и работы на «правый заговор» позволили прокурору Вышинскому на процессе 1938 года даже сравнить Ягodu с популярным тогда в мире американским гангстером Аль Капоне и с известным шефом тайной полиции Франции времен Наполеона Жозефом Фуше, успевшим послужить нескольким различным режимам и бывшим знатным интриганом. Увлечшись историческими параллелями, Вышинский почему-то в той же речи в вину Ягоде ставил даже увлечение романами Александра Дюма, видимо, такое легкое чтение тогда считалось недостойным коммуниста на столь высокой должности и тоже свидетельствовало о моральном разложении Ягоды. Обрушив в своей речи на суде над «правым блоком» в адрес Ягоды и его подельников привычный набор обвинений: «Шайка бандитов, грабители, подделыватели документов, заговорщики, диверсанты, шпионы, убийцы», Вышинский зачем-то еще и сравнивал их с мафиози неаполитанской коморры. Уж если прокурора Вышинского так увлекла история итальянской мафии и он хотел провести параллели с ней заговора Ягоды, то наш знаменитый обвинитель мог бы детальнее ознакомиться с историей коза ностра. В ней на судьбу Генриха Ягоды больше похожи судьбы совсем других персонажей, а не Аль Капоне. Это Джузеппе Морелло, Джо Массерия, Сальваторе Маранцано — все они поочередно в начале XX века были всеильными «боссами всех боссов», королями итальянской коза ностра в США. А в начале 30-х, совсем незадолго до процесса по делу «правых» в СССР, в ходе первой кровавой войны внутри коза ностра их физически уничтожили представители более молодой и жестокой поросли мафии под началом того же Аль Капоне, Лаки Лучано или Фрэнко Костелло. Они же реформировали мафию, отменив в итоге титул

«босса всех боссов» и организовав взамен подобие коллективного политбюро мафиози, что более отвечало требованиям времени в 30-х годах. И сторонников убитых боссов из их прежней гвардии, так называемых «кастелламарцев», перестреляли в этой внутримафиозной бойне, как многих дзержинцев из команды низвергнутого Ягоды несколькими годами позднее отстреляли в Москве чекисты новой волны. Но понятно, что Андрей Януарьевич так глубоко в историю коза ностра или коморры не полез, образ Аль Капоне подвернулся за звучность в тот момент его имени, нужно было просто побольнее пнуть упавшего Ягоду.

Сейчас поражаешься такому всеобъемлющему обвинению на процессах конца 30-х годов: зачем нужно было такое множество зачастую абсурдных обвинений, когда одного признания в заговоре с целью захвата власти в стране и попытке свергнуть социалистический строй уже было достаточно для вынесения всем сознавшимся смертного приговора. Зачем было прищипливать сюда легко затем отмененные историей обвинения в работе на чужие разведки, в организации мифических терактов, в убийствах умерших своей смертью людей? Зачем было вообще приплетать итальянскую мафию, Гитлера или тревожить дух давно умершего Жозефа Фуше, от которых Ягода и другие «правые» при всех их недостатках были бесконечно далеки? Видимо, сказывалась ритуальная привычка большевиков во всем чернить своих политических врагов, которые не могли в их глазах иметь каких-то отдельных недостатков, а обязаны были влачить весь шлейф перерожденцев, заговорщиков, фашистов, предателей родины и террористов.

То же и с выбитым из Ягоды и его приближенных обвинением в подготовке к убийству нового наркома внутренних дел Ежова. Это было подано так, что по приказу Ягоды сотрудники НКВД обрызгали сильнодействующим ядом стены кабинета, который должен был вскоре занять новый нарком. Главные показания против своего бывшего шефа дал также арестованный бывший секретарь Ягоды в НКВД Буланов. Именно на его показаниях, как он вместе с Ягодой и сотрудником НКВД Саволайненом разбрызгивал жидкий яд на ковры и портьеры в кабинете Ежова, основывалось обвинение. Под давлением след-

ствия и пытками в этом же признался и арестованный чекист Саволайнен, и Ягоде оставалось лишь подтвердить нужную следствию версию. самого Павла Буланова показания против шефа не спасли, он также вскоре был расстрелян, как член тайной группы Ягоды в НКВД.

Эта часть обвинений легла еще одной строкой в следственное дело бывшего наркома НКВД Ягоды, которое вел следователь Генеральной прокуратуры СССР Лев Шейнин, ставший в послевоенные годы известным советским писателем и автором сценария культового советского сериала о милиции «Рожденная революцией». В целом эта абсолютно нереальная версия пошла затем гулять по всем материалам дела о заговорщиках в 1937 году. Появились показания и признания, что Ягода по поручению Бухарина с Рыковым собирался отравить жидким ядом и комнаты членов сталинского ЦК во главе с самим Сталиным, и якобы даже нанести яд на телефонные трубки их аппаратов. Тогда никаких доказательств такого «телефонного терроризма» людей Ягоды так и не привели. Хотя уже в постсоветской России отголосок этих странных версий вдруг всплыл в исторической памяти, когда в ходе громкого расследования в середине 90-х годов установили, что известный банкир Иван Кивелиди был уничтожен убийцами именно нанесенным на трубку его телефона сильным ядом — жуткая переключка разных смутных эпох в России XX века. Когда же через два года судили уже наркома Ежова, историю с отравлением главного кабинета на Лубянке обернули и против него. Заставили признаться в фальсификации этого обвинения группе Ягоды, хотя с самого уже расстрелянного Ягоды советская Фемида, вопреки здравому смыслу, это обвинение тоже не сняла: один негодай другого травил ядом, а другой все это о первом придумал — вот они какие, враги народа!

Версия следствия тогда вошла и в материалы суда по делу «правого блока»: создав у себя в НКВД целую группу заговорщиков, Ягода собирался в правом заговоре использовать ее как ударный отряд при свержении власти Сталина. Его специальный отряд из чекистов при помощи коменданта Кремля и тоже чекиста Петерсона должен был арестовать прямо в Кремле Сталина и его ближайших помощников либо ликвидировать

их в кинозале во время традиционного просмотра фильма в узком кругу. А себя при новой власти Бухарина—Рыкова в поправевшем и оппортунистическом руководстве Советского Союза Ягода якобы видел главой Совета министров, Рыкову отводил роль генерального секретаря очищенной от сторонников Сталина партии, Бухарину — главного идеолога нового поправевшего режима коммунистов в СССР, а Енукидзе в роли нового главы ВЦИК стал бы номинальным президентом страны. Своим приближенным в НКВД и главным сподвижникам в заговоре среди чекистов Ягода по тем же показаниям на следствии обещал в своем правительстве лакомые посты: Прокофьеву — пост главы МВД, Благоданову — Министерство транспорта (он в НКВД долго возглавлял транспортный отдел безопасности), а главный «специалист» среди чекистов по культуре Агранов, надо полагать, в виртуальном правительстве Ягоды мог бы претендовать на должность министра культуры.

Сейчас все более модно в пику Хрущеву и разоблачителям времен перестройки защищать Сталина утверждением, что такой заговор действительно был, и был очень опасным для советской власти. В таких версиях заговор Бухарина—Рыкова—Ягоды—Тухачевского подробно рисуют именно таким трехглавым, сформировавшимся параллельно в кругу «правых» в верхушке партии, людей команды Ягоды в НКВД и кружка соратников Тухачевского в Красной армии, рвавшегося на роль советского Бонапарта после разгрома отживших свое якобинцев-сталинцев. Проводят даже параллели с похожей схемой зреющего несколько лет и прорвавшегося покушением на Гитлера и неудачным путчем в Берлине заговора немецкой «правой оппозиции»: здесь тоже объединились партийные недовольные в лице Герделера, военная верхушка немецких «бонапартов» типа Бека и Ольбрихта, оппозиционеры в спецслужбах во главе с Небе и Канарисом.

Но если уж признать версию следствия 1937 года отчасти правдивой, если Ягода с Рыковым и Бухариным действительно готовили такой «правый» переворот в стране, то их нужно было бы считать более положительными персонажами нашей истории, предшественниками Дубчека с его «социализмом с человеческим лицом». Вот только оснований считать тех «правых» во

главе с Ягодой неудавшимися путчистами-реформаторами не так уж много.

Детали «заговора правых», в котором группе Ягоды внутри НКВД отводилась главная роль локомотива государственного переворота при поддержке сторонников правых в верхушке РККА, настолько подробно прописаны и увязаны в материалах дела Ягоды и его приближенных в НКВД, так подробно освещены самим Ягодой и привлеченными к следствию его ближайшими сподвижниками в НКВД (Прокофьевым, Булановым, Ивановым, Гаем, Воловичем, Паукером и др.), что часть историков и сегодня считает наличие тогда «заговора правых» (и заговора группы Ягоды в НКВД как его чекистско-силовой составляющей) реальностью, пресеченной сталинской властью на стадии активной подготовки к перевороту в стране.

Вот Ягода заявляет, как планировался этот переворот, намеченный где-то на 1937 год и, возможно, приуроченный к началу неизбежной войны с нацистской Германией. Как он и его окружение заговорщиков-чекистов радовались, что охрана Кремля теперь поручена силам их ведомства, как планировали в день переворота занять Кремль силами войсковых частей НКВД, а арестовать Сталина и его приближенных в ЦК должны были сами чекисты сталинской охраны во главе с вовлеченным в заговор их начальником Паукером. Как для этих же целей Ягода приказывал своему подчиненному и тоже заговорщику в НКВД Воловичу из оперативного отдела прослушивать и записывать все телефонные переговоры Сталина и его сторонников в советском руководстве, и как для этого специально в 1935 году Волович закупил в Германии новейшую аппаратуру прослушивания. Как начальнику Особого отдела своего ведомства Гаю нарком Ягода поручал наладить контакт с антисталинскими заговорщиками в руководстве Красной армии во главе с Тухачевским и Примаковым. Здесь картина вырисовывается действительно очень стройная, давая козырь верящим в какой-либо мере в настоящий «заговор правых» историкам.

Вот только эта же четкая и так детально расписанная следствием картина, встречающаяся и в других полностью дутых делах об антипартийном заговоре 1936—1939 годов, как раз и может свидетельствовать о полной мистификации этого заго-

вора следствием по заказу сталинской власти. К тому же как быть со столь же детально расписанными в показаниях этих заговорщиков признаниями в связях с иностранными разведками, монархистами и троцкистами за рубежом, с Гитлером и Муссолини, когда сейчас нам точно известно, что ничего этого за Ягодой с сораотниками не числилось.

И как быть с практически неоспоримым фактом, что из многих обвиняемых в этом крупном заговоре 1937 года нужные показания неделями и месяцами выбивали силой, угрозой, лишением сна. По-настоящему жутких пыток к «заговорщикам» по делам Бухарина, Тухачевского, Ягоды тогда действительно еще не применяли, эта практика пойдет в НКВД по особому распоряжению самого Сталина только с лета 1937 года, а они все арестованы еще весной. Но уже были многочасовые допросы без перерыва на «конвейере», уже было лишение сна, уже были обычные побои на допросах.

Можно сколько угодно спорить историкам, пятна крови на протоколах допросов Тухачевского из архивов или что-то другое, но незаконные методы допросов подтверждены массой свидетельских показаний, в том числе и от ведших тогда эти дела сотрудников НКВД. И это не только расстрелянные в 1938—1939 годах сами ежовцы, которых теми же методами могли заставить признать любые грехи за собой. Но и показания на свободе переживших Сталина ветеранов-чекистов. Так, бывший оперативник НКВД Бударин в эпоху хрущевских реабилитаций в 1955 году на допросе в Генпрокуратуре показывал, как он по приказу ведущего «Дело о заговоре Тухачевского в РККА» следователя НКВД Авсеевича молотил в Лефортове комкора Примакова и не давал ему сутками спать, лично сидя рядом с ним и тоже борясь со сном. Сам вызванный Авсеевич в показаниях прокуратуре и в своих объяснениях в ЦК КПСС подтверждал, что незаконные методы следствия применялись ко всем главным «военным заговорщикам», что ему приказывал тогда делать начальник Особого отдела НКВД Леплевский, позднее расстрелянный как ежовец.

И как быть с признательными показаниями участников этого заговора в том, что по приказу Ягоды его подручные Молчанов и Погребинский в НКВД якобы отобрали в особые команды

матерых уголовников из числа осужденных, которым в обмен на свободу поручались убийства лидеров партии и государства в дни переворота. Следов таких «эскадронов смерти» из уголовных зэка так никогда и не нашли, это тоже явная фальсификация следствия. В основном эту тему развивал в своих признательных показаниях привлеченный в качестве подельника Ягоды известный чекист Сергей Пузицкий, когда-то еще при Дзержинском подавшийся в ВЧК дворянин и молодой поручик царской армии. Герой операции «Трест» и злой гений заманенного в СССР английского разведчика Рейли, бывший разведчик и сотрудник КРО ГПУ, экс-дворянин и офицер Пузицкий к тому времени был отправлен Ягодой в тюремщики — руководить одним из крупных лагерей.

Якобы именно Пузицкому Ягода поручал в лагере формировать такие команды отпетых уголовников для террора. Пузицкий даже называл в качестве завербованных им какие-то фамилии известных тогда в лагерях уголовных лидеров («авторитетами» их тогда еще не называли, это слово в 30-х годах имело совсем другое значение), но никак эти показания Пузицкого в дальнейшем время не подтвердило. А уж его заявление следствию, что по указу Ягоды он к 1937 году мог вооружить и двинуть походом на Москву до 15 тысяч завербованных от имени Ягоды уголовников, и вовсе сводит показания Пузицкого к фантастике, заставляя прямо рассматривать их в качестве выбитого самооговора. Опытный чекист Пузицкий не мог не понимать, что эта его виртуальная армия уголовников, идущая по одному приказу брать в Москве власть для «правых» и устанавливать под началом Ягоды и Бухарина более мягкий «социализм с человеческим лицом» в стране, — явная чушь и нужная следствию подпорка в обвинениях Ягоде и его сторонникам в НКВД. Такие признательные показания самого Пузицкого, впрочем, не спасли, он все равно в волне дела Ягоды был расстрелян.

На процессе весной 1938 года Ягода в компании с видными «правыми» Бухариным, Крестинским, Рыковым и другими был приговорен к смертной казни. 15 марта 1938 года Ягода расстрелян в подвале своими бывшими подчиненными из НКВД при личном присутствии генерального прокурора Вы-

шинского. Вслед за ним расстреляли и попавших в «волну Ягоды» чекистов, включая обоих первых заместителей Ягоды в НКВД Агранова и Прокофьева, а также личного секретаря Ягоды Буланова.

По этому же делу арестован легендарный автор операции «Трест», начальник контрразведки ГПУ в 20-х годах и внешней разведки в 30-х годах Артузов. По делу Ягоды казнен и еще один знаменитый чекист дзержинского призыва Глеб Бокий, долгие годы возглавлявший в НКВД засекреченный спецотдел (занимавшийся, кроме технического шпионажа и шифрования, еще и некими оккультными изысканиями). По легенде Бокий, считавший себя поставленным на этот пост Лениным и потому неуязвимым даже для сталинских репрессий, а потому отличавшийся особо дерзким характером и учинявший на даче форменные оргии в стиле римских патрициев, собирал в своем спецотделе НКВД компромат на высшее руководство партии и страны. А потому после его ареста бывшие коллеги-чекисты долго искали некую «тетрадь Бокия» с этими записями, но якобы так и не нашли.

В этой же плеяде казненных в начале 1938 года вместе с Ягодой чекистов были такие известные на Лубянке фигуры, как начальник Особого отдела НКВД Гай, начальник Секретно-политического отдела НКВД (тайная полиция) Молчанов, начальник НКВД Украины Балицкий, начальник Транспортного отдела НКВД Кишкин, начальник Экономического отдела НКВД Миронов (он же при Ягоде был секретарем партийной организации в НКВД), начальник сталинской личной охраны Паукер.

Бывший львовский парикмахер и пленный солдат армии Австро-Венгрии Карл Паукер, сделавший карьеру чекиста-интернационалиста еще в Гражданскую войну, сам совсем недавно лично расстреливал Зиновьева с Каменевым и в лицах пародировал затем перед товарищами на банкете в День чекиста 20 декабря 1936 года их поведение перед лицом смерти. А вот теперь и сам отправился в расстрельный подвал. Еще недавно всесильный и вальяжный чекист, разъезжавший со Сталиным в одной машине и готовый его прикрыть лично собой, а теперь — такой же бесправный и обреченный «враг народа». А если бы не водоворот мировой войны и не революционные

вихри, занесшие Карла Паукера в далекую Россию, служил бы спокойно до старости парикмахером в старой опере Будапешта, откуда когда-то мобилизовали на фронт.

Такова была судьба многих чекистов 30-х годов: из палачей прямой дорогой в следующие жертвы. Вместе с Ягодой арестован и позднее расстрелян и его личный друг и сотрудник НКВД Александр Лурье, которому Ягода покровительствовал с их общего прихода в 1919 году в ВЧК и несколько раз восстанавливал на работе в органах и в партии после исключений за сомнительные финансовые махинации. Лурье уже в НКВД при Ягоде возглавлял строительное управление, а к моменту ареста в 1937 году являлся в НКВД председателем спортивного общества «Динамо». Расстреляли по этому делу и начальника центрального совета общества «Динамо» Вениамина Герсона, который в ВЧК с 1918 года был личным секретарем Дзержинского. По делу «людей Ягоды» выбрали даже бывшего начальника ИНО ГПУ Меера Трилиссера, при Ягоде бывшего уже одним из его заместителей в наркомате, хотя Трилиссер ранее именно из-за конфликта с наркомом Ягодой покинул органы госбезопасности и был направлен партией на работу в аппарат Коминтерна. В волне дела Ягоды репрессированы и уничтожены и такие известные чекисты из НКВД, как Волович, Фирин, Коган, Пилляр, Алексеев, Шанин, Кацнельсон, Островский, Пузицкий, Дерибас, Радзивиловский, Фельдман, Стырне, Благонравов, Горожанин, Горб, Аустринь и многие другие.

Начав с центрального аппарата НКВД в Москве, аресты и расстрелы чекистов после ареста Ягоды покатились по всему Союзу. Казнены глава Крымского НКВД Салынь, Карельского НКВД Теннисон, Башкирского НКВД Зеликман, Татарского НКВД Рудь, Восточно-Сибирского НКВД Зирнис, Сталинградского НКВД Раппопорт, Свердловского НКВД Дмитриев, Одесского НКВД Розанов, НКВД республики немцев Поволжья Деноткин, Армянского НКВД Хворостян, Узбекского НКВД Апресян, Казахстанского НКВД Залин, Туркменского НКВД Нодев и многие другие начальники отделов НКВД республик, краев и областей. Далеко не все они расстреляны по официальному приговору суда или даже по упрощенной процедуре «особого совещания» при НКВД. Например, главный карель-

ский чекист Карл Теннисон, пришедший в ЧК еще с первым набором «красных финнов» в 1920 году, как и его коллега у армянских чекистов Виктор Хворостян, попросту забиты насмерть при допросах еще на следствии.

Кое-кто из обреченных чекистов этой плеяды наркома Ягоды не стал дожидаться ареста и покончил с собой. Как это сделал Самуил Черток, тогда начальник Оперативного отдела в ГУГБ НКВД, не так давно сам «незаконными методами» выбивавший на следствии признания в заговоре у членов «троцкистско-зиновьевского блока», — когда пришли арестовывать его самого, Черток выбросился в окно и разбился насмерть. Как такой же смертельный прыжок из окна своего рабочего кабинета на Лубянке совершил сотрудник внешней разведки ИНО НКВД Феликс Гурский, увидев на пороге арестную команду бывших товарищей по службе. Как, не дожидаясь ареста, застрелился замначальника Крымского НКВД Штепа. Как, узнав об аресте своего шефа Ягоды, прямо на рабочем месте застрелился начальник Горьковского областного управления НКВД Погребинский. Когда-то молодому чекисту Матвею Погребинскому на заре ВЧК сам Дзержинский приказал курировать программу борьбы с беспризорностью, назначив главой первой чекистской коммуны для бездомных детей в Болшеве. И вот два десятка лет спустя этот человек выбил себе мозги из табельного оружия то ли в собственной приемной, то ли даже в служебном туалете. Ему, как личному другу и земляку, Ягода на посту начальника управления НКВД в Горьком особенно благоволил, в свое время приставлял Погребинского в качестве главного куратора от ГПУ к вернувшемуся в Союз писателю Горькому. И выстрел в себя только спас Погребинского от долгого и жестокого следствия, по всем документам «заговора Ягоды» в НКВД он на суде заочно проходил в качестве одного из первых заговорщиков.

Некоторые понявшие обреченность чекисты из волны Ягоды сводили счеты с жизнью сами и после ареста НКВД, избегая дальнейших мучений и predetermined казни. Так поступил после ареста начальник Приморского НКВД Яков Визель, ветеран ВЧК дзержинского призыва и ранее главный

представитель ГПУ при спецслужбах дружественной Монголии. Визель отравился заблаговременно припасенным ядом прямо в тюремной камере под следствием.

Так, возможно, покончил с собой и бывший при Ягоде начальником ИНО в НКВД Слуцкий, если он действительно принял яд при вызове к начальству, полагая это приглашением на арест и казнь. Хотя и очень живуча версия, что Слуцкого в числе других руководителей НКВД из команды Ягоды негласно ликвидировали с помощью яда по приказу Ежова, чтобы не способствовать его арестом панике среди зарубежных резидентов и агентуры. Арестованный уже в волне ежовцев начальник отдела спецтехники НКВД Алехин (руководил лабораторией ядов чекистов) дал на следствии подробные показания, что это он по указанию наркома Ежова и его заместителя Фриновского отравил Слуцкого инъекцией цианистого калия. И Ежов под пытками это подтверждал до расстрела — но как этим показаниям верить, особенно если при этом и «убитый заговорщиками Ежова» Слуцкий в 1939 году властью все равно посмертно объявлен «врагом народа», несмотря на его торжественные похороны за год до того на Новодевичьем кладбище.

Сторонники версии об отравлении Слуцкого обычно полагают, что либо Фриновский угостил главного разведчика НКВД отравленным чаем, либо угостил заранее начиненной ядом сигаретой, либо Фриновский с Заковским усыпили его маской с эфиром, а затем уже спящему Слуцкому начальник отдела спецтехники Алехин сделал смертельную инъекцию. Правды о тех событиях уже не узнать, кто мог бы рассказать — давно мертвы сами, а могло у Слуцкого в той удушливой атмосфере страха и действительно просто отказать сердце, он давно болел.

Из всех же предрешивших самоубийством свой арест чекистов тех лет выделяется начальник Харьковского управления НКВД Соломон Мазо, который застрелился в июле 1937 года в разгар арестов в своем рабочем кабинете, оставив пронзительную записку-крик: «Товарищи, опомнитесь, куда ведет такая линия арестов и выбивания из обвиняемых показаний?!» Его крик не был услышан, товарищи не опомнились, и вал репрессий только набирал ход.

НЕДОЛГОЕ ПРАВЛЕНИЕ НАРКОМА ЕЖОВА

Николай Иванович Ежов возглавлял НКВД всего несколько лет, но остался очень заметной фигурой в галерее руководителей советских спецслужб. Именно на годы его правления пришлась самая кровавая кампания чисток в СССР, с его именем связана ежовщина — синоним этих беспощадных и бесконечных репрессий 1937—1938 годов. В отличие от Менжинского или Ягоды у Ежова не было ни опыта чекистской работы в годы дзержинского призыва в ВЧК, ни даже опыта дореволюционной партийной работы. Родившийся в семье петербургского дворника, рабочий парень Николай Ежов революцию встретил совсем молодым, мобилизованным на Первую мировую солдатом царской армии. Он был из тех сотен тысяч рядовых царской армии, которые пошли за большевиками в Красную армию, хотя на пике своей славы в 30-х годах сам Ежов рассказывал небывицы о создании им еще в царской армии до 1917 года каких-то большевистских комитетов и своем участии в забастовках рабочих в Петрограде. Он же в это время, как и славящие его советские писатели-поэты, выдавал версию о своем геройстве на фронтах Гражданской войны в роли комиссара Красной армии. О будто бы полученном в бою ранении в шею, о вроде бы награждении его за это орденом, который сам Ежов тогда принять отказался, узнав о подписи Троцкого под приказом о награждении (нутром почуял в 1919 году врага партии?), и орден в лазарете бросил на пол. А также о том, как бойцы Красной армии на фронте любили своего храброго и неустрашимого комиссара по прозвищу Колька-книжник. Всей этой героической балладе историки в большинстве своем не верят. Хотя в 1938 году все это главный тогда советский писатель Александр Фадеев всерьез описал в своей заказной книге «Николай Ежов (Сын нужды и борьбы)», которая в связи с внезапной опалой и арестом героя повествования в печать так никогда и не пошла.

И другие писатели тогда в угаре лести «железному наркому Ежову» описывали его героические походы в дни Гражданской войны, как прославившийся тогда этими виршами казахский поэт-акын Джамбул, написавший в своей пафосной поэме «Нарком Ежов», что «приехал Ежов и развеял туман, на битву

за счастье поднял Казахстан». Из этого можно было бы предположить, что Ежов бился здесь с врагами в буквальном смысле, но на самом деле молодой партийный деятель Ежов работал в Казахской ССР уже после Гражданской войны в середине 20-х годов, да и то всего лишь был руководителем Семипалатинского обкома партии.

Никто из серьезных историков не нашел ни одного подтверждения вообще участия Ежова в боевых действиях на фронте в Гражданскую, похоже, он в действительности ее провел комиссаром тыловых частей РККА в Саратове, Казани и Арзамасе, куда ни разу белые в ту войну не доходили. Зато точно известно, что, будучи комиссаром радиобазы Красной армии в Казанской губернии, Николай Ежов получил свой первый в РКП(б) партийный выговор за то, что проглядел изменническую деятельность командира радиобазы Магнушевского — военспеца из царских поручиков. Знал бы Николай Иванович, как партия через двадцать лет «покрытикует» его за ошибки во главе НКВД, возможно, предпочел бы затеряться тихо в массе рядовых партийцев.

Таким образом, с приходом Ежова в 1936 году в НКВД на пост главы советской госбезопасности в его лице впервые пришел не наследственный дзержинец, а выдвигенец партийного аппарата. Примкнув к большевикам только в 1917 году и будучи обычным рядовым комиссаром Гражданской войны, Николай Ежов сделал всю свою карьеру по партийной линии в качестве обычного, но очень деловитого и удачливого функционера. Из губернских обкомов он пробился в Москву и быстро достиг больших высот в партийном руководстве. На пост наркома внутренних дел в 1936 году он назначен с должности председателя комиссии партийного контроля и секретаря ЦК партии, пользуясь к тому времени большим доверием Сталина.

Как видно из воспоминаний знавших Ежова еще до назначения в НКВД людей, его выделяла большая работоспособность и яростная преданность Сталину во всем. Плюсом ему было и то, что, как глава партийного контроля, он с 1934 года (после участия от ЦК ВКП(б) в расследовании убийства Кирова) получил в ЦК поручение курировать НКВД и два года плотно надзирал за этой спецслужбой, проникаясь чекистским опытом.

Такой человек шел в 1936 году на смену кадровым дзержинцам во главе НКВД, и неудивительно, что именно его Сталин назначил командующим главным ударом своих репрессий по стране. Что именно этому рабски преданному и внешне серому партийному чиновнику, именуемому позднее «кровавым карликом», Сталин поручил отстрелять первое поколение советских чекистов.

Зачистка в самой спецслужбе, как и массовые репрессии по стране вообще, явно были поставлены Сталиным в качестве задачи Ежову сразу при назначении его наркомом в НКВД осенью 1936 года, при этом за Ежовым Сталин оставил и очень важную должность главы партийного контроля в ЦК. Поскольку, по свидетельству чекиста Шрейдера, одну из первых встреч с руководящими кадрами НКВД Ежов начал с пугающей речи о том, что в первую очередь нужно очистить сами органы госбезопасности от окопавшихся там врагов и что Ежов будет расстреливать чекистов любого ранга по подозрению в покрывательстве врагов советской власти. Практически никто из историков не сомневается, что в НКВД Ежов осенью 1936 года пришел уже с готовой программой начала и террора, и зачистки собственно чекистских рядов, поскольку этой программы он с первого дня на Лубянке не скрывал.

«Придя в НКВД, Ежов сразу же объявил своим новым подчиненным о намерении покончить со сложившимися при Ягоде традициями замкнутости и клановости. Выступая на одном из первых заседаний руководящего состава наркомата, он обратился к присутствующим с таким примерно заявлением: «Если я в своей работе допущу что-нибудь неправильное, то вы, чекисты, вы, члены партии, можете пойти в ЦК, можете пойти в Политбюро. Нет у нас ничего другого, кроме нашей партии, и кто пойдет к нашей партии, тому честь и хвала». Проверять искренность этих слов никто, естественно, не стал, да и смысла в этом не было, поскольку Ежов постоянно утверждал, что именно волю ЦК, а точнее — Сталина, он как раз и выражает, что, кстати, полностью соответствовало действительности»¹.

¹ Павлюков А.Е. Ежов. М., 2007. С. 218.

Похоже, этот человек со временем окончательно уверил сам себя в необходимости своей высшей миссии от имени партии искоренять повсеместно врагов, что слепая преданность Сталину его защитит и двинет дальше по государственной лестнице вверх. Иначе нечем объяснить его почти фанатичный энтузиазм в страшную кампанию ежовских расстрелов, когда он лично набивался вести допросы и бить арестованных, хотя вполне мог бы такой грязной работы избежать. Нет сомнений, что личная жестокость и какие-то мрачные комплексы и раньше дремали в этом невзрачном партийном чиновнике. Ведь он даже лично вызывался несколько раз исполнять смертные приговоры особо высокопоставленным осужденным, в чем когда-то белоэмигранты обвиняли еще родоначальника ВЧК Дзержинского, но не могли привести доказательств. Ежов же не скрывал ни от кого, что несколько человек расстрелял собственноручно, хотя и признавался позднее, что после этого много ночей плохо спал, мучимый кошмарами, и что его долго преследовал образ расстрелянной им в подвале видной большевички из ЦК партии Калныгиной.

Сам себя высокопарно называвший «советским Маратом» по аналогии с беспощадным вожаком Французской революции, Николай Иванович своими действиями больше всех прочих постарался, чтобы для него почти ни у кого из исследователей наших спецслужб (включая даже советских патриотов и сталинистов) не нашлось доброго слова. Так и остался он в истории не Маратом, а «кровавым карликом», истерично орущим, бьющим беззащитных арестантов и бескультурно плюющим себе под ноги прямо на ковер в служебном кабинете на Лубянке. Изысканным джентльменом нарком Ежов действительно не был, хоть что-то человеческое в нем теперь и при желании отыскать очень трудно — кроме разве что искренней любви к жене Евгении и бескорыстной привязанности к приемной девочке из детдома в их семье. Если бы мне поручили и в облике Николая Ежова найти что-то положительное, какое понемногу в каждом не самом лучшем типе остается, я бы вспомнил, пожалуй, только эту его щемящую депрессию после смерти любимой женщины и то, как, уже изувеченный вчерашними подчиненными и обреченный к расстрелу, он попро-

сил об одном: сохранить жизнь приемной дочери и своим юным племянникам.

А вот когда после расстрелов в подвале своего ведомства Бухарина, Зиновьева и Каменева зачем-то забрал убившие вчерашних партийных вождей сплюснутые пули и хранил их в своем служебном столе, аккуратно подписав конвертик с каждым из этих жутких сувениров, которые изымут при обыске после ареста самого Ежова, — это уже явная патология наркома НКВД, да еще с налетом мистики. Эти мистические пули начальнику передал мрачно известный чекист Петр Магто, главный расстрельщик тогдашнего НКВД, начинавший расстреливать еще в ВЧК при Дзержинском, а за годы Большого террора лично приведший в исполнение несколько тысяч смертных приговоров — именно Магто лично застрелил этих партийных вождей в специальном боксе НКВД в Варсонофьевском переулке. Или когда Ежов бросал все дела и мчался в 1938 году лично инспектировать только что возведенный скульптором Верой Мухиной монумент «Рабочий и колхозница» после того, как некоему сумасшедшему энтузиасту доносов привиделось в складках одеяния стального рабочего замаскированное лицо Троцкого. Или зачем-то требовал к себе в кабинет и допрашивал поборника здорового образа жизни Порфирия Иванова. Чудаковатого и обросшего волосами «мага» тогда всерьез подозревали в проповеди под вуалью своего культа здорового дела настоящей антисоветчины, хотя чекистам наверняка был известен давно поставленный Порфирию Иванову медиками диагноз «шизофрения», да и сам его внешний облик о многом говорил. Но Ежов и этого целителя нетрадиционной медицины о чем-то всерьез и долго допрашивал, оторвавшись от страшной повседневности тех лет на посту наркома НКВД.

Наверное, Ежов больше всего боялся быть обвиненным в мягкотелости, в том, что проглядел где-то настоящий заговор, вот и бросался искать их везде, где мог. В 1936 году Ежов лично направил целый десант следователей и оперативников НКВД в провинциальный Мелекес в Куйбышевской области, где была убита учительница Пронина, бывшая делегатом съезда ВКП(б). При этом нарком Ежов настаивал, что нужно найти и обезвредить убившую делегата «съезда победителей» тай-

ную организацию контрреволюционеров, даже тогда, когда уже было ясно, что Пронину ради грабежа убили местные уголовники (делегат-учительница привезла из Москвы со съезда какие-то вещи, в голодной поволжской глубинке бывшие вызывающим богатством), он выразил неудовлетворение уголовным финалом дела Прониной, когда за ее убийство уже расстреляли членов банды некоего Розова.

И в полном крови и ужасов 1938 году Ежов мог засесть лично править для советских газет некролог об умершем на чужбине великом певце Шаляпине, вычеркивая из него любые положительные или даже нейтральные отклики о покойном из-под пера деятелей советской культуры. Даже этим он успевал заниматься у стремительного конвейера арестов, пыток и расстрелов — в этом плане Ежов был безумно активным и работоспособным исполнителем любой воли сталинской власти, такие всегда бывают нужны лишь до определенной поры.

Прологом к «ежовской чистке» внутри НКВД стала известная речь нового наркома внутренних дел на пленуме ЦК в марте 1937 года с яростной критикой положения внутри НКВД, здесь досталось и внешней разведке, и госбезопасности, и обычной милиции. Эта знаменитая речь Ежова 1 марта 1937 года на пленуме послужила сигналом, подобным выстрелу «Авроры», для начала печально известной ежовщины. Ежов раскритиковал в возглавленном им совсем недавно ведомстве почти все направления работы, включая деятельность следствия, агентурную работу, условия слишком мягкого содержания арестованных по политическим делам в изоляторах НКВД, оперативную работу, разведывательную работу за пределами СССР. И когда только «мудрый сталинский нарком» успел стать за столь короткий период специалистом в столь непростых и разных тонкостях работы спецслужбы?

Многие историки отправной точкой больших ежовских репрессий называют июльский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года, когда массовая кампания отстрелов по всей стране с заранее подготовленными квотами на «выявленных врагов» по регионам была опять же санкционирована властью уже окончательно и в законченном ее виде. Здесь последний раз некоторые из членов или кандидатов в ЦК партии попытались хотя бы в прени-

ях поспорить с необходимостью такой страшной чистки и проголосовали против предоставления Ежову на посту главы НКВД особых полномочий.

На этот пленум Ежов пришел в сопровождении своего штаба ближайших помощников в НКВД, как сказали бы сейчас — со своей новой командой (взамен отстрелянной команды Ягоды): Фриновский (первый заместитель Ежова и начальник управления госбезопасности — ГУГБ НКВД), Заковский (второй зам Ежова и начальник НКВД по Москве), Курский (начальник контрразведки в НКВД), Берман (командир ГУЛАГа), Николаев (он же Журин, начальник Оперативного отдела) и другие ежовцы. Он же с первых дней наркомства в НКВД привел с собой из секретариата ЦК партии несколько доверенных лиц, как это часто затем практиковалось с приходом нового шефа советской госбезопасности. Своего заместителя из комиссии партконтроля ЦК Жуковского он поставил в НКВД начальником Административно-хозяйственного отдела, а позднее тоже поднял в ранге до одного из своих замов. Сюда же Ежов привел из аппарата ЦК Цесарского на должность своего референта в НКВД, а бывшего секретаря Харьковского обкома партии Литвина Ежов утвердил начальником отдела кадров в НКВД, позднее перевел на должность начальника Ленинградского управления НКВД.

Ежов тогда попросил июльский пленум 1937 года об особых полномочиях для НКВД, которые уже давались на год после убийства Кирова, но в 1936 году истекли. Несмотря на робкие попытки меньшинства на пленуме возразить против предоставления спецслужбе таких широких полномочий, они были ЦК Ежову и его ведомству выданы. Все, кто голосовал на пленуме против этого или воздерживался (Чубарь, Хатаевич, Пятницкий и др.), будут уже в первые месяцы начавшейся вакханалии репрессий арестованы и казнены. Из всех выступавших против чрезвычайных полномочий НКВД на этом пленуме только председатель Совнаркома Украинской ССР Любченко успеет застрелиться до ареста.

А уже 30 июля 1937 года начавшаяся кампания репрессий НКВД была Ежовым узаконена печально известным приказом по его наркомату № 00446, регламентировавшим эту затянув-

шуюся операцию по зачистке и устрашению целой страны. Здесь были и знаменитые «тройки», выносившие в составе местных начальников НКВД и прокуроров в упрощенном виде смертные приговоры. Отсюда практически пропадает прокурорский надзор за этой работой НКВД, приказ № 00446 его отменял. Поначалу отдельные прокуроры на местах еще пытались сигнализировать власти и верхушке партии о злоупотреблениях НКВД при этих массовых расправах, как это сделал прокурор Белорусской ССР Малютин, но это приводило только к тому, что сами эти прокуроры вскоре переселялись в камеры следственных изоляторов НКВД. Ведь кампания была согласована с самой высшей властью в СССР, да и инициирована именно ею, а НКВД была назначена в исполнители этой гигантской инквизиции по-советски тоже решением Кремля. Сам генеральный прокурор СССР Акулов был заменен на более послушного Сталину Вышинского, а вскоре репрессирован. При этом Иван Акулов тоже был выходцем из чекистов, в начале 30-х годов он даже недолго был одним из зампредов ГПУ при Менжинском, наравне с Ягодой и Балицким.

С этого приказа Ежова № 00446 и приложений к нему (квот обреченных по разным регионам СССР и классификаций выявленных «врагов» по степени опасности) вся эта ежовщина, а на самом деле просто самый кровавый этап репрессий 1937—1939 годов, задуманный властью Сталина и проведенный в НКВД командой Ежова, и стартовала. За два неполных года страна изведала на себе «тройки», ночные аресты, «черные воронки», ускоренное следствие, следователей-«колосьщиков», приговоры к «десяти годам без права переписки» и много других страшных вещей. Страна узнала, что такое «Ежовые рукавицы», — это потом вошло в поговорку, а изначально так называлась хвалебная статья в адрес развернувшегося на посту наркома НКВД Ежова в «Правде», тогда же бравый нарком Ежов был нарисован с зажатой в таких «ежовых рукавицах» змеей известным художником-карикатуристом «Известий» Борисом Ефимовым.

Сейчас даже по приблизительным подсчетам названы цифры жертв этой «операции» органов госбезопасности: за 1937 год арестованы в СССР по этому ежовскому приказу почти миллион граждан (из них более 300 тысяч расстреляны), а в 1938 го-

плане и кристальных в своих ленинских воззрениях. Что этих чекистов из верных ленинцев истребила новая сталинская волна чекистов — бюрократов и беспринципных садистов. Это было бы слишком простое объяснение для тех, кто пытается доказать нехитрый тезис: Ленин (Троцкий, Каменев, Бухарин и т. д.) хотели совсем другого социализма, но их идеи попрали могильщик социализма Сталин со своими подручными в лице Ежова или Берии. На самом деле история довоенного СССР была явно сложнее такой примитивной схемы защитников «настоящего» ленинского социализма, якобы поправленного сталинщиной, к тому же она полностью в истории НКВД опровергается фактами. И среди дзержинцев самого первого поколения ВЧК не все были репрессированы, и, хотя Ежов и пришел в НКВД со стороны волею Сталина, многие из его ближайших подручных были плоть от плоти все той же ЧК ленинских времен.

Тот же первый ежовский зам в НКВД Фриновский, обычно среди ежовской когорты рисуемый самыми мрачными красками негодяй и садист (и вполне обоснованно), по воспоминаниям знавших его людей — тип с криминальными наклонностями и с блатным жаргоном в разговоре, хотя и вышел из семьи потомственных священников и сам был недоучившимся семинаристом. Фриновский точно так же пришел в ВЧК в 1919 году в разгар романтического периода чекизма времен Гражданской войны, перешел из бывшей боевой организации террористов-анархистов (от анархическо-бандитской юности у него и остались наколки на руках и блатная феня в разговоре), служил в особом отделе чекистов Первой конной армии, где участвовал в ликвидации штаба батьки Махно. Причем другой известный вождь ежовцев и командир ГУЛАГа в НКВД Лазарь Коган в Гражданскую до прихода в ЧК еще был анархистом и обретался как раз в ставке Махно. Так что два виднейших соратника Ежова когда-то гонялись по степям Украины в борьбе друг с другом, а затем оказались в верхушке НКВД и расстреляны оба по делу о «заговоре Ежова» — такая чекистская диалектика.

Еще один приближенный Ежова и его заместитель в НКВД Лев Бельский (Левин) был сотрудником ВЧК с 1918 года, на-

чальником Симбирской ЧК, а до революции — боевиком еврейского социалистического союза Бунд. Другой заместитель Ежова Лев Заковский — еще более характерный типаж «первого чекиста» из эпохи Гражданской войны и Дзержинского во главе ЧК, тоже из анархистов, его настоящая фамилия Стубис. Уже при Ежове он дослужился до одного из руководителей этого ведомства, в разгар ежовщины отметившись как автор инструкции к народным низам о доносительстве, в которой даже детям советовалось доносить в «органы» о неправильных разговорах их родителей. Выдвинутый Ежовым в конце 1936 года на пост начальника всей контрразведки НКВД из начальников Сталинградского управления Александр Минаев (настоящая фамилия Цикановский) — проверенный боец ВЧК Гражданской войны, когда он на Украине командовал Елизаветградской ЧК. Ну и во многом отвечавший при Ежове за кадровую политику в НКВД Ефим Евдокимов тоже из самых «ленинских» чекистов, тоже революционер с большим прошлым, еще в революцию 1905 года в родном Иркутске раненный в боях с жандармами четырнадцатилетним подростком. Евдокимов тоже пришел в ВЧК тернистым путем террориста, побывав поочередно и эсером, и анархистом.

Бывших боевиков из стана анархистов с опытом дореволюционного террора в рядах дзержинских чекистов было достаточно и на самом высоком уровне. Тот же бывший боевиком анархистов Лазарь Коган, имевший в 1911 году за участие в терроре и «эксах» смертный приговор с заменой его пожизненной каторгой, а расстрелянный уже по приговору советского суда в 1939 году в волне ежовцев. Бывший чекист Иосиф Брегадзе начинал как большевик еще в 1903 году, затем ушел от Ленина к анархо-коммунистам, после 1917 года вернулся к большевикам и служил в ЧК, а закончил извилистый партийный путь троцкистом, за это его расстреляли бывшие коллеги в 1937 году. Из стана террористов от анархии, например, сюда перебрался очень уважаемый Дзержинским начальник Секретно-политического отдела ВЧК Тимофей Самсонов, в Российской империи имевший за плечами массу арестов и каторгу за боевую деятельность анархистов. В отличие от множества других чекистов из бывших «детей анархии» Самсонов пере-

живет и сталинские чистки, он умер своей смертью только в 1955 году.

Из руководства партии левых эсеров в ВЧК перешел Николай Алексеев, когда-то один из организаторов покушения эсеров на германского фельдмаршала Эйхгорна на Украине и лидер партии украинских эсеров «Боротьба» (из боротьбистов в ЧК перешли Запорожец, Горб, Горожанин и другие известные на Лубянке лица). Алексеев еще руководителем подполья в Одессе перешел к большевикам, а в конце Гражданской войны оказался в ВЧК и сделал здесь карьеру, пока его вчерашних товарищей из эсеров сажали, он дослужился до поста начальника ГПУ по целому Западно-Сибирскому краю. В 1933 году под личным руководством этого человека расстреляны десятки участников крестьянских волнений против коллективизации на Алтае, в их числе убит и крестьянин Макар Шукшин, отец писателя Василия Шукшина. В Большой террор вспомнили, что Алексеев видный эсер и лидер подозрительной «Боротьбы», за что в 1937 году расстреляли. А вот будущий чекист Александр Формайстер начинал даже террористом польской группировки ППС Пилсудского, за теракты царским судом приговорен к двадцати годам каторги, пока после 1917 года не перешел к большевикам и не назначен на работу в Виленскую, а затем в Смоленскую ЧК. В 20—30-х годах Формайстер долго работал во внешней разведке ИНО, был резидентом ИНО в Гамбурге, в 1936 году по инвалидности переведен из НКВД в аппарат Коминтерна, а год спустя арестован и расстрелян. Вместе с Формайстером расстреляны по тому же делу три его родных брата, все они в разное время тоже служили в ГПУ—НКВД, а его супруга и сотрудница ИНО НКВД Татьяна Кулинич брошена в лагерь.

Когда Ежова назначили главой НКВД, в помощники к нему приставили и старого чекиста Ефима Евдокимова, этот уж действительно воплощение настоящего бойца дзержинского разлива, ставший главным идеологом ежовщины и ее негласным кардиналом. Ветеран первой ВЧК и организатор страшных крымских расстрелов в 1920 году, Евдокимов в ГПУ занимал затем высокие должности, был изгнан из спецслужбы на хозяйственную работу из-за конфликта с Ягодой, вновь возвращен и

назначен фактически чекистским советником за спиной неопытного в деле спецслужб Ежова. Хотя Сталин отказался утвердить кандидатуру Евдокимова в прямые заместители Ежова в НКВД, памятуя о его фракционных колебаниях 20-х годов и скандале 1931 года в ГПУ вокруг дела «Весна». При Ежове Евдокимов стал только помощником, во многом отвечавшим за кадровый подбор в верхушке НКВД, отчего вокруг Ежова в 1936—1938 годах оказалось так много бывших подчиненных Евдокимова по Северо-Кавказскому управлению ГПУ (Фриновский, Николаев, Дагин, Курский, Минаев и др.). Евдокимова считают одним из главных ежовских заправил кампании 1937—1938 годов, действовал здесь он так же безжалостно, как в Гражданскую двумя десятилетиями ранее, да и почему он стал бы действовать по-другому.

Переводя Ежова в 1938 году на пост наркома водного транспорта, Сталин коварно и Евдокимова туда же перевел к нему заместителем, уже решив для себя вопрос ликвидации олицетворения ежовщины и его чекистского консультанта в этой кампании. Уже на следствии обреченный и избитый экс-нарком НКВД Ежов сделал последнюю попытку спасти свою жизнь, пытаясь главную вину в ежовщине свалить на Евдокимова, которому он вроде бы слишком доверял и не разглядел в нем врага партии. Кровавый нарком и его не менее кровавый советник из дзержинского поколения чекистов расстреляны оба в 1940 году. За свой пир террора они в его концовке заплатили очень высокую цену. Организатор множества репрессий и расстрелов за двадцать прошедших лет Евдокимов на следствии до расстрела был изувечен бывшими коллегами, ему выбили при допросах глаза и сломали обе ноги, самому наркому Ежову пришлось на следствии не легче.

И многие чекисты первого призыва времен Ленина и Дзержинского в конце 30-х годов с той же яростной уверенностью в безошибочной правоте партии, как и в годы «красного террора» 1918—1922 годов, сами руководили арестами и расстрелами, а затем также становились жертвами очередной волны зачисток собственного ведомства. Некоторые, даже руководя этими расстрелами, обреченно понимали неминуемый поворот в своей судьбе, как еще один дзержинец первого поколе-

ния ВЧК (и даже родственник самого Сталина) Станислав Реденс, на посту начальника Казахского НКВД откровенничал с подчиненными, что точно знает: скоро придут и за ним. Реденс приходился Сталину свояком, они были женаты на родных сестрах Аллилуевых, но он оказался прав, и родственник отправил его на заклание — Реденс вскоре арестован и расстрелян в потоке других дзержинцев. Здесь Сталин поступил точно так же, как его антипод и главный противник на внешней арене Гитлер, фюрер германского рейха тоже приказал своей СД арестовать и расстрелять своего свояка и эсэсовского генерала Фегеляйна, женатого на родной сестре Евы Браун. Правда, эсэсовец Фегеляйн был обвинен в реально совершенной против фюрера измене, в отличие от преданного советской власти чекиста Реденса. Уж если ближайший родственник главы государства и столь высокий в НКВД чин так безысходно ждет своего конца, что же говорить об остальных, что же их поддерживало?

Здесь через НКВД прошла та же трагедия обреченности целого поколения чекистов, чьи романтические грезы времен революции и Гражданской войны о новой жизни давно были отброшены суровой советской реальностью. А теперь и самих их пласт за пластом срезают руками таких же старых «рыцарей ВЧК» или пришедших по новому оргнабору в НКВД вчерашних рабочих-комсомольцев, выбывающие кадры старых чекистов нужно же было кем-то заменять. Это был тот самый период, про который белоэмигрантская печать в Европе не без явного злорадства писала статьи с названиями вроде «Маузер ЧК развернулся против самих чекистов» или «Никто не убил столько чекистов, как Сталин». В этом и было двойственное положение НКВД в эпоху Большого террора, сочетавшего одновременно роль топора репрессий и одной из мишеней этой же кампании, этот топор периодически бил сам себя.

Сбежавший в 1939 году на Запад советский разведчик Кривицкий рассказывал там со слов своего начальника в ИНО НКВД Слуцкого, как тот присутствовал при допросах одними чекистами других, уже бывших. И как обреченные и обвиненные уже в троцкизме кляли сидевших напротив них, «превратившихся из революционеров в полицейских ищеек», а те при-

зывали их «разоружиться перед партией и признать вину». И те и эти задирали рубахи и показывали друг другу шрамы от пуль и сабель белых со времен Гражданской, и сам Слуцкий показывал троцкисту Мрачковскому такие же отметины на своем теле, а потом в экстазе оба обнялись и плакали: Слуцкий не верил в измену героя революции, а тот в перерождение Слуцкого в сталинского опричника. Вот это настоящая иллюстрация к той разрезавшей на части сталинский НКВД его внутренней трагедии, выросшей из фракционных споров и оппозиционной борьбы. Это было еще в 1936 году, когда арестованные чекисты действительно часто были сторонниками троцкизма и имели идейные разногласия с линией Сталина, как этот же решившийся перейти на нелегальное положение и создать подпольную типографию троцкистов Мрачковский. Позднее все станет еще непонятнее.

В той же книге мемуаров Кривицкого «Я был агентом Сталина» есть еще иллюстрация к тому времени. Кривицкий последний раз перед уходом на Запад был в Москве и в номере гостиницы «Савой» спорил с другим сотрудником НКВД Максимом Уншлихтом, племянником уже арестованного тогда заместителя Дзержинского в ВЧК Иосифа Уншлихта. Кривицкий ставил под сомнение вал начавшихся арестов и вину взятых своими сотрудниками госбезопасности, он был за границей несколько оторван от реалий и не до конца понимал опасности такого диспута вообще, а Уншлихт с пеной у рта доказывал правильность чисток во славу Сталина и арест родного дяди оправдывая сложностью момента и классовой борьбой. А той же ночью «люди в сером» пришли не за Кривицким, а за адвокатствовавшим начатому террору Уншлихтом. Вот еще одна иллюстрация к этой жуткой кампании. А уж после 1937 года, когда Кривицкий сбежал, Уншлихта расстреляли и Слуцкий как-то странно умер на работе, и вовсе было уже ничего не понятно.

В конечном итоге НКВД, при всех ужасах и злодеяниях в его стенах в этот период, остается только исполнителем репрессий, да еще затронутым периодически этими же репрессиями. Ни разу здесь, как бы нам ни доказывали, спецслужбы из-под контроля власти/партии не выбились, исполняя их волю, а главный архитектор этого страшного здания так и сидел в Кремле. Ежов

и ежовцы, на которых потом попытались списать ужасы двух самых страшных лет Большого террора в СССР, так и остались в этом плане лишь самыми исполнительными и ловкими про- рабами Сталина в деле репрессий, руководившими совсем рядовыми сошками-чекистами.

Конец ежовщины всем известен, команду Ежова зачистила и расстреляла команда нового наркома, Берии. С лета 1938 года начался быстрый закат вчерашнего фаворита Ежова в глазах Сталина, смолкли постоянные славословия в адрес «великого наркома НКВД» и песни советских акынов о «сталинском со- коле Ежове», Сталин охладел к намеченному в очередные жерт- вы своему бывшему опричнику. Вот только совсем недавно он был мудрым наркомом и грозой всех заговорщиков, Микоян на торжественном вечере в честь 20-летия создания ВЧК в де- кабре 1937 года в Большом театре пропел ему от ЦК партии настоящую осанну: «Товарищ Ежов воспитывает коллектив че- кистов в духе Дзержинского, он изгнал врагов и чужих людей, он применил сталинский метод руководства в НКВД, и пото- му товарищ Ежов — любимец советского народа!» В качестве совсем умильной иллюстрации народной любви к НКВД и лично к Ежову с трибуны Микоян даже рассказал байку о по- мощи советских школьников чекистам под названием: «Как пионер Коля Щеглов, 1923 года рождения, в селе Побрякуш- ки сообщил районному НКВД, что его отец растратчик». А вот не прошло и года, и Сталин все чаще бросает в адрес вдруг рас- терявшего всю мудрость и доверие советских школьников сво- его наркома: «Пьет, завалил работу, недоглядел». А вскоре и «Что этот подлец в НКВД натворил!».

В августе 1938 года Ежову назначают в заместители по НКВД бывшего первого секретаря компарии Грузии Лаврентия Бе- рию, тем же летом начинают «брать» первых ежовцев. Тогда же появляется донос на самого Ежова со стороны его подчиненно- го, начальника Ивановского управления НКВД Журавлева, где «железного наркома» впервые называют иностранным шпио- ном, заговорщиком, террористом и даже гомосексуалистом. Все эти обвинения очень скоро переключают в следственное дело и обвинительное заключение по опальному наркому Ежову. Написавший этот донос на своего наркома чекист Виктор Жу-

равлев в награду получит пост начальника НКВД по Московской области, но затем будет переведен начальником лагеря под Карагандой в ГУЛАГ за ошибки в работе, где проворуется и будет послан еще дальше — командовать лагерем на Колыме. В 1946 году решат арестовать и его, но при вызове из Магадана в Москву Журавлев внезапно умрет, как подозревают — тоже отравившись сам в страхе перед арестом и пытками.

Всю осень Николай Ежов еще мечется между попытками спасти себе если не должность, то жизнь и депрессией на фоне личной трагедии. У него умерла любимая жена Евгения, то ли от болезни, то ли убив себя большой дозой снотворного из опасений скорого краха карьеры и ареста. Эта роковая и красивая женщина Евгения Ежова (до замужества с кровавым наркомом Евгения Гладун) была редактором большого журнала и организатором редкого тогда московского салона для советской партийной элиты. К ней был неравнодушен даже сам Сталин, а о любовных загулах Евгении то с писателем Бабелем, то с его коллегой Шолоховым главе НКВД периодически докладывали его подчиненные из наружного наблюдения. В следственном деле Ежова затем, естественно, будет версия, что он сам отравил супругу, дабы избежать разоблачения ею своей шпионской деятельности, да и сама она с ним тоже была завербована французской разведкой. Ежов под пытками признает отравление жены, якобы тоже с 1926 года шпионившей с ним на англичан и французов. На самом же деле Евгения Гладун-Ежова, скорее всего, действительно ушла из жизни добровольно, напившись таблеток люминала по согласию с мужем или без него, во избежание мучительной смерти в руках ведомства, которое тот пока еще возглавлял. В то же время у Ежова открылся сильный туберкулез, начались проблемы с алкоголем, депрессия после ухода из жизни действительно любимой и роковой в его жизни женщины была очень глубокой, но он еще несколько раз на личных аудиенциях пытался оправдаться перед Сталиным и вернуть себе доверие.

24 ноября 1938 года после такой беседы Сталин снял Ежова с поста главы НКВД, отправив по традиции перед смертью руководить водным транспортом. Многих ежовских подручных к тому времени уже арестовали и выбивали из них на Лу-

бянке показания на бывшего шефа для процесса над всей «ежовской командой». Его первого зама Михаила Фриновского тоже отправили руководить флотом, но уже военным. Ежов с Фриновским не имели никакого отношения к морскому делу, в свое время Петр I освоившего флотскую науку Петра Толстого сделал вместо флотоводца начальником своей спецслужбы Тайной канцелярии, а Сталин, напротив, с черным юмором отправил своих шефов тайного сыска во флотские начальники. Другой зам Ежова Лев Бельский по той же логике отправлен из НКВД в первые заместители наркома путей сообщения, арестован уже на этой должности. Фриновского из видных ежовцев возьмут одним из последних уже весной 1939 года, когда он и в ВМФ успеет навести чекистский террор, расстреливая офицеров и адмиралов по привычной упрощенной схеме. Чуть раньше арестуют отправленного вслед за Ежовым «налаживать работу водного транспорта» Евдокимова.

Сам бывший нарком НКВД Ежов арестован вчерашними подчиненными 10 апреля 1939 года прямо в кабинете секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова и увезен в Сухановскую тюрьму (ее в НКВД зарезервировали за особо значимыми политическими заключенными) с целью выбить из него показания для предрешенного смертного приговора. Полагают, что при его аресте в кабинете Маленкова кроме арестной команды НКВД присутствовал и сам сменивший Ежова на посту наркома Берия, а есть предположение, что и сам Иосиф Виссарионович явился и лицезрел арест своего недавно «верного Николая». По другой версии, Ежова вообще буднично взяли обычные оперативники НКВД прямо в его кабинете в Наркомате водного транспорта, и при этом будто бы издерганный страшным ожиданием Ежов сказал им: «Наконец-то вы пришли, я вас ждал».

На следствии с Ежовым и его людьми повторилась та же картина, что и с командой Ягоды и другими группами репрессированных ранее ежовцами чекистов. Кроме работы на массу разных разведок от Великобритании до Японии и антисоветской деятельности Ежова и его окружение обвиняли также в составлении заговора для захвата власти в стране и убийства Сталина (как они сами в 1937 году обвинили в этом «заговорщиков Тухачевского» из руководства Красной армии). Сам

Ежов под пытками признал и свое главенство в этом заговоре верхушки НКВД, и план застрелить Сталина на банкете и после этого в праздник 7 ноября 1938 года силами НКВД устроить фашистский путч в Советском Союзе, и свою вербовку германской разведкой, и деятельность по прикрытию врагов из других групп заговорщиков, и личное моральное разложение с пьянством, и даже скрываемую приверженность к гомосексуализму. Из приговора суда гомосексуальное обвинение убрали, видимо сочтя его по советской морали слишком пикантным и ненужным в деле столь матерого шпиона и заговорщика.

При этом страшный и беспощадный «кровавый нарком» успел проявить и неожиданную для него сентиментальность, умоляя своих следователей об одном: сохранить жизнь его маленькой приемной дочери Наташе, родных детей у него от двух жен не было. Наталью Ежову отправили в детдом, недавно она, уже седая пенсионерка, по телевидению сказала, что помнит его лишь в образе любимого отца и ходатайствует о реабилитации его, в чем ей прокуратура отказала. Наверное, она одна имеет право на теплые воспоминания об этом ненавистном миллионам наших сограждан человеку, которого называет отцом. В конце концов, лично в ее отношении Николай Ежов действительно дважды повел себя благородно: взяв ее из подмосковного приюта в семью, а на пороге расстрельной камеры затем выпрашивая для нее жизнь у своих палачей.

Даже у таких палачей и садистов, как Ежов, можно в биографии найти редкие моменты хотя бы предсмертного человечивания. Ежов же проявил их только стоя одной ногой в могиле на суде, когда кроме дочери попросил не репрессировать двух своих племянников и родного брата Ивана Ежова, не имевшего никакого отношения к большой политике запойного рабочего, который со старшим братом связи практически не поддерживал. Впрочем, этот предсмертный красивый жест Ежова был бессмысленным, и брат, и племянники уже были к тому времени НКВД расстреляны как члены семьи «врага народа», о чем самому обреченному Николаю Ежову не сказали. На суде, отказавшись от части данных под пытками следствию признаний, он вдруг еще походатайствовал за своего подчиненного по НКВД Журбенко, которого оговорил как шпиона на

очной ставке под давлением следователей, — и тоже впустую, Журбенко уже расстреляли.

Все остальные главные участники процесса над ежовцами тоже все признали. Кроме этого, на них же попытались списать многие грехи вакханалии террора 1937—1938 годов, обвинив и в пыточном следствии, и в злоупотреблении положением в НКВД для собственной карьеры, и даже в репрессиях невиновных лиц, принужденных ими пытками к самооговору. Не случайно вместе с ежовцами расстреляли и главного военного прокурора Красной армии Розовского, на которого возлагалась обязанность надзора за законностью работы НКВД и который, по мнению следствия, от этого надзора преступно самоустранился.

Расстреляли и многих слишком отличившихся в ежовских расстрелах палачей и следователей-колосьщиков. Как известно, с наступлением 1937 года НКВД была дана команда добить и тех троцкистов или эсеров, кто ранее уже был осужден к лишению свободы и находился в лагерях. По приказу Ежова по северным лагерям ГУЛАГа ездила специальная команда НКВД во главе с чекистом Кашкетиным, в 1936 году изгнанным из госбезопасности в связи с явным психическим заболеванием и Ежовым вновь восстановленным, которая сотнями расстреливала заключенных по заранее привезенным спискам. Об этих мрачных «кашкетинских расстрелах» впервые написал еще Василий Гроссман в своей запрещенной в СССР книге «Жизнь и судьба». Ясно, что психически нездорового чекиста Кашкетина назначили исполнителем такой миссии заранее, и его обрекая затем на смерть и на объявление «виновником перегибов», здесь и его медицинский диагноз пригодился бы. Кашкетин действительно в числе других ежовцев расстрелян сразу после возвращения из своей страшной поездки по лагерям.

Эта версия о «вышедшей из-под контроля партии банде Ежова в НКВД» была очень удобна в попытке скинуть ответственность за самый массовый период репрессий с плеч власти и партийной верхушки на исполнителей из спецслужб, ею и после смерти Сталина будут пользоваться адвокаты советской власти и социалистического выбора. Она же была властью Сталина официально оформлена в ноябре 1938 года постановлением ЦК партии и Совнаркома «Об извращениях в работе НКВД»,

в котором именно на команду Ежова по партийной традиции списали «отдельные перегибы». Подписавшие эту бумагу Сталин и Молотов всего за считанные дни до этого своими подписями скрепляли длиннющие списки НКВД на приговоренных к расстрелу лиц, как спокойно делали это всю ежовщину. Неудивительно, что сейчас в скроенную советским агитпропом легенду о сорвавшемся с цепи нарушителе законов Ежове и его подручных, действовавших якобы без разрешения власти и ЦК, практически никто не верит.

До сих пор вызывает удивление, на что надеялись эти люди. Ведь на первых обреченных в 1937 году из команды Ягоды или из плеяды первых чекистов-латышей весь этот абсурд с обвинениями в смертных грехах и выбитых пытками признаниями свалился относительно внезапно. Они не знали целиком природы наступивших процессов, пытались выжить за счет признательных показаний или стойкости на следствии, плыли по течению этой страшной реки, обезумев от невероятности случившегося. Но вот ежовцы, сами зачистившие в несколько приемов тысячи вчерашних коллег, должны были точно понимать собственную участь. А их брали поодиночке в течение целого года, с конца 1938 до конца 1939-го, и почти никто не попытался активно бороться, а на следствии просто быстро признавались, зная по своему опыту бессмысленность упорства при применении тех же методов допросов, которыми на давню пользовались сами. Очень часто арестованные ежовцы в попытке спастись от пыток или даже заслужить сохранение жизни в застенках собственного ведомства добровольно описывали «заговоры» в своей конторе и называли для следствия «сообщников» в таком количестве, в каком вообще могли припомнить пофамильно бывших коллег. Как поступил арестованный бывший начальник НКВД по Воронежской области ежовского периода Куркин, когда его сначала перевели на должность главы Днепропетровского НКВД и здесь же в Днепропетровске арестовали: Куркин на допросах записал в шпионы и вредители практически всех подчиненных по Воронежу, кого вспомнил пофамильно.

Единицы попытались пойти наперекор судьбе, как начальник НКВД на Дальнем Востоке Генрих Люшков, вместо выез-

да по вызову в Москву для ареста ушедший через границу в Китай и убитый не своими коллегами в подвале в 1939 году, а японцами шестью годами позднее. Нашедший приют у японцев беглый чекист Люшков даже пытался изображать идейного противника сталинизма, написав там целое воззвание против Сталина, в котором себя называл «предателем» не потому, что сбежал из СССР, а потому, что по приказу Сталина совершал предательство против своего народа, участвуя в его политике террора в НКВД.

Или совершивший в 1938 году нестандартный поступок для чекиста времен Большого террора начальник НКВД Украины Александр Успенский. Тот вместо выезда в Москву на арест (как полагают, предупрежденный по телефону уже обреченным Ежовым) имитировал в Киеве собственное самоубийство с прощальным письмом в кабинете, что идет топить в Днепре, а сам с оперативными документами прикрытия перешел на нелегальное положение и скрывался под Москвой у знакомых. Успенского через несколько месяцев все же арестовали и тоже расстреляли, но этот главный ежовец Украины, а до того щедро ливший кровь жертв в ежовщину на посту начальника Оренбургского управления НКВД, все же попытался бороться за свою жизнь. Он вроде бы даже хотел по методу Люшкова выехать на границу и бежать в Польшу, но понял, что уже обложен, и к границе сунуться побоялся. Судоплатов в своих мемуарах утверждал, что Успенский устал скрываться и понял безнадежность своего положения, сдавшись в руки НКВД в итоге добровольно, причем не под Москвой, а в сибирском Омске. В книге Д.П. Прохорова и О.И. Лемехова «Перебежчики», напротив, утверждается, что после долгих метаний с чужим паспортом по стране Успенский вычислен чекистами и взят на вокзале уральского городка Миасс у камеры хранения. Он расстрелян в 1940 году, тогда же за соучастие в его переходе на нелегальное положение расстреляна и оставленная им в Киеве жена. Действительно, вряд ли решившийся на такой побег от своей спецслужбы чекист пошел сдаваться сам, точно зная исход следствия и суда. Да детали ареста Успенского теперь не так уж и важны, важнее его нестандартный для чекистов тех лет поступок с уходом в подпольщики.

Любопытно, что несколько лет спустя трюк Успенского с мнимым самоубийством пытался повторить в Берлине один из руководителей гитлеровских спецслужб Артур Небе, руководивший в аналогичной НКВД машине централизованных германских спецслужб РСХА управлением криминальной полиции (крипо). Небе тоже оставил посмертную записку и инсценировал свое утопление, правда, после провала настоящего заговора против Гитлера в 1944 году с его участием, а не мнимого «заговора Ежова» против Сталина. Небе, впрочем, даже в наступавшем тогда в терпящей поражение Германии хаосе трюк с имитацией самоубийства удался не лучше, чем Успенскому в предвоенном СССР. Люди из гестапо нашли его убежище, и вскоре Небе был казнен за участие в знаменитом покушении генералов на Гитлера.

Периодически в те же годы проскальзывают сведения о попытках пойти против системы и кого-то из менее известных чекистов. Так, в Воронежском НКВД некий следователь по фамилии Гуднев в сентябре 1937 года без санкции начальства отпустил всех числящихся за ним арестованных, сжег их дела, а сам тоже пустился в бег. Разумеется, в системе сталинского СССР бунтаря вскоре изловили и репрессировали, но его случай успел произвести резонанс и оброс множеством слухов в народе — такая разновидность веры в доброго следователя. Сотрудник Свердловского управления НКВД Павел Корнель устроил маленький бунт: он сигнализировал в Москву наркому Ежову о нарушениях законности, о пытках и провокациях против подследственных, даже пошел на большой риск: напрямую позвонил Ежову в столицу по спецсвязи с жалобой на творимые командой начальника областного управления НКВД Дмитриева в Свердловске безобразия. Это закончилось арестом и расстрелом прямого начальника Корнеля — руководителя Свердловского НКВД Дмитриева, который и так уже был обречен. Сам объявленный поначалу правдолюбцем и борцом за советскую законность Корнель даже повышен до поста начальника Ульяновского НКВД, но уже через год арестован и расстрелян.

Есть у историков устойчивая версия, что из-за своей принципиальности восстал словесно на заседании на Лубянке при Ежове начальник Омского управления НКВД Салынь, ветеран ВЧК

дзержинской породы. Он будто бы прямо на заседании у наркома выступил против квот на аресты, объявив, что в Омской области столько врагов нет и устанавливать заранее количество обреченных вообще неверно, на что Ежов вроде бы тут же закричал: «Вот и первый враг себя сам выявил!», а месяц спустя Салынь сам был арестован и позднее расстрелян. Но многие исследователи в правдивость этой истории о пламенном чекисте Салыне не склонны верить. К тому же известна она только со слов единственного выжившего в лагерях участника того совещания чекиста Шрейдера, который и себя обычно рисует пострадавшим от злой ежовщины верным большевиком-ленинцем, в его мемуарах «Воспоминания чекиста» находят очень много несурязиц и передергиваний в связи с этим.

Но все это в огромной системе тогдашнего НКВД единичные случаи. В основной массе, настрелявшись по подвалам в затылки «врагов народа», покорно и почти строем в новую волну вчерашние чекисты шли в тот же подвал. И только на волне отстрела ежовцев командой Берии столь массовые волны зачисток в НКВД прекратились.

Сделавший свое дело нарком Ежов был расстрелян в феврале 1940 года в одном из подвалов на Никитской улице. С ним в течение примерно того же периода казнены все обвиняемые по делу о заговоре в НКВД главные ежовцы: Фриновский, Волинский, Жуковский, Николаев (Журид), Заковский, Евдокимов, Берман, Бельский. А вместе с первыми заместителями Ежова в эту зачистку уничтожили и массу руководителей НКВД 1937—1939 годов рангом пониже. Нового начальника Особого отдела НКВД Федорова, нового главу внешней разведки ИНО Пассова, нового главу Спецотдела Шапиро, нового начальника сталинской личной охраны в НКВД Дагина, нового начальника секретариата НКВД Дейча, нового начальника ГУЛАГа в НКВД Плинера, нового начальника Секретно-политического отдела Минаева, изобретателя советских душегубок-хлебовозок Берга и так далее. Даже личная секретарша наркома Ежова по фамилии Рыжова была репрессирована.

Расправа с ежовцами вторично после ликвидации людей Ягоды «прополола» в этом плане и провинциальные управления НКВД. Одним из первых ежовцев еще в начале 1938 года арес-

товали и привезли в Москву для скорого расстрела начальника Северо-Осетинского НКВД Булах, причем не случайно — с него начали лепить образ ежовских чекистов как сознательных «врагов советской законности». Булах на Кавказе действительно навел в «ежовскую чистку» такой террор, что многих даже в НКВД шокировал размахом пыток и расстрелов, а сам нарком Ежов кавказского садиста очень ценил и часто на совещаниях ставил в пример другим начальникам территориальных управлений НКВД. Допрошенный по делу Булах его тоже арестованный бывший подчиненный в Северо-Осетинском (тогда еще Орджоникидзевском) НКВД Добыкин показывал, что по коридорам управления часто было просто страшно ходить: в каждом кабинете по несколько человек кого-то мордовали. Даже в черед ежовцев Булах отличился в худшую сторону, его сотрудники как минимум семь забитых ими насмерть на следствии арестованных уже мертвыми «провели» через приговор своей «тройки» и доложили об их расстреле, составив фиктивные акты, так что на роль показательного ежовца он годился отлично. После сигнала о художествах Булах на Северный Кавказ выехала комиссия партконтроля ЦК во главе с Матвеем Шкирятовым, от НКВД его сопровождал бывший референт наркома и новый начальник Секретно-политического управления Цесарский. Арест Булах еще в конце весны 1938 года и скорый арест ежовского заместителя Заковского стали началом расправы над ежовцами, планомерно учиняемой Сталиным почти в течение года.

Вскоре арестован и расстрелян ежовский ставленник во главе НКВД Азербайджанской ССР Раевой, затем бывший начальник Особого отдела НКВД (а к моменту ареста начальник Украинского НКВД) Леплевский. В Ереване тогда арестованный бывший глава правительства Армянской ССР Тер-Габриелян при допросе с пристрастием выбросился из окна четвертого этажа здания Армянского НКВД и разбился насмерть (это не единственный в ежовские времена случай, за месяц до Тер-Габриеляна из окна здания НКВД в Минске так же ушел на тот свет от следствия арестованный глава Совнаркома Белорусской ССР Гололед) — сразу последовали разбирательства и аресты. Армянских ежовцев одновременно обвинили в незаконных мето-

дах допросов и в умышленной ликвидации ценного обвиняемого для обрывания нитей к сообщникам. Итогом стал тогда арест начальника НКВД Армянской ССР Мугдуси и его заместителя Геворкяна, оба позднее расстреляны в волне ежовцев. И так по всему Советскому Союзу шла зачистка в НКВД тех, кто отведенную им роль уже исполнил.

Некоторые ежовцы, понимавшие свою обреченность, но не решившиеся по примеру Успенского активно бороться или скрываться, пустили себе до ареста пулю в висок, ускоряя неизбежную развязку дела, как сделали это начальник НКВД по Ленинградской области при Ежове Михаил Литвин или начальник Московского управления НКВД Василий Каруцкий. Литвина, как считают, предупредил о предстоящем аресте сам остававшийся тогда еще наркомом внутренних дел Ежов, он с Литвиным работал в свое время в секретариате ЦК и сам привел его с собой в НКВД из Харьковского обкома. За считанные дни со своего снятия с поста наркома в НКВД Ежов по телефону вызвал Литвина в Москву якобы на доклад, но говорил сухо и нервно, а на просьбу задержаться на пару дней ответил резким отказом. Литвин предупреждение товарища понял и два дня спустя вместо выезда в столицу застрелился в Ленинграде на своей служебной квартире, оставив посмертную записку, содержание которой историкам неизвестно, так как чекисты ее сразу уничтожили. За несколько дней до Литвина в Москве застрелился комендант Кремля и тоже сотрудник НКВД Рогов, получив вызов в кабинет к заместителю наркома Берии, откуда многие на свое рабочее место уже не возвращались. Личный секретарь наркома Ежова в НКВД Ильицкий в страхе перед арестом застрелился во время катаний на лодке по Москве-реке. Тогдашний начальник войсковых частей НКВД Ковалев уже был снят со своего поста и, не дожидаясь ареста, застрелился в купе поезда. Хотя есть версия, что его таким образом негласно ликвидировали бывшие коллеги по приказу нового главы НКВД Берии, по каким-то причинам не пожелавшего официального ареста Ковалева. Арестованный в волне ежовцев начальник НКВД Молдавской ССР Иван Широкий уже после ареста понял, что на него спишут все прошедшие в республике репрессии, и покончил с собой прямо в тюрьме на следствии,

не дав вывести себя на показательный процесс против «нарушителей социалистической законности» в органах госбезопасности.

Отстрел Ежова и его команды закрыл для советской истории ее кровавые 30-е годы, а частично и закрыл репрессии внутри НКВД. После этого таких больших волн репрессий чекистов целыми компаниями и готовыми сериями заговорщиков не было вплоть до последних лет жизни Сталина в начале 50-х годов. У власти в НКВД встал новый сталинский назначенец Берия.

Очень устойчива версия о том, что Сталин якобы предлагал после принятия решения о снятии и «списании» Ежова из НКВД поставить туда наркомом знаменитого летчика Валерия Чкалова и даже успел предложить кумиру советской молодежи этот пост, но Чкалов отказался. Даже скорую смерть Валерия Чкалова, разбившегося при испытании нового самолета, связывают с этим отказом: убили подстроенной НКВД катастрофой «сталинского сокола» якобы именно за это, об этих предположениях сейчас повсюду пишут и снимают документальные фильмы. Хотя логики тут немного, ведь Чкалов уже от такой сомнительной чести отказался, не стал брать палаческий топор в руки и остался в памяти потомков лихим парнем в летном шлеме, а не очередным «кровавым упырем» — Берия же уже получил это место, и убирать героического летчика Лаврентию Павловичу было незачем. Лишенный всех рычагов и уже ожидающий скорого ареста бывший нарком Ежов тем более сделать этого не мог, да для него смерть Чкалова ничего уже и не изменила бы, о своей шкуре пора было всерьез заботиться. Разве что Сталин лично приказал НКВД и Берии убрать строптивого героя неба за отказ пойти в наркомы внутренних дел и своим авторитетом послужить в операции по сворачиванию ежовщины и показательному «восстановлению законности» в 1939 году.

Репрессии и при Берии продолжались вплоть до вступления СССР во Вторую мировую войну. Но чуть более упорядоченно, без чудовищного размаха 1937—1939 годов и без охвата одновременно всей страны — бесконечно выжимать кровь из собственного государства совсем без перерывов не под силу никакой даже самой тиранической власти.

РЕПРЕССИИ В РАЗВЕДКЕ

Как известно, советскую разведку большая бойня 1937—1939 годов задела особенно сильно, и ИНО в системе НКВД, и военную разведку в лице Разведупра советского Генштаба. Многие исследователи и мемуаристы из числа сотрудников советских спецслужб, вспоминая об ударах репрессий по разведке и приводя фамилии репрессированных талантливых разведчиков, по-разному оценивают результат такого хирургического воздействия на разведку в предвоенные годы. От утвердившегося давно обвинением Сталину мнения о том, что репрессии подорвали работу советской разведки за рубежом, а временами и совсем ее парализовали, истребляя в обоих разведывательных ведомствах лучшие кадры, до более новых утверждений о том, что в связи с приходом в разведку взамен отстрелянных нового поколения разведчиков по партийному набору разведка СССР в плане своих способностей заграничной работы особенно не пострадала, а то и усилилась за счет смены поколений и вливания новой крови.

Не знаю, как насчет крови влитой в нее, а вот пролитой крови при этой «прополке» органов разведки коллегами из НКВД в 1936—1939 годах было предостаточно. Так что общепринятое мнение о том, что кадрово советская разведка была обескровлена, представляется совершенно обоснованным, что подтверждается множеством фактов и цифр: «Репрессии 30-х годов нанесли огромный ущерб и внешней разведке. В это время были арестованы практически все руководители ИНО и многие ведущие разведчики. Были арестованы бывшие начальники ИНО М.А. Трилиссер, С.А. Мессинг, А.Х. Артузов. А.А. Слуцкий 17 февраля 1938 года скоропостижно скончался в кабинете первого заместителя Ежова М.П. Фриновского (существует версия его отравления). После смерти Слуцкого исполняющим обязанности начальника ИНО был назначен майор госбезопасности Сергей Михайлович Шпигельглас. Но и он пробыл на этой должности менее двух месяцев. 28 марта 1938 года его сменил старший майор госбезопасности Залман Исаевич Пассов. Шпигельглас в ноябре 1938 года был арестован, в январе 1940 года расстрелян. В это же время репрессировано и большое число ведущих раз-

ведчиков. Среди них можно назвать резидентов в Лондоне — Чапского, Г.П. Графпена и Т. Малли, в Париже — С.М. Глинского (Смирнова) и Г.Н. Косенко (Кислова), в Риме — М.М. Аксельрода, в Берлине — Б.М. Гордона, в Нью-Йорке — П.Д. Гутцайта (Гусева), выдающихся разведчиков-нелегалов Д.А. Быстролетова, Б.Я. Базарова и многих других. Всего же в результате так называемых «чисток» в 1937—1938 годах из 450 сотрудников ИНО (включая загранаппарат) было репрессировано 275 человек, то есть более половины личного состава. Со многими ценными агентами прервалась связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда. В 1938 году в течение 127 дней подряд из ИНО руководству страны вообще не поступало никакой информации¹.

Все эти и многие другие факты, как и длинный список имен расстрелянных или брошенных в лагеря сотрудников ИНО НКВД и Разведупра армии, действительно наводят на мысль о настоящем погроме в разведке в эти трагические годы. Чего стоит одно это обстоятельство, приводимое в пример во многих книгах и исследованиях, — 127 дней полного простоя разведки, не дающей руководству СССР вообще никакой информации, такая вот цена зачисток в разведслужбе

Разбирая затем после этой чистки дела разведки, поставленный в 1939 году новым начальником ИНО Фитин с горечью констатировал в своем отчете такие длительные пробелы, когда разведка НКВД просто «слепла» и «глохла» без информации из-за кордона при молчавших агентах и их перебитых в советских тюрьмах кураторах из оперативников ИНО. Он же отметил периоды, когда в середине 1938 года, в самый разгар этих зачисток внутри спецслужб, пласты арестованных снимали в разведке руководство целых отделов, и даже доклады на имя Сталина вынуждены были подписывать рядовые оперативники ИНО. Да и в зарубежных отделах начинался в это время кадровый голод, останавливавший настоящую работу, ведь отзывали в Москву и расстреливали после приезда не только известных резидентов, но и сотрудников их резидентур, и законспирированных нелегалов, и агентов из числа коминтерновцев. Тот же Фитин получил в наследство берлинскую резидентуру

¹ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. М., 2002. С. 589—590.

ИНО, где из 16 прежних после основательной ее зачистки находилось в строю лишь 2 разведчика.

Возглавлявший ИНО в «славных двадцатых годах» советской разведки Трилиссер даже после ухода из-за конфликта с Ягодой из спецслужбы все равно расстрелян в репрессии. Сменившего его архитектора операции «Трест» Артузова в 1935 году перевели с должности начальника ИНО из НКВД в Разведупр армии для усиления военной разведки и передачи ей опыта чекистской разведки. Артузов был несколько лет заместителем Яна Берзина в Разведупре и даже исполнял обязанности главы Разведупра во время командировки Берзина на испанскую войну, по заведенной традиции перед арестом его перемещали с должности на должность, возвращали в НКВД, а в итоге тоже арестовали и расстреляли после падения наркома Ягоды.

Что же касается упомянутого Абрама Слуцкого, возглавлявшего ИНО НКВД после Артузова в 1935—1938 годах, то формально он умер на Лубянке от инфаркта, возможно вызванного стрессом из-за опасений скорого ареста. А возможно, действительно путем самоубийства с принятием яда или путем тихой ликвидации его путем отравления, о такой версии напоминают Прохоров и Колпакиди. Хотя и трудно предположить, зачем, отстреливая в открытую с клеймом врага народа и предателя сотни гораздо более известных в органах чекистов, именно Слуцкого понадобилось бы ликвидировать столь изоциренно и тайно. Ведь был уже готов приказ о снятии Слуцкого с поста главы ИНО и о назначении его главой НКВД по Узбекской ССР. Как считают, для того, чтобы после расстрела прямого начальника не стали разбегаться или становиться невозвращенцами резиденты ИНО НКВД за рубежом, а после их зачистки обреченного Слуцкого арестовали бы в Ташкенте и тоже добились.

В свете этой версии скорее верится в то, что обрекший себя мысленно на арест начальник внешней разведки НКВД действительно принял заготовленный заранее яд, чтобы избежать пыток на следствии и шельмования своего имени. Как пошли по этому пути сотрудник НКВД из команды Ягоды Черток, глава политуправления РККА Гамарник, бывший член ЦК ВКП(б) Томский, старый большевик Ломинадзе и еще ряд известных в советской истории личностей. Или что от терзаний и стресса

у Слуцкого действительно остановилось сердце, тем более что с сердцем у него действительно были проблемы, он даже подчиненных по ИНО принимал порой лежа в служебном кабинете на кушетке от загрузинных болей.

В любом случае смерть Слуцкого прямо в коридорах Лубянки стала еще одной цепью в череде смертей начальников внешней разведки в НКВД. Только с назначением в 1939 году на должность начальника ИНО Павла Фитина, руководившего затем советской разведкой весь период войны, эта кровавая карусель вокруг «расстрельного» кресла начальника ИНО остановилась.

Что же касается кадрового состава ИНО, то он действительно понес колоссальные потери не столько даже численные, сколько качественные за счет репрессий самых проверенных и талантливых в деле разведки сотрудников. Отозванные в СССР и здесь расстрелянные в эти годы Аксельрод, Малли, Гутцайт, Косенко, Карин, Сыроежкин, Рингин, Сыркин, Шилов, Глинский, Яриков, Базаров, Перевозчиков, Салнынь, Уманский — это легендарные в истории 20—30-х годов в советской разведке люди. За каждым отдельная яркая и полная событий биография, служба в еще первой ВЧК, операция «Трест», захват Кутепова или тайные акции от Атлантики до Тихого океана. Как и уникальная жизнь Дмитрия Быстролетова, многими признаваемого за свою достойную авантюрного романа карьеру разведчика лучшим нелегалом в истории разведки СССР. А этот мастер вербовки и тайных операций после ареста и осуждения всю войну провел в сталинских лагерях, а умер в неизвестности обычным советским пенсионером.

Такой же зачистке подверглась тогда и военная разведка Разведупра. Первый тревожный звонок для Разведупра и лично для его главы Берзина прозвучал еще в середине 30-х годов, когда после серии почти одновременных провалов сетей военной разведки за рубежом в 1935 году личное недовольство военными разведчиками высказал Сталин. Этот вопрос тогда рассматривался даже на Политбюро, и именно после этого в Разведупр на усиление направили работать целую группу разведчиков-чекистов из ИНО системы НКВД во главе с Артузовым, потеснив сплоченную за годы работы команду Берзина. Тогда действительно почти в течение одного года провалились

резидент Разведупра в Италии Маневич, его коллега в чанкай-шистском Шанхае Бронин, а ранее, в 1933 году, были большие провалы сети сотрудницы Разведупра Талтын в Финляндии, сети резидента Разведупра во Франции Берковича, а в Австрии арестован местный резидент Разведупра Аболтын.

Хотя далеко не все эти провалы являлись следствием ошибок и плохой работы Разведупра, чужие контрразведки тоже не дремали. Так, резидент Разведупра в Италии Лев Маневич (Кертнер) был арестован в ходе тонкой операции итальянской тайной полиции ОВРА, которая вычислила и арестовала его местного агента Эспозито, на следствии сломав его и заставив выдать своего вербовщика. Под контролем ОВРА Эспозито вызвал Маневича на разговор в пиццерии якобы для передачи чертежей нового итальянского самолета, где ОВРА и арестовала Маневича, он позднее передан немцам и умер в концлагере Маутхаузен. Но такая череда провалов заставила власть задуматься о реформировании и укреплении военной разведки РККА.

В Разведупре эти годы действительно были непростыми. Тогда же его многолетний начальник Берзин начинает впадать в немилость у Сталина. Тогда же обостряется постоянная межведомственная борьба с ГПУ и заменившим его в 1934 году НКВД. В архивах обеих спецслужб из начала 30-х годов остаются следы этого противоборства. Вот в 1933 году резидент Разведупра в Австрии Дидушок (в Разведупре известен как Франц) предпринимает попытку вербовки офицера военной разведки Германии абвер Протца. Об этом по своим каналам узнает разведка ИНО ГПУ, и ее начальник Артузов через шефа жалуется на «соседей» из Разведупра даже в ЦК партии. Мало того что чекистов из ИНО тревожит, что Разведупр все чаще не информирует их о своих операциях, так еще по агентурным каналам ИНО выходит, что это матерый немецкий разведчик Протц вербует советского военного разведчика Дидушка, а не наоборот. Берзин в этой ситуации защищает своих людей и берет Дидушка под защиту, конфликт действительно доходит до ЦК, и Берзину делают внушение за ведомственную секретность, поручая плотнее работать в контакте с чекистами ИНО ГПУ. Справедливости ради отметим, что в том споре, скорее всего, люди Артузова из ИНО были более правы. Известный разведчик абвера Протц

играл в эту игру на стороне своей спецслужбы; когда в 1935 году абвер возглавит по приказу Гитлера адмирал Канарис, то Протц станет одним из его заместителей и начальником отдела военной контрразведки в абвере, оставаясь им почти до конца Второй мировой войны и падения самого Канариса.

В 1938 году уже разведчики ИНО НКВД пытались завербовать офицера абвера Вера. Уже имея своего агента Лемана в гестапо и Талера в СД, они яростно пытались глубоко проникнуть и в германский абвер. Но вскоре возникло мнение, что и Вера вербовщикам из НКВД подставляют те же абверовцы, и опять были разночтения НКВД и Разведупра в этой операции, но вербовку Вера все же прекратили. В 1933 году в разведке ГПУ предупреждали Разведупр, что забрасываемый военными в Турцию агент из азербайджанцев Садыхбеков подозрителен и может предать, а после действительно случившегося предательства агента НКВД еще подбросил поленьев в пламя этой глухой войны с Разведупром. Все нюансы этих операций, где Разведупр и НКВД начинали межведомственный спор вплоть до доносов в ЦК, чуть позднее будут использованы в следственных делах «изменников и врагов народа» как среди военных, так и чекистских разведчиков.

Через несколько лет после первых уколов в адрес Берзина и его службы это недовольство Сталина обернется для Разведупра началом массовых репрессий в его рядах. Многолетний руководитель этой спецслужбы Ян Берзин в 1937 году отозван из Испании, а после обличительной речи против него наркома НКВД Ежова на Политбюро снят с должности, арестован и расстрелян. После Берзина должность главы военной разведки Красной армии тоже становится расстрельной. Недолго исполнявшие обязанности начальника Разведупра Гендин, Никонов, Стигга, Орлов, Урицкий (родной племянник убитого в 1918 году главы Петроградской ЧК Моисея Урицкого) и переведенный сюда временно из НКВД Артузов один за другим идут по пути Берзина — снятие с должности, арест и расстрел.

Затем в апреле 1939 года на пост главы Разведупра Сталин назначает известного в Красной армии летчика — генерала авиации Ивана Проскурова. Герой советской военной авиации и операций в небе Испании не отказался возглавить военную

разведку, тогда как другой «сталинский сокол» Чкалов отверг предложение вождя возглавить НКВД после снятия Ежова. За что Проскуров вскоре тоже поплатился арестом и расстрелом в 1941 году, он последним с этой должности попал в расстрельный подвал прямо перед вступлением СССР во Вторую мировую войну.

Проскуров пал в этой череде уже на исходе больших репрессий, как полагают, за свою излишне независимую позицию и несговорчивый характер. Он так и не смог сработаться с непосредственным начальником — наркомом обороны Тимошенко, а на заседании посмел резко возражать Сталину и Тимошенко в 1940 году, когда те на Разведупр попытались повесить большую часть вины за неудачи в Зимней войне с Финляндией. Только с назначенным на место Проскурова генералом Голиковым и вступлением Советского Союза в войну это колесо отстрелов начальников Разведупра Красной армии остановилось.

За считанные три года больших репрессий по приказу Сталина поочередно расстреляны шесть руководителей Разведупра Красной армии, некоторые исполняли обязанности на этой «горящей» должности всего по несколько месяцев, как ветеран службы Разведупра с 1921 года Александр Никонов, бывший ранее заместителем Берзина.

В те же годы в рядах Разведупра репрессированы и погибли, как и в разведке НКВД, многие известные разведчики-незаконники, подобные Мельникову, или резиденты и создатели нелегальных сетей Разведупра за рубежом, как расстрелянный НКВД в 1937 году резидент в Китае Барович, по агентурному псевдониму Алекс. За один год в Разведупре вслед за Берзиным расстреляли всю складывавшуюся годами его команду в руководстве военной разведки: Беговой, Никонов, Захаров, Гайлис, Узданский, Гендин, Стигга, Иодловский, Римм, Федоров.

Хотя также репрессии выбили и назначенных в Разведупр им на смену в последние годы, как переведенный из ОМС Коминтерна Мирон или присланный из НКВД Александровский (Юкельзон), назначенный при Проскурове замначальника Разведупра.

Или приведенных для усиления Разведупра из чекистского ИНО Артузовым и здесь оставшихся, как Федор Карин — он до

своего ареста и расстрела в 1937 году возглавлял в Разведупре все направление разведки по Японии и Китаю. При переводе Артузова и большинства из «пришельцев» вместе с ним назад из Разведупра в разведку НКВД (после откровенного конфликта Артузова и не сработавшегося с ним главы Разведупра Урицкого) Карина приказали оставить на прежнем посту в Разведупре в должности начальника «восточного» ее отдела. Но это для ветерана ВЧК с 1919 года и опытного разведчика Карина ничего не изменило, поскольку людей Ягоды—Артузова из НКВД и людей по делу Берзина из Разведупра весной 1937 года арестовывали почти одновременно в рамках масштабных дел «заговора Ягоды» в госбезопасности и «заговора Тухачевского» в Красной армии. Так что возвращенный после ссор с Урицким на Лубянку Артузов арестован 13 мая 1937 года, а оставленный им в Разведупре Карин — 16 мая. Весь этот эксперимент, задуманный Сталиным как усиление Разведупра мощным десантом чекистских разведчиков Артузова, в целом себя не оправдал. Сложившаяся берзинская команда в Разведупре пришельцев не приняла. Артузов и Берзину, и сменившему его во главе Разведупра Урицкому с поста назначенного приказом самого Сталина и потому отчасти независимого от них заместителя постоянно указывал на интриги и недоверие к нему и к приведенным им из чекистского ИНО специалистам (Карину, Панкратову, Штейнбрюку, Эльману, Тылису и др.), напоминал о принципе Ленина: «Нельзя коммунисту отказываться от предложенного партией поста». Артузов в эти два года все чаще обращается через голову своего начальника Разведупра к самому Сталину как теневой начальник военной разведки, сейчас роль Артузова в Разведупре в 1935—1937 годах назвали бы «антикризисным менеджером».

Артузов успел даже провести за это время последнюю предвоенную реформу структуры в истории Разведупра РККА. При ней теперь в Разведупре были отдельные структуры разведки в Европе (во главе с одним из «пришельцев» Штейнбрюком) и по странам Востока (во главе с Кариным). А также отделы военно-технической разведки (начальник Стигга), военно-морской разведки (Нефедов), разведки военных округов (Беговой), радиоразведки (Файвуш), шифровальный (Харкевич), военной

цензуры (Колосов), внешних связей (Геккер), специальных операций (Панюков), партизанской подготовки (Салнынь), диверсий (Туманян).

Из Разведупра, как и из внешней разведки НКВД, репрессии 1937—1939 годов выбили самый золотой фонд проверенных и подготовленных кадров. Расстрелян ветеран Разведупра и одно время возглавлявший его Оскар Стигга. Отозван из Ирана и расстрелян опытный разведчик Рудольф Абиш из немец-интернационалистов, пришедший в Разведупр на заре этой спецслужбы в Гражданскую войну. Отозван и расстрелян резидент военной разведки в Германии и Австрии латыш Ян Аболтынь, которого называют крестным отцом Зорге в Разведупре. Расстрелян начальник отдела разведки военных округов в Разведупре Василий Беговой (по другим данным — Боговой), бывший боевик партии эсеров. Расстрелян приведенный Берзиным в 1924 году в Разведупр и дослужившийся до начальника отдела бывший полковник белой армии Врангеля Иван Анисимов — он уже своей биографией был тогда практически обречен. Поляк Станислав Будкевич пришел к большевикам и в Разведупр из нелегалов польской ППС Пилсудского в 1919 году, работал во Франции, а расстрелян в том же 1937 году тоже как агент польской разведки и скрытый пилсудчик. В этой страшной каше репрессий в Разведупре перемешало таких разных людей: бывшие герои-летчики, опытные подпольщики-большевики из латышей, поляки из ППС, эсеры, немецкие интернационалисты, бывшие белые полковники — всех уравнила эта мясорубка репрессий. Часть репрессированных сотрудников и руководителей Разведупра в эти годы отправлена в лагеря, кое-кто из них пережил Сталина и после 1953 года вышел на свободу по реабилитации, как бывший резидент этой службы в Швеции Илья Болотин.

Время больших репрессий стало еще одним ударом, ослаблявшим в 1937 году Разведупр. И также в те годы больших репрессий сворачивались налаженные сети, переставала выходить на связь со сменщиками репрессированных резидентов Разведупра завербованная ранее агентура. И так же как и в ИНО НКВД, перебежали к противнику или просто скрывались от вызова в Москву на расстрел за рубежом сотрудники военной раз-

ведки, как это сделал Креме в Китае. И, вынужденные за прикрытие и спасение оказывать услуги иностранным разведкам и выдавая известные им по долгу службы секреты разведки, они же наносили еще один удар по советским спецслужбам, косвенная ответственность за который тоже лежала на инициаторах зачистки в Разведупре и НКВД. А иногда от контактов с агентурой в Москве отказывались сами, поскольку, выбив из курирующих ее оперативников на следствии в НКВД признания в измене и работе на чужие разведки, в соответствии с дикой логикой тех лет и самих агентов односторонне объявляли вражескими подставами и дезинформаторами, разрывая с ними связь. Такого членовредительства самому себе и почти самострела в истории спецслужб еще не было. Известен, например, такой факт: когда в Москве обвинили в работе на японскую разведку и расстреляли почти всю резидентуру НКВД в Токио, включая бывшего резидента ИНО Шебеко (он же Журба), а эта сеть работала параллельно сети Разведупра под началом знаменитого Рихарда Зорге, то по тем же основаниям разорвали связи со всей завербованной людьми Шебеко агентурой. А в нее входили очень ценные агенты — «кроты» из числа кадровых сотрудников японской военной разведки и тайной полиции, с ними просто перестали выходить на связь и оборвали контакты. Даже в славящих советские спецслужбы «Очерках истории российской разведки» эта история до сих пор завуалирована стыдливой ложью о том, что этих агентов тогда смогли выявить и разоблачить японские контрразведчики из «Кэмпэй-Таи». Хотя авторам очерков отлично известно, что с этими агентами порвала все связи сама Лубянка, они так и остались для своих спецслужб не раскрытыми никогда, и потому даже сейчас их имена в тех же очерках спрятаны за оперативными псевдонимами типа Абэ или Сай.

В порядке такого своеобразного самострела в своих же спецслужбах сворачивались даже крупные проекты, разрабатываемые этими службами годами, на которые уже были истрачены огромные суммы. Так, с 1929 года на случай нападения на СССР из Европы любого условного агрессора в недрах Разведупра несколько лет разрабатывалась особая тактика разворачивания крупных партизанских соединений на занятой

врагом территории. Впервые приказ о разработке такой концепции партизанско-диверсионной войны еще в 1924 году от Сталина получили тогдашний председатель ГПУ Дзержинский и нарком обороны Фрунзе. Это означало явный переход от потерпевших поражение надежд на экспорт революции в Европу к планам обороны единственной страны социализма во вражеском окружении, тогда вероятность вторжения с Запада в СССР была не столь еще очевидна. И хотя Дзержинский и Фрунзе очень быстро после такой сталинской директивы о партизанстве покинули этот мир, их подчиненные и наследники в ГПУ и РККА вовсю разрабатывали этот план «Операции Д» более десятка лет.

Под эту концепцию размашистой народной войны под контролем кадров Разведупра закладывались партизанские базы со складами оружия и запасами продовольствия, подбирались кадры для руководства будущими партизанами, готовилась связь и явки. Несколько раз на Украине и в Белоруссии проходили даже тайные учения руководителей будущей партизанской войны, замаскированные под слеты партийных активистов или даже пикники грибников. В украинских областях сотрудниками ГПУ в начале 30-х годов под эту концепцию даже специально вербовались в тайные агенты служащие железной дороги, которые в случае вторжения с Запада врага на оставленных РККА территориях должны были предложить оккупантам свои услуги и организовать диверсии на путях и станциях. В Харькове на окраине города — Холодной горе существовала закрытая школа, где инструкторы ГПУ и Разведупра обучали азам партизанского дела командиров будущих отрядов.

До принятия идеологически жесткой установки на непобедимость Красной армии и войну только на вражеской территории разработчики «Операции Д» реалистично исходили из того, что при вторжении с Запада часть советской территории может быть занята врагом до линии неких особо крупных укрепрайонов. И именно в этой полосе украинско-белорусских областей и создавались базы для будущих партизанских отрядов и тайники с оружием. Хотя в начале 30-х этот план «Д» разрабатывали без учета возможности вторжения с Запада Гер-

мании, а самыми реальными кандидатами для нападения на СССР тогда считались Польша, Финляндия и Румыния.

Когда же к началу Большого террора была поднята на щит ура-патриотическая концепция «войны на чужой земле», вся эта идея централизованного партизанства была быстро похоронена в районе 1935 года. Полагают, что не без оснований в виде панических страхов Сталина после убийства Кирова, когда вождю подбрасывали идеи, что всю эту «партизанщину» смогут обернуть против него окопавшиеся в подполье вожди партийной оппозиции и связанные с ними антисталинские заговорщики в НКВД и Красной армии. Разрабатывавшую эту громоздкую операцию сотрудницу Разведупра РККА Миру Сахновскую, главного идеолога всей этой теории партизанской войны под началом военной разведки, в 1937 году обвинили по известной статье и расстреляли. Легендарная в Разведупре дама-разведчица в звании комдива Сахновская (Флерова) стала специалистом по партизанским действиям еще в Китае, где по линии Разведупра была советником у коммунистических партизан. Именно ее при разработке в Разведупре «Операции Д» поставили возглавлять ответственный за это отдел (Отдел войсковой разведки), но прежние нелады с партией еще в конце 20-х годов, когда разведчицу Сахновскую за явный троцкизм даже изгоняли из спецслужб и партии, в 1937 году привели к закономерному итогу: Сахновскую расстреляли по обвинению в измене. Как расстреляли и ее учеников, разрабатывавших параллельно эту тему в НКВД, во главе с чекистом Терешатовым.

Подводя итог, можно смело констатировать, что вред обеим спецслужбам в годы Большого террора был нанесен огромный. Ни одна спецслужба мира в те годы не ставила еще столь самоубийственных экспериментов над самой собой, когда сотрудники ее внутренней госбезопасности в рамках гигантской кампании по зачистке и устрашению собственной страны так выкосили и кадры собственной разведки, подрывая собственную мощь. Так что очень трудно сторонникам противоположной концепции в свете этих фактов доказывать, что обновление кадров и приток новой крови в 1937—1939 годах удержал советские спецслужбы на прошлом профессиональном уровне или даже усилил их. Выявить какую-то иную пользу, кроме об-

новляющей организм спецслужб смены их руководящих элит, здесь трудно, и аргументы у сторонников такого парадоксального подхода всегда будут экстравагантными, как и у тех, кто сейчас пытается доказать, что регулярными репрессиями в верхах РККА Сталин только усилил армию перед войной. Чтобы найти такую пользу от репрессий для структур разведки в довоенном СССР, пожалуй, нужно только встать на позицию, что отстрелянные чекисты и военные разведчики из первой волны дзержинцев действительно все поголовно были замаскированными врагами. Или перевербованными врагом шпионами, или сторонниками Троцкого с Зиновьевым, или на худой конец мешавшими Сталину в укреплении государственности его державы фанатиками мировой революции. Но даже инициаторы этой страшной чистки знали необоснованность всех этих коллективных обвинений.

С другой же стороны, представляется такой же надуманной и односторонней простенькая схемка, которой и в годы первой оттепели Хрущева пытались объяснить происходящие тогда вокруг спецслужб по линии внешней разведки процессы. Это обеляющее разом всех разведчиков 30-х годов расхожее утверждение, что они честно и благородно служили своей родине, а злые сталинские палачи из управления госбезопасности НКВД их злодейски и по надуманным обвинениям перебили. Вся система советских спецслужб при Сталине была плотно переплетена, прошита жестокостью методов и заидеологизирована классовым подходом. И разведка здесь не исключение, в том числе и военная разведка РККА.

И образ героев невидимого фронта, ничуть не причастных к опричинным методам внутренней госбезопасности и пожару репрессий в СССР, разведчикам тех лет тоже придать не удастся, как бы некоторые из них ни старались это сделать в своих мемуарах. Сталинская разведка напрямую вышла из шинели ВЧК Дзержинского, точно так же пропиталась методами «красного террора» в начале 20-х годов, как и внутренний сыск в ГПУ—НКВД, и несла затем на себе эту печать. И доносили друг на друга сотрудники разведки нередко, направляя коллег по невидимому фронту под топор репрессий своих «соседей», и тайные убийства перебежчиков и невозвращенцев из соб-

ственных рядов мало чем отличаются в моральном и законном плане от расстрелов в лубянских подвалах. И какая разница бывшему царскому генералу, вталкивают его в машину на парижской улице для скорого убийства закордонные разведчики из ГПУ или вытаскивают из московской квартиры и везут в «черном вороне» для скорого расстрела их смежники на родине. Многое рассказавший нам в последние годы жизни в своих мемуарах (к неудовольствию бывших коллег-ортодоксов) главный специалист сталинского НКВД по тайным акциям дома и за рубежом генерал Судоплатов честно написал однажды, что «представление в обществе о работе разведки в белых перчатках, когда только контрразведка и следствие проводили репрессии, неверно».

Те же мифические сведения о заговоре в верхушке Красной армии под началом «красного Бонапарта» Тухачевского в НКВД поступали из разведки ИНО под видом полученных от германских спецслужб. Версия о том, что это действительно германская спецслужба СД состряпала фальшивку о заговоре Тухачевского и через президента Чехословакии Бенеша подбросила ее Москве, переиграв Сталина и заставив его перебить красных маршалов, сейчас многими воспринимается скептически. И «немецкие папки» по линии разведки НКВД в Москву пришли в 1937 году, когда уже вовсю шли аресты в Красной армии товарищей Тухачевского, а сам он уже явно был назначен в очередные жертвы сталинской чистки. Да и для подобных процессов в репрессии Сталину не нужны были особые доказательства со стороны, когда состав очередной группы «заговорщиков» уже был подобран и расписан в списках на арест в НКВД. Когда Артузов давал оперативные сведения о том, что Тухачевский готовит заговор военных для захвата власти в СССР, начальник ИНО НКВД отлично знал, что этот компромат в оперативных целях готовили сотрудники того же Артузова еще в 20-х годах и в рамках операции «Трест» подбрасывали как наживку белой эмиграции.

И очень многие ложные сведения, пришедшие из разведки, ложились в основание смертных приговоров в Москве, превращаясь в вечные клише. Поэтому и сейчас в идущем по телевидению документальном цикле «Разведка, о которой знали не-

многие» приказ на ликвидацию методом тайного убийства Троцкого в 1940 году можно оправдывать тем, что «от разведки поступили сведения, что Троцкий вступил в тесные контакты с гитлеровской разведкой абвером», не слишком критично относясь к таким разведывательным данным, удобным Кремлю и Лубянке и словно оправдывающим «доблестную операцию» заграничного наемника НКВД, вонзившего ледоруб в голову изгнанника за тысячи километров от Москвы, что породило в советском обществе мрачную шутку-загадку: «Кто такой — с ледорубом, но не альпинист». К тому же серии этого фильма часто завершаются привычным рефреном о том, что нельзя чекистов тех лет судить по меркам сегодняшнего времени. А где в документах НКВД доказательства столь тесного контакта еврея и вождя мирового коммунизма Льва Троцкого с главным врагом мирового еврейства и инициатором антикоминтерновского пакта Адольфом Гитлером?

К тому же в истории НКВД тех лет предостаточно примеров, когда резидент или внешний разведчик переходит во внутреннюю госбезопасность и активно участвует в репрессиях и наоборот. Вот чекист Борис Берман в ИНО ГПУ в 30-х годах был талантливым разведчиком (псевдоним в разведке Артем) и резидентом ГПУ в Германии, а после отзыва в Москву в 1937 году назначен начальником НКВД по Белорусской ССР и здесь руководил террором в годы репрессий. В 1938 году его арестовали и расстреляли, как и его родного брата Матвея Бермана, ветерана ЧК с Гражданской войны, начальника ГУЛАГа в НКВД и одного из заместителей наркома Ежова, арестованного прямо в кабинете секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова. Или обратный пример: один из самых жестоких следователей-садистов ежовской эпохи Лангфанг, искалечивший при пытках писателя Михаила Кольцова и убивший на первом же допросе генсека ЦК компартии Эстонии Яна Анвельта, в 1941 году переведен во внешнюю разведку и назначен резидентом НКВД в Греции. Только после 1953 года генерал МГБ Лангфанг будет арестован в числе бери-евцев и за свои художества сам отбудет срок в пятнадцать лет в мордовских лагерях. И таких примеров перевода из опричников в штирлицы и наоборот предостаточно, чтобы отместить надуманные версии, что разведка была в репрессии лишь пострадав-

шей стороной, а не частью карательной машины спецслужб Советского Союза.

1940 год с затихающим понемногу морем репрессий подвел зримую черту в истории советских спецслужб, отсекая очередной из крупных периодов их жизни в 1923—1940 годах. Многих выбитых репрессиями дзержинских чекистов в 1938—1939 годах заменили молодые партийцы, направленные в спецслужбы в массовом порядке на смену зачищенному чекистскому пласту. Недаром у многих видных деятелей советских спецслужб военного и послевоенного времени годом их прихода в органы числится 1939-й — время партийного набора туда вчерашних рабочих и комсомольских активистов, для которых Гражданская война была лишь романтической историей их страны, а не личным делом всей жизни.

Но это уже из истории второго периода жизни спецслужб СССР. Первый же закончился на рубеже 1940 года при весьма драматических обстоятельствах. На фоне потрясших страну чисток, на фоне убийства в далекой Мексике чекистами Льва Троцкого, на фоне истребления большей части дзержинцев в спецслужбах, на фоне безмерного укрепления власти Сталина в стране и на фоне неуклонно надвигавшейся на страну бури Второй мировой войны.

Глава 10

СПЕЦСЛУЖБЫ И ВЛАСТЬ В СССР В 1923–1940 ГОДАХ

Созданное в феврале 1922 года ГПУ, уже через год ставшее Объединенным ГПУ Советского Союза, стало следующим шагом в истории развития советских спецслужб. Это второе рождение прежней ленинской ВЧК, но это уже реформированное и перестроенное под новые условия советской жизни перевоплощение ВЧК. При этом ГПУ властью Сталина с 1923 года начинает встраиваться в новую советскую модель «социализма в одной стране». А также ГПУ все больше втягивается в межфракционную борьбу в самой ВКП(б), которая с начала 20-х годов будет все более разгораться, вылившись в своем закономерном итоге в большие репрессии к концу 30-х годов.

В 20–30-х годах при Сталине борьба с «традиционными» врагами от белых до оставшихся эсеров еще очень важна, так будет до самой Второй мировой войны, но внутренняя борьба в самой ВКП(б) и фракционные дела все более ее теснят, и ГПУ—НКВД все больше вовлечено в этот процесс. Вопрос схватки внутри самой верхушки ВКП(б) в это межвоенное время между Гражданской и Второй мировой войной становится понемногу ключевым в истории взаимоотношений власти и ее спецслужб в СССР. И здесь два ключевых вопроса: место спецслужбы под рукой власти Сталина и участие ГПУ—НКВД в этой межфракционной битве.

ПОД ЧЕТКИМ КОНТРОЛЕМ КРЕМЛЯ

Сталин с самого начала своего властвования в молодом Советском Союзе, еще при живом, но уже полностью беспомощном Ленине, очень много внимания уделяет роли ГПУ в созда-

ваемом им властным механизме. Ему просто необходимо привязать ГПУ к своему ЦК, сделать его полностью послушным своей линии, очистив при этом от еще многочисленных со времен ленинской ВЧК приверженцев других линий в этих стенах. И Сталин всюду в начале 20-х годов повторяет, что ГПУ должно стать верным отрядом партии, как это было с ЧК при Ленине. В ноябре 1922 года в речи перед группой иностранных коммунистов из Коминтерна Иосиф Виссарионович прямо заявляет: «ГПУ — наследник ЧК, это карательный орган советской власти, как Комитет общественной безопасности при Конвенте времен Французской революции. Это трибунал для защиты интересов революции от буржуазии и контрреволюционеров». При этом он призывает заграничных товарищей не верить тем «домыслам и клевете» о жестокости ГПУ, которые распространяют на Западе враги советской власти из иностранцев и эмигрантов, поскольку «идите и спросите у советских рабочих — они все ГПУ уважают за защиту их революции».

В начале 20-х годов с подачи Сталина ГПУ укрепляют и в кадровом смысле, чистками и проверками добиваясь лояльности ее рядов. Именно в это время Дзержинский говорит своему новому заместителю в ГПУ Ягоде, что при выборе между полностью преданным делу партии недалеким парнем и колеблющимся хорошим специалистом нужно брать «своего преданного парня» и подтягивать его в профессиональном смысле. Сам Дзержинский немало сил уделяет вычищению из рядов ГПУ людей, подозреваемых в сочувствии к «троцкистской», «рабочей» или другим оппозициям в партии либо не скрывающих таких взглядов, даже невзирая на явные заслуги в рядах ВЧК в Гражданскую войну. Ягода с Менжинским после смерти Железного Феликса подхватывают эту инициативу. Менжинский заявил, придя на пост главы ГПУ в 1926 году: «Здесь должны быть только настоящие коммунисты». Его заместитель Ягода требовал от возглавлявшей тогда в ГПУ отдел кадров товарища Андреевой выявлять оппозиционные настроения и от их носителей немедленно избавляться. После возвращения в 1926 году Андреевой из инспекционной поездки на Урал Ягода пишет начальнику ГПУ по Уральскому краю Апелтеру: «Как могло случиться, что в течение такого долгого време-

ни товарищ Апетер не прощупал оппозиционных настроений в наших рядах».

Призыв же не позволять ЦК тотального контроля над спецслужбой уже в 20-х годах был явной крамолой для чекиста, за которую из ГПУ при любых прошлых заслугах могли изгнать немедленно. А позднее, уже в годы Большого террора, показания на тех, кто призывал «поменьше выносить сор из чекистской избы в ЦК», «разбираться у себя самим», «считать это внутренним чекистским делом», легли в основу не одного расстрельного приговора в адрес бывшего чекиста.

Ягоде эти идеи и высказывания о «внутренних ведомственных чекистских делах» припомнили на ошельмовавшем его перед арестом мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года в качестве одного из главнейших грехов на посту наркома НКВД. Стоило чекисту Шанину, тогда еще начальнику секретариата в ГПУ, в начале 30-х годов на чекистской партконференции брякнуть по простоте: «Когда чекист окажется в эпицентре партийной дискуссии, ему нужно тихо и не привлекая к себе внимания пробираться к выходу» (Шанин имел в виду, что нужно заниматься своими профессиональными делами, а не идеологическими дискуссиями) — ему потом такую политическую близорукость поминали при каждом удобном случае, а в первую же волну зачисток самих чекистов в 1937 году вместе с Ягодой расстреляли.

Большой скандал 1931 года, самый крупный и выплеснувшийся наружу из ГПУ в период между Гражданской войной и большим террором, очень встревожил власть. Разногласия в верхушке чекистов по поводу законности в деле военспецов «Весна» или «Промпартии» были только поводом, столкнулись разные группировки наверху ГПУ, чего власть допустить никак не могла. Формально еще руководивший ГПУ Менжинский после инфаркта в 1929 году уже практически устранился от командования на Лубянке, Ягода со своей командой уже прибирал к рукам всю власть здесь, и группировка заслуженных чекистов с громкими именами выступила именно против Ягоды (Мессинг, Евдокимов, Ольский, Воронцов, Трилиссер, Бельский и др.). Поэтому власть сразу вмешалась, и весь этот скандал решался на уровне ЦК партии, Сталин тогда поставил на Ягоду и

его бригаду, а бунтарей с Лубянки разогнали или понизили в должности.

Во избежание таких скандалов в том же году в ЦК решили укрепить контроль за Лубянкой, уравновесив влияние Ягоды присланным из ЦК в первые заместители председателя ГПУ комиссаром от власти Иваном Акуловым, а также переведенным с Украины третьим заместителем к Менжинскому Балицким. Хотя большинство чекистов не приняли присланного со стороны партийного варяга Акулова и ставили ему в работе палки в колеса, пока он не ушел с Лубянки. Многим это в Большой террор ставили в обвинение на следствии, хотя и самого Акулова уже как врага партии расстреляли. Балицкого же выжил обратно в начальники Украинского ГПУ сам взявший все бразды правления Ягода, утвердив все же свою команду и взяв в заместители послушных ему Прокофьева и Агранова.

Ягода при этом внешне никогда не посягал на власть Сталина и его ЦК над своим наркоматом. Напротив, сведение госбезопасности с милицией в стенах одной новой мощной спецслужбы НКВД только укрепило партийно-государственный контроль над ней. А сам Ягода за годы своего наркомства, как классный автослесарь, подготовил вполне управляемую из Кремля машину для будущей большой бойни в стране, накануне начала больших репрессий сдал руль другому, а скорее, даже был высажен из-за руля главным конструктором с трубкой и усами. А сам стал печальным пешеходом и одним из первых попал под колеса этого автомобиля, очень похожего на печальный фургон с надписью «Хлеб» на борту, колесящий по ночному городу.

В годы же главных репрессий контроль Сталина и власти в его лице (соответственно и ЦК с Политбюро) над НКВД никогда не ослабевал, что бы ни пытались доказать сторонники «сказочной» версии о временном выходе карательного ведомства из-под контроля власти в 1937—1938 годах. Никаких серьезных доводов и фактов в пользу такой версии не приводится, их просто не существует в истории. И если еще понятно, что такая шитая белыми нитками легенда о злобных Ежове с Берией, вырвавшихся ненадолго из-под контроля партии и правительства, но потом обузданных тем же расстрелом, пона-

добилась советскому агитпропу времен Хрущева для спасения общего имиджа социализма и советской власти, то зачем эту странную теорию пытаются разрабатывать иные современные историки — уже не очень ясно.

Фактов в пользу этой версии о вырвавшемся из-под контроля партии НКВД, если их не выдумывать умышленно, все равно не найти. Не считать же серьезным аргументом версию о том, что Ежов и его команда с середины 1937 года стали настолько неподконтрольны Кремлю, что позволяли себе не считаться со Сталиным и даже готовили против него чекистский заговор, но были раскрыты и сами все ликвидированы. Те, кто пытается доказать реальность такого заговора Ежова и его людей в НКВД, обычно вынужден опираться на выбитые у них же до расстрела показания на допросах. Но у нас в те годы в заговоре для свержения Сталина признавались почти все обреченные на заклятие в эти репрессии, от верхушки Красной армии во главе с Тухачевским до школьников из числа детей репрессированных, якобы создававших общества «мести за родителей». Других доказательств заговора в НКВД нет, да и брали обреченных заранее на зачистку после крови 1938 года ежовцев по одному с разрывами в месяцы, разве так арестовывают выявленных заговорщиков с готовым планом захвата власти и убийства главы государства?

Также нелепо ссылаться на показания репрессированных чекистов о том, как их нарком Ежов на одной из пьянок в конце 1937 года якобы говорил перед ними такие речи: «Нам бояться нечего, власть в стране в наших руках, кого захотим — казним, вы не бойтесь у себя никакого секретаря обкома партии, а пусть он вас боится» — и далее в том же самодовольном духе. Даже если из чекистов не выбили очередной оговор их шефа, если Ежов спьяну и сказал однажды нечто подобное на своей даче, то, во-первых, из призыва быть в области страшнее первого секретаря обкома еще не вытекает никакого плана на захват силой власти в стране, а во-вторых, Ежов мог в столь расслабленном состоянии просто утратить контроль над собой, ведь какая слава «мудрейшего наркома» тогда кружила ему голову с песнями акынов, или даже мог проверять подчи-

ненных на лояльность. А если Ежов и в самом деле в тот момент полагал, что власть в руках его НКВД и ему ничего не стоит и в вожди всего СССР за счет расстрелов всех и вся вылезти, если он и в трезвом виде так думал и что-то просчитывал, то это лишь свидетельствует о недалекости самого Ежова и тоже о его своеобразном головокружении от успехов.

В реальности никакой отдельной власти Ежова и его службы над страной не было, они лишь исполняли волю Кремля. И не мог нарком Ежов, вопреки красивой легенде, готовить тайне даже от Сталина арест или ликвидацию своего заместителя Берии, а тот якобы был предупрежден об этом кем-то из земляков-грузин в НКВД и сам успел «съесть» своего обреченного Сталиным шефа, сев на его место на Лубянке. В реальности ни одну фигуру такого ранга в советской верхушке нарком НКВД Ежов без приказа из Кремля не мог не то что тронуть, даже начать ее оперативную разработку не имел права, ведь даже на акцию против партийного главы области или национальной республики НКВД требовалось разрешение ЦК, то есть самого Сталина.

Сталин любил такие спектакли, как на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года, когда по его приказу Ежов требовал разрешения на расстрел Бухарина с Рыковым и сам Ежов был в числе проголосовавших за, а Сталин воздержался, предложив отправить дело на следствие. Ясно, что здесь был разыгран откровенный спектакль, и все Ежов делал по сценарию режиссера Сталина, который вел разведку сил в своем ЦК перед главным ударом репрессий по партии. Сталин затем расстрелял и многих проголосовавших за казнь (таких, как Косиор, Якир, да и сам Ежов), и голосовавших против (Пятницкий), а многих голосовавших против казни пощадил (Хрущев, Шкирятов и др.), у него была своя логика, а решение расстрелять Бухарина с Рыковым он явно принял еще до пленума. И кем выглядит на этом пленуме Ежов, возмнивший себя, возможно, хозяином страны, — рядовой марионеткой с написанной ему ролью, которую ликвидируют очень скоро. Так что никакого выхода спецслужб из-под жесткой руки власти в 30-х годах не произошло.

ГПУ—НКВД В БОРЬБЕ ВНУТРИ ПАРТИИ В 20—30-Х ГОДАХ

Фактор втянутости советских спецслужб в борьбу различных фракций и группировок внутри партии и советской власти в 20—30-х годах, без которого совершенно нельзя понять истинных причин репрессий 1936—1939 годов, наложил особый отпечаток на их историю в довоенном СССР. А быть может, и стал ключевым моментом во всей их жизни этих двух десятилетий.

Как мы помним, на волне революционного воодушевления поначалу после 1917 года в захватившей власть в стране партии большевиков были разрешены фракции и различные течения, как это принято в других партиях. Еще летом 1918 года против самого Ленина ополчились многие недовольные первыми шагами его правительства, в том числе и из числа наиболее преданных ему до октября 1917 года вождей партии, которых Ленин теперь корил за правый или левый уклон. Пошли различные фракции «левых коммунистов», «рабочей оппозиции», «троцкистов», «военной оппозиции», «демократического централизма» и так далее. Ленин, безусловно, запомнил атаку на него оппозиции с левого фланга, возглавленную такими его любимцами в партии, как Бухарин и Дзержинский, ставшими глашатаями «левых коммунистов». А с 1920 года поднимает голову и еще один явно левый уклон в партии в виде «Рабочей оппозиции», ее вожаки в 1920—1922 годах (Шляпников, Медведев, Мясников, Коллонтай, Бруно и др.) зовут к прямой демократии и к ограничению новой партийно-советской бюрократии. Тогда же как фракция окончательно оформляется в «троцкизм», и тоже с заметной опорой в Красной армии и РВС, где вокруг Троцкого масса его соратников. И почти у каждой такой оппозиции в начале 20-х годов среди сотрудников ГПУ разного ранга есть последователи или сочувствующие.

Видя же спецслужбу единой и монолитной защитницей своей власти, мечтая и о монолитности в самой партии, Ленин и его соратники приняли меры — X съезд партии запретил внутри ее фракции и внутрипартийные группировки. Но поскольку ни «левые коммунисты», ни «правые», ни «троцкисты»,

ни «зиновьевцы», ни «сапроновцы» (демократические централисты), ни «медведевцы» (рабочая оппозиция) никуда не исчезли, а только потеряли легальный статус, внутрипартийная борьба с окончанием Гражданской войны возобновилась с новой силой. Уже в 1920 году один из самых влиятельных тогда лидеров партии большевиков Зиновьев на всероссийской конференции РКП(б) признал, что хотя сейчас у большевиков фракций в партии нет, но есть явные ручейки недовольства. В этой среде быстро появлялись все новые не оформленные легально фракции, типа «старых большевиков», пытавшихся примирить правых и левых, или «истинных марксистов-ленинцев».

Почти всегда в 20-х годах одним из первых требований оппозиции становилась отмена решения X съезда партии о запрете на фракционную деятельность. И здесь началось наступление Троцкого и его соратников на группировку Сталина за предательство интересов революции, а взятый курс на укрепление социализма в СССР Троцкий назвал предательством революции, как и продолжавшуюся политику НЭПа. Так сформировался «троцкизм», хотя троцкистами эти люди (включая, естественно, самого Троцкого) себя не называли, именуя сами себя истинными большевиками-ленинцами, последователями дела умершего Ленина. В это же время «Рабочая оппозиция» в партии взывала прекратить бюрократизацию партии и государственного аппарата, и здесь тоже главным трибуном и главарем «рабочей группы» оказался бывший чекист Гаврила Мясников. Этот организатор «красного террора» на Урале и убийца великого князя Михаила Романова гремел: «Бюрократов назначают с самого верха, а прикрываются именем пролетариата!», и у «рабочих оппозиционеров» в начале 20-х годов обнаружили сторонники из действующих чекистов. Другой лидер «Рабочей оппозиции» Лутовинов так переживал отход от военного коммунизма и мировой революции, что даже Ленина зачислил в ренегаты и отступники, в тоске по преданной революции он в 1924 году покончит с собой.

Появились среди чекистов и зиновьевцы, после того как в 1926 году в оппозицию Сталину перешли сторонники Зиновьева и Каменева, а затем они объединились в тактических целях

выживания со сторонниками Троцкого в «Объединенную оппозицию». Штаб этой единой оппозиции тогда собирался на квартире троцкиста Смильги и планировал переход к подпольным методам борьбы с победившим их в партийной борьбе Сталиным. Одними из главных лидеров троцкистской и зиновьевской фракций стали Бакаев, в годы Гражданской войны начальник Петроградской ЧК, бывший замначальника Закавказской ЧК Панкратов, бывший начальник Уральской ЧК Черных, бывший начальник Грузинской ЧК Цинцадзе. Среди троцкистов выделялся своей жесткой позицией бывший в Гражданскую войну начальником Киевской ЧК Яков Лившиц, не отрекшийся от своих принципов даже после изгнания после 1927 года в числе других троцкистов из партии. В 1936 году Лившиц будет арестован и станет одним из ключевых обвиняемых на процессе о «Параллельном троцкистском центре», по итогам которого бывший чекист будет расстрелян, как и проходивший с ним по этому же делу другой троцкист и сотрудник ВЧК времен Гражданской войны Норкин.

Из-за этих же разногласий или подозрений в связях с какой-либо из фракций тихо удален из ГПУ бывший заместитель Дзержинского Уншлихт, ему же припомнили еще дореволюционные обвинения в связях с царской охранкой. В связи с подозрениями в троцкизме убрали с Лубянки и «рыцаря революции» Петерса. За тайные контакты с правой группой Бухарина позднее вынужден был покинуть ГПУ и первый заместитель председателя этой службы Трилиссер — никто из них потом не переживет зачищающего все эти сомнения Большого террора. Есть версия о каком-то очень высокопоставленном информаторе троцкистов в ГПУ — НКВД, предупреждавшем оппозицию об операциях спецслужб против нее. По мнению исследователей А.И. Колпакиди и Д.П. Прохорова в их книге «КГБ: спецоперации советской разведки», этим загадочным «мистером Икс» на Лубянке в 30-х годах был начальник Секретно-политического отдела ГПУ — НКВД Георгий Молчанов. Недаром его первым из людей Ягоды расстреляли в 1937 году, арестовав на посту начальника НКВД Белорусской ССР, сразу после допросов первых лидеров «троцкистско-зиновьевской оппозиции» — кто-то из них мог выдать роль Молчанова.

Нужно, наконец, твердо разграничить, что это в Большой террор 1936—1939 годов многие ликвидированные расстрелянными «троцкистско-зиновьевские блоки» и «правые банды террористов» в основной своей массе были выдуманы следствием НКВД и выбиты признаниями у обреченных. А в 20-х годах, в разгар борьбы Сталина с оппозицией, все эти блоки и уклоны были реальностью. После запрета троцкистов и ссылки Троцкого в Алма-Ату с последующим изгнанием его в 1929 году за пределы СССР очень многие троцкисты не смирились и продолжали борьбу всеми доступными им методами. Они вели агитацию среди членов партии и просто в рабочих коллективах, писали коллективные письма в защиту своей линии в ЦК и в советские газеты. А наиболее отчаянные и убежденные переходили и к нелегальной деятельности, уходили даже в подполье, где пытались создавать свои тайные группы и нелегальные типографии, шли за это в тюрьму, как прославленный красный командир времен Гражданской войны Мрачковский.

Сейчас кажется уже невероятным, но в 20-х годах эта объединившаяся оппозиция бурлила достаточно активно. 7 ноября 1927 года ее сторонники устроили даже альтернативную демонстрацию под своими лозунгами, а ее вожди (Зиновьев, Каменев, Радек, Мдивани и др.), как на трибуну ленинского Мавзолея, поднялись на балкон одного из зданий на Манежной площади, откуда их силой выгоняла советская милиция и «возмущенная общественность».

С самого начала борьбы против Троцкого и его соратников ГПУ оказалось втянуто партийной властью в борьбу с фракционной оппозицией. Сталин уже забрал большую часть полномочий главы государства и на этих правах не пожелал ввязываться с троцкистами и другими оппозиционными группами в бесконечные диспуты, а задействовал против них свою государственную и бюрократическую машину, а значит, и такой важнейший ее элемент, как спецслужба.

С 1923 года, когда ввиду болезни Ленина было очевидно, какая борьба за его наследство скоро разгорится в партии, Дзержинский воплотил это в явную поддержку генерального секретаря Сталина. Он стал безжалостен к тем своим подчиненным в ГПУ, кто в спорах становился на сторону оппозиции или хотя

бы начинал колебаться между главными фракциями. Так, Дзержинский в 1924 году без сомнений выгнал на хозяйственную работу начальника Новгородского управления ГПУ Абрама Мильнера «за колебания по отношению к внутривластной оппозиции». Как ни парадоксально, это решение Феликса Эдмундовича впоследствии спасет жизнь опальному чекисту Мильнеру. Когда с 1936 года НКВД брал сначала откровенных троцкистов и зиновьевцев из чекистов, потом колеблющихся, а затем и совсем к оппозиции непричастных — настоящий «колеблющийся» и троцкист Мильнер в народном хозяйстве спокойно переживает «большую чистку» и умрет своей смертью только в 1968 году, — такое тоже случалось на послереволюционных просторах в СССР.

К тому же Дзержинский в диспутах 1923—1926 годов однозначно поддерживал группу Сталина. Да и сам был в ЦК активным ее членом, регулярно нападая на Троцкого, а позднее и на перешедших в оппозицию Зиновьева с Каменевым. А Троцкого Дзержинский, похоже, просто ненавидел, считая его тем «Бонапартом с красными перьями» — будущим потенциальным могильщиком революции, хотя, разумеется, руководствовался в наступлении на троцкистскую линию он не личной неприязнью к ее вождю, а принципиальными соображениями.

Дзержинский при этом временами колебался, заявлял даже летом 1925 года, за год до своей смерти, что никогда не будет поддерживать в этой борьбе ни одну из фракций, назвал всю эту фракционную эпопею «борьбой пауков в банке». Но ведь при этом он ни одним намеком не склонялся к хоть какой-то защите Троцкого или Зиновьева.

Как бы там ни было, свою спецслужбу Железный Феликс с 1923 года полностью предоставил к услугам правящей тогда в ЦК верхушке Сталина с Бухариным для ударов по оппозиции в партии. Если бы тогда борьба пошла, как требовали оттесненные от реальных рычагов власти оппозиционеры, только в диспутах на пленумах и съездах партии, то у Сталина в группе приверженцев появился бы только преданный сторонник — Дзержинский. Но поскольку Сталин решил давить оппозицию не речами, а силой своей властной машины, то Феликс Эдмундович дал ему не только свой голос в спорах в ЦК, но и мощнейший кара-

тельно-расследовательный аппарат своего ГПУ, использованный Сталиным затем в войне с оппозицией в качестве тяжелой артиллерии, у противника начисто отсутствующей, что и предопределило во многом исход этой баталии в пользу Сталина.

Это был бесценный подарок для Сталина и его фракции в руководстве партии, сделанный на закате жизни стареющим Дзержинским, решительно принявшим тогда сторону Сталина и сталинцев. Ведь ГПУ в 1923 году, в начальный период грызни большевистских фракций за власть и наследство угасающего в Горках Ленина, оказалось в руках Сталина едва ли не единственным надежным инструментом. Партию тогда еще недавно назначенный пожеланием Ленина генеральным секретарем Сталин не успел полностью подчинить себе, даже собственную команду и свой штаб в лице преданных Молотова, Кагановича и других сталинцев только формировал. Красная армия вообще не считалась ему верной, слишком много в ее верхушке осталось людей только что отстраненного от поста ее главы Троцкого. В 1923 году еще доходило до того, что самые brave троцкисты из красных командиров РККА типа Антонова-Овсеенко или Шмидта могли прийти ночью к Троцкому и предложить силами своих частей Красной армии совершить в стране настоящий военный путч, двинув верные войска на захват власти и арестовав Сталина, Бухарина, Зиновьева и всех иных противников «настоящего ленинизма». Самый решительный из этих троцкистов в РККА Муралов, а может, и самый дальновидный, даже дополнил это предложение совсем уж заговорщицким этюдом: предложил Троцкому сразу после ареста Сталина и Бухарина расстрелять «при попытке к бегству» и объявить их посмертно открытыми врагами ленинизма. А ведь у красного командира Муралова за спиной была неслабая сила, он в тот момент командовал в Красной армии всем Московским военным округом, ему даже курсанты кремлевской охраны подчинялись. Такие планы появлялись среди армейских троцкистов и позднее. В 1926 году заместитель Троцкого в РВС Лашевич тайно собирал их у себя на квартире и опять предлагал на крайний случай организовать путч силами верных частей РККА «в защиту предаваемой Сталиным революции и ленинского дела» — своего рода несостоявшийся троцкистский ГКЧП тех лет.

Троцкий тогда, несмотря на свой радикализм, дрогнул, побо-
ялся совершить откровенно бонапартистский переворот сила-
ми Красной армии против своей же партии. А Сталин затем не
без помощи ГПУ об этом несостоявшемся заговоре узнает. Так
что, невзирая на недостаточное количество колеблющихся или от-
кровенных троцкистов и в рядах самой ГПУ, Сталин усилиями
Дзержинского и верхушки чекистского руководства получил в
руки мощное оружие в борьбе за власть — спецслужбу. Это пока
еще не топор в его руках, грубая сила чекистов потребуется го-
дами позднее, когда их наганы будут уже напрямую добивать раз-
громленную политически оппозицию. Пока он получил в руки
не топор, а ловкую отмычку, использовал оперативные возмож-
ности ГПУ. Получил возможность слежки за лидерами оппози-
ционных фракций, да и собственных соратников. Получил по-
текший к нему через ГПУ компромат: кто завел любовницу из
балерин, как Калинин, кто организует оргии с артистками,
как нарком культуры Луначарский, кого подозревают в половой
приверженности к мужчинам, как наркома иностранных дел
Чичерина, кто вообще погряз в разврате и роскоши, как Енукид-
зе, кого подозревают в сдаче товарищей царской охранке, как
Рудзутака, и так далее. А от компромата до оперативных игр
ГПУ против оппозиции было уже полшага.

Дзержинский согласился с методами давления на оппози-
цию Троцкого или Зиновьева с использованием специфических
возможностей своей спецслужбы очень легко, как когда-то с
«красным террором» для защиты еще слабой в 1918 году совет-
ской власти. И сам Дзержинский успел на июльском пленуме
партии, во время которого в 1926 году и умер от инфаркта, по-
участвовать с личной страстью в одном из генеральных сраже-
ний по разгрому троцкистов и зиновьевцев. В книге историка
А.В. Шубина «Вожди и заговорщики», посвященной подробно-
му анализу как раз борьбы фракций в партии в 20—30-х годах,
по материалам того пленума дается атмосфера этих словесных
баталий с участием Дзержинского: «Дзержинский взял слово и
обрушился как на Пятакова, так и на Каменева. Каменев, Пята-
ков и Троцкий прерывали Дзержинского ядовитыми реплика-
ми. Началась перепалка, в которой принципиальные вопросы
были вытеснены мелочными придирками. На критику Дзер-

жинского Каменев отвечал: «Вы четыре года нарком, а я только несколько месяцев». Дзержинский в ответ: «А вы будете 44 года и никуда не годны, потому что занимаетесь политиканством, а не работаете... Я не щажу себя, товарищ Каменев, никогда...» Он признался, что и его деятельность не всегда успешна, за что тут же ухватился Каменев: «Вот Дзержинский 45 миллионов рублей напрасно засадил в металлопромышленность». Возбешенный Дзержинский предложил расстрелять виднейших членов оппозиции. Их реакция: «Это вас нужно расстрелять!» Реплика Дзержинского: «Я вам докажу, что добьемся своего!»¹

В этой зарисовке с июльского пленума 1926 года еще только угрозы Дзержинского, до настоящих расстрелов он не доживет, его сердце остановится вечером именно после одного из столь жарких диспутов на пленуме уже через несколько дней. Но он уже говорит о расстрелах, говорит: «Мы своего добьемся!» То есть говорит не лично от себя, за ним обученная «красному террору» чекистская спецслужба. И это сигнал к вождям оппозиции, что пока еще с ними на «вы» даже в споре, но скоро возьмутся всерьез, и спецслужбу против них двинут тоже.

Эта же сцена перепалки Дзержинского с лидерами оппозиции, кстати говоря, несколько портит легенду о сверхвыдержанности Железного Феликса и его постоянной спокойной вежливости — ему всего лишь указали на конкретную ошибку в руководстве народным хозяйством в металлопромышленности, а он тут же взорвался и предложил оппонентов расстрелять, так легко сорвался на личную перепалку с оппозиционерами (один из которых его первый зам в ВСНХ Пятаков, близкий тогда к Троцкому). Хотя не стоит забывать, что это уже самый поздний «усталый Дзержинский» на пороге своей смерти и нервы уже не те. Возможно, потому и сорвался на пленуме партии, и заголосил, что оппозиционеров нужно расстрелять.

Тем более Дзержинский на этом пленуме в силу той же усталости и опустошенности иногда колеблется, начинает говорить что-то о «неслыханной бюрократии» в партии и государстве, и тот же Троцкий ему ехидно кричит с места: «Осторожнее про бюрократизм, а то запишут в наш лагерь оппозиции!» Похоже,

¹ Шубин В.И. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 124.

Дзержинский действительно здесь уже насмерть устал от всех разногласий в партии, от резких смен курса и множества фракций, от этого и такие взрывы гнева. Но, даже уйдя из жизни в разгар этого пленума, Дзержинский уже оказал Сталину бесценную услугу, позволив втянуть ГПУ в борьбу против оппозиции силовыми методами.

В 1927 году XV съезд ВКП(б) покончил с легальной оппозицией, разгромив ее. Часть вождей оппозиционных фракций покаялись и отошли от борьбы со сталинским большинством, отправившись в ссылку или на партийную работу на новое место, как Зиновьев или Медведев, о которых непримиримый Троцкий скажет: «Ненадолго их хватило, Сталин нас обманул, а Зиновьев убежал». Самого Троцкого выслали в Алма-Ату, а затем, отчаявшись перевоспитать в духе большинства, и вовсе выгнали из Советского Союза. Сталин потом не раз пожалеет об этом проявлении либерализма: руками своего ГПУ проводить зачатого врага за рубеж и получить там лидера троцкистского центра, уже недостижимого для ареста. В пик Большого террора на осуждавшем сурово троцкизм партсобрании коммунистка Фаина Эпштейн простодушно спросит лектора: «Если Троцкий такой враг советской власти, зачем его выпустили за границу?» За этот вопрос ее арестует НКВД, а суд отмерит десять лет за антисоветскую агитацию и клевету на органы государственной безопасности.

Но большая масса вчерашних троцкистов, зиновьевцев или «рабочих оппозиционеров» продолжили сопротивление нелегальными методами. Они опять печатали свои воззвания и листовки, размножали всеми возможными способами утаиваемое от народа завещание Ленина, создавали в подполье свои кружки и выходили на демонстрации в советские праздники с лозунгами бывшей оппозиции, даже устраивали альтернативные маевки в лесу, как при царе. Как только их действия перешли черту легальности, власть немедленно бросила в открытую против них ГПУ, словно дождавшись, когда борьба перейдет из залов партийных съездов в общество.

Начались первые аресты, увольнения с работы по инициативе ГПУ, чекисты вместе с милицией разгоняли оппозиционные собрания. В 1927 году разогнаны митинги сторонников

оппозиции в Москве, Ленинграде и Киеве. На следующий год 7 ноября опять разогнан митинг троцкистов в Киеве и арестованы его организаторы, и тогда у здания ГПУ в Киеве впервые в истории СССР был организован пикет в защиту политзаключенных, а в подпольных троцкистских листовках писали: «Товарищи! В тюрьмах ГПУ сидят коммунисты! ГПУ не может быть судьей внутрипартийных споров!» В Ленинграде в это время ГПУ арестовало на Путиловском заводе 80 близких к оппозиции рабочих, отказавшихся отдавать свой заработок в помощь бастующим пролетариям Англии и грозивших забастовкой.

Кроме ГПУ против троцкистских демонстраций власть для олицетворения народного гнева использует и советское подобие китайских хунвейбинов, собранные Маленковым «рабочие бригады» бросаются на троцкистов с палками и кирпичами в руках. Но без активного участия госбезопасности в подавлении этой внутрипартийной смуты уже было не обойтись. Из страны руками ГПУ уже изгоняли привлеченных ранее зарубежных коммунистов, вставших в этой сваре на позиции троцкистов, как американский коммунист Макс Истмен, написавший в троцкистском духе свою книгу «Когда умер Ленин» и разгласивший в ней засекреченное уже тогда ленинское завещание. За само это письмо Ленина съезду в те же годы ГПУ стало преследовать, именно за распространение ленинского завещания в 1929 году получил свой первый лагерный срок автор «Колымских рассказов» Варлам Шаламов, он входил в троцкистски настроенную группу студентов МГУ, чекисты взяли его в тайной типографии оппозиционеров.

Оперативными мерами за лидерами оппозиции устанавливали наружное наблюдение, вербовали людей в их окружении. 10 июня 1927 года ГПУ в ответ на убийство в Варшаве советского дипломата Войкова демонстративно расстреляло 20 заложников из числа бывших белогвардейцев и заманенных в СССР по линии операции «Трест» белоэмигрантов из РОВС. Тогда этот демонстративный расстрел заложников впервые после окончания Гражданской войны всколыхнул всю Европу, забеспокоившуюся о возвращении эпохи «красного террора», но многие полагают, что главной целью было запугать «расстрелом двадцати» не столько белую эмиграцию (она все равно не сло-

жила бы оружие), сколько дать пугающий сигнал именно внутрипартийной оппозиции в СССР: «Недолго и опять ввести террор и дать ГПУ полномочия бывшей ЧК в борьбе с внутренним врагом».

В те же годы ГПУ раз за разом накрывало созданные троцкистами подпольные типографии в самых разных уголках Советского Союза: в Одессе, Брянске, Гомеле, Омске. В сентябре 1927 года ГПУ объявило об аресте троцкистов Тверского и Щербакова, которые собирались основать подпольную типографию и искали через бывших белых офицеров связи с эмиграцией для подготовки террора и переворота в СССР, но попались на экс-белогвардейца из числа тайных агентов ГПУ в этой среде. Дело это сейчас не так известно, а тогда по поводу ареста Тверского и Щербакова даже выпустили обращение советского Политбюро о том, что оппозиционеры уже докатились до связи с открытыми врагами из белой эмиграции и готовы вместе с ней на военный переворот в СССР в стиле недавнего успешного правого путча Пилсудского в Польше.

Оппозиция тогда этим арестом и предшествующим ему демонстративным расстрелом заложников из числа монархистов в июне очень встревожена, поскольку поняла: ГПУ взялось за нее всерьез и будет включать в арсенал ее ликвидации и метод провокации. Ведь вряд ли троцкисты всерьез надеялись через бывшего офицера связаться с эмигрантским центром РОВС, да и слишком далеки были идейно сторонники Троцкого от монархистов из Парижа, а изъятые у них ГПУ пишущие машинки и стеклограф никак не тянули на целую подпольную типографию. Скорее всего, этот тайный агент из бывших врангелевских офицеров, которого ГПУ так ловко решило заодно использовать и против троцкистов, сам предложил им свои услуги по устройству типографии и поиску союзников, организовав банальную сыскную провокацию. И провидцы в оппозиции оказались правы, через несколько лет относительного затишья увольнения с работы сменялись арестами, а ссылки на окраины — расстрелами.

Тем более что в ГПУ зрела уверенность, что начало конспиративной деятельности оппозиционных троцкистов и зиновьевцев от листовок и подпольных типографий вскоре перейдет к заговорам, к террористическим актам одиночек или небольших

тайных групп оппозиционеров против наступающего на их позиции руководства партии во главе со Сталиным. Такие идеи среди самых радикальных троцкистов действительно уже проскакивали первыми искрами и толкали самых горячих из них к террору. Так, летом 1927 года расстрелян близкий к оппозиции корреспондент главной партийной газеты страны «Правда» Соломон Гуревич, который попытался пройти на торжественное собрание в Большом театре с револьвером в кармане, чтобы «осуществить покушение на Сталина, Бухарина или Рыкова», как поведал на следствии чекистам сам арестованный Гуревич. Расстрелянный журналист органа партийного официоза «Правда» Гуревич мог стать предшественником одиночки Николаева, семью годами позже всколыхнувшего страну своим выстрелом в Кирова и давшего тем власти Сталина последний козырь для начала тотальной зачистки оставшейся оппозиции.

Позднее при попытке пройти в Кремль, переодевшись в форму сотрудника НКВД, был арестован приехавший из Тулы лейтенант Красной армии Данилов, на следствии заявивший о себе как о члене некоей военной оппозиции, планировавшей в Кремле осуществить теракт против Сталина. Если армейский лейтенант Данилов не оговорил себя под пытками, когда НКВД лепил очередной раскрытый заговор против вождя, то он, скорее всего, действовал в одиночку, и его действия очень напоминают схему покушения такого же лейтенанта Советской армии Ильина у стен Кремля на Брежнева тридцатью годами позднее: Ильин тоже прибыл из провинции и в украденной у родственника форме милиционера втерся в оцепление, разрядив у Боровицких ворот обойму в автомобиль из брежневского кортежа, едва не убив при этом ехавших там первых советских космонавтов.

В 1931 году случилось еще одно сейчас практически забытое и достаточно темное в смысле обстоятельств происшествие, квалифицируемое как попытка покушения на Сталина. Это так называемый «инцидент на Ильинке». 16 ноября 1931 года на этой московской улице недалеко от Кремля сотрудниками ГПУ арестован и обезоружен некий гражданин Огарев, вроде бы собиравшийся стрелять в Сталина на прогулке в самом центре Москвы. Судя по написанной на имя Сталина уже 18 ноября

докладной тогдашнего зампреда ГПУ Акулова, Огарев был белоэмигрантом из РОВС и тайным агентом английской разведки, специально заброшенным в СССР для этого покушения на Сталина, но пришедшим на фальшивую явку под контролем ГПУ, что и привело к его аресту на Ильинке в момент выхода на позицию для стрельбы.

В этой истории исследователи находят очень много странностей и почти все сходятся в том, что если Огарев действительно был заброшенным из-за границы белым офицером и сотрудником английских спецслужб (а по личности этого человека и подлинности фамилии Огарев по сей день существуют сомнения), то в любом случае ГПУ с момента его прихода на конспиративную квартиру полностью действия Огарева контролировало, и Сталину особой опасности не грозило. Тем не менее инцидент на Ильинке наложился на кампанию борьбы с оппозицией, пусть несостоявшийся террорист и был объявлен представителем совсем другого политического лагеря, что позволило резко усилить меры ГПУ по личной охране Сталина. По докладной записке ГПУ с одобрительной резолюцией Молотова партия настоятельно рекомендовала Иосифу Виссарионовичу впредь отказаться от пеших походов по улицам Москвы, что вождь исполнил в точности. А начальник сталинской охраны в ГПУ Паукер значительно усилил ближнее кольцо охраны вождя: если до того генсека постоянно сопровождал только один телохранитель в лице неразговорчивого чекиста из литовцев Юсиса, то с этого времени при любом выезде со Сталиным целая команда охранников под началом Паукера.

Позднее прошла еще серия то ли неудавшихся покушений на Сталина и его ближайших соратников в ЦК, то ли ловких инсценировок под покушения, то ли выданных за таковые несчастных случаев. И во всех случаях начали в террористических намерениях обвинять именно внутрипартийную оппозицию, хотя еще лет пять назад обвинили бы белую эмиграцию или затаившихся в СССР монархистов.

Тогда почти за любым чрезвычайным происшествием уже видели обязательно происки врагов. В 1935 году произошел взрыв метана на шахте «Центральная» в Кузбассе, стоивший жизни 10 горнякам. Такое мы, к сожалению, и сейчас часто на-

блюдаем — метан в шахтах как взрывался, так и взрывается на пространствах бывшего Советского Союза от Донбасса до Кузбасса, в том числе и на все той же шахте «Центральная», и жертв, увы, обычно гораздо больше, чем при взрыве 1935 года. Но тогда комиссия из Москвы без колебаний признала ЧП на шахте «Центральная» диверсией вредителей из стана оппозиционеров и врагов советской власти.

В 1932 году во время поездки в тот же Кузбасс главы правительства Молотова у его автомобиля отказали тормоза, и он перевернулся, в этом сразу обвинили местных троцкистов, будто бы подговоривших водителя опрокинуть машину с Молотовым в кювет и самому в последний момент выпрыгнуть из нее. В 1933 году в Сочи автомобиль со Сталиным и Ворошиловым внутри зацепил грузовик с нетрезвым водителем за рулем, на покушение это совсем не тянет, но ГПУ и тут искало доказательства диверсии оппортунистов. В 1935 году последовало дело о подготовке покушения на наркома обороны Ворошилова, в нем позднее обвинили троцкистов из числа командиров РККА высоких чинов, которых затем арестовали и присоединили в 1937 году к более обширному делу о заговоре в РККА, расстреляв в команде людей Тухачевского. Назначенный следствием в непосредственные террористы и исполнители полковник РККА Кузьмичев в протоколах его допросов заявлял, что в 1935 году по заданию троцкистского центра сначала собирался стрелять в Ворошилова на маневрах в Белой Церкви под Киевом, а позднее хотел застрелить его из ложи Киевского оперного театра, где проводили разбор маневров. Это достаточно темное дело с «армейскими заговорщиками», повлекшее аресты в 1936 году в верхушке Красной армии Шмидта, Примакова, Путны. Если дело все же полностью сфальсифицировано тогда НКВД для оправдания грядущих репрессий в армии, то не покидает ощущение, что продиктовавшие полковнику Кузьмичеву его признательные показания чекисты черпали вдохновение в сюжетах из нашей старой истории, хорошо ее изучив. Ведь в маленьком украинском городке Белая Церковь еще в 1821 году на маневрах императорской армии будущие декабристы планировали убить императора Николая I, а в том самом здании Киевской оперы веком позднее юноша с раз-

мытой революционной идеологией Дмитрий Богров вот так в упор застрелил премьер-министра страны Петра Столыпина. Исторические совпадения или кто-то нам через эти аналогии подмигивает из прошлого: «Не верьте этим протоколам»?

Осенью 1933 года на абхазском озере Рица обстрелян автомобиль Сталина, в чем подозревают инсценировку Лаврентия Берию для упрочения своего положения в глазах Москвы, но ГПУ уже тогда официально объявило этот инцидент покушением на Сталина. На озеро Рица Сталин с семьей тогда прибыл в сопровождении двух автомобилей охраны ГПУ, за ним в следующей машине следовали также тогдашний первый секретарь партии Закавказского края Берия и начальник грузинского ГПУ Гоглидзе. На озере в сторону катера произвел немотивированные выстрелы патруль пограничников, якобы просто не предупрежденный вовремя о появлении на озере катера с первым лицом государства. Тогда виновным в халатном выстреле в сторону сталинского катера, а пули в сам катер не попали, был назван сержант погранвойск Лавров, ему всего лишь объявили выговор, а допустившего халатность начальника Абхазского ГПУ Микеладзе перевели с понижением в должности на другое место в системе госбезопасности.

Но через несколько лет в спецслужбах вдруг «прозрели», что на озере Рица имело место закамуфлированное покушение на товарища Сталина, чекист Микеладзе был как террорист и вредитель расстрелян. Позднее в организации этого и попытке других покушений обвинили лидера зиновьевской оппозиции Бакаева, бывшего высокопоставленного чекиста и начальника Петроградской ЧК. На следствии Иван Бакаев, как тогда было принято, «чистосердечно» каялся и рассказывал, как искал убийцу для покушения на Сталина во время партконференции. И как сам затем «зачистил концы» и ликвидировал этого наемника, как нанятые им террористы из ГПУ стреляли по катеру Сталина на Рице, и как в случае удачного убийства главы государства и переворота вожди оппозиции Зиновьев и Каменев за это посулили Бакаеву возделенный пост главы всесоюзного ГПУ. Такие факты послужили дополнительным стимулом для партийной верхушки приказать, а ГПУ начать более жесткое

преследование всех ответвлений запрещенной в СССР партийной оппозиции.

При этом оставалась налицо неоднородность внутри самого ГПУ, где сохранялось еще со времен Гражданской большое количество чекистов крайне левых взглядов. И многие чекисты в 20-х годах не стеснялись называть себя троцкистами или зиновьевцами, не ведая, какими бедами эти слова обернутся против них десятком лет позднее. И они помогали оппозиционерам, иногда прикрывали их. Если такие бывшие чекисты с немалыми должностями, как Бакаев или Цинцадзе, открыто называли себя троцкистами или зиновьевцами, то многие действующие сотрудники ГПУ тех же взглядов пытались втайне и за счет использования своего служебного положения чем-то помочь преследуемым во внутрипартийной войне единомышленникам. Самым известным здесь было дело сотрудника ГПУ Бориса Рабиновича, арестованного и расстрелянного в 1930 году за тайную связь с подпольными троцкистами и снабжение их служебной информацией. Хотя изначальной причиной ареста Рабиновича стал «вынос сора из избы», он рассказал знакомым об аресте и расстреле годом ранее знаменитого Якова Блюмкина.

Были и другие похожие случаи выявления тайных троцкистов среди сотрудников ГПУ. В 1931 году за подобную деятельность расстреляны начальник Томского ГПУ Грушецкий и сотрудник внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке Забабурин. Арестован в 1930 году сотрудник Украинского ГПУ Тепер, бывший анархист из штаба армии батьки Махно, помогавший троцкистам в организации подпольной типографии и прикрывавший ее, — Тепер отделался на суде десятью годами лагерей. Еще в 1927 году за передачу фракционерам служебной информации расстрелян чекист Владимиров, главный покровитель в ГПУ профессора-эзотерика Барченко, к моменту ареста из ГПУ уже уволенный за свой уклонизм. Позднее всех этих людей реабилитируют именно потому, что обвинения в «троцкизме-уклонизме» 1937—1939 годов все подобные дела уравнивают в якобы всеобщей их фальсификации. Хотя в 1927—1930 годах, как правило, арестованы и репрессированы были настоящие и идейные троцкисты, члены подпольных троцкистских и зиновьевских групп.

вьевских групп, что, разумеется, не оправдывает их расстрелов по одному этому обстоятельству.

После дела «Промпартии» и первых «пробных» арестов близких к группе Тухачевского командиров Красной армии по «Делу военных» в 1931 году многие даже в ГПУ открыто засомневались в законности этих акций и истинности доказательств, и в Кремле тогда заметно встревожились по поводу такой нелояльности внутри самого ведомства госбезопасности. По итогам инициированного Сталиным разбирательства 6 августа 1931 года появилось циркулярное письмо из ЦК с приказом всем секретарям на местах разъяснить сотрудникам ГПУ, что перемены в руководстве Объединенного ОГПУ вызваны такими причинами: «Товарищи Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, товарищ Ольский снят с работы в Особом отделе, а товарищ Евдокимов снят с должности начальника Секретно-оперативного управления на том основании, что распространяли среди сотрудников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности и разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом, и тем расшатывали дисциплину среди работников ОГПУ».

Эта история 1931 года, когда Ягоде в ЦК выговаривали за разложение и внутреннюю слабость в его ведомстве, закончилась тем, что часть взроптавших против линии партии и собственного начальства чекистов (их тогда называли по имени самого из них известного и высокопоставленного «группой Мессинга») действительно изгнали с Лубянки, как Мессинга и Трилиссера, часть затем вернули в систему НКВД, как Бельского (Левина) или Евдокимова, но всех их в итоге к 1941 году расстреляли. Это показывает, насколько еще в начале 30-х годов за несколько лет до начала больших репрессий были сильны оппозиционные настроения и споры внутри ГПУ. Ведь забунтовала против Ягоды и желаний верховной власти, пусть и на уровне разговоров в своем кругу, все та же дзержинская гвардия из первой ЧК, продолжавшая во многом боготворить Ленина и Троцкого.

Это был последний организованный бунт дзержинской гвардии в стенах ГПУ до наступления эпохи Большого терро-

ра, дзержинцы последний раз выступили столь организованно и решительно. Это последний арьергардный бой дзержинского поколения, готовых лить без сожаления свою и чужую кровь по приказу партии, но принципиально не понимающих, зачем штамповать липовые дела против таких же убежденных коммунистов, как и они сами. Тогда самые принципиальные и непримиримые из этих чекистских диссидентов Ольский и Евдокимов даже грозили начальству напрямую выйти в ЦК партии и заявить, что «Дело военных» раздувается руководством ГПУ умышленно и за счет подтасовки доказательств. За счет этого упорства Ольского, Евдокимова и Мессинга, а также за счет заступившегося все же за многих подчиненных наркома обороны Ворошилова дело 1931 года не было раздуто тогда до масштабов позднего «заговора Тухачевского», ограничившись репрессированием десятка красных командиров из числа бывших офицеров царской армии.

Троцкистские настроения в это время внутри ГПУ, а затем НКВД тоже сохранялись. Причем не обязательно именно в виде непосредственной пропаганды идей Троцкого, что уже было очень опасно, но в целом в общем течении «ультралевых» чекистов, продолжавших ностальгировать по мировой революции или вседозволенности первой ВЧК времен «красного террора». У этих людей, занимавших и самые высокие должности в тогдашних спецслужбах, вызывали явное раздражение и политика Сталина на отказ от экспорта революции в Европу (с поражения восстаний в Гамбурге и Софии в 1923 году уже окончательный отказ), и установка на укрепление государственности Советского Союза, пусть и вынужденная из-за той же неслучившейся западноевропейской революции, и некоторый отход от ленинских принципов в сторону бюрократии во власти и даже возвращения ряда атрибутов старой российской государственности. Их откровенно раздражали и восстановление в 1935 году старых офицерских званий в Красной армии, и появившиеся пусть и опереточные «казаки», и прекращение однозначного охаивания дореволюционной истории России с восстановлением культа отдельных «прогрессивных» царей и князей, и ослабление тогда же чекистской хватки на горле уже полужадушенной церкви.

Сталин регулярно и в 30-х годах сталкивался с проявлением такой левацкой фронды внутри НКВД, пусть ее представители и не привязывали себя теперь прямо к троцкизму в силу небезопасности таких заявлений. Вот характерная картина с праздничного концерта 20 декабря (День чекиста) 1935 года в Большом театре, где впервые перед изумленными чекистами предстали фольклорные казаки в их традиционной форме царских времен с чубами и лампасами. Многие высокопоставленные чекисты, помнившие еще собственные схватки времен Гражданской войны с казачьей «контрой», тогда оторопели. Возможно, не без участия кого-то из них в ходе этого вечера был организован анонимный сигнал, что у этого ансамбля донских казаков в баяне спрятан пистолет для покушения на Сталина или Ворошилова прямо со сцены, отчего казаков за кулисами затем долго обыскивали, но ничего не нашли. Закипевший же тогда от одного вида «царских сатрапов» на сцене бывший замначальника ГПУ и глава внешней разведки этой службы, уже убранный к тому времени Ягодой с Лубянки за слишком вольные высказывания об «отходе от революции» и «дутых делах», Меер Трилиссер высказался в кругу сидящих рядом с ним чекистов о том, что он думает по этому поводу: «Да во мне кровь закипает! Вот их работа!» — и демонстрировал желающим шрам от казацкой шашки со времен царской каторги. Этот эпизод приводит в своей книге «Тайная история сталинских преступлений» бежавший в США чекист Орлов. Трилиссер не кричал на весь зал Большого театра, но говорил достаточно громко для соседей. И нет сомнений, что об этом выступлении с места вскоре знали и Ягода, и Сталин. Да и сам бежавший в 1938 году прямо с испанской войны резидент НКВД Орлов (Фельдбин) мотивировал свой разрыв с режимом Сталина отчасти теми же мотивами «предательства революции», как и подавшийся в бег за границей разведчик Райсс, как и ставший в Европе невозвращенцем резидент Разведупра и тоже бывший чекист Кривицкий.

Сталин с таким настроением внутри своего ведомства госбезопасности сталкивается все чаще. Не случайно еще одно свидетельство из того же 1935 года, когда Сталин был крайне озабочен проблемами безопасности для себя лично и своей власти

после убийства Кирова. Адмирал Исаков вспоминал, как, пройдя с группой военных в зал заседаний по кремлевскому коридору мимо стоящих на каждом углу охранников из НКВД, Сталин вдруг внезапно грустно сказал: «Вот идешь иногда мимо них и не знаешь, какой тебе в спину выстрелит». Пусть эта внезапно прорвавшаяся в порыве слабости тревога (а у Сталина были моменты слабости, это сейчас его иные авторы записывают в хладнокровные демиурги и сверхчеловеки) и вызвана воспоминанием о таком же коридоре в Ленинграде, где сзади выстрелили в Кирова, но здесь и показатель степени доверия Сталина своему НКВД.

По некоторым воспоминаниям, Сталин тогда опасался даже открывать двери, за него это делали сопровождающие — всемогущий тиран боялся самострелов в замках. Особенно после ареста НКВД в 1935 году и расстрела по обвинению в подготовке терактов против руководства страны водителя кремлевского гаража Заложнева. Предпринимали все новые меры по охране Сталина и других партийных вождей СССР даже после явно нелепых писем каких-то анонимов в их адрес с угрозами, один из таких пришедших главе ВЦИК Калинину «шедевров народного творчества» остался в архивах: «Здравствуй, дорогой Калинин! Я шпион из Германии, хочу погубить советскую власть и взорвать Кремль, где ты, черт рыжий, сидишь! Я собой пожертвую, но тебя погублю и в мелкие куски разорву! Долой советскую власть!» Автора этого послания, скорее всего психически нездорового «борца» с советской властью, усердно искали чекисты, но так и не нашли, хотя вновь усилили меры безопасности в Кремле.

И в том же 1935 году НКВД расследовал и знаменитое «Кремлевское дело», когда в умысле на теракт против Сталина обвинили некоторых сотрудников кремлевского аппарата. В числе главных заговорщиков по «Кремлевскому делу» были названы и сотрудники спецслужб: Синани из НКВД и офицер военной разведки из Разведупра Чернявский. Из арестованного сотрудника Разведупра РККА Чернявского сделали мостик между «заговорщиками» из кремлевской обслуги и западными разведками вкупе с эмигрантским центром троцкистов, когда следствие объявило о вербовке Чернявского в 1933 году троц-

кистами во время его служебной командировки: разведчика якобы завербовал работавший и на американскую разведку троцкист Ряскин в Бостоне. В итоге из десятков арестованных по этому «Кремлевскому делу» были расстреляны двое главных обвиняемых: разведчик Чернявский и сотрудник комендатуры Кремля Синелобов. Остальных рассовали по лагерям и тюрьмам. Арест Чернявского затем повлек по «Кремлевскому делу» и арест сотрудницы Разведупра РККА Раисы Беннет, ранее американской гражданки и коминтерновки, заведовавшей в военной разведке языковой подготовкой сотрудников. Беннет в 1935 году осудили к длительному лагерному сроку, но в разгар Большого террора в 1937 году расстреляли прямо в лагере по новому приговору.

Это тоже был кирпичик в основание страха Сталина перед ударом со стороны собственной госбезопасности. «Кремлевское дело» тоже в истории нашего политического сыска не слишком известно широким массам, его тоже затерло межвременье середины 30-х годов, когда главные фракционные бои в партии уже отгремели, а репрессии 1937 года еще не пришли. К тому же раньше к «Кремлевскому делу» и относились несерьезно, ведь допрашивали и арестовывали по нему лишь обслугу в Кремле: водителей, уборщиц, горничных, библиотекарей, порученцев из кремлевской комендатуры. Хотя и ходили неподтвержденные слухи, что началось оно с неудачной попытки кремлевской библиотекарши Орловой в январе 1935 года пронести в Кремль пистолет для покушения на Сталина. Тогда и закончилось это дело особенно ничем, разве что удвоив страх Сталина даже в самом сердце сосредоточения его власти — кремлевских покоях. Хотя позднее, уже в разгар бойни 1937 года, ниточки от этих арестов кремлевской челяди 1935 года потянут следствием к Ягоде, к бывшему коменданту Кремля из ветеранов ВЧК Петерсону, к секретарю ВЦИК Енукидзе, но это все потом.

С 1935 года Сталин поэтому все больше внимания уделяет своей личной безопасности. Увеличивается количество его охраны и машин сопровождения при выездах. Расстреляв долго возглавлявшего в ГПУ—НКВД отдел своей личной охраны Карла Паукера, расстреляв затем назначенного на этот пост во времена ежовщины опытного чекиста Дагина, только в 1939 году Ста-

лин находит полностью устраивающего его и преданного чекиста Власика, который почти до смерти самого генсека затем будет возглавлять его охрану. Характерно, что заместителем Власика в своей чекистской охране в это же время Сталин по примеру многих восточных деспотов назначит своего земляка и друга детства Александра Эгнаташвили, тот пришел на пост замначальника отдела госохраны НКВД с большим грузинским пополнением, когда в 1938 году на Лубянке утвердился Лаврентий Берия. Этот друг детских лет и сосед по грузинскому городку Гори Эгнаташвили пользовался у Иосифа Виссарионовича особым доверием, Сталин часто бывал у него дома, их отношения можно было бы назвать дружескими, если считать вообще возможным наличие друзей у такого человека, как Сталин.

Опасность заговора среди самой ближней и личной охраны — вообще ахиллесова пята многих даже жестких диктатур с тотальным контролем над обществом и мощной тайной полицией. Сговор маленькой группы заговорщиков из круга личной охраны или даже задуманный охранником-одиночкой теракт очень трудно выявить и пресечь до исполнения. Поэтому какие-нибудь всевластные в своих уделах Чингисиды или Османы, полностью контролировавшие свое население и окружение во власти, закрытые от бунта снизу, иногда становились жертвой одного удара сабли нукера-охранника у своего ханского шатра или шнурка янычара из охраны в собственной спальне. Потому Александр Македонский смог завоевать половину известного ему мира и создать там невиданную ранее по масштабам империю, был почти неуязвим от оппозиции снизу, а группа охранников эйтеров во главе с Гермолаем однажды едва не убила его прямо во время пира. Великого полководца спас только затянувшийся до утра загул, а к утру специально подобранных в одну охранную смену заговорщиков сменили, затем же один из них дрогнул и выдал весь заговор Гермолая царю Александру.

От этих античных времен и до сталинской эпохи протянута нить закономерности: даже задавив на корню любую оппозицию и корчюя инакомыслие любыми неслыханными репрессиями, самый жестокий диктатор остается уязвим со стороны заговора в кругу его охраны и самой тайной полиции. А если

шире — от узкого заговора среди самого близкого окружения во властной элите. Отсюда и вырвавшийся страх Сталина в кремлевском коридоре с охранником из НКВД за спиной. Отсюда и возможные фобии с самострелами в дверях, отсюда и кунаки-земляки в личной охране. Отсюда и та паника Сталина, обуявшая его в июне 1941 года, когда он решил, что ближайшие товарищи пришли его арестовать после начала войны с Германией. И этот страх внутреннего заговора в самой уже отлаженной под репрессии машине НКВД в середине 30-х постоянно подпитывался «реваншистскими» настроениями той ленинско-дзержинской гвардии среди чекистов, кто открыто проявлял неудовольствие новым государственным креном и звал назад, к чистоте революционной идеи.

СРЫВ В ШТОПОР БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

Главные бои с оппозицией на официально-партийном уровне закончились уже к 1928 году, когда фракции были окончательно разбиты, многие фракционеры покаялись, а их вожди отправились в ссылки и изгнания. Но здесь власть Сталина и ее спецслужбы оказалась в той же вырытой ими же яме, в какую в свое время загнало себя Третье отделение российского императора Александра II, которое разгромило все легальные и относительно мирные кружки народников, вогнав оппозицию в подполье и террор. Пока оппозиция проявляла себя легально и требовала себе слово на съездах и пленумах партии, ее относительно легко давили административными методами власти, а ГПУ — еще и оперативными мерами и провокацией. Но, затгнав оппозицию в подполье, Сталин ощутил вскоре еще большую опасность, теперь он не знал, откуда ждать удара и где может созреть заговор против него.

Именно это осознал к 1930 году и Сталин, и явно осознал это задолго до так испугавшего его убийства Кирова — оно уже было для него лишь сигналом к скорой контратаке на все более или менее оппозиционное в стране. Уже к 1929 году на месте столь страшного ранее Троцкого, выгнанного из СССР, на месте здорово ослабленного за границей эмигрантского РОВС и почти

уже забытых таких грозных некогда эсеров начинают появляться все новые неприятели со всех сторон. Уже появился против него в самой партии «правый уклон», недовольный его резкой коллективизацией. Уже ширятся в это время по стране крестьянские волнения, хотя и легко подавляемые армией. Уже в среде самого крестьянства, которому сталинским «великим переломом» объявлена война на истощение, появляются тайные группы сопротивления, как «Правая оппозиция», самовольно прикрывающаяся именем Бухарина без его ведома, как когда-то Пугачев именем покойного императора Петра III. А голод во многих районах СССР в 1931—1933 годах грозит новым сопротивлением и очередной крестьянской Вандеей.

Параллельно потоку самодеятельных стихов и баллад от потрясенных убийством Кирова советских граждан на страницах партийной прессы идет столь же мощный, хотя и невидимый, поток в сводках НКВД сообщений о прямо противоположных продуктах народного творчества, восхваляющих убийц Кирова тем же фольклорным методом стиха и частушки. Опять появляются подпольные союзы меньшевиков, сочувствующих крестьянству народников-экономистов вроде Кондратьева и Чаянова. Растет разномыслица в армии, откуда доносят о баннапартизме Тухачевского. В 1932 году опять раскрыт подпольный центр троцкистов (опять же пока еще настоящих троцкистов, без кавычек, а не самооговаривающих себя «троцкистов» 1937—1939 годов) под началом бывшего героя Гражданской войны и наркома почты СССР Ивана Смирнова, связанного с центром Троцкого в эмиграции. И Сталин начинает понимать, так будет и дальше, по нарастающей. Прошлые административные методы подавления всего этого даже с активным привлечением к делу НКВД ничего не дадут.

Все это кипение котла перед большим взрывом считают размытым между 1932 и 1935 годами. Вряд ли можно точно вычислить, когда рука власти взялась за рычаг стоп-крана, решив покончить с проблемой оппозиции радикально и методами хирургии, да еще с превышением любых лимитов, выжигая для верности все вокруг даже превентивными репрессиями, карая даже семьи хоть сколько-нибудь подозрительных лиц.

Возможно, как иногда считают, этот момент можно отметить в точке написания заместителем Ягоды в НКВД Прокофьевым известной докладной записки для Сталина в 1935 году о том, что уцелевшие в подполье троцкисты и зиновьевцы объединились в одну тайную структуру и последним методом борьбы со Сталиным избрали тайный террор. Возможно, после этого уже стала подниматься виртуальная рука Иосифа Сталина с зажатым в ней маузером ЧК, чтобы начать стрелять сначала избирательно, затем все более остервенело, а затем уже в бешенстве во все стороны и на любой подозрительный шорох. Неудивительно, что при такой пальбе и своих положили массу — того же подписавшего грозное предупреждение о троцкистах замнаркома НКВД Прокофьева. Но решение о такой глобальной чистке явно созревало еще раньше, года с 1932-го этот чекистский маузер власть смазывала и заряжала, пока не взвела курок.

Именно здесь, в начале 30-х годов, власть Сталина и пикирует к Большому террору, подобному якобинской взаимной резне в годы Французской революции. Сталин и его окружение решают, что предотвратить советский Термидор можно только гигантской чисткой всей страны кампанией террора, выбив все сколько-нибудь оппозиционное, да и могущее таковым стать, — в порядке профилактики. Не зря именно в начале 30-х Сталин объявляет свой план «большого скачка», за десять лет любыми средствами преодолеть промышленное отставание СССР от западных капиталистических стран, для «большого скачка» тоже нужна полная монополия его власти и карающий меч НКВД под рукой.

Думаю, что где-то к 1932 году план этой страшной зачистки всей страны Сталиным и его мозговым штабом был вчерне составлен и дорабатывался НКВД уделили в этом жутком покое роль серпа в руках власти, который нужно не забывать подтачивать периодически теми же зачистками всех подозрительных или колеблющихся изнутри. Единой точки отсчета здесь нет, но 1932 год часто называют тем рубежом, когда идея устроить Большой террор была Сталиным и его окружением окончательно сформирована. Приходилось слышать, что отчасти это могло быть связано с самоубийством в этом году супруги Сталина Надежды Аллилуевой, якобы добровольно расставшейся с жизнью

после того, как ее близкий друг Николай Бухарин хотел затянуть и ее во внутрипартийные свары, убеждая в желании Сталина захватить всю власть над страной и выбить ленинскую гвардию. Потому у Сталина к политическим мотивам могла оказаться примешана и личная месть к лидерам уклонистов за самоубийство супруги. Версия, слов нет, романтическая, она даже перекликалась бы с предположением некоторых русских историков, что и Иван Грозный создал опричнину и начал террор внутри страны из-за того, что решил: противники порчей или ядом извели его любимую жену Анастасию. Как проводят иногда параллели между упавшим в Кремле при Иване Грозном большим колоколом, символизировавшим для мистически настроенных россиян начало страшной опричной кампании, и предшествовавшим главным сталинским репрессиям разрушением храма Христа Спасителя в Москве. Хотя колокол в Кремле при Иване упал сам, словно действительно являясь предзнаменованием большой беды, а храм в центре Москвы крушили волевым решением той же власти, уже решившей для себя вопрос начала массовых репрессий.

Кажется все же, что Сталиным в его репрессивном походе двигали совсем другие мотивы, чем месть Бухарину и его сторонникам за самоубийство жены, хотя это решение о хирургической стерилизации всей страны для собственной власти он и принял где-то в 1932 году. Даже если самоубийство супруги носило бытовой характер и никак не было связано с процессами борьбы за власть в СССР. Не зря же все создание заговора «троцкистско-зиновьевского блока» Сталин всегда отмерял с 1932 года, от этого отталкивались все большие срежиссированные им процессы. И Ягоду он изгонял поначалу с поста наркома в НКВД в 1936 году с той же присказкой: «Опоздал с разоблачением врагов минимум на четыре года!», то есть опять возвращался мыслями в год смерти супруги.

Многие даже паспортную реформу 1933 года в СССР считают такой технической подготовкой к гигантской операции. Ведь до того паспортов у большей части советских граждан просто не было, их заменяли удостоверения личности. А тот «серпастый и молоткастый» и прославленный стихами Маяковского еще в 1929 году советский паспорт был заграничным паспортом,

имевшимся у очень маленького количества «выездных», до поголовной паспортизации Страны Советов сам имевший такую книжечку в кармане певец советского паспорта не дожил, сведя счеты с жизнью. А вот постановление ВЦИК и Совнаркома от 27 декабря 1932 года об установлении единой системы паспортов по всему СССР и о введении института прописки позволило с 1933 года набросить органам на страну новую и очень жесткую сеть контроля за местонахождением и перемещением граждан, дожившую с модификациями до конца Советского Союза. Эта же паспортная реформа лишала паспортов миллионы колхозников, ограничивая их передвижение по стране. Все это ужесточало внутренний режим в Советском Союзе и облегчало работу госбезопасности, и эту реформу с паспортами 1933 года многие тоже полагают техническим приемом подготовки к кампании 1936—1939 годов.

Дальнейшее нам известно: к 1934 году под этот проект создается машина НКВД, в конце того же года в руки власти падает предлог к зачистке и ее идейному оправданию из-за выстрела в Кирова в Смольном. В 1935 году идут первые большие аресты, в 1936 году — первые большие судебные процессы, причем вслед за Зиновьевым и Каменевым уже в 1936 году расстреляно несколько сотен человек, арестованных ранее по политическим делам, но до старта этой кампании государственного террора поначалу осужденных только к тюремному заключению.

В том же 1935 году прошла еще одна прелюдия канонады Большого террора — операция «Бывшие люди». НКВД по всей стране, а особенно в Москве и Ленинграде, арестованы и репрессированы тысячи «бывших» старого царского режима: офицеры, полицейские чины, дворяне, священники, чиновники царских времен, а многие из них были уже в очень преклонном возрасте и никакой опасности для советской власти явно не представляли.

В этом плане 1935 год представляет трамплин для окончательного прыжка в омут Большого террора. Недаром уже в декабре 1934 года власть специальным постановлением ВЦИК СССР вносит важные изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик в составе СССР. Теперь сокращены сроки следствия и вручения обвинения по де-

лам о «террористах», разрешено заслушивать дела без участия обвиняемых, а сами обвиняемые лишены права после вынесения им приговора обжаловать его в кассационном порядке и просить о помиловании, смертные приговоры же надлежит приводить в исполнение немедленно по их вынесении.

А в 1937 году кровавое колесо завертелось вовсю, и вместо якобинской гильотины щелкали чекистские револьверы по подвалам и закрытым спецобъектам. С прагматической точки зрения Сталин и его власть избежали на отведенном им историческом участке Термидора, в отличие от Робеспьера с товарищами, сами они под нож своей же гильотины не пошли и советскую власть в СССР удержали. Но сделали это они ценой истребления значительной части своей же партии и своей властной элиты, и НКВД почувствовал весь этот процесс на себе, потеряв в своих рядах большинство той же ленинско-чекистской гвардии. Но поскольку Сталин и сталинцы, что бы о них сейчас ни говорили иные «истинные ленинцы», были все же убежденными коммунистами в идейном плане, то сталинский Большой террор сам Термидором все же не был, Сталин считал его последней мерой защиты от этого Термидора и гибели советской власти. И следовал он тем же путем в своем спасении наследия Октября в стране, какой ему указал «красным террором» его учитель Ленин.

Так что Большой террор конца 30-х годов вытекал напрямую из этого десятилетия глухой возни и противоборства фракций и течений внутри партии, внешне менее драматических и сегодня во многих деталях подзабытых. Как бы ни был он ужасен по своей сути, он не являлся внезапной вспышкой сталинской тирании или неожиданно затеянной кампанией, к этому плавно шла советская власть все первые двадцать лет своей жизни в своих внутренних колебаниях и межфракционных склоках. Настало время признать эту большую бойню 1936—1939 годов закономерным итогом всей советской истории с 1917 года, и, похоже, она произошла бы и без личности Сталина наверху этой властной пирамиды, и даже в случае оседлания ее каким-то образом кого-то из противников Сталина в партии типа Троцкого, Бухарина или Зиновьева. Большой террор стал развязкой той фракционной борьбы, которая среди победивших большевиков

началась еще в 1918 году при Ленине на волне споров о Брестском мире или о тактике «военного коммунизма». Собственно говоря, главный мотив всей внутренней политики и политической борьбы в СССР в 20—30-х годах — это борьба фракций в партии, и ГПУ—НКВД оказались в самом ее водовороте, а затем и на острие репрессий, и под самым острием.

В этом смысле заметно в Большой террор внутреннее перерождение НКВД, к тому же заметно обновляемого в кадровом плане отстрелом старой гвардии с опытом первой ВЧК и партийно-комсомольским призывом туда свежей крови. Время дзержжинского поколения в советских спецслужбах на песочных часах истории бежало своей струйкой стремительно, уходя в прошлое на глазах, уступая дорогу зарождающемуся племени бериевцев. Такой своеобразной и отчасти самоубийственной зачисткой самой себя, когда периодически по плану и целыми обоймами зачищали собственное руководство и целые пласты рядового состава, советская система спецслужб завершила свой первый довоенный период к 1940 году.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Становление СССР и система его спецслужб	5
Глава 2. Первые годы жизни ГПУ	12
Глава 3. Дело «Треста» и другие внешние операции	68
Глава 4. Смена караула на Лубянке	144
Глава 5. Роль личности в спецслужбах — V «Нарком из завхозов» (Г.Г. Ягода)	151
Глава 6. Большой террор приближается	165
Глава 7. Специальные акции за рубежом	181
Глава 8. Загадка Коминтерна	247
Глава 9. Большая бойня	281
Глава 10. Спецслужбы и власть в СССР в 1923—1940 годах	346

Игорь Симбирцев
СПЕЦСЛУЖБЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СССР
1923—1939

Ответственный редактор *Л.И. Гасбо́вская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.Н. Должикова*

Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.07.2008.
Формат 84×108¹/₁₂. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 21,72.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4600

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» — www.centropoligraf.ru

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ	
От кого	Ивановой Г.П.
Откуда	г. Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5
<div>Почтовый индекс</div> <div>680011</div>	
Кому	«Центрполиграф»
Куда	г. Москва, а/я 18
<div>Почтовый индекс назначения</div> <div>111024</div>	
<div>ПОЧТА РОССИИ</div>	

Подделка государственного почтового перевода преследуется по закону © Издательство «Москва-Москва» Россия 2002. 3 171546 00007

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

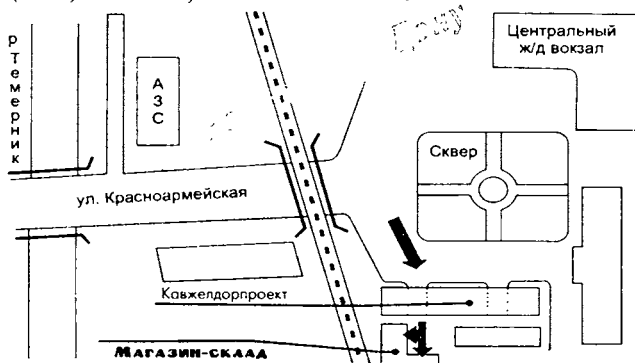
К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на ваше понимание.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

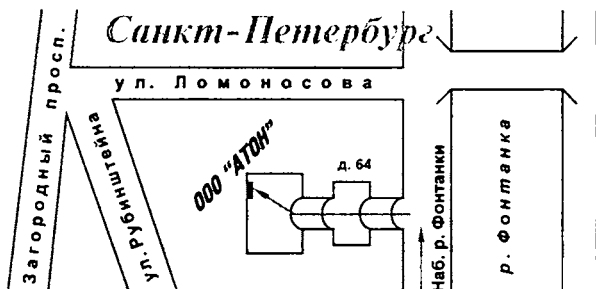
Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел),
тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО "АТОН". Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net

ИГОРЬ СИМБИРЦЕВ

СПЕЦСЛУЖБЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СССР 1923–1939

В своей книге Игорь Симбирцев рассказывает о том периоде советских органов разведки и государственной безопасности, который уложился между двумя войнами: Гражданской и Великой Отечественной. Автор открывает малоизвестные детали нашедших операций этого времени, обнажая механизм «создания» новых антисоветских организаций: «Синдикат-2» и «Трест».

Впечатляет трагическая картина массовых репрессий ГПУ против православной церкви и вереница странных, овеянных слухами смертей известных людей — Ленина, Фрунзе, Есенина, Котовского и многих других. Тридцатые годы — в истории ГПУ, а затем и НКВД СССР — поделили страну на еще относительно «мирные» 1930—1936 годы, и наступившее вслед за ними время больших репрессий 1937—1939 годов. Симбирцев сумел показать, как под контролем органов госбезопасности перестраивалась огромная империя ГУЛАГ, чтобы с началом большой чистки принять миллионы политзэков и пропустить их через свои жернова.

ISBN 978-5-9524-3838-5

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

СПЕЦСЛУЖБЫ СССР 1923–1939
ПЕРВЫХ ЛЕТ

И. СИМБИРЦЕВ

